

Иркутский государственный университет
Исторический факультет
Лаборатория истории исторического образования и науки
в Восточной Сибири

ИСТОРИКИ О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО

*Исторический факультет
Иркутского госуниверситета
в воспоминаниях преподавателей
и выпускников*

Иркутск
Отиск
2018

УДК 373
ББК 74.584 (2 Рос-4 Ирк)
И 90

Редакционная коллегия:

С. И. Гольдфарб, Л. М. Дамешек, Ю. А. Зуляр, А. А. Иванов,
С. И. Кузнецов, В. П. Шахеров

Ответственный редактор и составитель: д.и.н., проф. В. П. Шахеров

Составление списка профессоров:

д.и.н., проф. Ю. А. Зуляр, д.и.н., проф. И. С. Кузнецов

Историки о себе и не только: исторический факультет Иркутского государственного университета в воспоминаниях преподавателей и выпускников / Сост. В. П. Шахеров. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – 360 с.

Сборник воспоминаний посвящен 100-летию исторического факультета Иркутского государственного университета, первенца исторического высшего образования в Восточной Сибири. Предназначен для специалистов-историков, студентов, магистрантов и аспирантов исторических факультетов вузов региона, выпускников факультета и всех интересующихся историей высшего образования и науки в Сибири.

ISBN 978-5-6041444-5-9

© Коллектив авторов, 2018
© Изд-во «Оттиск», 2018

Содержание

«История – учительница жизни!»	5
Введение	6

Часть 1. «О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух...»

<i>И. И. Кузнецов.</i> Студенческие годы	11
<i>В. П. Олтаржевский.</i> Воспоминания студента-«пятидесятника»	22
<i>В. П. Яговкин.</i> Высокий просвещенья дух: воспоминания о студентах исторического отделения 1961–1966 гг.	29
<i>Т. А. Ростовцева.</i> Старые фотографии. Воспоминания об историческом отделении ИГУ (1961–1966 гг.)	39
<i>Н. М. Лаптев.</i> Самое лучшее десятилетие моей жизни принадлежит ИГУ	48
<i>В. П. Олтаржевский.</i> Оглядываясь назад... Начало работы в университете	61
<i>Л. Я. Подольская.</i> Воспоминания об учебе на историческом отделении Иркутского университета в 1955–1965 гг.	71
<i>А. В. Дулов.</i> Воспоминания о преподавателях исторического факультета.	82
<i>Н. М. Лаптев.</i> Иркутские «потомки Геродота» (к вопросу об иркутской исторической школе)	100
<i>Г. В. Оглезнева, Л. В. Шапова.</i> Лаборатория истории Сибири ИГУ	109
<i>Л. В. Курас.</i> По волне моей памяти	119
<i>А. А. Иванов.</i> Из опыта расширенной автобиографии.	128
<i>Л. В. Кальмина.</i> Уроки исторического факультета	138
<i>В. М. Кадневский, В. М. Поляков, А. М. Бородин.</i> Из воспоминаний историков, выпускников 1968 года	147
<i>Т. П. Кальянова.</i> Исторический факультет Иркутского государственного университета: образование и жизнь в 1970-е гг.	152

Часть 2. «Учителей своих не позабуду. Учителям своим не изменю»

<i>В. А. Гаврилов.</i> Так карта легла – советская...	169
<i>Г. И. Медведев.</i> Аксенов Михаил Петрович – археолог, учитель, человек (путь от студента до доктора наук)	172

<i>Л. Я. Подольская. Педагог и воспитатель</i>	178
<i>Материалы заседания «круглого стола» «Профессор Ф. А. Кудрявцев – патриарх сибирской исторической школы»</i>	192
<i>А. А. Иванов. «... Любящий Вас Б. Кубалов»</i>	204
<i>Л. В. Курас. За далью даль</i>	215
<i>А. В. Шободоева. «Русская правда» Александра Станиславовича Маджарова.</i>	223
<i>Б. С. Шостакович. Парадоксы профессора Г. Н. Новикова</i>	226
<i>Ю. А. Петрушин. Он ушел в историю</i>	231
<i>В. П. Шахеров. Уроки жизни с В. П. Олтаржевским</i>	236
<i>Б. С. Шостакович. Педагог и ученый, продолжатель традиций Иркутской школы историков</i>	240
<i>И. В. Наумов. Небольшие воспоминания о юбиляре.</i>	249
<i>А. А. Иванов. Б. С. Санжиев: несколько юбилейных зарисовок</i>	252
<i>Л. В. Курас. Он опережал время</i>	261
<i>Е. И. Лиштованный. Слово о научном руководителе</i>	268
<i>Ю. А. Петрушин. Университеты в судьбе историка. К 70-летию со дня рождения доцента Н. К. Струка</i>	273
<i>Л. М. Дамешек. Слово об учителе (Мои встречи с Виктором Григорьевичем Тюкавкиным)</i>	276
<i>А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин. Болеслав Шостакович: субъективные наброски к портрету старейшего редактора «Сибирской ссылки»</i>	280
<i>Б. С. Шостакович. Мои наброски к будущему мемуарному портрету Сергея Владимировича Шостаковича</i>	290
<i>А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин. Рядом с учителем и другом. К 80-летию со дня рождения Н. Н. Щербакова</i>	296
<i>Т. П. Кальянова. Слово об учителе.</i>	306
<i>Профессора-историки иркутского университета</i>	311

«История – учительница жизни!»

Иркутский университет отметил свое столетие. Столетие отметил и старейший факультет – Исторический. Он традиционно считается одним из самых сильных не только в Сибири, но и в России. Свидетельство тому – известные выпускники, уникальные исследования, научные школы, журналы, монографии, экспедиции, которые создают глубинные гуманитарные знания. Сегодня выпускники исторического факультета более чем успешно работают во власти, в вузах, в образовательных учреждениях, возглавляют научные коллективы, производят новые знания...

С большим интересом познакомился с воспоминаниями известных историков об историках. Интересно, познавательно, поучительно. Очень надеюсь, что наш замечательный читатель найдет для себя в этом номере журнала, который открывает «Библиотеку «Краеведа Приангарья», много полезного. Это ведь Наша История, Наша Страна, Наша жизнь. Наверное, символично, что именно историки составили первый выпуск «Библиотеки». «История – учительница жизни», – сказал Цицерон. Будем учиться на примерах, будем стараться брать все лучшее от наших учителей, от тех профессоров, которые своим повседневным трудом смогли доказать: есть «Область бескорыстия», есть непроходящие ценности, есть связь поколений.

Поздравляю всех, кто причастен к Иркутскому государственному университету, первенцу высшего образования в Восточной Сибири! Пусть открытия сопутствуют вам всегда и во всем! В добрый путь во втором столетии.

*Н. П. Николаев,
Председатель комитета Государственной Думы
Федерального собрания Российской Федерации
по природным ресурсам, собственности
и земельным отношениям*

Введение

История высшего исторического образования в Восточной Сибири неразрывно связана с Иркутским государственным университетом. Среди его первых двух факультетов, начавших занятия со студентами в октябре 1918 г., был историко-филологический, на историческом отделении которого преподавали известные ученые-гуманитарии: профессора М. М. Рубинштейн, И. Г. Франк-Каменецкий, Н. Д. Миронов, Б. Э. Петри, Б. Г. Кубалов и другие. Первым деканом историко-филологического факультета был избран профессор В. И. Огородников.

Факультет вместе с университетом прошел все испытания, выпавшие на долю страны, неоднократно преобразовывался, становясь базой для открытия новых гуманитарных факультетов и институтов, которым передавал свои традиции и кадры. Но на всех этапах развития он отличался профессиональным преподавательским составом и высоким уровнем образовательного процесса. Традиции, заложенные отцами-основателями факультета, были продолжены крупнейшими сибирскими историками и педагогами М. А. Гудошниковым, Ф. А. Кудрявцевым и С. В. Шостаковичем, а в позднее их учениками и последователями: В. Т. Агалаковым, И. И. Кузнецовым, С. Ф. Ковалем, Н. Н. Щербаковым, В. В. Яровым, Г. И. Медведевым, В. П. Олтаржевским и другими. Многие из них уже стали историей. Ими закладывались и приумножались традиции Иркутской исторической школы, как в плане постановки и развития научных направлений, так и собственно исторического образования. Подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава были выпускниками факультета. Во многом благодаря этому на факультете сложились удивительный дух взаимопонимания, наставничество, корпоративные традиции, поддерживаемые десятилетиями. И в настоящее время, несмотря на проблемы, коллектив факультета продолжает сохранять историческую преемственность, готовит новые кадры специалистов, продолжает развивать и совершенствовать историческую научную школу. Высокий научно-педагогический потенциал дает основание историческому факультету Иркутского университета, наряду с Новосибирском и Томском, занимать ведущее место в Сибири.

Предлагаемая вашему вниманию книга составлена из воспоминаний выпускников исторического факультета и посвящена 100-летию исторического образования в Иркутске. К сожалению, до настоящего времени отсутствуют сколько-нибудь цельные обобщения исторического опыта

подготовки кадров историков и обществоведов в ведущем университете региона, как, собственно, и история исторического факультета. В результате недостаточно полно изучены положительные результаты и механизмы развития профильного образования на различных этапах истории нашего государства, кадровый потенциал историков региона, формирование научных направлений и школ, эффективность научно-исследовательской деятельности кафедр факультета, научный вклад наиболее ярких представителей иркутской исторической науки. За годы существования факультета его окончили тысячи студентов, многие из которых достойно представляли и представляют «ALMA-MATER» в сфере образования, науки, культуры, государственного управления.

Значительное количество разнообразного материала по истории факультета и его преподавателей хранится в архивах и музеях города, в семейных собраниях работников факультета и у его выпускников разных лет. Собрать и обобщить эти материалы является делом чести факультета, долгом перед памятью наших учителей и коллег, которых уже нет с нами, перед сегодняшними и будущими студентами факультета. Созданная в результате база данных позволит помочь в подготовке изданий по истории факультета, а в перспективе создать собственный музей. Одним из этапов создания будущего архива истории факультета должна стать книга воспоминаний. В ней собраны воспоминания, как ранее опубликованные в различных научных журналах и сборниках, посвященных юбилейным датам профессоров факультета, так и специально написанные к 100-летию факультета.

История вуза – это во многом история его выпускников. Их воспоминания, как машина времени, способны увести читателя как на многие годы назад, так и в ближайшее прошлое. Воспоминания – это не только бесстрастная фиксация событий прошлого, это и возможность высказать слова благодарности учителям, вспомнить свою молодость, тот дух эпохи, которым в разные исторические периоды жила страна, определить верность своему призванию. Они всегда субъективны, однако это не уменьшает их значимости как исторического источника, так как они несут определенный отпечаток времени, о котором повествует человек, передают его настроения и рефлексии, понимание автором прошедшей действительности и его историческое самосознание, опирающееся на общественные взгляды и политическую позицию.

Книга разделена на две части. В первую включены воспоминания выпускников разных лет о годах учебы на факультете, своих однокурсниках, и, конечно, о преподавателях. В них приводится немало фактов о внутренней жизни факультета, общественной и научной деятельности преподавателей и студентов. Во второй части представлены воспоминания о преподавателях и сотрудниках факультета. Они более конкретны, как правило, написаны людьми, близко знавшими своих коллег и учителей, поэтому раскрывают не только их служебные характеристики, но и совокупность аспектов личных интересов и качеств. Собранные в книге воспоминания далеко не исчерпывают различные направления жизни факультета и касаются лишь

наиболее известных и любимых преподавателей, но они все пронизаны теплыми словами благодарности к своему месту учебы и к тем людям, с которыми авторов связывал учебный процесс. Они свидетельствуют о том, каким видели факультет и его преподавателей студенты прошлых лет, как университет повлиял на их собственную жизнь. «Мчи меня, память, крылом не стареющим...», – писал в свое время русский философ и поэт В. С. Соловьев. Хотелось бы надеяться, что после знакомства с собранными здесь воспоминаниями и у вас, уважаемые читатели, возникнет потребность поделиться впечатлениями о своей студенческой молодости, однокурсниках и любимых преподавателях.

В. П. Шахеров

Часть 1
**«О сколько нам открытий чудных
готовит просвещенья дух...»**

И. И. Кузнецов

Студенческие годы

Вот и окончен 9-й класс. 1925-й, год моего рождения, еще не подлежал призыву в армию. Передо мной встал вопрос, что делать дальше: продолжать учебу или идти работать. За второй вариант было тяжелое материальное положение семьи. Матери было тяжело содержать нас, но все-таки по совету отца, который проходил службу в рабочем батальоне на реконструкции завода имени Куйбышева (он 1895 года рождения, имел ранение в Первую мировую войну и не подлежал призыву), я решил продолжать учебу. А тут как раз в газете появилось объявление, что Иркутский госуниверситет организует 3-месячные курсы для получения среднего образования и поступления в университет. Руководство вуза, видимо, было очень обеспокоено, как набрать студентов на 1942-й учебный год.

И вот, без всякого перерыва на отдых, мы с однокашником Виктором Агалаковым поехали в город и оформились на эти подготовительные курсы. Занятия продолжались с июля по сентябрь включительно, нагрузка была огромная. Но следует сказать, что организация учебы была на довольно высоком уровне. По окончании курсов мы получили аттестат о среднем образовании.

Занятия в университете начались не с сентября, а с октября 1942 г., ибо студенты находились на сельхозработках, на рыбной ловле на Байкале и других работах, связанных с военным временем. Наш первый курс историко-филологического факультета был небольшим, человек 20, в основном девушки. Факультет открылся лишь в 1940 г. после долгого перерыва (он существовал с октября 1918 г. до 1930 г., а потом был упразднен), и поэтому на историческом отделении были к 1942 г. лишь два курса. Второкурсников и третьекурсников было еще меньше, так как мужская часть населения была призвана в армию, да и некоторые из девушек. Так как университет перешел на 4-летнее обучение, лекции мы часто слушали вместе с второкурсниками. В годы войны педагогический коллектив университета пополнился эвакуированными из центральных и западных вузов преподавателями.

Так, историю древнего мира читал крупный специалист, доктор исторических наук Яков Соломонович Лурье. Из Львова приехал кандидат исторических наук, профессор Иван Иванович Белякевич. Он читал новейшую историю. Часто он выступал в городе с лекциями о международном положении. После войны он вернулся во Львов, защитил докторскую диссер-

Я. С. Лурье

тацию. Это был весьма энергичный, эрудированный человек среднего возраста. Историю искусств читала приехавшая из Ленинграда искусствовед Штокмар. Она много интересного рассказала нам об исторических памятниках Ленинграда и его окрестностей.

Но более всех запомнилась преподаватель новой истории Алевтина Федоровна Остальцева – человек глубоких знаний, неброской внешности, она вела занятия как-то

по-домашнему. Заслугой ее было детальное изучение нами исторических источников. Она заставляла глубоко вникнуть в содержание источника, раскрыть его значение для изучения эпохи той поры. Сидя на стуле и нещадно дымя папирасой, Алевтина Федоровна задавала наводящие вопросы, комментировала те места источника, которые оставались вне поля зрения докладчика. Так, с большим удовольствием мы слушали доклад моего однокашника Виктора Агалакова о книге Гегеля «Наука логики» и глубокий анализ А. Ф. Остальцевой его доклада. Эти практические занятия научили нас многим ценным качествам историка. После войны А. Ф. Остальцева вернулась в Воронеж, стала доктором исторических наук и долго преподавала там в университете.

Из местных преподавателей особое значение в судьбе нашего курса сыграли Моисей Андреевич Гудошников, Федор Александрович Кудрявцев и Сергей Владимирович Шостакович. М. А. Гудошников – участник Гражданской войны, окончил Институт красной профессуры вместе с будущим академиком А. М. Панкратовой. В Иркутск он приехал уже сложившимся ученым и педагогом, имевшим ряд серьезных работ по истории архангельского Севера. С 1940 г. М. А. Гудошников возглавил кафедру истории СССР университета и одновременно оставался заведующим такой же кафедрой и в пединституте. К сожалению, его не обошла полоса репрессий. В 1938 г. он попал в иркутскую тюрьму, был обвинен по статье 58, но в 1939 г. был выпущен на свободу «без предъявления обвинений». В тюрьме он настолько похудел, что костюмы, которые он носил прежде, были ему великоваты и сидели на нем мешковато. Но тюрьма нисколько не отразилась на его поведении и взглядах. Это был смелый, самостоятельно мыслящий, глубоко эрудированный в истории человек. Когда накануне войны в обществе стал проявляться интерес к отечественной истории, после выхода учебника А. В. Шестакова для начальных классов по истории СССР, М. А. Гудошников часто выступал по радио и в областных газетах «Восточно-Сибирская правда» и «Советская молодежь» со статьями и беседами на исторические темы

Таким образом, еще до университета я заочно познакомился с ним. В 1941 г. в МГУ он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Общественно-политические взгляды Ядринцева». Лекции М. А. Гудошников читал, можно сказать, блестяще. Глубина фактического материала сочеталась со смелыми, оригинальными мыслями. Своими рассказами об известных эпохах истории в нашей стране он буквально увлекал слушателей, заставлял переноситься в те времена, переживать события вместе с их участниками. Никакими записями он не пользовался. Память у него была феноменальная. Студентка следующего за нами курса Ирина Якубова рассказывала, что раз студенты не дождались М. А. Гудошникова на лекцию, пошли к нему домой, а жил он недалеко, на углу ул. Ленина и Горького (дом этот ныне снесен, на его месте соорудили бюст Максиму Горькому), и встретили его по дороге, идущего в баню с веником и бельем! Он не уследил за расписанием, которое часто менялось, и не знал, что у него в эти часы занятия. Без лишних слов Моисей Андреевич пошел со студентами в аудиторию, поставил веник в угол, спросил: «На чем мы с вами остановились?» и начал лекцию. Событием в жизни города была публичная лекция М. А. Гудошникова «Иван Грозный», прочитанная для интеллигенции города во время войны.

Ф. А. Кудрявцев работал в областном государственном архиве. Архивист с большим стажем, он прекрасно знал фонды местного архива. На их основе он написал ряд интересных и оригинальных работ. Его перу принадлежит «История бурят-монгольского народа», вышедшая в Ленинграде в 1940 г. и заслужившая высокую оценку академика Е. М. Ярославского в «Правде» и члена-корреспондента С. В. Бахрушина в «Историческом журнале». Образцом умелого и глубокого использования архивных источников служат его работы «Восстание крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в.» (1939 г.), «От казачьего зимовья до Советского Иркутска. Очерки истории города (для юношества)» (1940 г.).

Ф. А. Кудрявцев активно сотрудничал с областной пионерской газетой «За здоровую смену». Там меня и познакомили с ним еще в 1939 г. Когда я напечатал в трех номерах газеты исторический очерк «Поселок Ленино»,

Профессора исторического факультета ИГУ
Ф.А. Кудрявцев (слева), И.И. Кузнецов (справа).
1960-е годы

Ф. А. Кудрявцев очень заинтересовался автором и стал оказывать мне помощь в публикации в газете статей на исторические темы. Иногда он даже давал мне свою рукопись с просьбой сократить и видоизменить и дать в редакцию под своей фамилией. Так появились мои статьи о революции 1905 года, о Ленских событиях и другие. С точки зрения авторского права это было не совсем нормально. Но Ф. А. Кудрявцев, отличаясь весьма благодушным характером, стремлением как-то помочь начинающим молодым историкам, шел и на это. Мне неоднократно приходилось бывать в 1940–1942 гг. у него дома, в деревянном одноэтажном небольшом особняке на улице Свердлова.

И вот теперь он стал моим официальным учителем. Читал Ф. А. Кудрявцев курс источниковедения и спецкурс «История Сибири». Нельзя сказать, что неинтересно, но несколько суховато. Значительно большее значение имели его полезные советы по использованию архивов, литературы, которые он давал в ходе руководства курсовыми, а затем дипломной работой. Здесь он уже был мастером своего дела. В 1942 г. Ф. А. Кудрявцев защитил кандидатскую диссертацию на Ученом совете нашего факультета и полностью перешел на работу в университет. Как и М. А. Гудошников, он подвергся репрессиям. В мае 1937 г. был арестован. Ему вменяли статью 58-6 п. 10-1 Уголовного кодекса РСФСР. На допросах ему задавали вопросы о связях с китайским консулом в Иркутске, о знакомстве с известным археологом Б. Э. Петри. Только в январе 1938 г. уголовное дело в отношении него было прекращено.

Арест очень подействовал на Ф. А. Кудрявцева. Он старался избегать самостоятельных суждений, стал чрезвычайно боязливым, что приводило его к ненужным умолчаниям, недоговоренности, сглаживанию конфликтов. Так, в своей книге «Иркутск», изданной в 1947 г., он совершенно обошел молчанием восстание чехословацкого корпуса в Сибири на том основании, что Чехословакия стала дружественной, братской нам страной. Но нельзя было отказать Ф. А. Кудрявцеву в невероятном трудолюбии, энергии. Он пользовался любым моментом, чтобы что-то писать: и во время перерывов между лекциями, на кафедре, и во время каких-то заседаний, даже в поезде, направляясь на очередную научную конференцию. Ф. А. Кудрявцев своей бескорыстной, постоянной опекой помог стать на ноги не одному поколению историков Иркутска и Сибири. Его научное наследие ждет еще своего достойного исследователя и всесторонней оценки. В разгар Великой Отечественной войны, 21 июля 1942 г., он защитил кандидатскую диссертацию. На защиту была представлена монография «История бурят-монгольского народа». С 14 августа 1943 г. Ф. А. Кудрявцев был утвержден доцентом кафедры истории СССР.

С. В. Шостакович преподавал на нашем отделении, по совместительству работая в педагогическом институте. Затем он полностью перешел в университет, где возглавил кафедру всеобщей истории. Это был блестящий лектор, знаток истории Древнего мира, стран Востока. Никак не могу забыть, как он четко нараспев выговаривал имена римских консулов или

деятели Древнего Востока. Студенты одно время даже его прозвали «Хаммурапи», так понравилось им произнесенное преподавателем имя вавилонского царя.

Когда началась война, С. В. Шостакович стал собирать вырезки из газет о действиях советских партизан, задумал написать научную работу. Но затем заинтересовался проблемой юридической ответственности гитлеровцев за свои злодеяния, чинимые на оккупированной территории. В 1944 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Исторические корни отрицания германским фашизмом общепринятых законов и обычаев войны», а затем стал доктором исторических наук (1962 г.).

На первом курсе историю СССР у нас вел молодой, способный, можно даже сказать, талантливый преподаватель Евгений Пантелеймонович Силин. Он дал нам глубокие знания по истории древних славян, истории Киевского государства, периоду образования русского централизованного государства. Но, к сожалению, вскоре Е. П. Силин заболел туберкулезом. Уже будучи больным, он написал прекрасную работу «Кяхта в XVIII веке», которую защитил в качестве кандидатской диссертации. Очень жаль, что так рано оборвалась жизнь этого незаурядного человека.

Педагогику и психологию преподавали нам два пожилых профессора Михаил Васильевич Одинцов и Михаил Федорович Беляев. Первый был в свое время профессором богословия. Среди студентов ходили разговоры, что докторской диссертацией его якобы была тема «О непорочном зачатии девы Марии». Насколько это верно, не знаю. Но педагогику он знал прекрасно. Типы уроков, поведение преподавателя при опросе, рассказе нового, постановке задач в его изложении выглядели прямо-таки объемно.

Историю партии вел сам ректор – профессор Николай Степанович Шевцов, физик по специальности. Интеллигентный, немногословный, он приходил на лекции с томиками Ленина и читал из них выдержки, комментируя и заостряя внимание на главных моментах. Но слишком уж гладкой выглядела история Коммунистической партии в его изложении, строго официальной. В 1945 г. профессора Н. С. Шевцова перевели в комитет по делам высшей школы. Ректором стал геолог, доцент Т. Т. Деуля.

Деканом нашего факультета был Георгий Васильевич Тропин. Читал он нам введение в языкознание. Особо он ничем не блистал, говорил правильно, но как то слишком слащаво. С большим трудом он «высидел» в 1943 г. диссертацию «Говор села Введенщины», стал доцентом, а затем профессором. Но ни одной серьезной работы, к сожалению, не создал, не написал и хотя бы небольшой брошюры. Зато очень любил выступать на различных заседаниях и собраниях, поучать и воспитывать. Впрочем, нас, студентов, он особенно не прижимал.

Секретарем факультета работала Елена Александровна Петрова – жена доцента кафедры марксизма-ленинизма Л. А. Петрова, ушедшего в 1941 г. в армию. Она осталась одна с маленьким сыном. Очень внимательная к студентам, вежливая, культурная, но в то же время деловая, Е. А. Петрова за-

болела в результате военных невзгод и рано скончалась. Лев Александрович Петров, защитивший еще в 1940 г. кандидатскую диссертацию о философских взглядах первого бурятского ученого Доржи Банзарова, вернулся из армии в 1945 г. Нам пришлось слушать его лекции по философии. Привыкший громко говорить на солдатских митингах, перед многочисленной аудиторией в ЗабВО, он буквально оглушал нас своим слегка картавым голосом. Но по содержанию его лекции были умны и доступны. Я сравниваю уровень его преподавания с преподаванием истории философии одним из секретарей Иркутского обкома ВКП(б) – Николаевым. Никакого сравнения! Николаев распекал известных философов как провинившихся районных партийных работников, каждому обязательно предъявляя современные претензии. «Могуществом боженки они объясняли мир», – часто повторял он.

Занятия в университете начинались в 9 часов. Так как я жил в Иркутске-2, надо было вставать часов в 6, спешно завтракать и бежать на «передачу» (так почему-то назывались пригородные поезда – прообраз нынешней электрички) на 7.30 утра, а потом, уже в городе, совершать неблизкий путь от железнодорожного вокзала до университета через Ангарский мост. Особенно нелегко было преодолевать этот путь, занимающий 30-40 минут, в зимние дни, когда температура опускалась до минус 30-40 градусов, неприятно было шагать по мосту в утреннем тумане при пронизывающем ветре. Когда Ангара замерзала, можно было двигаться напрямик по льду реки, не заходя на вокзал, и тогда путь сокращался вдвое. Трамвая в те годы еще не было, а автобусы ходили столь редко по маршруту предместье Марата – вокзал, что дожидаться их на морозе было опасно, можно было просто замерзнуть.

Придя в университет, понемногу отогревались. В здании бывшего «института благородных девиц», в котором тогда помещался почти весь университет, была своя котельная, но на угле экономили, и нередко приходилось заниматься в пальто. За время пути от вокзала до университета замерзали чернила в непроливашке, которую приходилось носить с собой, поэтому нередко лекции приходилось писать карандашом. Не было и писчей бумаги, тетрадей. Я обычно срывал старые объявления в университетском корпусе и из них делал своеобразные тетради. К счастью, на газетах не приходилось писать, хватало различных объявлений и плакатов. К середине занятий хотелось уже есть, а к их окончанию голод уже давал о себе знать. С собой из дома бутерброды брать не приходилось. Их просто не из чего было делать. Хлеба не хватало. Хорошо, что профком снабжал студентов различными бесплатными талонами на питание в нашей столовой, находящейся во дворе фундаментальной библиотеки (ныне на этом месте построен административный корпус ИГУ). Талоны назывались «ВДП» – второе дополнительное питание или «УДП» – усиленное дополнительное питание. На них можно было получить одну или две миски с галушками. Сольешь обезжиренную воду и глотаешь с аппетитом горячие галушки из теста, да

запиваешь чаем. Лучшего и желать не приходилось, ибо кроме этого ничего и не было.

Конечно, одеты мы, студенты, были кто во что горазд. Мне приходилось, когда поизносилось зимнее пальто, доставшееся от старшего брата Ивана, надевать осеннее и поверх него еще и телогрейку, чтобы не замерзнуть. Секретарь комитета комсомола Женя Сельдешев как-то в шутку назвал меня «капустой» – оделся как капуста. Профком ничем не мог помочь в эти голодные и холодные годы. Только однажды, где-то в 1944 г., мне выделили суконный костюм (гимнастерка и брюки галифе). Но в магазине, на углу улиц Коминтерна и Подгорной, где мы обычно отоваривали продуктовые студенческие карточки, моего размера не нашлось, поэтому почти два года – 1944 и 1945 – пришлось щеголять в большом не по росту костюме, но и тому я был, конечно, рад. Тогда же, когда получал этот костюм, встретил в магазине председателя нашего студенческого профкома и студента нашего отделения Виктора Стрельцова. Пришедший с фронта без руки, он, держа в зубах край мешка, одной рукой ловко набивал его вещами, надо полагать, тоже выделенными ему в профкоме. Но претензий никаких я не испытывал – начальство, к тому же инвалид-фронтвик. Но в общем-то парень он был не промах. Иногородние студенты жили в общежитии на улице 25 Октября. Но к зданию университета примыкал одноэтажный пристрой (теперь это здание столовой), который был превращен в общежитие для раненых студентов-фронтвиков. Это небольшое общежитие стало настоящим клубом для нас, не нюхавших пороху. Мы слушали рассказы о войне, лечении в госпиталях, делились с фронтвиками конспектами, книгами. Частым гостем у них был наш преподаватель археологии и этнографии доцент Василий Иннокентьевич Подгорбунский, любитель выпить и посидеть с собеседниками целыми часами. Сын известного в Сибири священника, он был весьма эрудированным человеком, много знавшим и повидавшим на своем веку. И его всегда с радостью встречали в этом общежитии, ожидая от него новых интересных рассказов, подробностей и деталей, о которых нельзя узнать из литературы.

В. И. Подгорбунский знал многих видных ученых-археологов, этнографов и историков и часто о них рассказывал, а память у него была превосходная. Только вот тяжелые условия войны не обошли его. Ходил он в старой поношенной одежде, да и питался от случая к случаю. Жена его работала гардеробщицей в научной библиотеке. На лекцию он, бывало, приходил с рюкзаком за плечами и перед началом ее долго вытаскивал из рюкзака книги, но в ходе лекции почему-то ими не пользовался. В этом же общежитии жили наши студенты-историки разных курсов – Павел Шишлянников, Михаил Богданов, Володя Татауров. Жили они весело и дружно, а когда у кого-нибудь из них заводились деньги, не чурались выпить вина или пива. В таком веселом настроении они иногда совершали необычные поступки. Так, Михаил Богданов, у которого вместо правой ноги был протез, умудрился стащить от кинотеатра «Художественный» большой и тяжелый рекламный щит с портретом артистки Аллы Тарасовой – героини кино-

Выпуск студентов 1944–1948 гг.

фильма «Гроза». Долго в общежитии стоял этот фанерный щит с портретом артистки высотой в два с лишним метра и шириной более метра, и на него приходили любоваться студенты всех факультетов. Портрет действительно был хорош, Миша Богданов с обожанием смотрел на свою любимую артистку. Но каких-то скандалов, непримиримых конфликтов среди студентов не было. Всех спланивал военный быт, общие интересы.

С первого года учебы в университете я втянулся в научно-исследовательскую работу. Регулярно посещал исторический кружок, который попеременно вели то М. А. Гудошников, то Ф. А. Кудрявцев. Они иногда и сами выступали с сообщениями. Особенно полезны были их беседы «Опыт работы историка», в которых они делились своими бесценными мыслями и практическими советами. Я продолжал свою тему, начатую еще в школе – «История поселка Ленино». Но первое выступление с докладом на эту тему было крайне неудачным. Не сумев точно распределить материал во времени, растянул свой доклад, а со второй половины его заторопился и наделал массу ошибок в речи. Выступившие по докладу резко покритиковали стиль изложения. Особенно возмущался наш декан Г. В. Тропин, специалист по русскому языку. Он сказал, что мое выступление хуже «председателя колхоза». Постепенно ко мне пришла способность более стройно и грамотно излагать мысли, а самое главное – настраивать себя на определенное количество времени, чтобы не торопиться и изложить все по порядку. Это чувство времени потом очень помогло мне во время преподавательской деятельности.

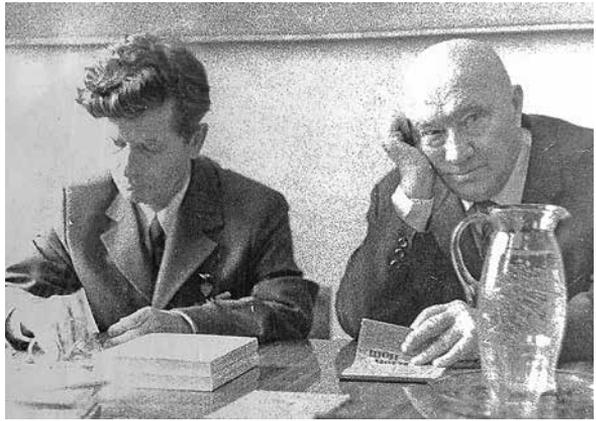
Об опыте работы нашего исторического кружка я рассказал 7 мая 1944 г. на страницах областной газеты «Восточно-Сибирская правда» в заметке «Исторический кружок». «При историко-филологическом факультете Иркутского госуниверситета им. Жданова работает исторический кружок. За последнее время кружковцам был прочитан ряд интересных лекций и докладов. С большим интересом кружковцы заслушали сообщение кандидата исторических наук Ф. А. Кудрявцева о том, как надо работать над архивными материалами. Тов. Кудрявцев дал ряд ценных советов по самостоятельной работе студентов, поделился опытом своей работы над вторым томом «Истории бурят-монгольского народа», над докторской диссертацией. Кандидат исторических наук М. А. Гудошников на одном из последних занятий кружка показал, как надо работать с первоисточниками, документами, художественной литературой. Все это было подкреплено яркими примерами из личного опыта и из опыта крупнейших историков России».

Постепенно я стал выходить с докладами и сообщениями перед более широкой аудиторией, чем студенческий кружок. В ноябре 1945 г. отмечалось 25-летие освобождения Крыма от врангелевских войск. На факультете была организована студенческая научная конференция. Помню, как тщательно готовились к ней на факультете. Студент 2-го курса фронтовик С. Ф. Коваль написал по этому поводу очень красивое объявление. Он же сделал доклад о разгроме войск Врангеля в 1920 г. Мне пришлось докладывать тему об участии 30-й иркутской дивизии в освобождении Крыма в 1920 и 1943–1944 гг. Конференция прошла живо и интересно.

Учеба у меня ладилась. Экзамены я сдавал только на «отлично». Это, конечно, требовало большого напряжения, и не случайно к концу учебы в 1946 г я заболел от переутомления и истощения нервной системы. Сказалось, «конечно», недостаточное питание, недоедание и недосыпание. Но мои труды в процессе учебы не были забыты. В июне 1945 г. после смерти А. С. Щербакова решением Совета народных комиссаров были учреждены ежемесячные стипендии для особо успевающих студентов в Московском и Иркутском университетах. В нашем университете стипендии Щербакова (400 рублей) получили студентки III курса филологов Галя Федорова, II курса историков Ирина Якубова. Удостоен этой стипендии и я, тогда студент III курса.

Наряду с учебой в военные годы студенты всеми силами старались помочь стране, попавшей в столь тяжелое положение. Студенты-старшекурсники, в основном филологи, трудились летом в рыболовецких бригадах на Байкале. Нас, историков, среди которых было несколько мужчин, все лето использовали на работах в подсобном хозяйстве университета, которое находилось в селе Ерши (ныне – зона затопления Иркутского водохранилища). Работа была несложная, но тяжелая: корчевали пни, копали землю для посадки картофеля и т. д. Прекрасно помню, как мы вдвоем, с однокурсником Виктором Агалаковым, недели две готовили заброшенный дом под картофелехранилище: забивали окна досками с двух сторон, а внутри засыпали землей, делали подвал, а для него большую деревянную лестницу.

По просьбе директора подсобного хозяйства, пожилого, тщедушного мужчины, мне даже пришлось пахать небольшой огород при подсобном хозяйстве. С лошадьми я научился обращаться, когда бывал в своей родной деревне Малая Елань, умел запрягать и распрягать, но пахать еще не доводилось. Несмотря на это, уверенно взялся за поручни плуга и, строго

С. Ф. Коваль и Ф. А. Кудрявцев

выдерживая расстояние, погнал лошадь вперед. Плуг легко вошел в мягкую землю. Несколько тяжелее было на поворотах, когда приходилось вытаскивать плуг из одной борозды и начинать другую. Но в целом дело завершилось успешно. За какой-нибудь час-полтора огород был вспахан и директор подсобного хозяйства остался очень доволен.

Осенью и даже зимой приходилось работать на вывозке угля для университетской котельной со станции Военный городок. Хорошо помню, что в одну из поездок мне в напарники попала молоденькая девушка-химичка, легко одетая. На угольный склад мы доехали быстро, нашу машину, не мешкая, загрузили механической лопатой. А вот на обратном пути в кузове, сидя на угле, нам пришлось изрядно померзнуть. Только разгружая уголь у котельной лопатами, мы согрелись. Уже после войны я встретил в коридорах университета свою напарницу, уже повзрослевшую девушку – кандидата химических наук, младшего научного сотрудника Зимину.

Не счесть воскресников и субботников, которые мы проводили с перечислением заработанных средств в Фонд обороны, активно шел и сбор денег. Из скудного студенческого бюджета мы могли выделить лишь небольшие суммы, но все же выделяли. В один из июльских дней 1944 г. в адрес руководства университета поступила Правительственная телеграмма «Ректору университета, профессору Н. С. Шевцову, секретарю партбюро В. Т. Низовой, председателю месткома А. В. Мальцеву, секретарю комитета ВЛКСМ Е. М. Сельдешеву. Прошу передать научным работникам, студентам и сотрудникам Иркутского госуниверситета им. А. А. Жданова, собравшим 41 750 рублей деньгами и 142 175 облигациями Госзайма на строительство танка, мой братский привет и благодарность Красной армии. И. Сталин». Телеграмма была зачитана на митинге коллектива, а 9 июня 1944 г. опубликована в областной газете «Восточно-Сибирская правда». После этого помощь Красной Армии еще усилилась в виде сбора средств, заботы о раненых и больных в подшефном госпитале, участия в уборке урожая на колхозных и совхозных полях, в частности, в совхозе «Труженик».

События на фронтах Великой Отечественной войны волновали меня не меньше чем других, а может быть, даже и больше. Постепенно я стал фиксировать основные факты происходящего в особой тетради. У здания областного драмтеатра была нарисована громадная карта советско-германского фронта. Когда начались наступательные действия наших войск, специальным красным шнуром отмечалась линия фронта. У карты часто выступал наш доцент-географ Виктор Александрович Кротов. Я часто беседовал с ним у карты, помогал передвигать шнур по мере изменения линии фронта. Затем решил иметь такую же карту, но меньшего масштаба в университете. С помощью географов такая карта была приготовлена, и я уже самостоятельно обозначал тонким шнуром продвижение наших войск. А чтобы были более понятны успехи на фронте, каждый день вывешивал сводку об освобождении наиболее крупных городов. Рано утром успевал записывать сообщение.

В 1945 г. состоялся первый выпуск студентов-историков. Университет закончили поступившие в 1940 г., а также в 1941 г. Из выпускников хорошо запомнились Г. З. Иванова, Е. М. Даревская, Н. М. Черняк, Н. Черемных и др.

Наступил день Победы. Рано утром 9 мая поехал в университет, а там уже во дворе главного корпуса собралась толпа студентов и преподавателей. Химики вынесли из лаборатории спирт, разводили его водой и угощали в честь праздника всех, независимо от возраста и звания. А вечером в саду им. Парижской Коммуны развернулось массовое народное гуляние. Четыре года мы ждали этого радостного момента и дождались!

6 июля 1946 г. сдал последний экзамен, получен диплом с отличием. Дипломную работу рекомендовали в печать. О нашем выпуске историков председатель экзаменационной комиссии профессор В. Д. Кудрявцев опубликовал небольшую заметку в «Восточно-Сибирской правде» 7 июля 1946 г. «На днях закончились государственные экзамены на историко-филологическом факультете Иркутского университета. 15 историков успешно окончили университет. На историческом отделении выделились своей подготовкой студенты Агалаков, Богданов, Черемисина и Кузнецов. Их ответы глубокие и продуманные, показывают, что эти студенты много и серьезно поработали в вузе».

Источник: Кузнецов И.И. Страницы жизни историка. – Улан-Удэ, 2001. – С. 14–34.

В. П. Олтаржевский

Воспоминания студента-«пятидесятника»

Мои студенческие годы падают на середину 50-х годов. Можно заметить, на переломный (очередной!) период в нашей истории, который включает в себя смерть И. В. Сталина и XX съезд КПСС. Однако не скажу, что вся студенческая жизнь сразу же стала другой. Конечно, появилось что-то новое, необычное (например, обсуждение «закрытого» доклада Н. С. Хрущева). Мы не заикливались на окружающих обстоятельствах, хотя регулярно обменивались мнениями о них, по-разному реагируя на события внутри страны и за ее пределами. Это была прекрасная пора, немного беззаботная и много больше полная ожиданий.

Учились мы все в одном корпусе на Вузовской набережной, так славно тогда назывался бульвар Гагарина, 20, где сейчас располагаются физики и математики университета. А тогда мы «делили» три этажа не только с ними, но и с химиками, биологами, геологами, географами. Только юристы «жили» отдельно в здании бывшей канцелярии генерал-губернатора, где располагались также, кажется, адмхозчасть и еще какие-то службы. Было тесно, но мы как-то этого не замечали. Некие отрицательные впечатления появлялись тогда, когда иностранные языки проходили у нас в лабораториях химиков (это было как правило). Надо заметить, что учились мы всегда во вторую смену, после того, как химики и физики завершали цикл своих практикумов.

Оглядываясь на те годы, больше всего изумляешься тому, что весь ректорат, учебная часть и бухгалтерия размещались в нескольких комнатах первого этажа (в основном в правом крайнем углу, если стоять лицом ко входу в здание). В пристрое к левому крылу располагалась военная кафедра, к которой прилежала территория почти до современных сооружений спорт-комплекса «Труд», состоявшая из парка артиллерийских орудий и плаца.

У историков была одна «своя» аудитория на втором этаже – 72-я (ныне 216 А). Там размещались обе кафедры, всеобщей истории и истории СССР, и учебный кабинет, в котором проходили спецкурсы и спецсеминары, а иногда лекции и семинары по основным курсам. В «кабинете истории» стояли шкафы с книгами, «горка» с картами, альбомы и другие пособия.

Основы марксизма-ленинизма (вместо этой дисциплины затем была введена история КПСС), диалектический и исторический материализм, политическая экономия капитализма и социализма читались «поточно» сту-

дентам соответствующих курсов, которые имели занятия в данную смену. Для этого чаще всего использовалась самая большая аудитория – 70-я (она же актовый зал, там была сцена и другие приспособления; сейчас это аудитории 216 Б и В). Лекции проходили также в аудиториях 64-й и 65-й на втором этаже, оформленных амфитеатром (сейчас аудитории 225 и 223 соответственно). Во всех аудиториях были классные доски черного цвета, которыми многие преподаватели нашего факультета активно пользовались. На занятиях у нас, историков, почти всегда висели соответствующие карты, и лектор был «вооружен» указкой, а не только мелом. Изредка наши лекции и семинары проходили в аудиториях биологического факультета на третьем этаже. Они нам нравились, так как были светлыми и нарядными (много цветов и растений в больших ящиках, картины с пейзажами Байкала). Так как в то время на «пары» отводилось строго по 45 минут, то перемены были «маленькие» (пятиминутки между «половинками» пары) и большие (по-моему, они длились минут 15). Вспоминается своеобразный обычай того времени: каждую большую перемену по длинному коридору, как правило, второго этажа студенты прогуливались или стояли, беседуя, вдоль стен и на большой лестничной площадке. Наверное, это было «наследство» от бывшего института благородных девиц. Можно было поговорить, присмотреться друг к другу (особенно когда появлялись первокурсники), познакомиться. Не припомню, чтобы кто-то в массовом порядке выходил на крыльцо университета «на перекур». Такое впечатление, что курильщиков было немного, а девушки на нашем факультете, по-моему, вообще не курили. Это, кстати, подтверждалось и во время знаменитых студенческих сельхозработ, занимающих каждый сентябрь, а иногда и часть октября.

Не могу не отметить еще одну обыденность моих студенческих лет – мы почти ежедневно (для историков это означало – с утра), а иногда в субботу и воскресенье занимались в читальных залах научной библиотеки университета, в нашей любимой «фундочке» (от – Фундаментальная научная библиотека ИГУ). Тогда получить любую книгу, имеющуюся в библиотеке, было несложно и недолго, так как книгохранилище было рядом с Белым домом в длинном одноэтажном здании, тянувшемся вдоль улицы К. Маркса от задней стены библиотеки (раньше в нем размещались конюшни генерал-губернатора, сейчас на этом месте площадка перед вторым корпусом университета). В библиотеке мы готовились к семинарам, писали доклады, курсовые и дипломные работы. Увы, то время ушло. Сейчас другие источники и способы получения информации, наверное, более удобные, мобильные, с неисчерпаемыми возможностями. Но... библиотеку, книгу заменить очень трудно, наверное, невозможно.

За «наши» пять лет состав преподавателей исторического отделения историко-филологического факультета почти не менялся. Это Сергей Владимирович Шостакович, Федор Александрович Кудрявцев, Иосиф Вячеславович Арембовский, Всеволод Иванович Дулов (он был совместителем), Илья Иннокентьевич Кузнецов, Виктор Трофимович Агалаков, Семен Федорович Коваль, Елена Марковна Даревская, Григорий Семенович Маль-

цев, Нина Дмитриевна Овсянникова. Завкабинетом и лаборантом кафедр была Матильда Петровна Петрушина, которая также руководила у нас практиками: историко-ознакомительной (поездка в Москву и Ленинград) и педагогической в школе. Иностранный язык (я изучал немецкий) вела у нас Нина Степановна Рябина. Привить нам марксистско-ленинскую идеологию призваны были преподаватели общественных наук. Они это делали добросовестно, со знанием дела, хотя, как я теперь понимаю, сугубо догматически, редко давая себе возможность отойти от установленных правил. Тогда иначе и быть не могло. Из них мне больше всего запомнилась Анна Степановна Лукашевская, которая на первых курсах вела основы марксизма-ленинизма.

Естественно, что больше всего мы были привязаны к «своим» преподавателям. За пять лет отношение к ним менялось от чисто школьного к профессиональному. Были «шоки», сразу же захватывающие впечатления. Первенствовал здесь, конечно, Сергей Владимирович Шостакович. Он был невероятно энергичным, собранным, умевшим держать аудиторию в состоянии внимания и интереса. Четким красивым почерком он писал труднопроизносимые имена фараонов Египта, правителей Шумера и Аккада, вавилонских и ассирийских царей, при этом удивительно удобно располагая их на черном поле доски. Излагая события древнегреческой и древнеримской истории, он приводил примеры использования греко-латинских терминов в истории следующих эпох, в политическом лексиконе современности, изречения известных деятелей той эпохи, цитировал отрывки из исторических и литературных произведений. С. В. пленял нас своей эрудицией, блестящим лекторским мастерством, даже своей безукоризненно академической внешностью и интеллигентностью. Мне кажется, все мои сокурсницы были влюблены в него, а мы, менее прекрасная часть курса, очень гордились, что у нас есть такой преподаватель. Первые, «первокурсные» впечатления от С. В. Шостаковича дополнялись в дальнейшем на занятиях по труднейшему предмету – истории стран Востока, которую он читал с неменьшим блеском. Но наше неизменно восхищенное восприятие его лекций уже дополнялось личными профессиональными наклонностями и привязанностями. Я же, один из немногих моих однокашников, с первых курсов мечтал быть учеником С. В., и очень рад и горд тем что, в какой-то мере, им стал. Во всяком случае, неизменно считаю себя таковым.

Мы очень любили занятия Федора Александровича Кудрявцева, который читал тогда много лекционных курсов, в том числе историю средних веков, историю южных и западных славян, историю Сибири. Наверно, ему не доставало блеска С. В., но он подкупал сопереживанием излагаемому материалу, порой эмоциональным отношением к нему. «Дядя Федя», как мы его уважительно называли за глаза, мог рассказать какой-нибудь забавный эпизод и вместе с нами смеяться до слез, напеть куплеты вагантов, с выражением прочитать отрывок из проповедей таборитов и поэзии Адама Мицкевича. Задерживаясь после занятий, он научил нас студенческим гимнам

и песням прошлого – «Гаудеамус игитур», «Из страны, страны далекой...», «Веверлей» и др.

Мы были не очень внимательны на лекциях Иосифа Вячеславовича Арембовского (он читал нам основы археологии и историю первобытного общества). По-детски, бессовестно пользовались тем, что он плохо слышал, но большинство из нас писали конспекты и скоро поняли, что в понимание начала истории цивилизации ввел нас именно он. Я сохранил свои записи лекций И. В. Арембовского, неумело оформленные, не совсем полные, и с удовольствием листаю их, невольно возвращаясь мысленно в те годы.

Популярными были лекции по истории России XIX века, которые читал у нас Всеволод Иванович Дулов на 3-м курсе. Мы ценили глубину, обстоятельность анализа внутренней и внешней политики России «золотого века», его остроумие, умение сохранить внимание слушателей все два часа.

Из сложных предметов, которые вел у нас Илья Иннокентьевич Кузнецов (история России эпохи раздробленности и создания Московского царства, возникновения империи, источниковедение истории СССР, спецкурсы), мы особенно любили спецкурс по истории Великой Отечественной войны. Он доводил до нас такие детали тех героических и трагических лет, о которых в то время мы не могли прочитать, со знанием дела рассказывал о крупнейших операциях войны, о наших блестящих полководцах. Несомненно, свою роль в отношении к этому спецкурсу сыграло и то, что речь шла об относительно недавних событиях, а мы все были «детьми войны».

Наш профессионализм формировался и совершенствовался на семинарских занятиях и спецсеминарах, которые вели Елена Марковна Даревская и Семен Федорович Коваль. Умение работать с документом, тщательно про-

никнуть в его суть и составить представление о времени и участниках событий, выработка мнения, опирающегося на достоверные факты, – этому они нас учили.

Каждый из наших преподавателей внес свой вклад в становление нас специалистами-историками, дал нам базу для нашей последующей работы. Скромный объем статьи лишает меня возможности сказать здесь обо всех. В памяти остались лекции Г. С. Мальцева по новой и новейшей истории стран Запада, которую он читал спокойно, внешне бесстрастно, но мы с первых занятий оценили их обстоятельность и глубину. В. Т. Агалаков дал нам основательные знания советской истории, начиная с Гражданской войны и до послевоенных лет.

Учеба, при всем подчеркивании ее первоочередности в то время, оставляла какое-то время и для другого – мы работали в историческом кружке, участвовали в конференциях НСО, давали информацию в многотиражку «За научные кадры» (она стала выходить в год нашего поступления в университет, а с осени 1957 г. получила название «Иркутский университет»), в радиогазету университета, были в меру активными комсомольцами, некоторые приобщались к художественной самодеятельности. Проводились у нас и вечера, чаще в нашей большой 70-й аудитории, центр которой освобождали для танцев, реже в арендованных помещениях ТЮЗа или Дома офицеров. На старших курсах иногда мы могли попасть на «вечер танцев» в мединститут, фининститут и даже в дошкольное педучилище (оно тогда располагалось в нынешнем Доме дружбы). Бывали развлекательные мероприятия и в общежитиях ИГУ. Там же порой проводились и товарищеские застолья. Историки тогда в основном жили в общежитии по ул. 5-й Армии в здании Харлампиевской церкви, которая была перестроена для этой цели. Помню, что комната, в которой жили юноши, историки и филологи, располагалась в алтарной части храма, а девичья комната – в выделенном наверху помещении слева от входа. Вот так мы невольно брали грех на душу, оскверняя храм Божий.

Я все годы учебы жил дома, в Ново-Ленино, поэтому в общежитие заходил только иногда, «по случаю». Жизнь в пригороде имела свою специфику для студентов всех вузов Иркутска – привязанность к пригородным поездкам (других средств транспорта на этой линии в то время не было).

Особенно сложно было тем, кто учился во вторую смену, как мы, историки. Опоздание на «передачу» (так назывался пригородный поезд на паровозной и локомотивной тяге, предшественник электрички) грозило поиском пристанища у сокурсников или поездкой на подножке товарняка, а то и пешей прогулкой в семь километров «по шпалам». Зато вагоны пригородного были наполнены студентами из Ново-Ленино, Ленино, Авиазавода и других окрестных поселений. Было шумно, весело, и дорога казалась незаметной. От вокзала до университета добирались чаще всего пешком, так как автобусов и трамваев было мало, ходили они не очень регулярно и были переполнены.

На демонстрации. 1957 г.

В пятидесятые годы историков готовил историко-филологический факультет (в 1953–54 учебном году вместе с юридическим входил в состав гуманитарного факультета общей численностью более семисот студентов). Одним из отделений истфила было историческое, каждый курс которого состоял из одной учебной группы разной численности. На моем курсе училось 29 студентов, так что, думаю, все отделение в те годы насчитывало чуть более 100 человек. Большую часть моих студенческих лет деканом историко-филологического факультета был доцент кафедры основ марксизма-ленинизма Алексей Герасимович Солодянкин, не очень образованный, как мы чувствовали, человек, но с авторитарными замашками. Он любил подчеркивать, что он «из простых сапожников». Не знаю, было ли это искренней гордостью за свое «классовое происхождение» или просто стремлением обратить внимание на свой профессиональный рост. Откровенно говоря, не помню, чтобы мы сильно страдали от его самоуправства, скорее, нас иногда коробила его грубость и бесцеремонность. Вспоминая Алексея Герасимовича сейчас, я почему-то уверен, что по натуре он был мягкий человек, страдавший от своей ответственности и в то же время гордившийся ею.

Наша студенческая группа была в основном «девичьей»: из 29 человек юношей насчитывалось только шестеро, и все разновозрастные. Был у нас даже участник войны – светлой памяти Леонид Петрович Назаров, лейтенант, начавший учебу в 27 лет. Кажется, он был семейный человек и, совершенно точно, партийный, таких на факультете были единицы. Однако мы этой разницы не ощущали – Леонид не пользовался никакими привилегиями, учился самозабвенно, а во время сельхозработ был вместе с нами, как говорится, в труде и отдыхе. Я был самым юным в нашем мужском «секстете» – Леня был старше меня на десять лет, а в этом возрастном промежутке

были начавшие учебу в 18 и 20 лет. С нашими сокурсницами мы были в самых добрых, товарищеских отношениях, безо всяких «романов». Только в самом конце учебы сложилась у нас единственная семейная пара – Лева Солотов (наш авторитет, умница, философ по натуре) и Нэля Помазанова (очень старательная и ответственная, неизменно хорошо учившаяся, симпатичная и скромная). Девушки были очень разные, естественно, по способностям и результатам учебы, по общительности и активности, и уж конечно – по внешности и успехам у противоположного пола. В «моде» тогда были «наши» университетские геологи и парни из горнометаллургического института. Мы редко собирались вне учебы вместе. Помню единственный случай, когда мы на 5-м курсе отмечали Первое мая почти в полном составе на квартире у Лилии Кац. Лиля была постоянной отличницей, но болезненной девочкой, она первой из нашего курса покинула этот бранный мир в начале 60-х годов. Я уже говорил о нашем общении в общежитии, но это тоже было довольно редко, во всяком случае, для меня, жившего в пригороде и вечно привязанного к транспорту.

Большинство из моих сокурсников стали школьными учителями, разъехавшись «по распределению» по Восточной Сибири, Дальнему Востоку и Якутии. Несколько человек работали в школах Иркутска. Абсолютно уверен, что все они стали профессионалами высокого уровня, так как к учебе относились ответственно – не помню никого, кому было бы присуще безразличие, равнодушие к результатам.

В другие сферы «общественно-полезной деятельности» из нашего курса, насколько я знаю, попали немногие. Несколько человек стали вузовскими преподавателями. Я по распределению был направлен на работу в Иркутский областной краеведческий музей. Но это уже, как говорится, другая история.

Источник: Известия ИГУ. Серия «История». 2011. Т. 1. С. 219-224.

В. П. Яговкин

Высокий просвещения дух: воспоминания о студентах исторического отделения 1961–1966 гг.

Прошло уже более 50 лет со дня окончания исторического отделения Иркутского госуниверситета. Но чем дальше уходят годы студенчества, тем чаще вспоминается интересная, полная сил, надежд и активности жизнь. Каждый из нас не знал тогда, как повернется наша судьба, справимся ли с учебной программой, где будем работать после окончания вуза. Хотя преподаватели нам говорили, что наша судьба будет связана с педагогической деятельностью, со школами Иркутской области. Действительно, все мои однокурсники честно и добросовестно работали на педагогической ниве в течение 45–50 лет. А это значит, что жизненный путь нами в молодые годы был выбран верно.

В данной статье речь пойдет о послевузовской работе моих коллег, об их в целом успешной трудовой деятельности. Университет дал нам многое, обогатив знаниями не только исторической науки, но науки жизни, самостоятельности в творческом поиске, развития мыслительной деятельности и общественной активности. При этом отметим главное. Нашему профессиональному росту во многом способствовала творческая атмосфера преподавательского состава на историческом отделении Иркутского госуниверситета. Заметные в наши студенческие годы изменения в их качественном росте, стремление педагогов умело сочетать учебную, научную и воспитательную работу в свете требований времени и наших желаний. Тогда еще среди историков был только один профессор, Федор Александрович Кудрявцев, а доценты Илья Иннокентьевич Кузнецов, Виктор Трофимович Агалаков, Сергей Владимирович Шостакович, Иван Сергеевич Степичев, Алексей Алексеевич Мухин активно занимались подготовкой докторских диссертаций. Нам это казалось пока недостижимой вершиной творческой деятельности.

Успешно трудились над научными проблемами, работая над кандидатскими диссертациями, и молодые преподаватели, аспиранты, будущие доктора исторических наук: Герман Иванович Медведев, Александр Всеволодович Дулов, Владимир Павлович Олтаржевский, Владимир Владимирович Яровой и Леонид Степанович Любимов. Влияли на творческую атмосферу в

В.Т. Агалаков, И.С. Степичев, И.И. Кузнецов
на первомайской демонстрации. 1958 г.

коллективе исторического отделения, сочетая учебную работу с научной, и старшие преподаватели, пользующиеся заслуженным авторитетом у студентов: Семен Федорович Коваль, Елена Марковна Даревская и др. Нас, студентов, удивляло глубокое и всестороннее раскрытие ими исторических процессов, происходящих в стране, особенно проблем исторического и культурного прошлого не только в мировом масштабе, но и в нашей стране, Сибири, в том числе и Иркутской области.

Мы внимательно следили и за вышедшими у наших преподавателей монографиями, книгами, научными статьями, радовались успешной защите кандидатских и докторских диссертаций. При этом научность, исследовательская скрупулезность, стремление подать материал интересно с научной точки зрения были характерны для большинства преподавательского состава историков. Они через учебно-воспитательный процесс, особенно лекции и семинарские занятия, спецкурсы, индивидуальную работу, стремились вселить в нас, будущих исследователей, необходимость и важность научной работы, поиска нового, в разные исторические периоды от Древнего мира, Средневековья до советского времени. Поэтому нельзя забыть бурные дискуссии на занятиях С. В. Шостаковича, В. П. Олтаржевского, С. Ф. Ковалья и др.

Не хвастаясь, скажем честно, что для более активной работы с нами, на занятиях и вне их, у наших преподавателей были определенные основания. Во-первых, в нашей группе историков набора 1961 года, 80 % имели стаж производственной работы или вернулись со срочной службы: Виктор Андреев до поступления работал в локомотивном депо на станции Иркутск-Сортировочный, Борис Юркин трудился на шахтах Черемхово, Володя Яговкин, Борис Ржепко четыре года служили на Тихоокеанском флоте, Николай Лаптев, Володя Полканов отслужили 3 года в авиации. Дима Шестаков в войсках МВД. Были и выпускники школ (например, Алла Бабенко, Тамара Ростовцева и др.), которые для нас стали примером активного, заинтересованного отношения к учебе, а мы старались быть наравне с ними в учебном процессе и общественной работе. Мы, студенты далеких теперь уже 60-х годов XX столетия, в основной массе имеющие хоть не большой, но жизненный опыт, соскучились по учебе и были полны желания овладеть знаниями, более глубоко понимать сложные вопросы исторического про-

шлого нашей страны, причины возникновения проблем социально-экономического и, что не менее важно, международного развития.

Во-вторых, определенным образом стимулировали к исследовательскому труду студентов и активно работающие на историческом отделении ИГУ научные кружки, в которые преподавателями персонально приглашались наиболее, как сейчас принято говорить, «продвинутые» студенты. Так, пользовались авторитетом среди студентов научные объединения: «Декабристы в Сибирской ссылке» (рук. С. Ф. Коваль), «История революционного движения в Сибири» (рук. Ф. А. Кудрявцев), «Международные отношения» (рук. М. А. Бендер) и др. Большинство студентов группы с интересом посещали названные кружки, собирали, изучали и анализировали собранный материал, готовя для обсуждения на заседаниях секций сообщения и доклады, лучшие из которых рекомендовались на итоговую студенческую конференцию историко-филологического факультета. Работа в этом направлении активизировалась на третьем и последующих курсах. Активность в этом проявляли, например, Валентин Гаврилов, Тамара Ростовцева, Николай Лаптев, Борис Ржепко, Светлана Арутюнова, Люба Подпругина и др.).

Причем требования к содержанию докладов на них из года в год становились более высокими. В памяти автора осталось серьезное замечание данное ст. преподавателем С. Ф. Ковалем одному из старшекурсников, участников научной студенческой конференции 1962 года, который поверхностно, без анализа и выводов подготовил доклад и подал его слушателям, как говорили, не интересно и не научно. Слова «железного» Ковалю (так уважительно звали его между собой студенты за принципиальность, требовательность к себе и другим) остались дословно в моей памяти: «Так выступать студенту на научной конференции нельзя!». Мы, тогда еще студенты первого курса, сделали выводы и стали относиться более серьезно не только к своим выступлениям на конференциях, но и к учебному процессу.

Приведу всего лишь два показательных примера докладов, подготовленных на студенческую научную конференцию моими однокурсниками с учетом строгих замечаний С. Ф. Ковалю. Так, доклад Н. Лаптева на конференции 1963 г. «Распространение газеты «Искра» в Сибири» получил высокую оценку преподавателей и студентов и был рекомендован на Всероссийскую научную студенческую конференцию, которая проходила в Новосибирском государственном университете. Выступление нашего однокашника, иркутянина, было участниками конференции заслушано с большим вниманием и интересом. Более того, председатель секции академик А. П. Окладников предложил опубликовать доклад в многотиражной газете Сибирского отделения АН СССР «За науку в Сибири».

Вот другой пример добросовестного отношения нашего коллеги к исследовательскому труду, подготовке к выступлению. Борис Ржепко, наш староста, будучи студентом, глубоко вникал в историю декабристов в сибирской ссылке и партизанского движения в нашем регионе. Не случайно его, студента четвертого курса, доклад «Организация и развитие партизанского движения в Восточной Сибири в 1918–1920 гг. (Партизанский отряд брать-

ев Уваровых)» был представлен на обсуждение XX научной студенческой конференции Томского государственного университета. Тогда практиковался обмен опытом в студенческой исследовательской работе между вузами региона.

Активное участие студентов нашего курса в научных поисках, заинтересованное отношение к учебе неоднократно отмечала и декан историко-филологического факультета ИГУ Любовь Тимофеевна Люшина. С этим нельзя не согласиться, поскольку большинство студентов нашей группы учились на «отлично» и «хорошо», были комсомольскими активистами, на четвертом курсе даже агитаторами и пропагандистами по линии Кировского райкома комсомола в небольших по численности организациях, участвовали в различных общественно-политических мероприятиях факультета. И как результат – успешная защита дипломных работ. Например, окончили университет с красным дипломом Б. Ржепко, В. Гаврилов, В. Андреев, Т. Ростовцева, А. Бабенко. Все мы получили диплом, в котором написано, что являемся историками, преподавателями истории и обществоведения. Большинство из нас остались верны избранной профессии.

В-третьих, историки выпуска 1966 г. положительно зарекомендовали себя и на педагогической ниве, старались нести добрые традиции нашего отделения и факультета. Дело в том, что после вуза часть группы пошла, согласно распределению, работать учителями истории в школы Иркутской области: Лена Зинкевич – с. Оек Иркутского района, Тамара Ростовцева – в Нижнеудинск, Света Арутюнова – в пос. Ручей Усть-Кутского района, Оля Горбунова – в Усть-Кут, Эмма Сукнева – в школу пос. Качут, Борис Юркин – на станцию Ук, Нэля Круглова в г. Байкальск, а Люба Подпругина в Иркутск, Валентин Гаврилов трудился в областной детской экскурсионно-туристической станции, а Петя Ханхасыков – в школах Эхирит-Булагатского района. Все они по избранной специальности работали с душой, стали отличниками просвещения, неоднократно поощрялись руководством образования городов и районов, несли высокое звание выпускника Иркутского госуниверситета.

Другая часть моих коллег по разным причинам связала свою судьбу с высшими учебными заведениями, научно-педагогической деятельностью. Об этом направлении работы моих однокурсников хотелось бы рассказать несколько подробнее. Нельзя не заметить при этом следующий факт: 5 человек нашей группы защитили кандидатские, а 2 – докторские диссертации. Это почти половина нашей группы. Первый пример положительных результатов исследовательского труда показали Виктор Андреев и Николай Лаптев, оставленные после окончания вуза на преподавательскую работу на кафедре истории КПСС ИГУ. Окончив аспирантуру, В. Андреев в 1971 году под руководством доц. Н. Н. Щербакова защитил кандидатскую диссертацию на тему «Революционные народники в Восточно-сибирской ссылке».

Н. Лаптев, также добросовестно трудясь в аспирантуре, подготовил и защитил в этом же году диссертационное исследование на актуальную историко-партийную тему «Руководство партийных организаций Восточ-

Преподаватели и сотрудники факультета. 1960-е гг.

ной Сибири работой железнодорожного транспорта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (рук. доц. А. Е. Погребенко). Заметим, что вся дальнейшая научная деятельность нашего однокурсника, Николая Лаптева, посвящена военному времени, проблемам железнодорожного транспорта в тяжелый для страны период. Им по названной теме опубликовано свыше 120 научных и 8 учебно-методических работ. Он был членом авторских коллективов по написанию 4-томной «Истории рабочего класса Сибири». (Том 3. Новосибирск, 1979 г.); «Восточно-Сибирская электрическая. История Восточно-Сибирской железной дороги (К 75-летию окончания строительства Транссиба)» (Иркутск, 1978 г.); «Индустриальное освоение Сибири. Опыт послевоенных пятилеток 1946–1960 гг.» (Новосибирск, 1980 г.); «Восточно-Сибирская железная дорога. Путь длиной в 100 лет» (Иркутск, 1998 г.) и др.

Анализируя проблематику исследовательских работ выпускников исторического отделения 1966 года, работающих в вузах, заметим общее: в большей степени их научные труды посвящены освещению событий революционного периода, роли партийных организаций Восточной Сибири в ее дальнейшем индустриальном развитии, трудовой активности в отдельных отраслях промышленности, проблемам научного потенциала региона, а также деятельности комсомола. Например, наш однокурсник Борис Ржепко, будучи в аспирантуре ИГУ, много сил потратил на изучение вполне актуальной в 60–70-е годы темы, касающейся развития трудовой активности рабочего класса в тяжелой промышленности, усиления партийного влияния на процесс экономического роста крупнейшего в стране региона. Достаточно

Кафедра истории СССР ИГУ. 1975 г.

напомнить, что, например, отрасли тяжелой индустрии увеличили производство продукции в 1970 г. к уровню 1965 г. в электроэнергетике на 291 %, в цветной металлургии – на 187 %, в машиностроении и металлообработке – на 168 %. В диссертационном исследовании Б. Ржепко «Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по развитию трудовой активности рабочего класса предприятий тяжелой промышленности» раскрыты не только формы и методы партийного влияния на процесс комплексного развития производительных сил Восточной Сибири, но и проанализирован опыт и проблемы подготовки и повышения квалификации рабочих кадров, вовлечения работников в техническое творчество, организации социалистического соревнования и т. д. Отметим и другое направление его интересов. Он занимался также вопросами истории комсомола, став одним из авторов монографии «Комсомолия Приангарья» (Иркутск, 1969 г.).

Определенный вклад в развитие научных исследований внес и выпускник исторического отделения ИГУ 1966 г. Владимир Яговкин. Будучи в аспирантуре на кафедре истории КПСС Иркутского пединститута иностранных языков, он в 1973 г. за полгода до окончания срока аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию на сложную для того времени тему: «Идеологическая работа партийных организаций в Восточно-Сибирской деревне в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.)». Позднее продолжил исследования уже по другой, не менее актуальной теме, связанной с развитием науки в Сибири, итогом которых стала защита в 1995 г. в ИГУ докторской диссертации «Наука в Сибири. 1965–1980 гг.» Цель диссертационной работы заключалась в исследовании на основе широкого круга источников механизма руководства академической, отраслевой и вузовской наукой; анализе взаимосвязи партийно-политических форм и методов решения задач научно-

го строительства, особенно с действовавшим в 60–70-е годы устаревшим хозяйственным механизмом; выявлении имевших место многочисленных противоречий во взаимодействии науки с хозяйственной практикой.

Важно заметить, что в диссертации, монографиях, многих статьях и тезисах В. Яговкина показана колониальная политика Центра по отношению к Сибири в 60–70-е годы, слабое финансирование промышленности, ведомственность в руководстве экономикой и наукой, бесхозяйственность, отсутствие должной комплексности в развитии региона, медленное решение многих социальных вопросов. В целом Яговкин В. П. имеет более 100 научных публикаций. Им издано 4 монографии и 10 учебных пособий.

Наибольший вклад в учебную и научную деятельность, подготовку специалистов и научно-педагогических кадров внес наш коллега, Владимир Полканов. Будучи студентом, он отличался от остальных напористостью, целеустремленностью в учебе, достижением поставленных целей, стремлением больше знать, изучать и анализировать. Он начал работать в школе, затем на кафедре истории КПСС Иркутского мединститута, после этого, с 1974 г., в Омском государственном техническом университете. В 1979 г., после окончания аспирантуры в Иркутском пединституте иностранных языков под руководством проф. А. Е. Погребенко, Полканов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность партийных организаций по повышению производственной активности работников сельского хозяйства (1966–1970 гг.), а в 1991 году в Новосибирском госуниверситете – докторскую диссертацию «Формирование гражданской позиции молодежи: опыт, проблемы (на материалах комсомольских организаций Сибири. 1966–1985 гг.)».

Будучи зав. кафедрой отечественной истории в Омском государственном техническом университете, он заметно повлиял не только на совершенствование учебно-воспитательной работы, но и на улучшение отношения преподавателей кафедры к исследовательскому труду, сам был в этом примером. Проф. В. Д. Полканов был председателем кандидатского, а затем докторского диссертационного советов ОмГТУ по специальности «Отечественная история». Он организатор многих международных, всероссийских и региональных научных конференций и симпозиумов. На его счету 7 монографий, 12 брошюр, 110 научных публикаций, свыше 100 публицистических статей по общественно-политической тематике в центральных, областных и других газетах. Владимир Данилович являлся руководителем комплексной научно-исследовательской темы «Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития Сибири в XIX–XX вв.». По этой тематике только за период с 1995 по 2000 гг. в названном совете было защищено 14 докторских и 11 кандидатских диссертаций. Под его научным руководством было защищено 5 докторских и 17 кандидатских диссертаций.

Отметим и других выпускников исторического отделения ИГУ 1966 года, которые оставили свой след в научных поисках. Так, например, наш однокурсник, отличник учебы, умнейший и разносторонне увлеченный

человек Валентин Гаврилов всегда интересовался и интересуется актуальными проблемами прошлой и современной истории. Будучи студентом, он активно участвовал в работе научного кружка международников. А совсем недавно, на удивление всем нам, увлекся слабо изученной в исторической литературе темой, касающейся жизни и деятельности Владимира Львовича Бурцева. Результатом этой деятельности стала вышедшая в 2014 году в Иркутске интересная книга «Хотели как лучше... Наброски в помощь грядущему библиографу В. Л. Бурцева».

Небезынтересно отметить, что двое наших товарищей по группе после окончания вуза отошли от исторической проблематики и серьезно увлеклись философией и экономикой. Это, как ранее говорилось, наши студентки-звездочки, отличницы учебы и общественной деятельности Тамара Ростовцева и Алла Бабенко. Так, А. Бабенко с 1969 г. по настоящее время работает в Красноярском университете доцентом, ведет занятия по таким экономическим дисциплинам, как: политэкономия; экономика Китая, Японии, Англии, США, финансовое и денежное обращение. Наша коллега, преподаватель-экономист успешно подготовила и защитила кандидатскую диссертацию в Санкт-Петербургском университете. Позднее получила ученое звание доцента. Стремление к знаниям, постоянная работа по расширению экономического кругозора, глубокое понимание прошлого и проблем современности в экономике страны позволили ей регулярно не только публиковаться, но и, что важно, участвовать в региональных, всероссийских и международных конференциях. Другая наша звездочка, Т. Ростовцева, после окончания ИГУ работала в школах Нижнеудинска и Братска, затем с 1970 по 1973 гг. она – преподаватель кафедр философии Красноярского ВТУЗА и госуниверситета. После окончания аспирантуры на кафедре философии тогда еще Ленинградского университета в 1981 г. ею была защищена кандидатская диссертация по теме «Диалектика содержания и формы в логике социального познания». С 1982 по 2015 гг. Т. А. Ростовцева продолжала добросовестно и инициативно трудиться на кафедре философии Красноярского госуниверситета (сейчас это Сибирский федеральный университет) в должностях ст. преподавателя, доцента, профессора кафедры. Как отмечает наша однокурсница, ее кандидатская работа определила всю основную проблематику научной деятельности по таким направлениям, как: «Социальное познание и его специфика»; «Формы социального познания: миф, утопия, теория»; «Философия общественного сознания» и «Историческое познание, методы и пути к истинному знанию».

Тамарой Александровной подготовлено и опубликовано свыше 50 научных статей, тезисов и учебных пособий. Профессор философии, педагог, ученый, она много работала с аспирантами, студентами, руководила на протяжении ряда лет секцией «Социальная философия» на ежегодных студенческих конференциях. Таким образом, обе наши студенческие звездочки остались верны традициям преподавателей исторического отделения первой половины 60-х годов, а равно и современности: увлеченности в научно-педагогической деятельности, ответственности, доброты и уваже-

учитель истории в с. Ук Борис Юркин. Лена Зинкевич заслужила почет и уважение за добросовестный труд не только в школе с. Оек, но и в Иркутском институте народного хозяйства (ныне БГУ).

В-пятых, выпускники исторического отделения 1966 года были и в составе руководства высшей школы. Это Борис Ржепко, который возглавлял юридический факультет, а затем был сначала проректором по заочному и вечернему обучению, а позднее проректором по учебной работе Красноярского государственного университета. Кстати, во время суда над КПСС единственным представителем из Сибири был Борис Ржепко. Виктор Андреев семь лет возглавлял деканат исторического факультета ИГУ. Более 45 лет после окончания вуза трудились на ниве высшего образования в Иркутском пединституте иностранных языков, позднее лингвистическом университете, профессора Н. Лаптев и В. Яговкин. Н. М. Лаптев был зав. кафедрой, проректором по заочному обучению, а Владимир Яговкин 11 лет (1989–2000 гг.) работал в должности проректора по научной работе. Н. Лаптев, В. Полканов, Б. Ржепко, В. Яговкин награждены нагрудными знаками «Отличник просвещения» и «Почетный работник высшего профессионального образования России».

В-шестых, нельзя не сказать еще об одном направлении работы выпускников-историков 1966 г. Речь идет об их партийно-комсомольской деятельности. Например, будучи еще студентом ИГУ, по направлению Кировского райкома комсомола секретарем комитета ВЛКСМ сельскохозяйственного техникума Иркутска был Николай Лаптев. Позднее он работал комиссаром и командиром студенческих отрядов, освобожденным секретарем парткома пединститута иностранных языков. Борис Ржепко был секретарем комитета комсомола Иркутского госуниверситета, а позже зам. зав. отделом агитации и пропаганды Иркутского обкома комсомола. Он честно и добросовестно трудился и в Красноярском обкоме КПСС.

Владимир Полканов до вузовской деятельности работал первым секретарем Уватского РК ВЛКСМ Тюменской области, и три года в райкоме партии. Виктор Андреев секретарем Ленинского РК ВЛКСМ г. Иркутска. Владимир Яговкин 5 лет, будучи молодым выпускником ИГУ, работал на должностях инструктора, зам. зав. отделом учащейся молодежи, позднее зав. отделом студенческой молодежи Иркутского областного комитета ВЛКСМ, а также руководил во второй половине 70-х годов партийным комитетом Иркутского иняза.

Таким образом, из краткой информации о выпускниках исторического отделения ИГУ 1966 г. следует, что они в студенческие годы и постдипломный период честно и довольно активно трудились на ниве образования, не подвели честь историко-филологического факультета, продолжали добрые традиции творчества, трудолюбия и организованности старшего поколения историков, наших уважаемых преподавателей. Мы и сегодня радуемся успехам в учебно-воспитательной и научной деятельности преподавательского состава и студенчества исторического факультета нашего родного вуза. Это своего рода наш общий подарок к 100-летию юбилею Иркутского госуниверситета.

Т. А. Ростовцева

Старые фотографии. Воспоминания об историческом отделении ИГУ (1961–1966 гг.)

Передо мной лежит альбом с фотографиями моих студенческих лет. Молодые, красивые лица моих однокурсников и наших преподавателей. Этот альбом живет у меня уже больше пятидесяти лет. Мы поступили в университет в 1961 г. Для семнадцатилетней девчонки это было время веры в идеалы, в социальный прогресс и собственное личное счастье. Для меня открывался мир самостоятельной жизни, новых людей, удивительного знания.

УНИВЕРСИТЕТ – такое название учебного заведения наполняло меня восторгом приобщения к тайнам всеобщности – «универс», и к какой-то особой системе воспроизводства нового знания и человека. На первую лекцию я пришла почти за час до начала, как маленький первоклассник, боялась опоздать. В моей памяти навсегда звучит голос удивительного человека, открывшего нам миры Древнего востока и Античной истории – Сергея Владимировича Шостаковича. Я писала у него в семинаре доклады по поэмам Гомера, и он открыл мне возможности литературы для исторического познания. Будучи сам осторожным (такие прожил времена), Сергей Владимирович всегда поощрял смелость и самостоятельность мышления, умение связывать всеобщие законы истории с конкретностью исторического факта. Он был человеком высокой культуры, примером интеллектуального профессора. Наверное, именно на его лекциях во мне возникло стремление понимать культуру не только исторически, но и философски.

Я смотрю на коллективную фотографию нашего первого курса. Удивительное было время открытия людей. Студенты нашей группы в основном были после армии или прошли значительную трудовую школу, им было по 22–23 года. Мне, семнадцатилетней, они казались очень взрослыми. Теперь, из далекой дали прожитых лет, мне хочется сказать: «Спасибо вам, однокурсники, спасибо за бережное отношение к моему наивно-романтическому восприятию мира, творческое сотрудничество и дружбу, за пример дисциплины и трудолюбия».

В нашей группе невозможно было филонить. Все пропуски, по-честному (для всех), проставлялись нашим старостой Борей Ржепко. Тогда за 6 часов пропусков снимали со стипендии. Но не только строгие правила, привычку

к дисциплине и желание учиться нашим парням дала армия. Из серьезного отношения к знаниям рождалась на семинарах творческая атмосфера. На них никогда не было неловкого молчания неготовых студентов. Всегда будоражил всех парадоксальными идеями Володя Полканов, взвешенно и удивительно грамотно выступал Борис Ржепко. В. Полканов стал доктором наук, профессором, написал несколько интересных книг, Б. Ржепко защитил кандидатскую диссертацию и всегда успешно работал в администрации Красноярского университета. Блистал на семинарах и В. Гаврилов, его критический ум вдохновлял аудиторию на активные размышления. В нашей группе как-то стыдно было «не знать», зато каким бальзамом на сердце был поворот к тебе Д. Шестакова с восхищенной фразой по-сибирски: «Ну, все знат!». И приходилось стремиться «все знать». Стыдно было не знать не только друг перед другом, но и перед нашими преподавателями. Как много они нам дали!

В. М. Андреев, Ф. А. Кудрявцев, В. П. Олтаржевский. 1970-е гг.

На фотографии первого курса с нами В. П. Олтаржевский. Он был тогда совсем молодым преподавателем, но в нем было столько организованности и теоретической строгости, что это не могло не вызывать уважения. Спасибо вам, Владимир Павлович, что вы показали нам, что профессионала-историка не может быть без приобщения к мировой художественной культуре. Вы составляли для нас списки шедевров литературы эпохи Средневековья и Возрождения и каждую неделю проводили собеседование по прочитанному. Мы много получили от этих занятий. А как четко и ясно Вы излагали событийную историю Средних веков! Ваши лекции очень помогли мне, когда я работала в школе. По вашему примеру я рисовала на доске планы расстановки войск в той или иной битве, и мои шестиклассники с восторгом познания делились на армии и воевали. Я учила их четкости определений и пониманию, что такое история. Потом, когда я стала работать в вузе, я умела строить лекцию так, чтобы меня не только понимали, но и было интересно слушать. Этому умению я училась у вас.

Наши преподаватели заложили в нас трепетное отношение к истории, к труду историка, к своему университету. И, что, на мой взгляд, важно – они были для нас примером интеллигентности. Наша группа по своему составу была в основном рабоче-крестьянской, и нам был так необходим опыт подлинной образованности. Интеллигентность преподавателей проявлялась в

уважительном отношении к студенту. Мы были им интересны, они видели в нас молодых людей, достойных понимания и сочувствия. В деятельности преподавателей звучала гармония содержания и формы, осознание преподавательской миссии. Они всегда были строго и красиво одеты. Они учили нас организовывать свой разум и свою внутреннюю и внешнюю жизнь.

Свой жизненный и научный опыт они передавали нам не только на занятиях, но и вне учебного процесса. Нам запомнились встречи в нашем общежитии с профессором Ф. А. Кудрявцевым, который учился еще в дореволюционной гимназии, знал много студенческих песен и баек. Мы выучили с ним песню: «Выпьем мы за того, кто писал «Капитал», за героев его и за их идеал», а также песню про то, что непьющие студенты редки, они повывелись давно.

Мы радовались, что поступили в университет. Университет, в силу своей традиционной содержательности, был пространством свободной мысли, наполнял нас достоинством познания. Наши преподаватели научили нас работать с текстами культуры в целом и историческими текстами в частности. Нас ориентировали на серьезные научные поиски. Именно такая ориентация на науку отличала университет от других высших учебных заведений в наше время.

Тогда мы еще не совсем понимали особенности и риски будущей профессии. Физик найдет красивую формулу или выйдет на удачный эксперимент, подтверждающий его гипотезу, и он достиг истины. Историк всегда обречен слышать от оппонентов, что он не может вживую видеть события прошлого и всегда находится в ловушке господствующей идеологии. Поэтому среди философов, изучающих историческое познание, много тех, кто отказывает истории в научности. Но у нас тогда были две теоретические опоры: фундаментальная марксистская модель исторического процесса и вера наших преподавателей в научную силу документов и текстов того времени, которое изучает историк. Историк подобен следователю, но ищет не улики, он реконструирует прошлое, устанавливая причинно-следственные связи, открывая законы истории. Университетский историк во всем пытается дойти до истины, и в этом он равен любому естественнику. Историк – ученый, но его наука не только совокупность знаний, она наполнена мудростью понимания, которое рождается из общения с миром культуры, со временем и пространством бытия человека и общества. Историк всегда опосредован идеалами и ценностями того времени, в котором он существует. Он ангажирован господствующей идеологией, но физик тоже мыслит в рамках физических конструктов своего времени, и только гениям дано создавать новые модели устройства мира. Приближение историка к истинному знанию опирается на пределы и возможности его самосознания, рождается из широты знания, из его интеллектуальной честности, его умения давать слово текстам прошлых эпох, вступать с ними в диалог. Историческое время имеет множество интерпретаций, и задача историка с ними разобраться.

Я вспоминаю свою первую интеллектуальную драму на семинаре по истории декабристского движения в России. В школе нам рассказывали об

их гражданском подвиге ради народа. Я представляла декабристов светлыми рыцарями без страха и упрека. И вот передо мной копии протоколов допросов декабристов после поражения восстания и арестов. Из документов видно, что многие из них сразу сломались, готовы были переложить свою вину на других, раскаивались и унижались. И это мои рыцари! Мне было плохо, я была разочарована. Но С. Коваль, руководитель семинара, подсказал мне заняться изучением Общества соединенных славян. Был такой кружок среднего и младшего офицерства в Южном обществе декабристов. Там почти не было аристократов, но как они держались! Они не отказывались от своих взглядов и не раскаивались, достойно приняли каторгу и ссылку. А с годами я поняла, что подвиги не только в стойкости на допросах, но и в смелости отказаться от своих дворянских привилегий и внести в русское общество идеи справедливости и свободы. Они готовили переворот не ради своих рыночных выгод. Они думали о России и пострадали за нее. Труды декабристов в Сибири по развитию ее культуры достойны всякой памяти и уважения. Не знаю, как сейчас рассказывают о декабристах в школе, но я бы сохраняла восторженность памяти о них.

В 60-е годы началась оттепель, разоблачали культ личности Сталина и перегибы с социальными репрессиями. Но в основном бурлила литературно-художественная интеллигенция, историки высказывались мало. Мы еще верили в возможность Коммунизма. В столовой Финансово-экономического института на столах стоял бесплатный хлеб, билет в кино стоил от 10 до 25 коп. на дневной сеанс, за общежитие платили копейки.

Это было время великих строек и веры в социальный прогресс. Меня, например, принимали в комсомол в котловане Братской ГЭС. Это было время великих мечтаний и свершений. Я гордилась фотографией Фиделя Кастро на эстакаде Братской ГЭС. В пионерском лагере, где я работала вожатой, нашей отрядной песней была песня «Куба – любовь моя». Она отлично передает звуковой духовный ритм того времени. Наши песни несли оптимизм и общественную причастность человека: «Раньше думай о родине, а потом о себе». Тогда такой призыв казался естественным, и только уж совсем «кошельковая» интеллигенция морщила нос от этого девиза, но таких тогда было мало.

В 1960-е годы война еще во многом определяла отношение общества к своей современности. Были живы многие участники Великой Отечественной войны. Наши мамы знали, что такое военный голод и бедствия. Люди видели, как трудно восстанавливалась страна, затягивались душевные и физические раны. Время 60-х было временем открытости людей миру и друг другу. Дети бегали по поселку и прилегающим лесам без всякой опаски. Двери квартир закрывались только на ночь. Я могла, без всякого сомнения, привезти в маленькую тетину квартирку в Иркутске четверых своих одноклассниц. Мы компанией приехали поступать в вузы, и пока не устроились, дружно спали на полу небольшой комнаты. Это время не было благостным, но оно было в основном доброжелательным.

Мне сейчас очень трудно понять, почему дети и внуки людей 60-х гг. позволили называть нас «совками», вкладывая в это название какое-то презрение и нигилизм. Почему наша интеллигенция так легко и безрассудно сдала своих дедов и отцов. И, потрясенные, они сдались не сопротивляясь. Я пишу не о политических играх, мне хочется понять: почему и как переворачивается сознание общества, и зависит ли что-то от его историков, их честности и профессионализма. Наши интеллектуалы, к ним я отношу и историков, начали все больше отклоняться от власти истины к власти кошелька, карьеры и боязни оказаться несовременными. Эту боязнь как беса интеллигенции описал еще Ф. М. Достоевский. Она многое значит в русской жизни.

Но вернемся в шестидесятые. В это время успешно развивается система образования, высшего в первую очередь. В отличие от гарвардских выпускников, его организаторы понимали, что наука – основа всех типов прогрессивного развития страны. Мы входили в жизнь с уверенностью, что великие стройки Сибири, освоение природных богатств, освоение космоса, строительство Академгородков – оазисов науки, сделают нашу страну счастливой и богатой. Каждый гражданин страны знал, что его судьба во многом зависит от его труда, разума и воли.

Но возвратимся к старым фотографиям. После первого курса у нас начались летние практики. Первая – этнографическая, от нее у меня осталась

М.П. Аксенов.

Братское водохранилище. Гора Игетей. 1988 г.

фотография на фоне разрушенного собора с. Урик, а также фото среди местных ребятишек, интересовавшихся нашими занятиями. Мы снимали планы села, побывали на могилах декабристов, но в целом практика оставила мало воспоминаний.

Реально прикоснуться к материальному миру древних эпох, вживую почувствовать себя открывателем тайн бытия древнего человека нам позволила археологическая практика. Здесь все было необыкновенным: и красивая река Белая, на берегу которой был разбит наш палаточный лагерь, и песни у костра, искры которого взмывали в небо и делали волшебной ночную темноту. Руководитель

нашей экспедиции Г. И. Медведев казался мне каким-то особым человеком, приобщенным к тайнам древностей, с красивым лицом и умными глазами.

Он был еще совсем молодым, но значительность занятий делала его полным достоинства.

Нашей группой руководил Миша, позднее Михаил Петрович Аксенов, доктор исторических наук. Он был немногословен, но в нем чувствовалась доброта по отношению к нам, неразумным веселым девчонкам, и готовность поддержать некоторые проказы. Михаил Петрович научил нас аккуратно снимать культурные слои, соблюдать строгость линий, не спешить в предвкушении открытия чудесной находки. И хотя никто из нашей группы не стал археологом, но все, кто был на археологической практике, открыли, что археология – удивительная область исторического знания, требующая сообразительности, фантазии и труда, физического и интеллектуального.

Осенью мы вернулись в аудитории и библиотеку. Если бы у меня был поэтический дар, я написала бы поэму о библиотеке. Мне кажется, что свойства гуманитария, его качества, определяются отношением к книге. Ни с каким мощным компьютером не сравнить особую атмосферу читального зала, запах книг и журналов. Здесь творилось чудо вхождения в миры науки, миры искусства, истории народов и стран. Нам очень повезло, у нас была фундаментальная библиотека. В ней были собраны книжные богатства, которые собирались с 18-го года прошлого века, был газетный фонд с двадцатых годов. И отказы на наши запросы на книги были редкими. За пять лет учебы мы становились для библиотекарей своими людьми. Они знали нас по именам, интересовались, как мы сдавали сессии, и даже знали наших мальчиков. В библиотеке было два зала: общий и зал для дипломников и аспирантов. Все первокурсники мечтали «дожить» до второго зала. Я с благодарностью вспоминаю наших библиотекарей, наших проводников книжном мире. Благодаря их знаниям, доброте и добросовестной работе мы чувствовали себя в библиотеке как дома. <...>

Наш мир складывался не только из учебы, было всего много, и интересного, и веселого. Театр им. Охлопкова, прекрасный художественный музей, встречи со студентами художественного училища наполняли нас полнотой культурного бытия. И, конечно, невозможно забыть, как мы с Аллой Бабенко и Колей Лаптевым распевали песни под колхозным ночным небом. Три года мы ездили на копку картошки, и там случалось немало курьезов. А как мы веселились, придумывая стихи и сценарии на день Геродота. Мы любили вместе собираться в общежитии отмечать праздничные даты и приводили своих друзей и подруг из других вузов. У меня осталось много фотографий от наших веселых вечеринок. Сил и времени, кажется, хватало на все, такое содержательное было бытие.

Третий курс стал для меня временем тематического определения своей теоретической студенческой работы. Надо было писать курсовую работу по истории СССР. Из большого списка я выбрала тему «Золотая промышленность Восточной Сибири в годы Первой мировой войны». Эту же тему я продолжала исследовать в своей дипломной работе. Я собирала материал для диплома во всех доступных источниках информации: в областном архиве, в фондах краеведческого музея, в институте геологии и, конечно,

работала с материалами прессы за 1910–1918 годы. Особенно много материала дал анализ журнала «Золото и платина». На реально-документальном материале я постигала объективные основания российской революции. Документы показывали, какими бесчеловечными были условия жизни и труда рабочих на приисках Восточной Сибири. Сибирь каторжная перерастала в Сибирь капиталистическую, перерастала экономически, но не человечески. Люди слишком мало ценились как капитал. Каторга и ссылка поставляли рабочих на прииски, а там царил атмосфера временщичества и бесправия. Сибирское золото работало не только на Россию, его добывали английские и другие иностранные компании. Мировой капитал всегда стремился к захвату источников сырья. Революция спасла Сибирь от колониальной участи.

В наше время работы по истории промышленности в России носили описательный, концептуально-идеологический характер. Описывались события и их причины. Причины искали в противоречиях капиталистического производства, и это было, несомненно, верным, но однообразно скучным, историки боялись заглянуть за пределы марксистской методологии, боялись обвинений в идеологической незрелости. Но, в рамках своего метода, мы были честными исследователями, мы не могли качать данные из интернета. Каждую цифру проверяли архивными документами. Нам было важно «нащупать» в документе время, изучаемое нами, понять его особенности и процессы. Этого от нас требовали наши учителя. Моим дипломом руководила Нина Дмитриевна Овсянникова. Я благодарна ей за доброжелательную внимательность ко мне, за теоретические советы и понимание.

Сейчас, когда я пишу эти воспоминания, передо мной встает вопрос: почему советская историческая мысль создала мало оригинальных теоретических исторических исследований? В 60-е годы у нас не было сомнений в теоретической значимости модели формационного подхода в понимании

Слева направо: В.П. Олтаржевский, Ф.А. Кудряцев и Н.Д. Овсянникова

истории. У меня и сейчас нет сомнений в ее познавательной силе. Но сейчас я понимаю ее границы и рамки продуктивного действия. Тогда, в шестидесятые, марксизм был абсолютным метафизическим основанием в нашей исторической науке. Это было время торжества идей марксизма. Маркса и Ленина читали во всем мире. Освободившиеся от колониальной зависимости страны искали формы строительства свободной жизни в своих государствах. Моя одноклассница вышла в Ленинграде замуж за эфиопа и просила меня подобрать для него марксистскую литературу, когда он возвращался, закончив учебу, в свою страну. Маркс и Ленин были интересны миру. Но в семидесятые годы XX века историческая наука не приготовилась к критике своих оснований. Она закрылась одеялом идеологии, однако в науке есть свои законы и правила. Карл Поппер ввел в науку правило «открытой теории», по которому теория не может претендовать на истину, если она закрыта для критики.

К. С. Жуков, Е. В. Алтунин, И. И. Кузнецов, Б. С. Санжиев. 1970-е гг.

Закрыв марксистскую методологию для теоретической критики, мы ослабили ее интеллектуальные мускулы и фундаментальные основания. Мы не научились отстаивать марксизм не только идеологически, но и теоретически, то есть признавать его слабости и развивать сильные стороны.

Историки конца 60-х – начала 70-х годов не смогли разобраться в причинно-следственных связях и субъектах времени культа личности, и эта смутность понимания используется идеологами разного толка в настоящем. А тогда были живы и даже стояли у власти многие из героев драмы разоблачения культа Сталина, было много недосказанности и идеологической предопределенности.

К трудностям идеологической закрытости добавлялся комплекс безосновности, традиционного интеллектуального сиротства – отсутствие

преемственности. Нам читали курс историографии, в котором В. О. Ключевский был так же абстрактен, как и Геродот. Связь времен была разрушена революцией, прервана традиция русского историописания. Новые историки искали авторитетов на Западе чаще, чем в своей стране. А В. О. Ключевский предупреждал о многом, он показывал, что историческая необразованность реформаторов во все времена вела к негативным последствиям. В своей статье «Памяти С. М. Соловьева» (В. О. Ключевский. Исторические портреты. М., 1990) он писал о реформах Петра I, когда любуюсь, как реформа преображала русскую старину, не доглядели, как русская старина преображала реформу. Что значит «преображала»? Это значит, что все скверное, что мешало обществу жить и развиваться, возвращается, приспособляется и гнобит общество. То, что написано о реформах Петра, звучит актуально и для нашего времени. Традиции, память и связь времен наполняют исторические исследования достоинством основания. Наши историки не связали марксистскую методологию с традициями русского историописания, и провалы советской историографии аукнулись провалами современной теоретической связи времен.

Кажется, к чему эти рассуждения в воспоминаниях о своей молодости? Это были другие времена, другие идеи господствовали в воздухе страны. Но мы выбрали профессию историка, а она обязывает не только к знанию, но и к пониманию и самосознанию. Через настоящее прошлое видится в оценочном ореоле и у изучающего, и у изучаемого. Со стороны настоящего легко судится прошлое. Для нас понятие «совки», которое было распространено в 1990-е гг., было унижительным и оскорбительным. Для нас слово «Советы» означало по-настоящему демократическую форму организации общества, но об этом уже расскажут историки XXI века, если у них хватит интеллектуальной честности.

Но если бы мне предложили отказаться от своего времени, я никогда бы этого не сделала. В годы студенчества мы накапливали знания и готовились сеять разумное, доброе, вечное. И под этим девизом, кажется, прошла жизнь.

Мы приблизились к последней университетской фотографии. С нами на ней наши любимые преподаватели: высокий красивый Владимир Владимирович Яровой, старенький добрейший Павел Павлович Хороших, темпераментный и жизнерадостный Мирон Акимович Бендер, Сергей Владимирович Шостакович.

А мы уже все повзрослели, выбрали направление своих интересов и почти готовы к самостоятельной жизни. Мы никогда не забудем свой университет и своих товарищей, которых уже нет в живых: Ольгу Горбунову, Бориса Ржепко, Дмитрия Шестакова, Нелли Круглову. Бориса Юркина. Мы окончили университет в 1966 году, нашей последней фотографии больше полувека. У меня одно пожелание юным студентам: любите свой университет так же, как любили его мы!

Н. М. Лаптев

Самое лучшее десятилетие моей жизни принадлежит ИГУ

Н. М. Лаптев

В конце 50-х годов XX века в СССР осуществлялись реформы, которые получили название «хрущевских». Реформы коснулись и системы народного образования. В СССР был осуществлен переход к всеобщему среднему образованию.

Высшая школа не реформировалась, но были приняты решения об изменении социального состава студенчества. По решению высших эшелонов власти был осуществлен глубокий анализ социального состава советского студенчества, который показал, что в стране, где власть принадлежит рабочим и крестьянам (к общенародному государству мы еще не перешли), их дети занимали 30 % мест в вузах, а 70 % студентов были выходцами из семей советской интеллигенции.

Н. С. Хрущев, сам выходец из шахтеров, пришел к выводу, что это несправедливо. И было принято закрытое решение о создании привилегированных условий для рабочей молодежи и демобилизованных из Советской армии солдат при поступлении в вузы. Согласно этому решению, при большинстве высших учебных заведений были открыты подготовительные отделения, которые мы окрестили по-старому – рабфаками.

На них возлагалась задача подготовки к поступлению в вуз молодых рабочих, колхозников и бывших солдат, имевших аттестаты о среднем образовании. Срок обучения на подготовительном отделении – год. После окончания «рабфака» слушатели сдавали выпускные экзамены, которые считались вступительными в тот вуз, при котором они учились на подготовительном отделении.

Одновременно с ними в армии при крупных гарнизонах были открыты подготовительные курсы для солдат, имевших среднее образование. В нашем гарнизоне такие курсы были открыты при средней школе. Курсы были вечерними и бесплатными. Я был зачислен на курсы и стал готовиться к

поступлению в вуз по гуманитарному профилю. Все солдаты и сержанты, окончившие курсы с положительными оценками, имели возможность подать документы в избранный вуз, а командование части должно было отпустить их для сдачи экзаменов.

Я собирался поступать на исторический факультет, но в какой вуз, еще не решил. Выбор определился неожиданно и быстро. В июле 1961 года в наш гарнизон приехал представитель крупнейшего в СССР строительного треста «Братскгэсстрой» и стал проводить набор рабочих строительных специальностей. В те годы метод вербовки (оргнабора) был широко распространен. Вот и в нашу часть приехал проводить оргнабор представитель «Братскгэсстроя». Он обещал нам по приезду на строительство Братской ГЭС жилье в общежитии и большие подъемные – деньги на проживание до первой полочки. Сумма подъемных была по тем временам весьма приличной – 500 рублей. Я, бывший каменщик 4-го разряда, руководителю оргнабора подходил, и мне тоже хотелось попасть на великую стройку коммунизма, о которой тогда сообщали все СМИ нашей страны. Но ведь и курсы я закончил на «хорошо», и попробовать поступить учиться в вуз тоже хотелось. Мы договорились с ответственным по оргнабору, что он включает меня в список 20, пожелавших поехать на Братскую ГЭС, но я попробую поступить в Иркутский государственный университет. Если не поступлю, то приеду на стройку, получу подъемные и вольюсь в бригаду. К моему удивлению, я выдержал вступительные экзамены на исторический факультет ИГУ и стал студентом.

В конце июля 1961 года я прибыл на поезде в Иркутск. Город отмечал свое 300-летие и был разукрашен гирляндами из цветных шаров, цветными панно и транспарантами. На мой вопрос: «Где в Иркутске находится университет?» – мне отвечали, что университет расположен в 4 корпусах и в разных местах города. Найти свой корпус удалось не сразу, но добрые люди помогли найти солдату нужный адрес. Сдав документы в приемную комиссию историко-филологического факультета, я получил направление в общежитие, которое находилось на ул. 5-й Армии в бывшей церкви Св. Харлампия. В настоящее время храм восстановлен в первоизданном виде и является одним из красивейших в г. Иркутске. Студенты ИГУ были на каникулах, и общежитие заселили абитуриентами.

В год моего поступления на исторический факультет конкурс был приличным – 8 человек на одно место. И хотя мы, бывшие солдаты, шли вне конкурса, из-за большого количества поданных от нас заявлений среди нас, внеконкурсников, тоже возник конкурс, и надо было набрать хорошую сумму баллов, чтобы поступить. Сдавать надо было 4 экзамена: сочинение, русский язык и литературу (устно), историю и иностранный язык. Самым главным и трудным экзаменом было сочинение. Оно сразу отсеивало до половины абитуриентов. Через два дня на «стене радости и горя» (так в мы в шутку называли доску информации факультета) появился список абитуриентов, получивших положительные оценки. Счастливчики, среди которых оказался и я, от радости бросились купаться в Ангару. Главный рубеж был мною взят с оценкой «хорошо». Остальные экзамены я сдал также успешно и, набрав 18

баллов из 20, я был зачислен на истфак ИГУ. Наступил новый, студенческий, этап в моей жизни, который был насыщенным и интересным.

Одной из важнейших проблем студентов всех времен и народов является нехватка денег. У нас, студентов 60-х, она была такой же острой, как и в другие времена. Стипендии пока еще нет, переводов ждать неоткуда. Мама получала пенсию и на нее жила, а старшие братья и сестры уже обзавелись семьями: им своих детей учить надо. Но мир не без добрых людей, и они окружают нас чаще, чем недобрые. И мне на них всегда везло.

Недалеко от общежития, где я жил, строился жилой дом. Я нашел прораба стройки и спросил, не нужны ли им каменщики. Он принял меня, хотя с уговором, что работать я буду только до сентября, так как в сентябре нас отправляли в колхоз на сельхозработы. Специальность каменщика, полученная в Астраханском СУ № 3, снова пригодилась. Добрый человек был прораб: он помог мне с работой и перед отъездом в колхоз помог получить заработанные деньги. Еще раньше, после зачисления, я отправил домой телеграмму, в которой сообщил, что стал студентом, и просил выслать мне мою гражданскую одежду. Мама, узнав, что Иркутск находится в Сибири, где «всегда мороз», прислала и одежду, и шапку, и валенки. Валенки, конечно, негодились в колхозе, а вот шапка и свитер пришлись к месту.

Первый выезд в колхоз (а их потом будет еще три) для нас, студентов-историков, оказался весьма удачным. В селе Кирбулак Аларского района мы смогли за месяц своего пребывания заработать приличные деньги. И за это надо благодарить нашего старосту, а по-колхозному, бригадира – Шестакова Дмитрия. Бывший старшина-пограничник, он подходил к бригадирской должности как нельзя лучше. А бригада наша, которая состояла из 15 человек (7 парней и 8 девушек), была очень настроена на хорошую денежную работу.

Первоначально всю бригаду определили на копку картофеля (а студенты, как правило, ездили в колхозы на уборку картофеля и овощей). На этой работе мы могли только отработать расходы на питание, а нам, особенно парням, хотелось и заработать. Бригадир Д. Шестаков от нашего имени пошел к председателю колхоза просить другую работу для семерых здоровых мужиков. Причем мы были готовы выполнить любую работу, если она стоила хороших денег. Председатель пошел нам навстречу: он предложил по договорной цене очистить от слежавшегося и утопанного скотом навоза старый коровник. В общем-то, коровник старым не был. Это была добротная постройка, но «унавожренная» почти до потолка. Сумма в договоре нас устроила, и мы на некоторое время стали «навозовыгребателями». Работа была действительно тяжелая, а основным инструментом были вилы, лопаты и ломы. Работали мы по 10 часов в день. Одежда наша за дни навозной вахты пропиталась специфическим ароматом. Сокурсницы наши принимали все меры, чтобы не допустить распространения запаха коровника на их половину общежития. Мы выполняли их требования: одежду и сапоги тщательно мыли, стирали и оставляли вне общежития, и сами мылись, по-

ливая друг друга водой. Девушки нашего курса смирились, да и работа по зачистке коровника вскоре закончилась.

Председатель сам принимал работу и был удивлен, что она была выполнена так быстро и с хорошим качеством. Коровник выглядел как новый, и даже пол в нем был подметен. Как артель, мы председателю понравились, и он сам предложил нам еще одну аккордную работу – откопать водопровод, связывающий водокачку и теперь уже действующий коровник. Водопровод зимой промерзал, т. к. был проложен на недостаточной глубине. Нам предстояло откопать траншею, углубить ее и уложить трубы водопровода на глубину, недоступную для суровых сибирских морозов. Мы, к радости директора, и эту работу выполнили успешно. За обе работы мы получили около 2,5 тыс. рублей. Начисляя нам такую сумму, колхозный бухгалтер не был в восторге, заявив, что у него колхозники столько не получают. Но председатель сам подтвердил, что студенты эту сумму заработали честно. Расставаясь с нами, он пригласил нас на следующий год, но мы не могли обещать ему ничего, так как нас отправляли на картошку по разнарядке областных руководящих органов.

В первой колхозной страде мы не только познакомились, но и близко узнали друг друга. По возвращении в Иркутск нас по нашей просьбе поселили в общежитие. В одну комнату из нашей колхозной бригады были поселены, кроме меня, четверо моих однокурсников: Б. Ржепко, В. Полканов, Б. Юркин и В. Яговкин. Шестым поселили нашего однокурсника, инвалида по зрению В. Гаврилова. В таком составе мы жили на 1–3 курсах. Комната была большая, и принимать гостей было где. У нас для этого случая была еще одна кровать-раскладушка.

Студенческий праздник "Геродот". 1960-е гг.

На колхозные деньги я приобрел себе костюм, несколько рубашек и туфли, и стал одеваться «как все». А еще мы из колхоза привезли несколько мешков картошки, которую нам бесплатно отпустил наш друг – председатель колхоза. Мы ее варили сами, давали соседям, а один мешок презентовали коменданту общежития. Началась наша студенческая жизнь.

Хочу отметить одну особенность в нашей учебе. Мы очень серьезно относились к выполнению заданий наших преподавателей и значительную часть свободного времени проводили в научной библиотеке университета. Ее книжный фонд насчитывал около 2 миллионов книг, и она считалась одной из крупнейших библиотек в Сибири.

Среди 20 студентов нашей группы только 5 человек были выпускниками школ 1961 года, а остальные имели трудовой или армейский стаж. В начале первого семестра тон в учебе задавали наши отличницы – Тамара Ростовцева из Братска и Алла Бабенко из Красноярска. Мы, которые из армии и флота, имели 4-5-летний перерыв в учебе и тягаться с ними не могли. Отставание решили ликвидировать упорной работой в библиотеке. И у некоторых из нас это получилось. Первую экзаменационную сессию сдали на «отлично» не только бывшие школьницы, но и те, у кого был армейский и трудовой стаж: В. Гаврилов, В. Андреев, Н. Лаптев, Б. Ржепко и В. Яговкин. Забегая вперед, отмечу, что взятый на 1-м курсе старт мы выдержали до 5-го курса. Группа наша была лучшей не только на истфаке, но и побеждала в социалистическом соревновании среди учебных групп ИГУ. И, наверное, поэтому почти половина выпускников стали впоследствии учеными-историками – профессорами и доцентами. Профессорские звания получили Н. Лаптев, В. Полканов, Т. Ростовцева и В. Яговкин, а доцентами стали В. Андреев, А. Бабенко, Т. Ростовцева, Б. Ржепко и Д. Шестаков.

М. А. Бендер

Следует отметить, что в период нашей учебы в университете на историческом факультете работали крупные сибирские ученые-историки: профессора В. Т. Агалаков, Ф. А. Кудрявцев, И. И. Кузнецов, С. В. Шостакович и другие. Они не только преподавали нам историю «всех времен и народов», но и привили интерес к науке. Все преподаватели вели свои исторические кружки, и мы, студенты, стремились попасть к любимым профессорам. Я записался в кружок профессора Ф. А. Кудрявцева, где мы углубленно изучали историю революционного движения в Сибири. Первый мой научный доклад на заседании кружка назывался: «Социал-демократические организации в Восточной

Сибири». На третьем курсе я посещал кружок «Декабристы в сибирской ссылке» (рук. доцент С. Ф. Коваль), а на четвертом участвовал в работе кружка «международников» у ст. преподавателя М. А. Бендера. Работа в

кружках не была пассивной, и каждый студент-слушатель кружка должен был подготовить научный доклад на заседании кружка или на научной студенческой конференции.

А зимние каникулы 1963 года я провел на озере Байкал. Иркутский государственный университет имеет на берегу озера в местечке Большие Коты научную биологическую станцию. Там же располагался зимний студенческий оздоровительный лагерь. Путевки в лагерь выдавал студенческий профком, а несколько путевок профком выдавал бесплатно, в основном он поощрял ими студенческий актив. И я, как староста комнаты, член студсовета общежития и член бюро ВЛКСМ факультета, был награжден бесплатной путевкой в этот лагерь.

Зимний Байкал не менее прекрасен, чем летний. Заснеженные берега резко контрастировали с зеленой ледяной гладью озера. Снега на льду практически не бывает, потому что он уносится ветром. Поскольку лагерь спортивно-оздоровительный, то спортом мы должны заниматься обязательно. На льду озера мы построили стадион для игры в хоккей с мячом и, разделившись на несколько команд, разыграли первенство лагеря.

Руководитель лагеря, преподаватель кафедры физкультуры В. П. Смольков, привез с собой две дюжины пар коньков и столько же пар лыж, так что спортивным инвентарем мы были обеспечены. Запоминающимся для меня остался конькобежный марафон по Байкалу от Больших Котов до Листвянки. Он был двухсуточным с ночевкой в доме байкальского рыбака. Он, будучи приятелем нашего руководителя Виктора Петровича, оказал нам гостеприимство и угостил рыбацкой ухой. На следующий день, прикупив в Листвянке продуктов, мы вернулись в лагерь.

Кроме спортивных игр и походов, мы занимались в лагере заготовкой дров. Их требовалось много: для топки печей, обогревающих наше жилье, и для кухни. Дрова в лесу мы не заготавливали, хотя лес был рядом. На территории лагеря было складировано несколько десятков сосновых и березовых бревен, которые мы распиливали на чурки и затем раскалывали на дрова. Двенадцать каникулярных дней пролетели быстро, и мы вернулись в Иркутск. Теперь у меня появились новые друзья среди студентов других факультетов, с которыми я сохранил теплые отношения даже после окончания университета.

Весной 1963 года в моей студенческой жизни произошло очень важное событие. На университетской научной студенческой конференции мой доклад: «Распространение газеты «Искра» в Сибири» получил высокую оценку в оргкомитете и был рекомендован на Всероссийскую научную студенческую конференцию. Конференция проходила в Новосибирске. В ту пору там на берегу искусственного Обского моря создавалось Сибирское отделение Академии наук СССР. Когда я приехал в Новосибирский университет (а он входил в состав научного центра), меня удивили не только новые корпуса многочисленных научно-исследовательских институтов, но и большое количество юных «студентов» в НГУ. Оказывается, при университете была создана физико-математическая школа (ФМШ), куда отбирались одарен-

ные ученики 9 классов со всей Сибири и Дальнего Востока. 10 класс они заканчивали в ФМШ и поступали в университет. Поскольку они были одаренными, то ускоренно проходили обучение в НГУ и поступали в аспирантуры при НИИ или при университете. Защитив кандидатские диссертации, они становились научными сотрудниками институтов СО АН СССР. Как оказалось впоследствии, это был один из лучших способов формирования научного потенциала Сибирского научного центра по схеме: ФМШ – университет – аспирантура. Но для меня, впервые увидевшего в университете старших школьников, это было в диковинку. На мой вопрос, что делают в НГУ юноши школьного возраста, мне ответили: «Это наши фымышата, которые начинают путь в большую науку».

Всероссийская студенческая научная конференция проходила два дня. Доклад мой был заслушан на заседании секции историков и признан в числе лучших. Председатель секции академик А. П. Окладников предложил опубликовать его в многотиражке СО АН СССР «За науку в Сибири». Я думаю, доклад был опубликован не только из-за его научной ценности, а также и потому, что А. П. Окладников был иркутянином, а я представлял на конференции университет, который он закончил еще в 20-е годы. Отмечу, что это была моя первая встреча с академиком А. П. Окладниковым, но не последняя. За участие в конференции я был награжден Почетной Грамотой НГУ, подписанной академиком А. Соболевым. При возвращении в свой университет я отчитался о своей поездке в научном студенческом обществе (НСО).

Всем известно, что проблема денег для бедных студентов была и остается одной из самых насущных, а у нас, студентов начала 60-х, она была острее, чем у других. Стипендия у нас была 20 рублей, из которых 1,5 рубля высчитывали в качестве платы за общежитие. Помощь от родных мне поступала крайне редко. Все мои братья и сестры к тому времени имели свои семьи, и на их помощь надеяться не приходилось. Только мама от своей пенсии присылала иногда 10–15 рублей, но не каждый месяц. Поэтому свой студенческий бюджет мы пополняли заработками на стороне. Приходилось с однокурсниками – В. Яговкиным и Б. Ржепко – разгружать вагоны с углем на ст. Иркутск-Сортировочный. Немного лучше стало с 1 сентября 1963 года, когда стипендию повысили до 35 рублей, а поскольку я учился без троек, то получал повышенную стипендию – 45 рублей. Вскоре мы с Володей Яговкиным еще больше разбогатели. Один из старшекурсников уступил нам свое место сторожа в школе, которая находилась недалеко от нашего общежития. Официально оформлен был я, но, поскольку одному дежурить каждую ночь было трудно, я уговорил своего друга, такого же бедняка В. Яговкина. Ставка ночного сторожа в школе составляла 90 рублей, и мы делили их на двоих. С этих пор мы уже на разгрузку угля не ездили.

В соответствии с учебной программой, мы за весь период обучения должны были проходить практику. После первого курса этнографическую, после второго археологическую, на третьем курсе пионерскую, и на четвер-

том педагогическую практику. Все они были интересными и увлекательными.

После летней экзаменационной сессии мы до начала каникул группой в 16 человек выехали в с. Урик (в 17 км от Иркутска) для изучения жизни и быта сельского населения с ориентировкой на поиски старинных орудий производства и предметов крестьянского быта. Объектом исследования были жители трех сел – Урика, Грановщины и Усть-Куды. Руководил практикой один из известных этнографов Сибири, доцент ИГУ П. П. Хороших, а помогал ему аспирант кафедры истории Л. С. Любимов. Во время практики мы все вели дневники, записывая рассказы стариков о дореволюционной и доколхозной жизни. Жили мы в двух классах Уриковской школы: девушки в одном классе, а парни в другом. По вечерам ходили в сельский клуб на танцы, а чаще собирались на берегу р. Куды у костра и пели песни под гитару. Л. С. Любимов знал очень много студенческих песен многих поколений и передавал их нам как эстафету. После практики наш песенный багаж значительно пополнился, и мы их с удовольствием пели на всех студенческих вечеринках.

Археологическую практику я не проходил, т. к. заболела мама, и мне из Травино пришла телеграмма. Я, договорившись о моей отработке с материалами раскопок, улетел в Астрахань. Когда в сентябре мы снова поехали в колхоз, В. Яговкин мне рассказал о том, что они раскопали множество предметов древнейших людей и, по всей вероятности, там была их стоянка. Впоследствии это подтвердилось, и раскапывали ее не один год, а мой друг В. Яговкин был приглашен на раскопки и на следующий год. Руководил раскопками аспирант кафедры археологии ИГУ, а ныне ученый с мировым именем, д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки России Г. И. Медведев.

После окончания третьего курса мы должны были проходить пионерскую практику, то есть поработать не менее одного сезона вожатыми в пионерском лагере. Поскольку в Советский период нашей истории пионерские лагеря были в каждом районе, то практику можно было проходить и по месту жительства. Пионерскую практику на нашем факультете контролировала кафедра педагогики, которой руководила доцент Л. Т. Люшина, и одновременно она была деканом факультета. Добрейший человек и умный педагог, она с любовью относилась к студентам, и студенты отвечали ей тем же. Я обратился к ней с просьбой разрешить пройти пионерскую практику по месту жительства. Она знала, что я из далеких краев, и разрешила, с условием, что я привезу справку о прохождении практики, отчет и характеристику. Таким образом, практику я проходил дома, а руководила ею моя первая учительница Зинаида Ивановна Буслаева.

На 4 курсе наша группа поредела, и в ней осталось 15 студентов. Две девушки вышли замуж и перевелись на заочное отделение. Женились и перевелись на заочное отделение В. Полканов и Д. Шестаков, а еще один однокурсник, А. Румянцев, перевелся на другой факультет. Важным событием в жизни курса была педагогическая практика, т. е. учительская работа

в школе. Так случилось, что нам с В. Яговкиным пришлось проходить практику в школе при Иркутской тюрьме. В те времена заключенные, желающие пополнить свое образование, при хорошем поведении могли вечером посещать школьные классы и кабинеты, открытые в местах заключения. Они учились в 8–10-х классах и при успешной сдаче экзаменов могли получить аттестаты о среднем образовании. Это была своеобразная тюремная школа, в которой мы с В. Яговкиным преподавали историю СССР. Мы получили пропуска в тюрьму и в течение месяца 4 раза в неделю с 7 до 10 часов вечера проводили занятия.

Некоторые ученики серьезно относились к учебе. Они готовились к урокам и отвечали на заданные вопросы по темам. Иногда сами задавали нам вопросы и интересовались жизнью за тюремными стенами. Другие приходили, чтобы убить время, и тоже задавали вопросы, но больше не по истории, а провокационного характера. В 1964 году в СССР сменилось руководство в стране: Н. С. Хрущев был отправлен на пенсию, а вместо него Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Л. И. Брежнев. Конечно, оба они не были любимыми руководителями у заключенных, и они терзали нас с Володей Яговкиным вопросами, связанными с их деятельностью. Когда наши ответы не удовлетворяли слушателей, и они начинали «бузить», присутствовавший на уроке надзиратель прикрикивал на них и устанавливал дисциплину в классе сам. В целом уроки проходили нормально, и мы успешно завершили практику. Как и положено, в конце практики на кафедре педагогики нами были представлены отчеты и характеристики. За практику мы получили отличные оценки.

В сентябре 1964 года состоялась судьбоносная для меня беседа с заведующим кафедрой истории КПСС университета, доцентом Сизых И. А. Он сообщил мне о том, что на кафедре освободились две ставки ассистентов, и он хочет взять меня и моего однокурсника Андреева В. М. для работы на кафедре. Я согласился и стал готовиться к государственным экзаменам и к защите дипломной работы, так как к работе надо было приступить с 1 декабря. Дипломная работа была выполнена под руководством профессора Ф. А. Кудрявцева, и ее защита прошла успешно. Государственные экзамены я тоже сдал на отлично и приступил к работе в качестве ассистента. Мне было поручено проводить семинарские занятия по истории КПСС у студентов физико-математического факультета. Золотая пора моей жизни, студенческие годы, закончилась и наступил новый этап – работа в ИГУ.

Коллектив кафедры, на которую меня пригласили работать, насчитывал вместе с двумя лаборантами 18 человек. Мы, недавние студенты, были приняты дружелюбно, и над нами взяли шефство старшие, более опытные педагоги. Официально это никак не оформлялось, но на заседании кафедры на первый год моей работы мне в наставники определили доцента А. Е. Погрбенко. Он был очень эрудированным преподавателем и добрым человеком. Ко мне на занятия приходил не один раз, и не с целью проверки, а для оказания помощи. Поскольку первые два года я проводил только семинарские занятия, а лекции не читал, то он по каждой теме семинара

рекомендовал прочесть не только учебную, но и дополнительную литературу. Первый мой учебный год прошел успешно. Конечно, были и волнения, и пот градом, когда назначались открытые занятия, и на семинар приходили другие преподаватели кафедры. Но они при разборе полетов были настроены дружелюбно, и было больше дружеских советов, чем критики.

Ассистентом кафедры истории КПСС я проработал до октября 1968 года. Наряду с учебной работой выполнял, как тогда говорили, общественные поручения – временные и постоянные. По-видимому, «общественник» я был неплохой, и в 1967 году меня избрали членом партийного комитета университета. В партийном комитете я был ответственным за работу комсомола. Секретарем парткома ИГУ в 1966 году была избрана А. В. Калабина. А в 1968 году меня снова избрали членом парткома, но секретарем его был избран А. П. Горбунов. В этом же году я участвовал в работе студенческого строительного отряда (ССО) в должности комиссара.

Еще весной комитет ВЛКСМ ИГУ предложил мне должность командира студенческого строительного отряда, и я согласился, а летом отступить было некуда. ССО был сформирован из студентов-физиков университета, которых я учил, и дислоцировался в Иркутске. Студенты жили в одном из общежитий Академгородка и строили новый корпус университета. Отряд был очень дружным и работающим. В городе было в то лето несколько ССО, которые соревновались между собой (в те времена все соревновались, где бы ни трудились). По итогам трудового семестра наш отряд занял первое место среди городских отрядов.

В октябре 1968 года я поступил в аспирантуру. Еще в период работы на кафедре мой наставник А. Е. Погребенко посоветовал сдать экзамены кандидатского минимума, чтобы в период обучения в аспирантуре я мог сосредоточиться только на работе над диссертацией. Но сомнения у меня были: смогу ли я написать солидную научную работу и защитить диссертацию? Этим я поделился со своим научным руководителем. Он превратил мое сомнение в шутку, заявив, что «не боги горшки обжигают». Но посоветовал, чтобы я не распылялся в работе, и рекомендовал мне сосредоточиться на диссертации. Он требовал, чтобы и во время летних отпусков я работал над научной темой. Я, конечно, с ним соглашался, но жизнь вносила свои коррективы. Так, еще до аспирантуры А. Е. Погребенко летом 1968 года заставил меня сесть за учебники и готовиться к вступительным экзаменам.

После окончания работы в ССО, успешно сдав вступительные экзамены в аспирантуру, я приступил к работе над диссертацией. Тему научного исследования для меня подобрал мой научный руководитель А. Е. Погребенко, и называлась она так: «Партийное руководство работой железнодорожного транспорта Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.». Тема была утверждена в диссертационном совете при ИГУ.

В Восточной Сибири в годы войны основные перевозки осуществляли три железные дороги: Восточно-Сибирская, Забайкальская и Красноярская. Чтобы изучить работу их коллективов, необходимо было исследовать многочисленные документы, хранящиеся в архивах Бурятии, Краснояр-

ского края, Иркутской и Читинской областей, а также документы, хранившиеся в архивах самих дорог. Кроме того, необходимо было поработать в центральных государственных и партийных архивах в г. Москве. Таким образом, надо было на два года превратиться в «архивную крысу» и «грызть», т. е. изучать документы.

Первый год обучения в аспирантуре ушел на сбор документов в местных архивах, а второй – на работу в московских центральных архивах и их филиалах в Подольске и Химках. Следует особо подчеркнуть, что в советское время денег на научные исследования не жалели, независимо от направления – естественное оно или гуманитарное. Университет оплатил мне все расходы на научные командировки: дорожные, суточные и гостиничные.

Труд историка-исследователя состоит из нескольких этапов: изучение научных работ, которые были написаны до его вхождения в тему; поиск и обобщение необходимых материалов, их накопление и систематизация и, наконец, творческий процесс – написание и защита диссертации. Мой научный руководитель, который тогда еще сам был молодым ученым-историком, особое внимание обращал на анализ научных работ по теме исследования. Он считал, что это один из важнейших факторов научности диссертации. И когда я представил ему список прочитанных мною научных трудов по своей теме, он остался доволен. Следует отметить, что я у него был первым аспирантом, и он делал все, чтобы первый блин не оказался комом. Он вычитывал мою диссертацию сначала по главам, а затем целиком, и при том даже в рукописи, а не в машинописном варианте. Поскольку Аверьян Евстафьевич был не только историк, но и филолог, он попутно исправлял стилистику и грамматические ошибки.

К концу 1970 г. работа была написана, и начались доработки и обсуждения. Кроме А. Е. Погребенко, диссертацию в начальном варианте по моей просьбе прочитал профессор кафедры истории ИГУ И. И. Кузнецов, который был крупнейшим специалистом по проблеме «Сибирь в Великой Отечественной войне». Он положительно отозвался о моей работе, но порекомендовал подробнее раскрыть роль сибирских железнодорожников в осуществлении перевозок стратегических группировок советских войск: осенью 1941 года под Москву из Сибири и Дальнего Востока и летом 1945 года на Восток. Эти обе операции осуществлялись под руководством Государственного Комитета Оборона (ГКО) и имели исключительное значение для военных успехов Советской армии. Я, конечно, учел эти рекомендации при подготовке к защите диссертации.

В мае 1971 года состоялась защита кандидатской диссертации, и мне была присвоена ученая степень – кандидат исторических наук. Теперь в моей жизни определились 4 направления – учебное, научное, семейное и общественная работа.

Научное направление предполагало дальнейшую исследовательскую работу по истории транспортного освоения Сибири, и в круг моих научных интересов входила не только история Транссиба, но и история водного транспорта. Поле для научной деятельности у меня оказалось широким.

Сразу после защиты диссертации я был включен в состав авторского коллектива по написанию книги об истории Восточно-Сибирской железной дороги к 75-летию со дня начала эксплуатации. В него вошли крупные иркутские ученые-историки профессора: Ф. А. Кудрявцев, И. И. Кузнецов, А. А. Мухин, доценты: В. Т. Агалаков, В. А. Дулов, Н. Т. Иванов. Таким образом, я в научном коллективе оказался рядом со своими учителями. Это мне очень помогло в моем дальнейшем научном росте.

В предполагаемую монографию я должен был написать две главы: «ВСЖД в годы Великой Отечественной войны» и «История электрификации дороги». Для написания второй главы мне необходима была научная командировка в Москву. Ее обеспечило руководство дороги – заказчик книги. Я месяц проработал в Центральном государственном архиве народного хозяйства (ЦГАНХ) и в текущем архиве Министерства электрификации СССР, собрал необходимые материалы и с заданием коллектива справился. В 1973 году книга была издана, причем солидным тиражом, так как руководство дороги считало, что она должна быть в семье каждого работника ВСЖД. В день празднования юбилея дороги мы, авторский коллектив, были приглашены на собрание актива железнодорожников и отмечены наградами от имени руководства дороги. Книга наша «Восточно-Сибирская, электрическая» была хорошо встречена читателями-железнодорожниками. Она была одной из первых книг по истории железных дорог страны.

В 1975 году, уже получив звание доцента, я был приглашен еще в один авторский коллектив, более крупный по составу и более солидный по званиям. Как известно, в Сибирском отделении Академии наук в начале 60-х годов прошлого века был создан научно-исследовательский институт истории, археологии и этнографии Сибири. Тогда его возглавлял академик А. П. Окладников. По его инициативе было принято решение написать фундаментальные научные труды по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. С этой целью было сформировано несколько крупных авторских коллективов, которые должны были написать 5 томов «Истории сибирского крестьянства» и 4 тома «Истории рабочего класса Сибири». Я был приглашен в авторский коллектив 3-го тома «Истории рабочего класса Сибири» и вместе с историком из Томского университета отвечал за историю сибирских железнодорожников. Доцент Елизаров И. В. готовил материалы по истории транспортных рабочих Западной Сибири, а я – по истории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Чтобы собрать необходимый материал, пришлось снова ехать в командировку по маршруту Благовещенск – Хабаровск – Владивосток. Собранный материал оформлялся в научные статьи и отправлялся в редколлегию тома. Дважды, в 1976 и в 1978 годах, нас, членов авторских коллективов, собирали в Новосибирске (в Академгородке) для обсуждения проектов томов.

Особенно мне запомнилась поездка в Академгородок в 1978 году. В составе иркутской делегации были крупные ученые-профессора: Б. С. Санжиев, И. И. Кузнецов, В. Т. Агалаков, А. Н. Зыков. Я не причисляю себя к крупным ученым, но в состав делегации был включен. Совещание автор-

ских коллективов проходило в течение трех дней. Сначала нас всех пригласили на пленарное заседание в Дом науки, а затем была организована работа авторских коллективов отдельных томов. Академик А. П. Окладников, который и руководил всей работой совещания, особое внимание уделил иркутской делегации. Он, сам по происхождению иркутянин, любил Иркутск и по возможности приезжал в наш город. Конечно, его особо интересовало состояние исторических исследований в ИГУ. Его заместителем по научной работе в то время был доктор исторических наук профессор В. В. Алексеев, также выпускник ИГУ. Они оба и решили историков-иркутян пригласить на товарищеский ужин в дом академика Окладникова.

В Новосибирском академическом городке все академики жили в коттеджах. Имел такой коттедж и Алексей Павлович, куда мы, историки-иркутяне, были приглашены. Интересна, конечно, была и сама встреча иркутских земляков в Академгородке. Но более интересным оказалось знакомство с экспозицией домашнего музея академика. В то время А. П. Окладников был одним из выдающихся ученых-археологов в мире. Прославился он археологическими открытиями в Сибири и в Северной Америке. За его плечами были десятки археологических экспедиций от р. Лены до Калифорнии. Им было доказано, а «историческим миром» признано, что Америка была заселена выходцами из Сибири, и коренные жители ее и Сибири имеют общих прародителей. В его музее мы смогли изучать археологические находки родом из неолита. Сам академик, к тому времени уже Герой Социалистического Труда, в общении с нами был удивительно прост. Он расспрашивал нас о наших делах, пел с нами песни, особенно любил он песни о Байкале и Ангаре. Эта встреча с академиком А. П. Окладниковым произвела на меня огромное впечатление и запомнилась на всю жизнь.

В начале 80-х годов работа над томами была завершена, и они вышли в свет, но мое научное сотрудничество с новосибирскими историками продолжилось и в последующие годы. В 1983 году я был приглашен в авторский коллектив историков для написания монографии «Индустриальное освоение Сибири. Опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг.» Возглавлял наш коллектив заместитель директора института истории, археологии и этнографии СО АН СССР, профессор В. В. Алексеев. В настоящее время Вениамин Васильевич Алексеев, академик РАН, возглавляет Уральский институт истории и археологии. Мои научные контакты с ним не прерывались и в 90-е годы, и он дал мне положительный отзыв на мою монографию.

В. П. Олтаржевский

Оглядываясь назад... Начало работы в университете

В 60-е гг. XX в. мы были свидетелями переломных событий в нашем отечестве и в мире. Завершилось десятилетие «дорогого Никиты Сергеевича», и после бескровной смены советского партийно-государственного руководства началось почти двадцатилетие брежневского застоя в экономике Союза и биполярной стабильности во внешнеполитической сфере – ушла в прошлое «оттепель», и мы услышали о «разрядке». Уровень нашей информированности о внутренних и внешних делах был достаточно дозированным, хотя, думаю, он был несколько шире обыденного благодаря Мирону Акимовичу Бендеру, перешедшему в 1963 г. на нашу кафедру из состава ведущих лекторов Иркутского обкома КПСС. Мы испытали восторг и чувство гордости за наш рывок в космос в апреле 1961 г. Мы все были на стороне Острова Свободы и с искренней радостью встречали харизматичного Фиделя Кастро в Иркутске во время его визита в Советский Союз в 1963 г. Столь же неизменная позиция поддержки Вьетнама звучала в аудиториях нашего факультета. Шок и непонимание у нас вызывало казавшееся в то время неожиданным ухудшение отношений Советского Союза и Народного Китая. Мы уже привыкли к лозунгу «Русский с китайцем братья навек», и вдруг из нашего университета срочно отъезжают все китайские студенты и стажеры (а их в начале 60-х было больше всего среди иностранцев, обучавшихся у нас).

Были знаковые события и в наших краях, такие как ввод в эксплуатацию Братской ГЭС, строительство БАМа, рождение иркутского Академгородка. Видимо, в силу специфики нашей кафедры они не были первоочередными темами наших разговоров, уступая проблемам международной жизни и отечественным трансформациям.

С этим переломным десятилетием совпало начало моей работы в университете. Хотя, строго говоря, «крещение» в вузовской педагогике имело место несколько раньше: в 1958–59 учебном году Сергей Владимирович Шостакович пригласил меня для ведения занятий по истории средних веков у заочников как преподавателя-почасовика. В то время я работал в Иркутском областном краеведческом музее научным сотрудником отдела дореволюционного прошлого в соответствии с распределением после окончания университета. Преподавателем-почасовиком я оставался и после по-

Преподаватели исторического факультета. 1970 г.

ступления в аспирантуру кафедры всеобщей истории ИГУ в ноябре 1959 г. Дело в том, что Федор Александрович Кудрявцев, крупнейший специалист по истории Сибири, который в предшествующие годы вел историю средних веков, обратился к С. В. Шостаковичу, заведующему кафедрой всеобщей истории, с просьбой освободить его от этого поручения в связи с большой занятостью, связанной с руководством кафедрой истории СССР, которую он возглавил в 1956 г. после смерти М. А. Гудошникова, и подготовкой к защите докторской диссертации. Приглашенный медиевист из Москвы Елена Григорьевна Гурари проработала на кафедре менее двух лет и еще в августе 1957 г. покинула Иркутск.

Преподавательская специализация по медиевистике предопределила и тематику моей будущей кандидатской диссертации. Мы с Сергеем Владимировичем долго обсуждали проблему считавшегося обязательным сочетания преподавания средневековой истории и исследовательских интересов, к которым я был привязан со студенческих лет: история международных отношений и колониальной политики в XIX–XX вв. Так родилась тема по изучению деятельности Английской Ост-Индской компании в XVII в., включавшая в себя и аспекты международных отношений, и проблемы позднего Средневековья. Таким образом, в 60-е гг. я вступил начинающим преподавателем-медиевистом и аспирантом кафедры, с которой отныне будет связана моя судьба.

Разработка лекционного и семинарского курсов по такому сложному и объемному предмету, как средневековая история Европы (а некоторое вре-

мя спустя также стран Азии и Африки), требовала существенных временных, энергетических и духовных затрат. Я не мог позволить себе встать за университетскую кафедру без максимальной подготовленности, подвести моего учителя, ставшего для молодых сотрудников кафедры эталоном университетского преподавателя. Должен признаться, что я «ушел в Средневековье» с удовольствием и искренне полюбил этот раздел всемирной истории, несмотря на все трудности и внешний отрыв от прежних привязанностей. Спустя годы я понимаю, что это отражало в какой-то мере желание уменьшить зависимость от идеологических штампов в профессиональном самовыражении, прикоснуться к иным духовным началам, к тем полузабытым понятиям нравственности, долга, чести, которые когда-то считались общепринятыми у уважающих себя людей.

В 60-е гг., вследствие объективных и субъективных обстоятельств, помноженных на невероятную энергию Сергея Владимировича, кафедра расширила свой штатный потенциал. Аспирантами кафедры всеобщей истории стали Герман Иванович Медведев (с 1960 г.), Владимир Владимирович Яровой (с 1961 г.), которые в аспирантские годы также привлекались к организации учебного процесса, а в 1963–64 гг. стали штатными преподавателями, укрепив археолого-этнологическое направление и новистику в педагогической и научно-исследовательской работе кафедры. Конечно, наши учителя и старшие коллеги (кроме С. В. Шостаковича, это Павел Павлович Хороших, Григорий Семенович Мальцев и Мирон Акимович Бендер) оказывали нам, «новобранцам», большую помощь и поддержку, хотя двое из них вскоре отошли от работы по состоянию здоровья и возрасту. К концу 60-х гг. наше «трио» было дополнено Надеждой Васильевной Куликаускене, которая некоторое время преподавала новейшую историю стран Запада (до своего перехода в Отдел редкой книги университетской научной библиотеки). Появились у нас и новые аспиранты – Михаил Петрович Аксенов (с 1962 г., по археологии) и Болеслав Сергеевич Шостакович (с 1966 г., по истории стран Восточной Европы). Однако время их выхода на арену вузовской педагогики в основном связано с последующим периодом.

Мои аспирантские дела отошли на второй план, существенно затормозились. Нет, я успешно сдал все кандидатские экзамены, проработал значительный объем литературы по теме, но необходимо было найти и освоить документальную базу. Если в первом мне многое обеспечивала наша научная библиотека (тогда она еще получала «обязательный экземпляр», даже по историческим наукам, имела хорошо налаженную систему межбиблиотечного обмена), то для второго необходимо было попасть

П.П. Хороших

в книгохранилища Москвы и Ленинграда. Сергей Владимирович дал мне информацию о возможном наличии в столичных библиотеках публикаций документов Ост-Индской компании. По ссылкам в литературе я знал, что это многотомные сериалы документов, подготовленные к печати британскими издательскими домами Пёрчес и Гаклюйт. Следовательно, надо было ехать в длительные командировки, что представлялось весьма непростым делом для вузовского преподавателя зарубежной истории, плотно занятого в течение двух семестров. Знаменательным событием в моей аспирантской биографии было участие в 25-й Международной конференции востоковедов 9–16 августа 1960 г. в Москве в составе делегации от Иркутского университета, включавшей Сергея Владимировича Шостаковича, Елену Марковну Даревскую, Надежду Осиповну Шаракшинову и меня. В течение этого недельного пребывания в столице удалось поработать только в каталогах ведущих библиотек. В конечном итоге моя аспирантура продолжалась менее двух лет. Мой «статус» на кафедре был приведен в соответствие с реальным положением дел: приказом от 7 сентября 1961 г. я был «отчислен из аспирантуры в связи с переходом на преподавательскую работу». Разумеется, с моего согласия. В июне следующего года была осуществлена процедура избрания меня на эту должность по конкурсу, а еще через два года, с 1 июля 1964 г., я стал старшим преподавателем. Наверное, излишне говорить, как я был счастлив и горд и какую степень ответственности чувствовал. Думалось: значит, я прошел проверку временем и итогами своих педагогических усилий.

Надо сказать, что росту преподавательского мастерства в 60-е и 70-е гг. способствовала практика регулярного прохождения преподавателями факультетов повышения квалификации при столичных университетах (до четырех месяцев), а также стажировок в профильных академических институтах (до трех месяцев). Это давало дополнительную возможность для работы в центральных библиотеках и по научной проблематике. Благодаря этим командировкам-стажировкам в Москву и Ленинград мне удалось собрать материал для завершения кандидатской диссертации к концу 60-х гг. Преодолены были трудности по обеспечению необходимого количества публикаций для выхода на защиту.

Зачисление в штат преподавателей университета повлекло за собой необходимость решения вопроса о партийности. В те годы членство в коммунистической партии было фактически обязательным условием работы в вузе, особенно на таком «идеологическом» факультете, каким считался историко-филологический. Срок моего пребывания в комсомоле (тоже обязательное для школьников и студентов) подходил к концу по возрасту, поэтому мои старшие коллеги деликатно, но настойчиво стали беседовать со мной о желательности «соответствовать». Откровенно говоря, в душе я надеялся на «вариант» моего шефа. Дело в том, что Сергей Владимирович никогда не был членом компартии, но пользовался большим уважением в научно-педагогическом сообществе университета. Однако он поддержал настоятельные рекомендации руководителей парторганизации факультета

мне, заметив, что так будет лучше, правильнее. В результате в 1962 г. я стал членом КПСС. С этим серьезным событием было связано еще одно обстоятельство, косвенно влиявшее на мою работу в университете.

Речь идет о моем прежнем месте работы – краеведческом музее, откуда я ушел с должности заместителя директора по науке в связи с поступлением в аспирантуру. В начале 60-х гг. появилась проблема с назначением директора музея. Суть дела сводилась прежде всего к, мягко говоря, скромной заработной плате, полагавшейся директору: она составляла 64 руб. в месяц (в расценках после деноминации 1961 г.). Не знаю, кто и где вспомнил о бывшем заместителе директора. Во всяком случае, однажды меня вызвали сначала в управление культуры облисполкома, а затем в соответствующий отдел обкома КПСС и настоятельно предложили молодому коммунисту вернуться в музей на «ответственную должность». В результате обсуждения этого предложения и отклонения моих сомнений был достигнут своеобразный компромисс: я оставался в штате преподавателей университета и временно, до появления подходящей замены, по совместительству возглавил музей. Таким образом, в 1963–65 гг. я работал одновременно в университете и музее (благо они располагались напротив друг друга). Оглядываясь назад, с благодарностью вспоминаю оба периода постижения специфики и профессиональной полезности музейной работы. Надеюсь когда-нибудь обратиться к этим сюжетам, ибо «музейная глава» служения исторической науке оставила свой след в моей жизни (прошу не судить меня строго за пафосность).

Думаю, не будет преувеличением еще раз заметить, что 60-е гг. стали важным, определяющим временем для меня. Приведенные факты говорят об этом, хотя к ним можно было бы добавить переломные события в личной жизни, однако это сюжет, как говорится, для иного «романа».

Несмотря на мою неопытность и молодость, ни разу не возникало конфликтных ситуаций по линии ректората или деканата историко-филологического, а с 1967 г. – исторического факультета, и тем более кафедры, в ходе моего приобщения к системе вузовского образовательного процесса и вузовской науки.

Первым деканом истфила, при котором я начал работу в университете, был Иван Сергеевич Степичев, в то время старший преподаватель кафедры истории КПСС, кандидат исторических наук. Хотя шло уже второе послевоенное десятилетие, в его облике угадывалось военное прошлое. Он был спокойным, благожелательным к преподавателям, хотя чувствовалось, что факультет не был «его домом», просто он добросовестно выполнял свои функции.

Более пяти лет факультет возглавляла доцент Л. Т. Люшина. Ей суждено было быть последним деканом историков и филологов. Любовь Тимофеевна осталась в моей памяти как душевный, внимательный, неравнодушный человек, знаток и умелый организатор учебного процесса. Она всегда откликалась на просьбы и проблемы молодых преподавателей (именно в годы ее деканства их появилось много). Была, как сейчас говорят, демокра-

Л. Т. Люшина

тична и пользовалась неизменным уважением сотрудников и студентов факультета.

Самостоятельный исторический факультет после его создания в 1967 г. возглавил профессор Алексей Александрович Мухин, за год до этого защитивший докторскую диссертацию по отечественной истории. Одновременно он возглавлял кафедру истории СССР. Он не был ни иркутянином, ни сибиряком и прошел по конкурсу на должность доцента кафедры истории СССР ИГУ в 1957 г. со степенью кандидата исторических наук от Ленинградского университета, имея за плечами войну и работу в вузах северной России. Мне не довелось учиться у Алексея Александровича, и я не знаю причин его переезда в Иркутск. Могу только предположить, что это было связано с работой над

темой докторской диссертации, которая была посвящена изучению положения рабочих Сибири после реформы 1861 г. Во всяком случае, он оставался деканом не более трех лет и вернулся в Европейскую Россию. У меня с профессором А. А. Мухиным были нормальные деловые отношения. Он не был открытым человеком, хотя в преподавательский коллектив факультета вошел без каких-либо сложностей, пользовался уважением как педагог и исследователь высокой квалификации. В 70-е гг. исторический факультет вступил во главе с новым деканом – Петром Харлампиевичем Гребневым, самым опытным и почитаемым руководителем в его истории. Но это уже следующий период в моей ретроспекции.

Если говорить о руководстве кафедрой всеобщей истории, то оно за эти годы, к счастью, не изменилось – во главе оставался создатель кафедры, родоначальник основных направлений в ее научной и педагогической работе, наш уважаемый наставник и учитель Сергей Владимирович Шостакович. Уверен, что тот климат, который всегда был присущ нашей кафедре, был заложен и внедрен Сергеем Владимировичем, и он означает взаимоуважение и взаимопонимание, открытость мнению других, отсутствие заносчивости и кастовости, интеллигентность в широком смысле этого слова.

Преподаватели кафедры в те годы распределялись следующим образом. П. П. Хороших вел историю первобытного общества, археологию и этнографию. К концу 60-х его сменил Г. И. Медведев. Сергей Владимирович обеспечивал лекционный и семинарский курсы по истории древнего мира (временами ему помогали Г. И. Медведев и я). Кроме того, Сергей Владимирович некоторое время продолжал вести всю историю стран Азии и Африки от Средневековья до современности. В 1963 г. история и стран Азии и Африки в Средние века была включена в мои поручения, а новейшую историю Азии и Африки стал читать Мирон Акимович Бендер, известный в Иркутске лектор-международник из состава лекторской группы обкома КПСС. Новую

и новейшую историю стран Европы и Америки вел Григорий Семенович Мальцев, а после его ухода на пенсию в 1964 г. – Владимир Владимирович Яровой.

Помимо основных курсов каждый из нас, преподавателей, разрабатывал и вел спецкурсы и спецсеминары. Предметами специализации, которые я предлагал студентам в те годы, были «Английская буржуазная революция XVII в.» и «Средневековая культура». Первый отражал мои интересы, связанные с темой кандидатской диссертации, а второй – увлечение духовным миром Средневековья, особенно западноевропейской средневековой философией и литературой. Должен отметить, что специализация по кафедре всеобщей истории, которая формально начиналась с третьего курса, всегда привлекала большое количество студентов. Было немало случаев, когда интерес к проблемам зарубежной истории проявляли второкурсники и даже первокурсники. Как правило, финалом трех-, четырехлетней специализации становилась основательно проработанная, «выношенная» дипломная работа.

После переселения в корпус на улице К. Маркса, 1 (нынешний корпус № 2) у историков и филологов появились свои аудитории и кабинеты для кафедр. Историки учились в основном на третьем этаже, где было восемь аудиторий, включая две «поточные» (304-я, где теперь зал заседаний ученого совета университета, и 305-я, напротив, где ныне размещается международный отдел университета). Кафедра всеобщей истории разместилась в кабинете с большим окном на улицу Карла Маркса, слева от аудитории 304. Персональных рабочих мест, строго говоря, не было, был стол шефа, стол лаборанта и еще три или четыре стола общего пользования, около десятка стульев, шкаф, гардероб, место для карт – вот, кажется, и все. Но мы были счастливы. У нас было свое помещение вне аудиторий. Большинство преподавателей приходило на кафедру в соответствии с расписанием занятий и консультаций. Все вместе собирались на заседаниях кафедры, которые проводились достаточно регулярно, а также в связи с рабочими мероприятиями (методсеминары, научные конференции) и какими-то торжественными событиями. Часто, если не ежедневно, на кафедре находился, кроме лаборанта, только Павел Павлович, который, сидя за столом, обычно отбирал иллюстративный материал для своих занятий, что-то писал, редактировал, вычитывал. Вероятно, это было связано с тем, что Павел Павлович жил вдвоем с женой в скромной однокомнатной квартире, наполненной книгами и папками его научного архива, а потому довольно тесной.

Набор на историческое отделение истфила, а затем исторический факультет увеличился – уже в 1963 г. на специальность «История» были приняты две академические группы, причем в дальнейшем численность групп увеличивалась, так что выпуск 1970 г. превысил 55 человек, а выпуск 1971 г. достиг 68 человек. При этом мы пережили перевод срока обучения с пяти лет на четыре года, а затем обратно. Кстати, этот эксперимент убедил нас и, очевидно, вышестоящее руководство системой высшего образования того времени, что оптимальный срок подготовки специалистов университетского профиля – 5 лет. Именно он дает возможность наиболее эффективного

сочетания теоретического и профессионального блоков подготовки с практической апробацией и совершенствованием их в ходе учебных, производственной и преддипломной практик. Особенно велика была роль преддипломной практики на десятом семестре, которая не только давала студенту возможность завершить дипломную работу с оптимальным для него уровнем, но и окончательно оценить значение выбранной специализации, а также помочь с выбором будущего места работы.

Обстановка на кафедре в эти годы была спокойной, деловой, взаимоотношения сотрудников отличались благожелательностью, уважением друг к другу. Уверен, что при таком руководителе, как С. В. Шостакович, иного и быть не могло. Он умело, прозорливо подбирал состав кафедры, не подавляя и не принуждая нас. Каждый из преподавателей, приступивших к работе на кафедре в 60-е гг., не был лишен индивидуальности. Общим было чувство ответственности – мы были разными, но объединены пониманием специфики и сложности работы на ней. Складывался климат кафедральной корпоративности. В столь же позитивных, уважительных отношениях мы были с нашими коллегами с кафедры истории СССР, где тоже появились молодые аспиранты и преподаватели, наши сверстники (А. В. Дулов, Н. Н. Щербаков, Л. С. Любимов), которые вскоре выросли в высококлассных специалистов с соответствующими учеными степенями и званиями. Во внерабочее время преподаватели и аспиранты шестидесятых с обеих кафедр были объединены общественной активностью, особенно подготовкой и участием в нашем ежегодном вечере «Потомки Геродота», родившемся в эти годы.

Несколько слов об этом очень популярном в то время мероприятии. Считалось, что его инициатором был я. Возможно, я выдвинул идею вечера студентов-историков со специфическим сценарием и ритуалом. Но его активными организаторами были также Герман Иванович Медведев, Александр Всеволодович Дулов, Леонид Степанович Любимов и студенты сменявшегося каждый год второго курса, которые считались ответственными за подготовку и проведение вечера. Специфика вечера-посвящения первокурсников (их называли «примусами», по-латыни, которая была обязательна для изучения у историков) состояла в том, что его сценарий должен был отражать основные эпохи истории человечества от древности до современности. Были составлены «Обычаи потомков Геродота» (некий свод правил), «Клятва историков», «Гимн историков ИГУ», велась ежегодная «Летопись». Вечер считался закрытым, хотя, конечно, гости «со стороны» всегда стремились попасть на него. Помимо обрядово-игровой части вечер включал в себя организацию совместного торжественного ужина преподавателей и студентов, самодеятельные номера и, разумеется, танцы. Преподаватели и аспиранты исторических кафедр принимали участие в этом вечере практически в полном составе. Деканат факультета с самого начала оказывал поддержку и помощь в его проведении. Вечер «Потомки Геродота» сыграл заметную роль в создании чувства профессионального единства истфака, в стремлении к сохранению особого климата коллективной ответственности за его настоящее и будущее.

«Геродот». 1970-е гг.

Кафедра всеобщей истории вела большую внеаудиторную работу со студентами через научное студенческое общество. Тогда еще действовала кружковая система. Очень большой популярностью в те, да и в последующие годы пользовался кружок международников, который вел Мирон Акимович Бендер, дававший студентам интересный дополнительный материал из «голубых» и «белых» «атласов» и учивший их глубокому анализу фактов и концепций международной жизни современности.

Немалый интерес вызывал также кружок средневековья, которым я руководил более десяти лет. Мы проводили интересные слушания докладов по средневековой литературе и искусству, роли религии, а также обзоров специальной периодики и новейшей литературы. Мои бывшие кружковцы, ставшие часто моими дипломниками, выросли в известных педагогов и ученых, посвятивших себя работе в школах и вузах. Это Александр Борисович Ружников, Галина Петровна Мандриевская, Галина Ивановна Корнилова, Людмила Павловна Быкова (Савельева), Татьяна Азарьевна Петрова (Степанова), Лариса Викторовна Журавская (Кузнецова), Нина Александровна Лечкина (Агеева), Елена Станиславовна Зубрий, Валерий Николаевич Бобровников, Вадим Петрович Шахеров, Татьяна Евгеньевна Воробьева (Бейдина), Галина Васильевна Оглезнева и др.

Возвращаясь к началу моей преподавательской работы, не могу не отметить обстоятельство, первое время смущавшее меня. Дело в том, что в конце 50-х и в 60-х гг. преимуществом при поступлении в вуз пользовались «стажники» и демобилизованные из Вооруженных сил, т. е. те, кто после окончания школы успел поработать и отслужить в армии и на флоте. Поэтому первыми моими студентами были люди старше меня или мои сверстники. В данном случае речь идет об очниках, заочники тем более чаще всего были «великовозрастными». Курс историков-очников, на котором я начал читать историю Средних веков, это тот курс, на котором старостой был Михаил Петрович

Аксенов, выросший в известного ученого-археолога, профессора нашей кафедры, проработавшего на ней более 30 лет. Так вот, Михаил Петрович был старше меня на год, его однокурсник Михаил Ефимович Шапкин, будущий секретарь парткома университета, – лет на семь. И на следующем курсе, на котором учился Николай Николаевич Щербаков, тоже было немало «учеников» старше своего «учителя». К счастью, этот возрастной дисбаланс не оказал какого-либо воздействия на мое становление как преподавателя. Я сохраняю самую благодарную память о своих первых студентах, с уважением принявших меня и способствовавших складыванию нормальной рабочей ситуации в ходе занятий. Я испытываю естественное чувство гордости тем, что моими студентами в те годы были многие будущие известные специалисты, внесшие заметный вклад в историческую науку, вузовскую педагогику, в укрепление политической системы отечества.

60-е гг. были знаменательными для исторического факультета и кафедры всеобщей истории Иркутского университета. В 1967 г. произошло разделение историко-филологического факультета, и историческое отделение стало самостоятельным историческим факультетом в составе двух кафедр. Этому предшествовало не менее знаменательное событие – переезд «гуманитариев» в новый корпус на улице К. Маркса, рядом с Белым домом, где когда-то начал свою историю Иркутский государственный университет. Помнится, как ректор В. Я. Рогов, поздравляя историков и филологов с переездом, подчеркнул, что это здание школьного типа специально предназначено для нас, так как переезд не сопровождается переносом лабораторий, но улучшает условия преподавания для «физиков» и для «лириков».

Создатель кафедры всеобщей истории С. В. Шостакович в январе 1962 г. в Институте истории АН СССР с блеском защитил докторскую диссертацию, в основе которой лежала его монография «Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова», вышедшая в одном из самых престижных центральных издательств – Издательстве социально-экономической литературы (Соцэкгиз). В 1960 г. Сергей Владимирович стал первым в Иркутске доктором наук по зарубежной истории и истории международных отношений.

В течение этого десятилетия сменился состав преподавателей кафедры – закончили свою педагогическую деятельность Г. С. Мальцев, П. П. Хороших, начали М. А. Бендер, Н. В. Куликаускене, Г. И. Медведев, В. П. Олтаржевский, В. В. Яровой. При кафедре сформировалось первое научно-учебное подразделение – лаборатория археологии, созданная Г. И. Медведевым и сразу же получившая большую популярность и известность среди наших студентов, а вскоре и за пределами университета. На кафедре были разработаны новые предметы специализации, которые были с интересом встречены студентами очной и заочной форм обучения и привели к росту числа специализирующихся по кафедре всеобщей истории.

Конечно, все упомянутые события и факты стали определяющим фоном крутого поворота в моей жизни – начала работы в Иркутском государственном университете.

Источник: Известия ИГУ. Серия «История». 2017. Т. 20. С. 118–127.

Л. Я. Подольская

Воспоминания об учебе на историческом отделении Иркутского университета в 1955–1965 гг.

Иркутяне всегда высоко ценили выпускников Иргосуна – так назывался университет в первые десятилетия его существования. Когда после окончания мною средней школы решался вопрос о том, где учиться дальше, решение было принято быстро и однозначно – нужно держать конкурсный экзамен в университет. В июле 1955 г. я впервые вошла в здание Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова. Собиралась я поступать на юридический, хотя дома было решено, что продолжу традицию мамы, закончившей истфак пединститута. Меня переубедил декан юрфака, внимание которого привлекла моя детскость, и он, выяснив, что по окончании я хочу быть или следователем или прокурором, объяснил, что после окончания по малолетству смогу быть только нотариусом, т. е., по моему мнению, сидеть с бумажками. И тогда я подала заявление на историческое отделение историко-филологического факультета. Решение принято, впереди вступительные экзамены, их было пять – сочинение, русский устный и литература, история СССР, география и иностранный (английский) язык. Набирали на отделение всего 25 человек, трое из нас набрали 19 баллов (Л. Любимов, Л. Кутузова и я). Проходными были 17 баллов, 16 – выборочный. Набрали нас почти 30 человек, пятеро были кандидатами, трое закрепились в группе и заканчивали уже полноправными студентами. В период обучения к нам добавляли переводников или отставших. Из них запомнились Оля Лебедева, переведшаяся из МГУ и ставшая блестящей школьной учительницей, и Володя Яровой, выдающийся конькобежец и красавец, пришедший к нам из пединститута и выросший до доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей истории.

Вступительные экзамены были самыми трудными. Помню, что в день, когда должны были сдавать сочинение, был сильнейший ливень, я промокла насквозь. Перед входом в экзаменационную аудиторию я набила мокрый зонтик гармошками подготовленных мной сочинений. Оказалось, что несколько готовых сочинений подходили к заданным, но духу достать их не было. Я попросилась выйти и выбросила все шпаргалки в урну. Вернувшись к месту, с удовольствием начала писать сочинение о Николае Островском. Получила за него «4» и была счастлива. Запомнился еще экзамен по истории СССР, соб-

Выпуск 1956 г.

ственно, один из вопросов – городские восстания XVII в. Почему-то вечером перед экзаменом я прочла брошюрку из маминой коллекции об этих событиях, и вот так мне повезло. Когда я была уже студенткой, И. И. Кузнецов мне как-то сказал, что я удивила его ответом именно на этот вопрос, и это все решило: мне был поставлен высший балл. Остальные экзамены пролетели, и вот итоговый балл – 19 и заслуженное право стать студенткой. Но нас ждало собеседование. Им руководила Л. Т. Люшина, тогда она была зам. декана, впоследствии долгие годы возглавляла факультет. Разговор был суровым и почему-то обвинительным и недоброжелательным, виной были мои тройки по математике в аттестате. Мой лепет о том, что я гуманитарий, не учитывался, а оценки на экзамене поставлены под вопрос, и мне было сказано, что только ударный труд в колхозе «Заахал» позволит мне перейти из абитуриентов в студенты. Так на две недели будущие филологи, историки и бурят-монгольское отделение оказались в колхозе. Жили в каком-то огромном хозяйственном помещении, спали на соломе и работали, то сгребая сено, то собирая огурцы и турнепс. Несколько дней мы работали на заготовке силоса, это был самый разгар хрущевской политики «Большой кукурузы». Мы прыгали в силосные глубокие бетонные башни, нам сбрасывали вилы, а затем на наши головы сыпали размолотую кукурузу. Она была мокрой, мы разбрасывали ее по краям башни, перерывы зависели от того, как часто подъезжали машины. Мы были мокрыми, но было весело. К обеду мы выбирались из башен, быстро съедали нехитрую пищу, слегка подсушивались, а потом

снова вниз, в мокрую толчею. Те девчата, у кого были сапоги, легче переносили мокроту, а вот нам, городским, в сандалиях и тапочках было тяжело. Когда солнце садилось, мы заканчивали работу, сколько часов мы работали, мы не интересовались. Надо так надо. А вот после ужина мы еще танцевали, и возвращаться спать очень не хотелось. Меня кавалеры не баловали, но я без усталости танцевала с девчонками. Однажды меня пригласил на танец невысокий кудрявый паренек в шотландке. Мы молча и не очень ловко танцевали. Это был последний танец, и кавалер пошел провожать меня. Мы шли по разным сторонам дороги, так и не перемолвились ни одним словом. Больше мы с ним не только не танцевали, но и старательно отводили глаза друг от друга при встрече. Только в университете я узнала его имя – Саша Вампилов. В колхозе мы подружились, разучили множество песен, которые пели студенты, и поверили в то, что мы – взрослые и настоящие студенты.

Первого сентября с тетрадами и ручками мы прибыли на занятия. Историков первого курса собрали в нашей главной и единственной аудитории, принадлежавшей историкам, здесь размещались обе наши кафедры, читались лекции и проводились практические занятия, работали научные кружки. Это была наша родная 72-я аудитория. Раздался звонок, и на кафедру поднялся красивый человек, который очень коротко рассказал о нашей будущей профессии. Слушали мы его затаив дыхание, а когда он закончил, то нам сообщили, что завтра утром мы должны собраться на железнодорожном вокзале и специальным поездом мы выедем в Аларский район для оказания помощи колхозникам в уборке урожая. Командировка ожидается примерно на месяц, но все зависит от нашего трудолюбия. Побежали собираться в дорогу. Утром мы собрались на вокзале, точного времени отправки никто не знал, шумным табором мы оккупировали вокзал, шумели, пели, уничтожали припасы. Наконец, состав был подан, мы штурмом по факультетам занимали вагоны, песни зазвучали веселее, мы поехали в трудовую жизнь. Затем нас разместили в грузовых машинах. Наша группа попала в село Нельхай. На берегу Ангары были расположены огромные склады, в которые свозили зерно нового урожая. Вот в этих складах нам и пришлось работать. Работа была тяжелая, причем работали мы по 10–12 часов в дневную или ночную смену. Жили мы вместе со ссыльными литовцами, спали на голом полу и были одинаково недовольны друг другом. Но вот однажды нам сказали, что в ночь мы будем грузить зерном баржу. Почему-то нас это очень вдохновило. Мы пришли на берег Ангары к барже, по трапу поднялись на борт. Затем началась работа. За всю свою жизнь в более тяжелые условия я больше не попадала. Пока подают зерно, нужно разбрасывать его предельно быстро, чтобы не допустить обрыва желоба. Тяжело, пыльно, темно, жарко, короткая передышка – и снова все повторяется. Мы закончили работу на рассвете, нам объявили, что мы можем идти отдыхать. Ноги гудели и почти не двигались. Но было и еще одно испытание. Баржа, получая груз, дальше отходила от берега, и когда мы вышли на палубу, то увидели, что трап отошел от берега, и часть пути мы должны были пройти по воде. Трап не имел поручней, и мы, девчонки, почти ползком преодолели этот путь, ребята нам пытались помочь, но и их силы

были на исходе. В этот же день всех девчонок нашей группы отправили в колхоз на копку картошки. Жили мы в бурятских семьях на полу, оказалось, что в семье, где мы жили, все дети были хронически больны туберкулезом, мы тесно общались друг с другом, питались вместе. О том, что это было не безопасно, мы узнали, только приехав в Иркутск, так как нас всех отправили на проверку в тубдиспансер. К счастью, все мы оказались здоровы. Опасность выяснилась лишь тогда, когда к нам приехал кто-то из преподавателей и потом доложил, в каких условиях мы жили.

Колхозные работы, всевозможные субботники, участие в уборке города сопровождали наши студенческие годы. Хорошо помнится наше участие в разборке книжных хранений фундаментальной библиотеки. Было принято решение о сносе помещений, которые входили в большой ансамбль Белого дома. Разрушение уникального дворцового ансамбля не обогатило город. Разбирая хранилище, мы впервые своими глазами увидели, какие сокровища хранит наша библиотека. Видели мы и то, как исчезли в частных руках некоторые из книг, но не сразу поняли это и не смогли приостановить грабеж.

Процесс обучения на первом курсе открыли для нас корифеи. Мы начали изучать историю Древнего Востока под руководством тогда кандидата, а потом доктора исторических наук и профессора Сергея Владимировича Шостаковича. Этого человека хорошо знали иркутяне. Старшие студенты нам рассказали, что он – потомок польского ссыльного 1863 г. и двоюродный брат известного советского композитора Д. Шостаковича. Красиво и стильно одетый, он свободно повествовал нам о шумерах, Вавилоне. А как блестяще он пользовался доской: мелким, но хорошо читаемым почерком он записывал сложные и непонятные первокурсникам понятия, ставил ударение, чтобы мы могли правильно произносить их! К концу лекции вся видимая часть доски была исписана, причем по этим записям четко можно было восстановить все важнейшие положения лекции. Довольно часто С. В. Шостакович приносил редкие книги, демонстрируя их нам, называл или показывал новые исследования или только что вышедшие исторические романы. Замирая, мы слушали об его исследованиях, посвященных А. Грибоедову. На нас произвел огромное впечатление тот факт, что наш педагог работал еще и на юридическом факультете и имеет ученую степень кандидата юридических наук. Еще одним потрясением стали его тренировки по неизвестному тогда широко теннису. Когда он, облаченный в светлый костюм, парил над кортом, замирали в восторге не только университетские студенты, но и прохожие, спешившие по своим делам по Большой (ул. К. Маркса). Сергей Владимирович был очень внимателен к нам, когда мы занимались в научной библиотеке. Он часто подходил к нам и просил показать или наши листы книжных заказов, или, с разрешения, осматривал полученные нами книги.

Историей Средних веков, новейшей историей Востока мы занимались под его руководством. Когда на выпускном курсе мы приступили к изучению проблем современного Востока, учебной, да и исследовательской литературы практически не было. Он предложил разделиться на группы и вместе собирать материалы, а затем защищать рефераты по избранной стране. В резуль-

тате он предложил лучшие рефераты и собранный материал передать на кафедру. Те, кому он предложил передать наши исследования в фонд кафедры, получили отличные оценки и испытывали чувство гордости за проделанную работу и их оценку. С. В. Шостакович внимательно следил за организацией и проведением педагогической практики. Он бывал на наших уроках, доброжелательно участвовал в их обсуждении. Большой удачей было писать дипломную работу под его руководством, потому что это было признанием зрелости и самостоятельности соискателя. Он утверждал план дипломной, список литературы, а затем подписывал отзыв и рекомендовал к защите. А вот во время защиты он защищал своего дипломника активно и даже агрессивно.

С обаянием личности Сергея Владимировича связано еще и увлечение многих студентов концертами в филармонии. На экзамене он мог вдруг спросить, почему ты не был на последнем концерте, или какую книгу прочел, или собираешься, при этом он спрашивал содержание. Иногда студенты пытались пустить пыль в глаза, но их позорно разоблачали, и к таким приемам больше не прибегали. С. В. Шостакович воспитывал студентов как ученый, лектор, педагог, образованный человек. Большую часть свободного от лекций и семинаров времени большинство студентов проводили в «фундочке» – так многие поколения любовно называли нашу научную библиотеку – Белый дом. Интересны, познавательны были и здесь встречи с нашими педагогами. Одни церемонно раскланивались с нами, скрываясь в зале для научных работников, другие заводили с нами короткие, одобряющие беседы, поддерживающие наше рвение к знаниям. По-особенному относился к читателям-студентам Сергей Владимирович. Он, если располагал временем, выяснял, над чем мы работаем, каких авторов используем в подготовке, рассматриваем ли мы данную работу как временную или как фундаментальную задачу на будущее. Иногда он спрашивал разрешения познаться с выпиской и просил студента заинтересовавшую книгу временно перенести в его заказ. Сердечно благодарил за это студента и библиотекаря.

Федор Александрович Кудрявцев читал нам историю Сибири и историю южных и западных славян. Он вел и семинар по истории архивного дела. Он учил нас вести работу среди населения, приучая и научая будущих историков любить свою малую родину, уметь собирать и хранить памятные книги, листы, редкую переписку известных сибиряков. На первом курсе он объявил, что проведет для нас экскурсию по Иркутску. Я сначала решила не идти на нее. Спасибо маме, которая разъяснила зазнавшейся девчонке, что нас поведет по городу человек, лучше которого город никто не знает. Был холодный осенний день, нас собралось меньше 10 человек (помню, это были Л. Любимов, Л. Кутузова, Г. Тунгуев, Э. Дубинина, я и еще несколько человек). И повел нас Федор Александрович, как по своему дому, по любимым улицам. Столько нового узнали мы в этом походе! Но особенно вспоминается его рассказ об А. П. Шапове, его жене Ольге, о том, что при жизни они часто приходили на Иерусалимскую гору и подолгу любовались городом, и что Шапов задолго до кончины завещал похоронить его здесь, на кладбище для бедняков. Мы впервые услышали, что даже прощание и похороны первого сибирского историка

достойно провести в те дни было невозможно. Экскурсия произвела огромное впечатление, и все ее участники стали активными членами научных студенческих кружков. На первом курсе я работала под руководством Ф. А. Кудрявцева. Тема моей работы – «История улицы Большой Трапезниковской (ныне ул. Желябова)». Выбор был не случаен, я родилась и выросла на этой улице в доме № 9, и в нашем дворе и в соседних было много старожил, которые охотно вспоминали о прошлом, особенно о пожаре 1879 г. Большинство домов на этой улице были построены на пепелище. Удалось установить имена многих людей, которые поселялись в этих домах, которые новые хозяева скупали в соседних селах, срубами привозили и возводили временное жилье, сдавая потом в наем погорельцам. В нашем дворе было две такие избы, в которых люди жили до сноса в 1971 г. Возведя временное жилье, хозяйева земельных участков принялись за возведение добротных деревянных домов, часто двухэтажных, с мезонинами. Хозяин нашего дома задумал двухквартирный двухэтажный дом, но сил хватило только на первый этаж. Улица выкладывалась булыжником, тротуары были деревянными. Городские власти требовали, чтобы между домами устанавливали специальные стены из желтого камня (брандмауэры) – спасение от распространения огня. Улица была зеленой, хозяев обязали высадить на ней тополя, некоторые из этих гигантов все еще украшают улицу. Федор Александрович дал много рекомендаций по продолжению этой работы. Считаю, что этот долг перед учителем я все-таки должна выполнить.

Первый поход в исторический архив, который объявил Ф. А. Кудрявцев, мы восприняли как новый вариант экскурсии. Но нас ждала почти неподъемная работа. Перед нами разложены толстенные книги в кожаных переплетках, тексты были украшены киноварью. Нам было предложено перевести на русский тексты, написанные на древнерусском. Мы изучали этот предмет на первом курсе, но подлинники привели нас в ужас. Конечно, отдельные буквы мы различили, даже узнали титул (сокращение), но осилить перевод никто из нас не сумел. Потом Федор Александрович долго, подробно и очень интересно рассказывал об архивах, хранящихся в них ценностях, показывал их нам. Он начал свою профессиональную работу в иркутском архиве и знал досконально его ценности. Большой вклад он внес в создание, накопление документальной базы, публикацию и изучение ценностей также и бурятского архива. Спустя годы Кудрявцев предпринял усилия для розыска, восстановления и введения в научный оборот дневника, рукописей статей и переписки с известными общественными деятелями В. И. Вагина, деятельность которого стала темой моей кандидатской диссертации. Эта предварительная работа моего учителя значительно облегчила и мою собственную работу.

Федор Александрович был одним из преподавателей, которые стремились познакомить нас со студенческими традициями. Он разучивал с нами старинные тексты. Желающие с разных курсов собирались в какой-нибудь аудитории, и Феденька (так любовно мы звали его между собой) диктовал студенческие песни, напевал мотив, а потом мы радостно и громко подхватывали их. Благодаря ему постаревшие выпускники истфака с удоволь-

ствием распевают эти песни («Выпьем мы за тех, кто «Что делать» писал, за героев его и за их идеал»; «Пошел купаться Уверлей...»; «Через тумбу, тумбу-раз, через тумбу, тумбу-два – спотыкаемся и в участках часто-часто просыпаемся»); еще разучивали молитву послушников, очень аполитичную.

Мы бережно относились к нашему учителю, его потерям, болезням, подступающей старости. Так, в нашей очень требовательной группе он, читая историю Сибири и историю южных и западных славян, иногда забывал, какой предмет должен читать, поэтому случалось, что в первый час у нас была история Сибири, а на втором – славяне. Мы нашли хороший способ: первая половина тетради была посвящена истории Сибири, а вторая – славянам, и никто не напомнил любимому преподавателю о его просчетах.

Бережно готовил Кудрявцев будущую смену состава кафедры. Обычно он предлагал выпускнику обучение в аспирантуре. Он очень переживал за то, как пройдет экзамен, вступительный или кандидатский. После удачи он угощал конфетами, ведь и сам был сладкоежкой.

Была еще одна страсть у нашего профессора – он был увлечен хоккеем с мячом. В лютый мороз он притопывал ногами, потирал руки и уши, но отстаивал матч до конца. Как же счастлив он был, если побеждали иркутяне, ну а если было поражение, то эта беда была написана на его лице. Именно поэтому на один из его юбилеев преподаватели и аспиранты подарили Федору Александровичу цветной телевизор, чтобы он «болел за хоккей в теплой квартире». Многие историки Прибайкалья, Бурятии, Приморья защитили кандидатские и докторские диссертации под его руководством или пользуясь его мудрыми консультациями. Кудрявцев обладал широким научным диапазоном, владел редким искусством постановки проблемы исследования и был терпим, если исследователь в своих выводах отвергал его решение или подвергал суровой критике. Это не останавливало научного руководителя в рекомендации соискателя к защите диссертационного исследования.

Семинарские занятия по истории СССР вела у нас Елена Марковна Даревская, строгая, суховатая, говорившая размеренно и тихо. Она рассказала нам, что она москвичка, после школы поступила на исторический факультет, в семинар знаменитого историка Древней Руси Грекова. Начавшаяся война вынудила их семью выехать в Иркутск, там она восстановилась и окончила историческое отделение, где и была оставлена ассистентом кафедры истории СССР. Одновременно она читала историю государства и права СССР на юридическом факультете. Весь первый семестр мы изучали различные редакции «Русской Правды». Автор этих строк возненавидел этот памятник, а когда Елена Марковна добавляла, что ее учитель повторял, что «Русская Правда» – гимнастика для ума», хотелось убежать куда глаза глядят. Первокурсница, я тогда не понимала, что нам преподаются классические приемы научной критики источника. Наше дальнейшее обучение не предусматривало по программе такой дисциплины, как источниковедение, и мы его медленно осваивали с каждым научным руководителем. Первые азы источниковедения, безусловно, привила нам Елена Марковна. Во втором семестре под руководством Даревской мы стали осваивать написание

и защиту научных докладов, она приучала нас к ведению научных дискуссий, сурово отучала от товарищеских комплиментарных оценок. На старших курсах Елена Марковна читала нам курс по русскому империализму и вела удивительно интересный и трудный семинар по истории русского романа. Программа курса была очень широкой. Руководитель включила в список многих запрещенных тогда авторов. Помню, что в списке были Д. Мережковский, З. Гиппиус и др. Это было очень интересно и трудно, дискуссии разворачивались над каждым докладом, с какой горячностью мы обнаруживали у литераторов ошибки, неточности, а то и прямое искажение события.

Елена Марковна прожила долгую, одиночную жизнь, она почти потеряла зрение, но продолжала работать. Благодаря помощи В. В. Свирина увидела свет ее работа о Монголии. Большая помощь в завершении книги о декабристах (в то время ей было уже за 90) была оказана ей Е. А. Ячменевым и Н. Е. Единарховой.

На первом курсе нам читались еще история первобытного общества и археология. Вел этот курс доц. П. П. Хороших. Археология камня как-то не увлекла меня. Зато второкурсники «заболели» исследованиями знаменитой Усть-Белой. Позже мы узнали, что в то лето руководили раскопками А. П. Окладников и М. М. Герасимов. Спустя годы в археологическую науку придут Г. Медведев, В. Свинин, М. Аксенов, Г. Зайцева. Иркутск станет крупным центром археологических исследований.

Нам преподавали латинский язык. Рассказывали, что наш преподаватель ранее был известным дьяконом одной из церквей и что иркутяне ходили специально тогда, когда он участвовал в богослужении. Он был уже стареньким человеком, но голосом обладал таким, что в маленькой аудитории, где мы занимались, гремели самые грозные летние грозы. Он «покусывал» нас, что мы учим предмет всего семестр, а бедные гимназисты тратили на это годы и не всегда получали положительные оценки. Мы с трудом заучивали правила, слова и памятные изречения, и все как один получили зачеты.

Еще одним событием обучения являлось то, что нам читал лекции престарелый Одинцов, который читал сразу двум курсам логику. Особенностью этого было еще и то, что печатных учебников по предмету не было. Лектор был стар, немощен, его почти не было слышно, мы окружали его плотной толпой, договорившись, что потом будем сравнивать записанное и дополнять. Но самым трудным оказалось сдать ему экзамен. Один из шутников, видя, что лектор дремлет, несколько минут помолчал, а потом громко заявил, что ответ закончил, и услышал, что преподаватель устал ждать начало ответа. Представьте, как мы дальше отвечали, а он иногда просил отвечающего не кричать, так как он все хорошо слышит. Позже мы узна-

Е. М. Даревская

ли, что это был известный философ, отец известного сибирского геолога. Нам пришлось еще раз встретить этого выдающегося человека. Моему однокурснику Николаю Груднину и мне предложили принять участие в театрализованном поздравлении с пятидесятилетием философа Льва Александровича Романова. Нас обрядили в русские народные костюмы, снабдили булкой на подносе и усадили в уголок. Шел ученый совет, не все речи были понятны, но вот на сцене появился знаменитый старик Одинцов и начал с поздравления юбиляра, а затем обрушил на слушателей целый трактат о непорочном зачатии девы Марии, в зале оживились, только я ничего не понимала. И вдруг нас вызвали на сцену. Николай произнес положенную речь, я же обязана была вручить каравай. Вручение состоялось, вдруг юбиляр решил расцеловать меня в благодарность. Я не была готова к такому обряду, вырвалась и спрыгнула со сцены в зал под оглушительный хохот присутствующих. Все годы Л. А. Романов выделял меня среди студентов, а когда читал нам историю философии, то прежде, чем поприветствовать всех слушателей, он обязательно говорил: «Здравствуйте, Лорочка». Все обменивались привычной улыбкой, и началась лекция. С удовольствием вспоминаю, что при всем расположении ко мне он был требователен и строг, когда я сдавала курсовой и кандидатский экзамены.

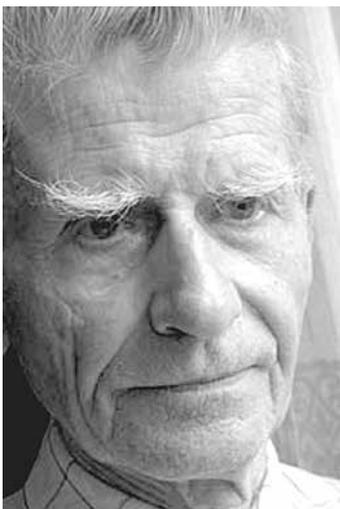

В.В. Свинин и Н.А. Савельев

Второй курс начался как обычно – колхозными работами в Аларском районе. Мы копали картошку и турнепс, сгребали сено, ремонтировали овощехранилища, обрабатывали зерно и, как грузчики, ездили сдавать его государству. Было трудно, голодно, но печеной картошки было сколько угодно, жили мы весело, много пели, умудрялись после тяжелой работы сбегать в соседнее село на танцы. Наши мальчишки никогда не отпускали нас на танцы одних, сначала ворчали, а потом пускались в пляс и с песнями под утро возвращались в свое село, валились на солому и, как оловянные солдатики, по команде «подъем» вскакивали, завтракали и под песню на лошади или пешком отправлялись на работу. Очень ждали, когда же за нами придет поезд. Наконец мы снова видели красивейшее здание вокзала. Наш поезд подавали на первый путь, и через несколько минут привокзальная

площадь пустела. Кого-то развозили трамваи и автобусы, а большинство, в том числе и я, короткими перебежками перебежали единственный мост, улицу Чкалова, площадь Кирова, вот и родная Желябова, где ждут и любят.

Последующие годы были заполнены новыми предметами и новыми для нас педагогами. Мы приступили к изучению истории Средневековья европейского и Востока. Новую историю у нас читал Григорий Семенович Мальцев, человек очень добрый, щедро делившийся с нами книжными новинками. Он приучал нас к регулярному чтению исторических журналов. Был он очень снисходителен к нашим скромным знаниям и часто добавлял, что то, что мы сейчас не знаем, жизнь позже заставит выучить, но сделать это будет труднее, чем в студенческие годы. Появились у нас в программе специальные курсы. Так, историю сибирской золотопромышленности нам читала Н. Д. Овсянникова, историю рабочего движения и образование СССР – А. А. Мухин, Гражданскую войну в Сибири и становление советской власти – В. Т. Агалаков. Так как мы были частью филологического факультета, нам читались большие курсы по истории литературы (античная литература, средневековая, русская и советская литература). На втором курсе мы начали работать в семинаре о декабристах, которым руководил С. Ф. Коваль. Мы знали, что у него есть первая публикация на базе его дипломной о В. Ф. Раевском. Студенческая молва подготовила нас к встрече с самым жестким преподавателем. Он был требователен, откровенен в оценках, умел создать дискуссионное обсуждение. Часто не соглашался с нашими выводами, добивался, чтобы доказательства основывались на глубоком знании и понимании источников. Не-

С. Ф. Коваль

которые участники декабристских семинаров продолжают заниматься этой проблемой как научной, а большинство продолжают работать в школьных кружках, заражая своей любовью к «первенцам свободы» уже своих учеников. Результаты их работы каждый декабрь звучат на молодежных конференциях, посвященных памяти нашего учителя, в Музее декабристов.

Много наших сил уходило на изучение истории партии, философии. Л. Г. Пуховская блистательно читала нам историю мирового художественного искусства. Именно она приучила нас к посещению художественного музея и многочисленных выставок. Специальный курс по истории русской культуры нам читала Н. Д. Овсянникова. Были у нас еще два удивительных курса. Один из них был посвящен Великой Отечественной войне, его нам читал И. И. Кузнецов. Интересно, что он одновременно работал над кандидатской, а затем докторской диссертацией. Примерно на третьем курсе мы стали свидетелями защит кандидатских диссертаций, доступ был свободный, и мы ходили слушать, как защищаются не только гуманитарии, но и физики, химики, биологи.

ги. Перед старшекурсниками выступали с лекциями и были руководителями дипломных сочинений ставшие известными в будущем историки: А. В. Дулов, В. Г. Тюкавкин и набиравший тогда силу А. С. Кузнецов. У нас никогда не было панибратских отношений с педагогами, но они всегда поощряли наш интерес к науке.

В университете была хорошая самодеятельность. Драматическим кружком руководили Козачок и популярнейший тогда в Иркутске актер Венгер. Художественным словом со студентами занимался А. И. Руккек. Славился наш хореографический коллектив, где ставились даже такие сложные постановки, как «Вальпургиева ночь» и половецкие пляски из оперы «Князь Игорь». Коллективом руководил Громов. Были веселые и интересные вечера, действовал каждую субботу студенческий клуб – самодеятельная организация. Возникла традиция всем вместе встречать Новый год.

Для студентов 4-го курса на нашем отделении была предусмотрена музейная практика в Москве и Ленинграде с посещением легендарных музеев. Мы об этом узнали из отчета пятикурсников о поездке. Так случилось, что мы «заболели» этой идеей. Университет оплачивал студентам проезд в общем вагоне, место в общежитии и право на бесплатное посещение одного из музеев. Курс, готовящийся к такой поездке, обычно начинал собирать средства накануне поездки. Мы не стали ждать так долго и приступили к сбору средств заранее. Сначала мы отмывали после ремонтов или стройки полы и окна, вытаскивали мусор. Работа была тяжелой, а денег почти не платили. Но в нашей группе были два «великих комбинатора» – М. Гогидитдзе и О. Сомов, которые разработали групповую программу зарабатывания средств и с блеском добились полного успеха. Каждую субботу мы снимали под танцы такие площадки, как ТЮЗ или Музкомедия, нанимали лучший в городе оркестр, устраивали импровизированные концерты и лотереи. По городу выставлялись специальные рекламы, которые каждый раз писал для нас муж нашей однокурсницы Л. Суворовой. Билеты не были дорогими, но лучшей площадки в городе не было, вся «золотая молодежь» была нашей. Группа работала очень напряженно. Ведь мы не только договаривались о помещении, но и распространяли билеты, обслуживали гардероб, убирали помещение после танцев. Заработки были хорошие, мы складывали их на общую сберкнижку. Интересно, что за три года такой бурной деятельности нами не заинтересовались финансовые органы. Денег нам хватило на поездку, все музеи и театры мы посещали за счет заработанных средств, посетили даже все пригороды Ленинграда. В Москве программа у нас оказалась скромнее, большинство средств ушло на Ленинград. Потом была торжественная конференция – зачет по итогам нашей практики, она произвела большое впечатление не только на студентов, но в особенности на преподавателей. Размах нашей практики потряс, а у нас он остался на всю жизнь важной вехой.

Вспоминая студенческие годы, поражаешься, как много успел сделать в эти годы и как многое по молодости упустил, посчитал тогда ненужным, а потом жалел об упущенном.

Источник: Известия ИГУ. Серия «История». 2014. Т. 7. С. 214–223.

А. В. Дулов

Воспоминания о преподавателях исторического факультета

Обо всех, кто работал на факультете, я писать не буду. Их было много, состав преподавателей был в целом весьма профессиональным, но я хочу рассказать о тех, кто мне особенно запомнился.

Федора Александровича Кудрявцева забыть трудно. Человек, влюбленный в свою профессию, с прекрасной памятью, он, казалось, знал все об истории Сибири. Человек очень мягкий и скромный, хороший лектор, читал у нас лекции по истории средних веков, истории Сибири. Родился он в с. Олонки, в семье купца в 1899 г., поэтому иногда шутил: «Я человек XIX века». Родители его умерли рано (отец в 1900 г., мать – в 1908 г.), и мальчик жил в семье брата-инженера. Сначала Ф. А. учился в сельской школе, затем переехал в Иркутск, где и окончил Иркутскую гимназию. Будучи школьником, стал интересоваться историей родных мест.

После начала гражданской войны его мобилизовали в армию Колчака, но в 1919 г. он перешел на сторону Красной Армии и стал служить там писарем. В 1920 г. был откомандирован в возникший в 1918 г. Иркутский университет, где стал студентом исторического отделения.

Вот как он выглядел в те годы. По воспоминаниям Л. И. Тамм, ее мать, Е. И. Полякова, в 1920-х гг. работала в губернском архиве. «Однажды привела в наш дом высокого юношу в ситцевой рубашке и сказала: «Это Федя Кудрявцев. Он учится в университете, а сейчас проходит практику в нашем архиве. У него в Иркутске никого нет. Пусть будет в нашем доме как свой».

Юноша очень стеснялся. Его с большим трудом усадили за стол обедать. Приходил он к нам только тогда, когда мама его буквально за руку притаскивала. Я видела, как по утрам, перед уходом на работу, она заворачивала для него какую-нибудь еду. Нам говорили, что юношу нужно подкормить, а то он в архиве однажды чуть в обморок от голода не упал»*.

В 1924 г. он окончил вуз, защитив оригинальную дипломную работу «Восстание поляков на Кругобайкальском тракте в 1866 г.», которую перевели на польский язык и издали в Польше в 1927 г.

Расставшись с университетом, Федор Алексеевич длительное время работал в Бурятии, сначала учителем истории и обществоведения в Верхнеудинске, а затем – научным сотрудником Архивного управления БМАССР.

* Тамм Л. И. Записки иркутянки. – Иркутск, 2001. – С. 117–118.

Здесь Ф. А. формируется как крупный специалист по истории Восточной Сибири. Он издает публикации о пребывании в ссылке декабристов. Затем выходят работы по истории Иркутской области и Бурятии:

«На баррикадах Иркутска (1917–1919 гг.): очерки» (1934 г.); «Первые маевки в Сибири (1899–1916 гг.)» (1939 г.).

Главной и почти единственной проблемой у историков СССР того времени было революционное движение и народные восстания, и Ф. А. активно исследует эти темы. В 1940 г. в Москве издается его первая крупная монография (242 стр.) «История бурят-монгольского народа: от XVII до 60-х гг. XIX в.», в которой много внимания уделяется также и истории населения Восточной Сибири в целом.

В 1931 г. Федор Александрович возвращается в Иркутск, работает старшим научным сотрудником Краевого архивного управления. По совместительству он читает лекции в Иркутском пединституте, Коммунистическом университете. Варварские репрессии 1930-х гг. задели и его. В 1937 г. его арестовали, обвинили в преступлениях по ст. 58. Несколько месяцев он

Ф. А. Кудрявцев

провел в заключении. Лишь в январе 1938 г. его «дело» было прекращено. Судя по книге И. И. Кузнецова «Страницы жизни историка», «арест очень подействовал на Ф. А. Кудрявцева. Он старался избегать самостоятельных суждений, стал чрезвычайно боязливым...» (с. 18), но к моменту, когда я стал его учеником, это уже почти не ощущалось.

В 1940 г. в Иркутском университете восстанавливается обучение по специальности «История», и Ф. А. Кудрявцев переходит туда на кафедру истории СССР. В 1942 г. он защищает кандидатскую диссертацию по вышедшей в Москве книге, а в следующем

году получает звание доцента. В 1941 г. издается монография «1905 год в Восточной Сибири», написанная им совместно с доцентом пединститута В. И. Дуловым. В годы войны Ф. А. публикует 5 небольших книг военно-патриотического содержания (некоторые в соавторстве), а после окончания войны – монографию «Иркутск: очерки по истории города» (1947 г., 276 с.), совместно с преподавателями пединститута Е. П. Силиным.

Историк отличался редким трудолюбием. Нередко он что-то писал даже в перерыве между занятиями, или в вагоне поезда во время командировки. Он помогал молодым историкам стать на ноги, подготовил 15 кандидатов наук. Федор Александрович был научным руководителем и моей кандидатской диссертации. За год до смерти, в апреле 1976 г., он послал мне поздравительную открытку, в которой писал:

«Особо желаю, чтобы Ваш труд о роли географической среды в истории России после всех издательских инстанций начал печататься, а затем увидел свет. С приветом, Ваш старый учитель Ф. Кудрявцев».

С 1956 по 1969 гг. Федор Александрович заведовал кафедрой истории СССР. В 1961 г. ему было присвоено звание профессора, а в 1970 г. по научному докладу, обобщающему содержание его научных работ, он защитил докторскую диссертацию.

Профессор, ставший заведовать кафедрой, продолжал неутомимый исследовательский труд. Им написаны две крупные монографии по истории Иркутска (совместно с Е. П. Силиным и Г. А. Вендрихом), главы двухтомника «История Бурятской АССР». Особенно важным было его участие в капитальном труде «История Сибири», пять томов которого опубликованы в Ленинграде в 1968–1969 гг. Ученый написал несколько глав 2-го и 3-го томов, был редактором 3-го тома и членом главной редакции всего издания.

Федор Александрович – глава целой научной школы иркутских историков, подготовил 15 кандидатов наук. Активное участие принимал в общественной деятельности, многие годы возглавлял Общество советско-монгольской дружбы, был одним из учредителей Иркутского отделения Всероссийского общества памятников истории и культуры, общества «Знание» и др.

Им издано 232 научные работы, в том числе 28 монографий и отдельных книг. Общий объем их, по приблизительным подсчетам, составляет 214 учетно-издательских листов.

Ученый был награжден орденом Трудового Красного знамени, медалью «За доблестный труд», медалью Монгольской республики «Дружба».

Умер Федор Александрович 26 апреля 1976 года.

Другим моим тоже очень почитаемым учителем был Сергей Владимирович Шостакович (4 июля 1902 – 23 августа 1981 гг.). Он поразил меня с первого взгляда. Открылась дверь, и в аудиторию вошел высокий, стройный, аристократически выглядевший человек. Мне показалось, что за кафедрой дореволюционный академик. Он производил сильное впечатление не только продуманными и интересными лекциями, но и свободным владением доской, историческими картами, другими учебными пособиями. Он читал у нас историю древнего мира, разделы истории нового и новейшего времени, а также вел семинарские занятия.

С. В. Шостакович вел свой род от Б. П. Шостаковича, который за участие в революционной деятельности был сослан в 1866 г. в Западную Сибирь, откуда перебрался в Иркутск. Он проявил себя здесь как опытный экономист, стал директором Иркутского отделения Си-

С. В. Шостакович

бирского торгового банка, публиковался в газетах, сотрудничал с отделом Географического общества, избирался главой Иркутской городской думы. Его сын Владимир Болеславович (1870–1942 гг.) получил высшее образование в Швейцарии, там же защитил диссертацию на ученую степень доктора философии. С 1895 по 1929 гг. он работал в Иркутске консерватором музея ВСОИРГО, затем в Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории, где возглавлял отделение сети станций, а затем стал директором. За работу по геофизике получил Золотую Медаль Русского географического общества.

Его сын Сергей Владимирович родился в Иркутске. В 1919 г. он окончил Иркутскую гимназию с золотой медалью. В 1925 г. С. В. получает диплом университета по специальности востоковеда-китаиста, а в следующем году – диплом юриста по международному и хозяйственному праву. В 1931 г. Иркутский университет был разделен на институты, в которых С. В. Шостакович работал.

В 1940 г. при восстановлении специальности «История» в университете С. В. перешел туда и стал преподавать историю древнего мира, стран зарубежного Востока, историю нового и новейшего времени. С 1944 г. заведовал кафедрой всеобщей истории.

Сергей Владимирович был настоящим полиглотом. Он свободно владел китайским, французским, английским, латинским и греческим языками. Я уверен, что знал он и польский язык. Таким образом, кроме русского, он мог говорить на шести языках! Случай редкий даже среди профессоров.

За короткий срок С. В. Шостакович написал и в 1944 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Исторические корни отрицания германским фашизмом общепринятых законов и обычаев войны».

Когда я стал учиться на историческом факультете, Сергей Владимирович был уже опытным специалистом. К студентам он относился хорошо, хотя на экзаменах был достаточно требователен. Но резкая критика студентов была для него не характерна: недостатки и промахи он отмечал в корректной форме. Помню, однажды на семинарском занятии я рискнул сделать ему какое-то замечание. Возражать мне он не стал.

В 1960 г. в Москве была издана крупная монография «Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова». Один экземпляр С. В. Шостакович подарил моему отцу В. И. Дулову, с которым он был в хороших отношениях. Я прочитал эту книгу уже после окончания университета. Монография производит очень хорошее впечатление глубиной содержания и отличается прекрасным стилем. Через два года Сергей Владимирович защитил по этой книге докторскую диссертацию в Москве. Необходимо отметить его смелость и решительность. Один из оппонентов дал отрицательный отзыв на диссертацию, но ее автор своим выступлением убедил Совет в слабости доводов оппонента. Другой оппонент, один из ведущих историков страны академик М. В. Нечкина, дала высокую оценку работы.

С. В. Шостакович возглавлял Совет по защите кандидатских диссертаций по истории в ИГУ. Он подготовил несколько кандидатов наук, и некоторые из них стали известными докторами наук (В. П. Олтаржевский, В. В. Яровой).

Сергей Владимирович был активным общественником. Он – один из организаторов-учредителей Иркутского отделения ВООПИК, председатель Иркутского отделения общества советско-польской дружбы, участвовал в работе Общества советско-китайской дружбы, был председателем Совета при Научной библиотеке ИГУ. Мне он казался самым талантливым из преподавателей нашего факультета. Он имел орден Ленина, медали СССР, награды Польши и Монголии.

Уникальной особенностью С. В. Шостаковича было редкое обстоятельство: в университете он был чуть ли не единственным профессором и заведующим кафедрой, не являясь членом КПСС. По-видимому, не все тогдашние идеи официальной пропаганды он одобрял. И еще один штрих, связанный с Сергеем Владимировичем. Когда я в ноябре 1964 г. начал читать лекции студентам, то однажды с удивлением ощутил, что незаметно для себя пытаюсь копировать манеры моего учителя.

Археологию и этнографию нам преподавал Павел Павлович Хороших (1890–1977). Сын казака Иркутского казачьего войска, он окончил начальную школу, затем Иркутское городское училище. Служил в казачьем войске. Гражданская война разделила страну на два противоборствующих лагеря. П. П. Хороших, как и полагалось казаку, служил на стороне белых, но в октябре 1919 г. поступил на историческое отделение Гуманитарного факультета, а в 1921 г. перешел на педагогический факультет, окончив его в 1923 г.

Затем П. П. Хороших был оставлен при университете в качестве профессорского стипендиата, а в марте 1925 г. его перевели научным сотрудником кафедры русской истории и истории Сибири. Одновременно он работал в Иркутском краеведческом музее, сначала заведующим отделом верований, а с 1923 г. – заведующим Бурят-монгольским отделом, кроме того, исполнял обязанности секретаря музея. П. П. был очень трудолюбивым человеком и участвовал также в деятельности ВСОРГО и других краеведческих и этнографических учреждений.

В 1920–1925 гг. он прочитал свыше 40 лекций и докладов в Иркутске и области по краеведческой тематике. В 1921 г. вел исследования по этнографии и археологии в Балаганском крае, изучал быт бурят, в следующем году вел раскопки в долинах Ангары и Иркуты. В 1955 г. Павел Павлович стал кандидатом наук, защитив диссертацию по теме «Пещерные стоянки Сибири как исторический источник», а вслед за тем – и доцентом.

С 1956 г. П. П. начал преподавать на историко-филологическом факультете ИГУ. Он был опытным специалистом, отлично знал свой предмет и с успехом читал лекции, хотя особой популярностью среди студентов не пользовался. П. П. издал более 200 работ, в основном небольших. Главные

работы: «Первый бурятский ученый Доржи Банзаров...» (Иркутск, 1922. – 72 с.) и «По родному краю» (Иркутск, 1950. – 75 с.).

Помня свое «белое» прошлое, П. П. был очень осторожен, а иногда даже боязлив. Окончив университет, я нередко встречал его работы в журналах и сборниках статей на различные темы и думал: «А все-таки жаль, что будущи студентами, мы его недооценивали».

Следующее поколение моих учителей – В. Т. Агалаков, И. И. Кузнецов, Е. М. Даревская.

Виктор Трофимович Агалаков родился в Иркутске 15 апреля 1925 г. Отец его работал машинистом паровоза на станции Иннокентьевская. В 1942 г. он кончил 9-й класс, экстерном сдал экзамены за 10-й класс и поступил в ИГУ на историко-филологический факультет, в 1946 г. окончил его с отличием и был принят в аспирантуру.

В 1949 г. он становится преподавателем факультета, а в 1959 г. защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Формирование органов советской власти в Восточной Сибири в 1917–1918 гг.». В 1963 г. Виктор Трофимович получает звание доцента.

Я слушал его лекции по истории СССР советского периода, спецкурс «Революция и Гражданская война в Сибири». Читал лекции он интересно, ухитряясь даже в то время, когда история XX века была максимально загружена шаблонными коммунистическими формулировками, давать оригинальные факты и идеи.

С 1969 г. В. Т. заведовал кафедрой истории СССР. В 1986 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Советы Сибири в 1917–1918 гг.», в следующем году стал профессором. С 1992 по 1995 гг. В. Т. Агалаков заведовал кафедрой историографии и источниковедения отечественной истории, а с 1995 г. трудился профессором этой кафедры. Умер видный историк 28 августа 1999 г.

В. Т. Агалаков – автор более 150 научных публикаций. Им написаны тексты для 4-го тома «Истории Сибири», он член редколлегии этого тома. Основные его монографии: «Емельян Ярославский в Сибири» (Иркутск, 1964); «Советы Сибири (1917–1918 гг.)» (Новосибирск, 1978); «Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири, 1919–1921 гг.» (Иркутск, 1958); «Подвиг Центросибири, 1917–1918 гг. (Иркутск, 1986). Труды В. Т. Агалакова высоко ценятся специалистами. Им подготовлены сотни специалистов-историков. Среди них – 10 докторов и свыше 20 кандидатов наук.

На 1-м курсе студенты исторического факультета познакомились с доцентом Ильей Иннокентьевичем Кузнецовым (19 февраля 1925 г. – 12 марта 2003 г.). Он читал нам лекции по древней истории России. Лекции были содержательными, но несколько суховатыми. На 3-м курсе он преподавал нам спецкурс «История Великой Отечественной войны». Мы были поражены: курс, построенный на собственных исследованиях, он читал совсем по-другому, ярко и увлекательно.

Еще одна особенность: И. И. занимался историей как исследователь с 15 лет! В самом деле. Большинство специалистов пишут первые научные работы лишь после окончания вуза, в нашем же случае тяга к исследованиям проявилась в школьном возрасте. Первые свои статьи И. И. Кузнецов опубликовал в 1939 г., когда был учеником 7 класса. Его очерк об истории поселка Ленино (бывшего Иннокентьевского) напечатали в трех номерах областной газеты школьников «За здоровую смену». Очерки были замечены известным тогда уже историком Ф. А. Кудрявцевым, который познакомился с юным краеведом, проявил к нему внимание и дал немало полезных советов.

Далее трудолюбивый, быстро ориентирующийся в фактическом материале исследователь успешно поднимался по ступенькам науки. В 1946 г. он с отличием оканчивает Иркутский университет по специальности «История», спустя 6 лет защищает кандидатскую диссертацию, а в 1973 г. – докторскую. Пять лет И. И. Кузнецов заведовал кафедрой истории СССР, много лет работал профессором университета.

Илья Иннокентьевич особо почитаем как историк Великой Отечественной войны. Именно этой теме посвящены его основные труды. Однако исследователь публиковал работы также по истории Гражданской войны, развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта, деятельности администрации Восточной Сибири, советско-монгольских отношений.

Наиболее крупная его монография – «Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны» – большая по объему книга (свыше 500 страниц!) – дает подробное представление о суровых трудовых буднях региона, о сотнях эшелонов с оборудованием эвакуированных с запада предприятий, об огромном труде по их строительству, о работе на пределе под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!»

В 1982 г. издана книга «Золотые звезды иркутян». В ней – биографические очерки о 125 жителях области, удостоенных звания «Герой Советского Союза». Историком написаны также книги, изданные в Монголии и СССР, о боях советских и монгольских войск у реки Халхин-Гол в 1939 г. против японских интервентов. Вместе с тремя другими авторами И. И. написал большую обобщающую работу «Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны)». А в 1997 г. вышла его же книга «Генералы земли Иркутской». В ней – очерки о 60 крупных военачальниках, которых дал стране наш край. В 2000 г. в Иркутске издана его крупная монография «Судьбы генеральские. Высшие командные кадры Красной Армии в 1940–1963 гг.» (25 учетно-издательских листов).

Историка хорошо знали в области, особенно ветераны Великой Отечественной войны. Он – редактор и составитель нескольких томов книги «Память», где указано 110 тысяч имен жителей, сложивших свои головы в борьбе с фашизмом. И. И. Кузнецов – участник многих крупных начинаний, связанных с увековечением памяти наших земляков-героев Второй мировой войны. О боевых делах иркутян он опубликовал десятки статей, много раз выступал по радио и телевидению.

И. И. Кузнецова хорошо знали не только ветераны войны, не только студенты ИГУ и не только историки нашей области. Он участвовал во множестве коллективных научных проектов всесоюзного, всероссийского и сибирского масштаба. Он – один из основных авторов и член редколлегии 5-го тома «Истории Сибири». Исследователь-соавтор книг о Забайкальском военном округе, о Героях Советского Союза – амурцах, алтайцах, томичах, жителях Кузбасса. Ему принадлежат статьи в ряде центральных исторических журналов. Особенно важно участие И. И. Кузнецова в двухтомном биографическом словаре «Герои Советского Союза», изданном в Москве. Из 12 тысяч справок, вошедших в словарь, иркутянином написано 850.

Коллеги-историки знали И. И. Кузнецова не только как серьезного исследователя, но и как человека, всегда готового помочь молодому автору, глубоко заинтересованного в решении сложных проблем науки, обладающего тонким чувством юмора.

Трудолюбие и умение ученого работать качественно и быстро удивляли многих. Итоги его деятельности сравнимы с работой целого НИИ: 42 монографии, 270 научных публикаций, к которым следовало бы добавить 850 справок, входящих в словарь о Героях. Кроме того, еще 55 газетных статей. 20 кандидатов наук защитили диссертации под его руководством. Ни один из иркутских историков такими показателями похвастаться не может.

Конечно, бывали случаи, когда отдельные выводы И. И. Кузнецова вызывали спор. В его работах можно найти и типичные для 40–80 годов, и не очень популярные оценки. Но не это главное. Главное – повседневный кропотливый труд человека, вызвавшего из забвения многих безвестных наших земляков, очень много сделавшего для прославления воинов 1940-х гг., для общественно значимого при любом политическом строе патриотического воспитания.

Не случайно работы И. И. Кузнецова были высоко оценены многими знаменитыми участниками боев с фашизмом, в том числе – маршалом Г. К. Жуковым, генералом армии А. П. Белобородовым, писателем К. М. Симоновым. И, конечно, не случайны высокие звания историка «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», действительный член Академии гуманитарных наук. Много лет он выполнял обязанности заместителя председателя Совета по защите докторских диссертаций в ИГУ. Награжден семью медалями, в том числе двумя монгольскими.

Прекрасную память оставила о себе Елена Марковна Даревская (1919–2010 гг.). Родилась она в Белоруссии, в городе Хотимске. Окончив среднюю школу в Твери, она поступила в Московский институт истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского. Проучившись три года, Е. М. Даревская вместе с семьей из-за военных событий эвакуируется в Иркутск. Здесь она работает в Мединституте, учится заочно в ИГУ, и в 1945 г. получает диплом с отличием в первом выпуске возобновленного в 1940 г. исторического отделения. Учитывая проявленные ею способности и трудолюбие, ее оставили преподавателем кафедры истории СССР.

В разное время Е. М. читала лекции по истории СССР периода империализма, вела курсы «Россия и страны Дальнего Востока», «Россия и Монголия», «Декабристы». Юристам она читала лекции по «Истории государства и права». Когда я в 1956 г. стал студентом, Елена Марковна вела семинар по «Русской правде», делая это глубоко и интересно. На старших курсах она вела у нас спецсеминары «Россия и страны Дальнего Востока» и «Исторический роман», вызывавший большой интерес. Большие знания и умение излагать фактический материал делали ее прекрасным преподавателем. На мой взгляд, именно ее лекции были самыми увлекательными для историков.

К сожалению, тогдашние правители СССР далеко не всегда решали многие вопросы объективно. К евреям власти в те годы относились недоброжелательно. Это сказалось на ее судьбе. Хотя Елена Марковна отлично преподавала, а ее научные работы пользовались успехом, ей помешали стать не только доктором, но и кандидатом наук. Звание доцента ей присвоили лишь по просьбе монгольского правительства.

Главная ее работа – «Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков» (Иркутск, 1994. – 401 с.). На основе большого количества архивных и опубликованных материалов Е. М. Даревская дает подробную и глубоко продуманную историю разноплановых связей России и Монголии. Рассмотрены экономические отношения, деятельность русских врачей, учреждений просвещения и культуры, роль сибирских отделов ВСОИРГО в изучении Монголии, взаимное отражение внутренних событий двух соседних стран. Всего Е. М. опубликовано более 80 научных работ.

Кроме того, Елена Марковна серьезно занималась декабристоведением. Ее интересная статья «Завершен ли спор о С. П. Трубецком» была напечатана в журнале «История СССР» (М., 1990. № 5). Других работ иркутских декабристоведов, напечатанных в центральных журналах, я не знаю. Декабристам были посвящены и две ее книги: «Методические ошибки в современном декабристоведении: Учебн. пособие» (Иркутск, 1998. – 104 с.) и «Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия: Науч.-популярный очерк» (Иркутск, 2007. – 118 с.). На пенсию Елена Марковна ушла в 1986 г., после чего прожила еще 24 года! <...>

Алексей Александрович Мухин (1917–1999 гг.) в 1940 г. окончил Кировский пединститут. В 1941–1945 гг. участвовал в Великой Отечественной войне, получил ранение в битве за Берлин. Воевал он успешно, был награжден орденами Славы, Отечественной войны, Красной Звезды, медалью «За отвагу». В 1951 г. окончил аспирантуру в Ленинградском университете и защитил кандидатскую диссертацию по истории рабочего движения в России после 1861 г. С 1957 г. работал в Иркутском университете доцентом кафедры истории СССР, а позже – профессором. Докторскую диссертацию защитил в 1966 г. Читал лекции по курсу истории СССР XIX в., спецкурс «Рабочие Сибири в эпоху капитализма». Лекции его были содержательными, но несколько суховатыми. Несколько лет заведовал кафедрой истории,

с 1968 г. – декан исторического факультета. К студентам относился доброжелательно. В начале 1970-х гг. переехал в Ленинград, где и умер.

Хочу отметить также несколько преподавателей общественных наук. Историки КПСС в целом были, как правило, слабее, чем гражданские историки, что было связано с особенностями этой дисциплины. Отступать от ее идеологических шаблонов в ту пору было «смерти подобно». Несколько свободнее чувствовали себя историки, занимавшиеся XIX веком и более ранними периодами. Полной свободой от навязанной идеологии пользовались лишь археологи.

Из историков КПСС особенно запомнился Буянто Сайнцакович Санжиев (1912–2000 гг.). Родился он в семье крестьянина Селенгинского аймака Бурятии. В 1938 г. с отличием окончил Московский пединститут, несколько лет работал в Улан-Удэ в научно-исследовательском Институте языка, литературы и истории, затем – в вузе. С декабря 1941 г. по сентябрь 1946 г. был секретарем по пропаганде Бурят-Монгольского обкома КПСС. Затем работал в вузах Иркутска, межобластной партийной школе, Стоматологическом и Педагогическом институтах. Кандидатскую диссертацию защитил в 1953 г., докторскую – в 1968 г.

С 1971 по 1992 гг. – зав. кафедрой истории КПСС в ИГУ, затем – профессор.

Б. С. Санжиев – автор более 150 публикаций, под его руководством было защищено 40 кандидатских диссертаций. С 1976 г. был председателем Совета по защите докторских диссертаций по истории при ИГУ. Долгие годы он возглавлял Восточно-Сибирский совет по координации и планированию гуманитарных наук. Мне лично общаться с ним не приходилось, но помню, что среди преподавателей ИГУ он пользовался большим авторитетом.

Кафедра истории КПСС гуманитарных факультетов. В центре – Б. С. Санжиев. 1970-е гг.

Л. А. Петров

Из преподавателей философии приятное впечатление осталось от Льва Александровича Петрова (1908–1975 гг.), профессора. Он – уроженец г. Архангельска, где уже в юности занимался организацией пионерского движения. В 1928 г. получил диплом выпускника Московского университета, а в 1931 г. окончил аспирантуру. Первые годы работал доцентом Московского химико-технологиче-

ского института, затем приехал в Иркутск, где был избран зав. кафедрой философии ИГУ. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию. Был хорошим лектором, студенты слушали его с интересом.

Главным направлением научной работы Л. А. Петрова была история философии. Вот его основные книги: «Общественно-политические взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира» (Иркутск, 1974), «Развитие прогрессивной общественно-политической мысли и философии России в первой половине XVIII в. Лекции» (Иркутск, 1974), «Доржи Банзаров» (Иркутск, 1975).

Всего им издано более 90 научных работ. Под его руководством защитились свыше 20 кандидатов наук. Долгое время он был председателем Восточно-Сибирского совета по координации и планированию гуманитарных наук, председателем Восточно-Сибирского отделения философского общества СССР. Его наградили орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями СССР и Монголии.

Лекции и семинары по политэкономии вел Юрий Львович Шервашидзе (1929–1971 гг.). Говорили, что он – потомок царей Абхазии. Хотя он был только старшим преподавателем, но прославился как потрясающий лектор. Особенно ценились его лекции о международном положении. Когда он читал их в актовом зале 1 корпуса ИГУ (физико-математического), студенты и преподаватели не только заполняли зал, но слушали его и в коридоре, где лекции транслировались динамиками. Ю. Л. Шервашидзе умел рассказывать о международных событиях очень интересно, обходясь без традиционных идеологических штампов того времени. Лучшего лектора, чем он, мне слушать не приходилось!

С 1965 г. он перешел на работу в пединститут, на кафедру всеобщей истории, специализировался по истории США и Германии. К сожалению, умер он рано, в возрасте 42 лет.

Лекции по педагогике нам читала Любовь Тимофеевна Люшина, доцент, кандидат психологических наук. Слушали ее студенты с удовольствием. С 1961 по 1968 гг. она была деканом историко-филологического факультета,

успешно проявив себя и в этой роли. С 1968 по 1973 гг. заведовала кафедрой педагогики ИГУ. Ею опубликовано более 30 работ, она была награждена медалями.

Теперь я перехожу к воспоминаниям о тех преподавателях факультета, которые работали одновременно со мной, но ушли из жизни. Особенно сильное впечатление на меня производил Евгений Васильевич Алтунин (1926–2003). Характерными чертами его были доброта, скромность, желание помочь людям, благородство. Родился он в с. Ржава Курской области. В 1942 г. добровольцем ушел на фронт, воевал сначала против Германии, потом – Японии. Он перенес несколько ранений, был награжден орденом Отечественной войны II степени, 16 медалями, а в послевоенное время – орденом Трудового Красного Знамени.

После войны Е. В. окончил авиационное училище, затем в 1962 г. – экономический факультет Всесоюзного заочного института советской торговли. В 1955–1970 гг. он трудился на руководящей партийно-политической работе в Магаданском управлении гражданской авиации. По воспоминаниям ветеранов, в качестве руководителя он оставил о себе добрую память: был объективным, уважительно относился к подчиненным, никогда не срывался на крик.

Однако его все больше увлекала научная работа. В 1968 г. Е. В. защитил кандидатскую диссертацию по истории авиации на Северо-Востоке страны. Затем он переходит на работу в ИГУ. В 1984–1990 гг. Е. В. Алтунин трудится доцентом на кафедре истории КПСС, а затем уходит на кафедру истории СССР. В 1990 г. Е. В. защищает докторскую диссертацию по истории авиации Восточной Сибири и Дальнего Востока. С 1991 г. он профессор, многие годы – член Спецсовета по защите докторских диссертаций ИГУ.

Главные его монографии: «Крылья Сибири (1923–1980)» (Иркутск, 1981. – 142 с.), «Очерки истории гражданской авиации Восточной Сибири и Дальнего Востока, 1923–1945» (Иркутск, 1990. – 272 с.) и еще три менее крупные книги по такой же тематике.

Николай Николаевич Щербаков (1937–2005) на моей памяти был самым ярким из историков КПСС. Родился он в семье кубанских казаков. Окончив среднюю школу, поступил в Ейское военно-морское авиационное училище, затем несколько лет служил в авиационных частях ПВО Черноморского и Тихоокеанского флотов. С 1958 по 1963 гг. учился в ИГУ, получив диплом историка с отличием. Был оставлен в аспирантуре и в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию. Затем продолжал заниматься историей пребывания большевиков в сибирской ссылке. С 1973 г. – постоянный редактор серии сборников статей «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.), которые пользовались широкой известностью среди исследователей. В них участвовали десятки историков Сибири. Несколько статей опубликовал в сборнике и я. При жизни Н. Н. Щербакова издано 15 книг этой серии. В 1987 г. ученый защитил докторскую диссертацию, в следующем году стал профессором, с 1985 г. заведовал кафедрой истории и

политологии ИГУ, а в 1991 г. назначен председателем Спецсовета по защите докторских диссертаций.

Н. Н. Щербаков обладал талантами педагога, исследователя, организатора. Как руководитель отличался объективностью, пользовался заслуженным уважением членов Совета, преподавателей кафедры. Им написано более 80 научных работ, в том числе монографии: «В. И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (конец XIX в. – 1917 гг.)» (Иркутск, 1973. – 176 с.) в соавторстве с А. П. Мещерским; «Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.)» (Иркутск, 1984. – 244 с.).

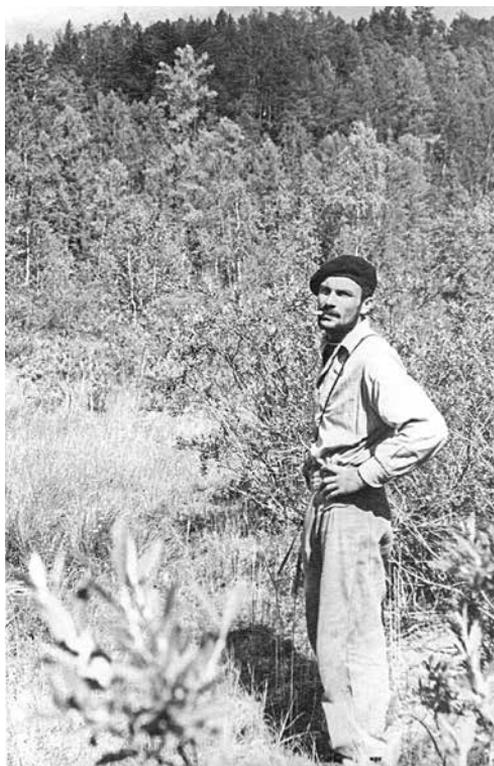
Н. Н. являлся научным консультантом 10 докторантов, под его руководством защищено 27 кандидатских диссертаций. С 1999 г. – заслуженный работник высшей школы, с 1995 г. – академик Российской академии гуманитарных наук.

Замечательным исследователем и организатором научной работы был Геннадий Никифорович Новиков (1949–2008 гг.). Родился он в г. Ачинске Красноярского края. Получив среднее образование, стал студентом исторического факультета ИГУ, окончив его в 1971 г. с отличием. Год после этого он был преподавателем кафедры всеобщей истории, а в 1972 г. поступил в аспирантуру Московского университета, где в 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории Франции.

Вернувшись в ИГУ, работал старшим преподавателем кафедры всеобщей истории и читал курсы новейшей истории Европы и Америки. В 1978–1979 гг. Г. Н. Новиков – слушатель Института политических наук в Париже. Итогом его пребывания во Франции стала серия статей во «Французском ежегоднике» (Москва).

В 1948 г. Г. Н. был направлен в столицу Республики Мали г. Бамако, где читал лекции в вузе, а с 1986 г. руководил группой советских преподавателей в Мали. Был награжден почетными грамотами посла в Мали. За это же время съездил в Москву, где защитил докторскую диссертацию (1985 г.).

Вернувшись в Иркутск, Г. Н. Новиков в 1989 г. был избран профессором и зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений.

Н. Н. Щербаков. 1961 г.

Основными темами его научных исследований по-прежнему была Франция, история и теория международных отношений.

В 1990 г. ученый организовал Центр международных исследований при кафедре. Затем он становится директором Межрегионального института общественных наук. Я благодарен ему за то, что он предложил мне и доценту А. П. Санникову написать вдвоем монографию по истории православной церкви в Восточной Сибири. Мы с удовольствием занялись этой работой, и в 2006 г. наш двухтомник был издан Институтом.

Геннадий Никифорович был назначен заместителем председателя, а в 2005 г. – председателем Спецсовета по защите докторских диссертаций при ИГУ. У Г. Н. Новикова, помимо его разнообразных постов, хватало сил и на общественную работу. Так, в 1990 г. он возглавил Иркутскую областную ассоциацию друзей Франции, а в 1998 г. был избран вице-президентом Международного фонда «Байкальский дом Европы». И еще один эпизод. Однажды, находясь в США в командировке, он обнаружил в архиве Техасского университета рукопись А. Ф. Керенского «История России». Бывший председатель Временного правительства в своих публикациях резко критиковал большевистскую власть, но, когда Гитлер напал на советскую Россию, А. Ф. Керенский стал сторонником СССР. Книга Керенского весьма интересна тем, что она написана с патриотических позиций, содержит много выводов и наблюдений, хотя в ней немало ошибок и неточностей. Книга была издана в Иркутске в 1996 г. под редакцией Г. Н. Новикова при участии ряда профессоров, в том числе и моем. Профессор читал также лекции в университетах Франции, Канады, США, Китая.

Всего им опубликовано более 80 научных работ, в том числе две монографии: «Голлизм после де Голля...» (М., 1984. – 302 с.), «Теории международных отношений» (Иркутск, 1997. – 297 с.). Он награжден французскими орденами.

Авторитетным педагогом и исследователем был и Владимир Владимирович Яровой (1936–2005). Родился он в г. Константиновка Донецкой области. В 1941 г. его семья переехала в г. Черемхово. Иркутский университет он окончил в 1960 г. В юности В. В. много сил отдавал конькобежному спорту, в котором достиг больших успехов, стал мастером спорта и членом сборной Российской Федерации.

Л.П. Савельева, В.В. Яровой, Н.К. Струк,
Г.И. Медведев.

Обучаясь в университете, увлекся историей США, особенно внешней политикой этой страны.

В 1961–1963 гг. В. В. Яровой – аспирант Московского университета. Вернувшись в Иркутск, стал работать на кафедре всеобщей истории ИГУ, читал лекции и вел семинары по новой истории стран Европы и Америки. Лекции его пользовались успехом. В 1970 г. он защитил кандидатскую диссертацию. В. В. Яровой постепенно приобрел репутацию авторитетного ученого-американиста. Он многие годы работал в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда, Одессы. Результатом исследований стали не только монографии, многочисленные статьи, но и защита в 1990 г. докторской диссертации в Институте всеобщей истории АН СССР.

Владимир Владимирович на протяжении 30 лет руководил Методологическим семинаром исторического факультета, был членом Совета ИГУ и Спецсовета по присуждению ученой степени доктора исторических наук.

Основные труды В. В. Ярового: «Американская политика эмбарго в начале XIX в.: учеб. пособие» (Иркутск, 1980); «Происхождение англо-американской войны 1812–1815 гг.» (Иркутск, 1987); «Англо-американская война 1812–1815 гг.: Причина, характер, этапы: учеб. пособие» (Иркутск, 1993).

Болеслав Сергеевич Шостакович (1945–2015 гг.), сын Сергея Владимировича, потомок польского ссыльного революционера, постепенно стал крупнейшим знатоком истории пребывания польских повстанцев в Сибири. Диплом историка он получил в ИГУ в 1966 г. Затем был принят в аспирантуру по кафедре всеобщей истории. С 1970 г. стал работать на этой кафедре, сначала ассистентом, затем старшим преподавателем и доцентом. В 1973 г. Б. С. Шостакович защитил кандидатскую диссертацию, посвященную жизни ссыльных поляков в Сибири в 1870–1890-х гг. Затем он продолжил разработку этой же тематики, расширив хронологию ее до конца XIX в. В 1997 г. он защитил докторскую диссертацию, а в следующем году ему было присвоено звание профессора.

Б. С. Шостакович с успехом преподавал курс истории южных и западных славян. В Польше он читал лекции в университетах Познани, Люблина, Вроцлава. Польским правительством награжден орденами «Золотой крест заслуги», «Кавалерский крест ордена «Заслуги республики Польши» – высшей государственной награды Польши для иностранцев, медалью В. Годлевского. Он – вице-президент польского культурно-просветительного общества «Огниво», член Совета конгресса поляков в России, был председателем клуба друзей Польши в Иркутске, членом президиума совета Иркутского областного отделения ВООПИК.

Б. С. Шостаковичем опубликовано 342 научные работы. Ему присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования».

Основные монографии Б.С. Шостаковича:

«История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.)» (Иркутск, 1995. – 163 с.), «Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX

столетия» (Иркутск, 2009. – 723 с.), «Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.)...» (М., 2015. – 752 с.).

Герман Иванович Медведев (1936–2015 гг.) – талантливый, широко известный археолог, возглавивший с 1980-х гг. иркутскую школу археологии. Родился он в г. Наро-Фоминске Московской области, но в 1943 г. мать с сыном переехала в Иркутск, а отец, кадровый офицер, погиб на фронте в 1944 г. В 1954 г. Г.И. Медведев поступил в Иркутский университет, где серьезно увлекся археологией. В студенческие годы участвовал в экспедициях, которыми руководил знаменитый археолог и антрополог М. М. Герасимов, оказавший на него огромное влияние. В 1960-х гг. Г. И. становится первым аспирантом-археологом в ИГУ, а после окончания аспирантуры – ассистентом кафедры всеобщей истории. В 1960-х гг. ему, вместе с его единомышленником и другом М. П. Аксеновым, удалось опубликовать серию статей в американском археологическом журнале. В 1968 г. Герман Иванович защитил кандидатскую диссертацию по теме «Мезолит Верхнего Приангарья». На кафедре всеобщей истории, руководителем которой профессор С. В. Шостакович активно поддерживал Г. И. Медведева, организуется лаборатория археологии, сначала на общественных началах, а с 1970 г. – как штатное подразделение. Руководителем ее стал Г. И. Медведев.

В 1969 г. молодым археологом были открыты на правом берегу р. Ангары ансамбли раннего палеолита, что свидетельствовало о более раннем заселении Сибири, чем предполагалось ранее. В дальнейшем талантливый исследователь ведет разностороннее изучение древнейших археологических комплексов, и в 1983 г. защищает докторскую диссертацию «Палеолит Южного Приангарья».

С 1976 г. он заведует кафедрой всеобщей истории, а с 1988 г. – кафедрой археологии и этнографии университета. В 1993 г. по инициативе Г. И. Медведева создается подразделение ИГУ – Научно-исследовательский центр международных гуманитарных программ, которое получило в дальнейшем название НИЦ «Байкальский регион». Его возглавил Г. И. В том же году он стал руководителем академического подразделения – Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Г. И. Медведев был инициатором и этнографических исследований в ИГУ. Ученики иркутского археолога работают ныне во многих городах Сибири.

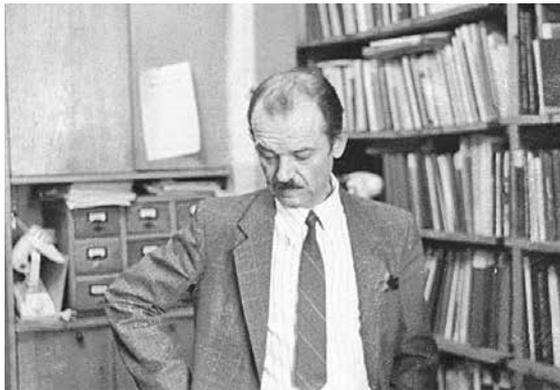
По инициативе Г. И. Медведева в Иркутске стали проводиться ежегодные археологические конференции, пользовавшиеся большой популярностью у специалистов. Он участвовал и в международных научно-иссле-

Г. И. Медведев

довательских проектах, вместе с коллегами из Японии, Бельгии, Канады. Г. И. Медведев – автор 280 научных публикаций, в том числе напечатанных в Китае, Японии, США, Великобритании.

Заслуги выдающегося ученого и организатора были отмечены почетной

М. П. Аксенов

грамотой Министерства высшего образования и званием «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Основные труды Г. И. Медведева – коллективные монографии, вышедшие под его редакцией: «Мезолит Верхнего Приангарья. Часть 1. Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов» (Иркутск, 1971. – 242 с.); «Описание и анализ археологических источников» (Ир-

кутск, 1981. – 135 с.); «Каменный век Южного Приангарья» (Иркутск, 2001. Т. 1, 2).

Наряду с Г. И. Медведевым одним из наиболее авторитетных иркутских археологов был Михаил Петрович Аксенов (1934–2002). Уроженец Иркутска, он в 1953 г. окончил среднюю школу, стал работать на Лисихинском кирпичном заводе, но вскоре был призван в армию. Демобилизовавшись, поступил в 1957 г. в ИГУ на отделение истории. Оказавшись летом 1958 г. в экспедиции М. М. Герасимова, он на всю жизнь влюбился в археологию.

«Изящно сухой и мускулистый, с огромной копной иссиня-черных волос, с окладистой бородой, ловкий в движениях, рукастый в любом ремесле, неумолимый в лопатной работе и открытый в жизнерадостной веселости», – так характеризует его Г. И. Медведев.

Получив диплом историка в 1962 г., М. П. Аксенов каждое лето проводил в экспедициях. Коллеги отмечали его поразительную интуицию. Бывали случаи, когда он указывал места древних погребений, и эти указания оказывались точными.

В 1965 г. М. П. перешел на работу в областной краеведческий музей, где стал заместителем директора по научной работе. В 1970 г. молодой археолог защитил кандидатскую диссертацию, дав монографическое описание комплекса Верхоленской горы. В том же году он возвращается в университет доцентом кафедры всеобщей истории.

Особое значение имели изыскания ученого в районе р. Лены. Эту территорию он исходил «вдоль и поперек». Михаил Петрович впервые исследовал такие интереснейшие объекты, как Макарово IV и Шишкино под Качугом. Итогом этой работы стала его докторская диссертация «Палеолит и мезолит Верхней Лены», защищенная в 1989 г. С 1974 г. он стал исследовать следы древних культур р. Витима.

С 1997 г. М. П. Аксенов – профессор кафедры археологии и этнографии ИГУ. Умер он, к сожалению, рано.

В его некрологе, в частности, говорилось, что он – «...один из самых интересных, талантливых, и красивых людей, работавших когда-либо в стенах ИГУ, один из отцов иркутской археологической школы. Удивительно скромный, честный, удивительно человечный человек, которого невозможно было не любить, остался в наших сердцах навсегда... Ушел из жизни классик сибирской археологии».

Владимир Вячеславович Свинин (1936–2012 гг.) – один из ведущих археологов Иркутска. Родился он в поселке Усть-Орда Иркутской области в семье рабочих. Детские годы провел в бурятских улусах Баяндаевского района. Еще в школьные годы писал по заданию редакции окружной газеты репортажи, печатал стихи. Участь в старших классах, занимался в окружном краеведческом музее, где организовал краеведческий кружок.

В 1954 г. В. В. закончил школу с серебряной медалью и стал студентом-историком ИГУ. Одновременно работал в Иркутском областном краеведческом музее. Получив диплом историка в 1959 г., трудился в 1960–1963 гг. учителем средних школ Алзамая и Зимы. В 1963 г. переходит в Иркутской областной краеведческий музей главным хранителем фондов, а в 1965 г. становится директором музея. Защитив кандидатскую диссертацию в 1970 г., переходит в ИГУ доцентом кафедры всеобщей истории, а с 1989 г. – кафедры истории и этнографии. В то же время, с 1979 г., В. В. Свинин заведует отделением гуманитарных наук университета. Отличаясь редким трудолюбием и внутренней организованностью, он успешно совмещает педагогическую работу с управленческими функциями. Кроме того, он был членом президиума ВСОРГО, ученым секретарем и заместителем председателя отдела Географического общества. В 1966 г. стал одним из основателей Иркутского областного отделения ВООПИК, активно участвовал в его работе.

Длительное изучение исследователем погребальных памятников побережья Байкала дало ему возможность глубоко проанализировать собранный фактический материал. Но научные интересы В. В. Свинина отличались большим разнообразием. Он занимался также монголоведением, бурятоведением, этнографией Восточной Сибири и Монголии. Им выполнено более 200 научных публикаций.

В. В. Свинин долгое время был председателем Экспертной комиссии по историческим наукам вузов Восточной Сибири, избирался членом Центрального совета Всесоюзной ассоциации монголоведов.

Выдающийся археолог, этнограф и историк награждался Почетными грамотами Президиума Географического общества СССР, Золотой медалью правительства Монголии, удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Н. М. Лаптев

Иркутские «потомки Геродота» (к вопросу об иркутской исторической школе)

Среди историков Сибири вопрос о существовании региональных научных школ до сих пор остается дискуссионным. Иркутские историки считают себя «учениками» своей школы [1, с. 1], а бурятские историки утверждают, что «сегодня бурятская историческая школа – это объективная реальность» [3, с. 109]. О своих «школах» пишут томские историки и новосибирцы. Но все же я полагаю, что в сибирской историографии советского и постсоветского периодов не сложилось единого мнения о существовании отдельных исторических школ.

В 60–70-е гг. XX столетия сибирские историки осуществляли крупные комплексные исследования: «История Сибири» (в 5 томах), «История рабочего класса Сибири» (в 4 томах), «История крестьянства Сибири» (в 5 томах). Авторы этих фундаментальных трудов – историки Западной и Восточной Сибири – считались едиными коллективами. Например, участвуя в подготовке одного из томов «Истории рабочего класса Сибири», я «отвечал» за раздел по истории железнодорожников Восточной Сибири и Забайкалья, а мой коллега – томский историк И. В. Елизаров – готовил материалы по истории рабочих-железнодорожников Западной Сибири. Во время совещаний членов авторских коллективов, которые, как правило, проводились в Новосибирске, мы «складывали» свои материалы, обобщали их, делали соответствующие выводы и заключения. Редактирование тома осуществляла редакционная коллегия.

Особая роль в написании 5-томной «Истории Сибири» принадлежала иркутской группе историков – А. В. Дулову, Ф. А. Кудрявцеву, А. А. Мухину, Б. С. Санжиеву, В. Г. Тюкавкину. Об этом свидетельствует оценка, данная академиком А. П. Окладниковым в одном из писем А. В. Дулову, где он писал: «Я благодарю тебя и историков-иркутян за огромное дело, которое они сделали для «Истории Сибири». Во всяком случае, у нас здесь, в Институте истории СО АН СССР сложилось одинаковое впечатление, что вы самая сильная группа историков Сибири» [4, с. 18].

Конечно, деление историков Сибири на «западников» и «восточников» было, но, на мой взгляд, оно являлось чисто условным, так как методология исследований и подход к оценке тех или иных событий, как правило, были

одинаковыми. Поэтому вряд ли стоит обособлять историков регионов в «научные» школы – бурятскую, иркутскую, томскую или иные.

Если что нас, историков, объединяет в региональном масштабе, то это научные направления или тематика исследований. В этом плане можно говорить об отдельных школах, а вернее – о коллективах ученых-историков, исследующих одну многоплановую тему. А потому, говоря об исторических школах, следует, на наш взгляд, называть отдельные направления или области исторических исследований, которых в Иркутске с момента открытия университета в 1918 г. сложилось несколько.

Но прежде, чем характеризовать те или иные научные направления исследований иркутских историков, следует сказать о кадровой составляющей и преемственности поколений.

После образования в Иркутском государственном университете историко-филологического факультета в 1918 г. в Иркутск приехали известные в России историки: профессор истории Казанского университета В. И. Огородников (первый декан истфака ИГУ), профессор русской истории К. В. Кудряшов, философ, но с августа 1918 г. – приват-доцент по кафедре истории Востока И. Г. Франк-Каменецкий. Первый ректор университета профессор М. М. Рубинштейн приглашает возглавить кафедру первобытной культуры крупного специалиста в области антропологии и этнографии Б. Э. Петри. Следует отметить, что первые профессора-историки ИГУ имели классическое по тем временам образование. Все они сначала окончили гимназии, а затем университеты: Казанский, Московский, Одесский, Петербургский. Их учителями были историки с мировыми именами – Н. Кареев, С. Платонов, М. Ростовцев, В. Радлов и другие. Следовательно, фундамент под историческое образование в Иркутском университете был заложен прочный.

К сожалению, часть «старой профессуры» погибла в застенках сталинских репрессий. Против Н. Н. Козьмина, В. И. Огородникова, Б. Э. Петри и др. были возбуждены дела как о «врагах народа», и они попали в «мясорубку» НКВД.

Однако посеянные ими семена дали хорошие всходы. Их ученики: Ф. А. Кудрявцев, С. В. Шостакович и приехавший в Иркутск в 1930 г. М. А. Гудошников приняли «эстафету» и стали крупными учеными-историками, которые в свою очередь дали путевку в науку В. Т. Агалакову, А. В. Дулову, С. Ф. Ковалю, И. И. Кузнецову, Г. И. Медведеву, А. Е. Погребенко, Н. Н. Щербакову и многим другим. Они и стали формировать основные научные направления для исследовательской работы.

Основной темой исследований была история Сибири, ее прошлое и настоящее. К этой комплексной теме были привлечены все ведущие историки региона, а их научную работу координировал Институт истории СО АН СССР (г. Новосибирск), который возглавлял академик А. П. Окладников. Сформированные им авторские коллективы свою задачу выполнили успешно, написав многотомные фундаментальные труды, о которых упоминалось выше.

Ф. А. Кудрявцев (крайний слева) с коллегами из Бурятии. 1960-е гг.

Однако участие в коллективных работах не привело ученых к самоустрашению от исследования других, более узких тем, которые и составляют основу научной деятельности более чем 100 иркутских историков. На рубеже XX–XXI вв. в Иркутске сформировалось несколько направлений, у которых были свои научные коллективы во главе с крупными учеными.

Среди таких коллективов в первую очередь следует назвать «археологическую школу» Иркутска. Как свидетельствует один из руководителей этой школы профессор Г. И. Медведев, термин «иркутская школа археологии» известен еще с конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. Основателем школы считается Б. Э. Петри [1, с. 38]. К этой школе принадлежали всемирно известные иркутские ученые: М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец и А. П. Окладников. Выдающимися археологическими открытиями прославился А. П. Окладников. Именно этому замечательному археологу мы обязаны тем, что термин «иркутская школа археологии» существует и поныне.

Во второй половине XX в. в школе появились «ученики», которые также прославили ее в мировой археологии: Г. И. Медведев, М. П. Аксенов, А. Г. Генералов, Г. М. Зайцева и другие ученые-археологи Иркутска. Их открытия получили известность не только в нашей стране, но и в мире.

Среди выдающихся историков Иркутска, у которых было свое научное направление «Сибирь в Великой Отечественной войне», следует отметить профессора ИГУ, заслуженного деятеля науки России, д.и.н. И. И. Кузнецова. За годы своей научной деятельности им было опубликовано свыше 260 научных работ, в том числе 42 личных и коллективных монографии по истории Великой Отечественной войны [4, с. 100]. Он не стремился соз-

давать свою историческую «школу», но благодаря его большому научному авторитету вокруг него образовался коллектив историков, которые вместе с ним «разрабатывали» тему «Сибирь в Великой Отечественной войне». Среди них следует назвать профессоров — В. Базаржапова, С. Кузнецова, Н. Лаптева, А. Шалак, доцентов — Ю. Исаева, Р. Хафизова, М. Щербинина и др. Как научный руководитель и консультант он принимал прямое или косвенное участие в подготовке более 30 докторов и кандидатов наук [4, с. 78].

В 60–80-е гг. XX в. в Иркутском университете на кафедре истории КПСС работала группа историков, осуществлявших научные исследования по проблемам экономического и социального развития Сибири в советский период. Среди них следует назвать д.и.н., профессоров А. Н. Зыкова, М. И. Капустина, Б. С. Санжиева, И. Ф. Суворова.

А. Н. Зыков руководил кафедрой истории КПСС с 1971 по 1979 гг. Его основная научная работа была посвящена электрификации Сибири. Им написана крупная монография «КПСС – организатор строительства гидроэлектростанций Восточной Сибири», которая послужила основой докторской диссертации, защищенной им в 1969 г. Но ни своей научной школы, ни научного направления им не было создано.

Большой вклад в изучение истории индустриального развития Сибири внес М. И. Капустин. Он окончил исторический факультет еще до Великой Отечественной войны в 1939 г. В начале военных действий был призван на фронт и в качестве старшего политрука, а впоследствии в должности заместителя командира по политчасти воевал на нескольких фронтах. Войну закончил в звании подполковника с многочисленными боевыми наградами. Вернувшись в Москву, поступил в аспирантуру и в 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1960 г. М. И. Капустин стал работать доцентом кафедры истории КПСС ИГУ, а затем профессором до конца своей жизни (до 1983 г.). Его главной научной темой являлась история развития сибирской металлургической базы, по этой проблеме им было опубликовано несколько монографий и защищена докторская диссертация. За 14 лет работы на кафедре им было подготовлено 18 кандидатов наук.

Среди крупных историков Сибири особое место занимает д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки России Б. С. Санжиев. Как ученый-историк он принимал активное участие в развитии исторической науки в Сибири. Он один из авторов и редакторов пятитомной «Истории Сибири» и четырехтомной «Истории рабочего класса Сибири», автор ряда крупных монографий и более чем 150 научных статей. С 1976 по 1991 г. Б. С. Санжиев возглавлял специализированный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций при Иркутском государственном университете. За этот период в совете было защищено 16 докторских и 178 кандидатских диссертаций. Это были историки из Иркутска, Красноярска, Улан-Удэ, Улан-Батора, Хабаровска, Читы, Якутска и других городов Сибири и Дальнего Востока. Б. С. Санжиев подготовил свыше 25 докторов и кандидатов наук.

Одной из самых привлекательных исторических проблем для иркутских историков являлась сибирская каторга и ссылка. Ею занимались В. И. Ду-

лов, А. В. Дулов, С. Ф. Коваль, Ф. А. Кудрявцев. Ими написано немало научных трудов по данной теме.

Весомый вклад в изучение сибирской политической ссылки внес профессор Н. Н. Щербаков. Во-первых, он сам посвятил ей всю свою научную жизнь, защитив сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, опубликовав несколько монографий и свыше ста научных статей [2, с. 121].

Во-вторых, Н. Н. Щербаков подготовил по данной проблеме более 20 докторов и кандидатов наук. Среди его учеников – известные историки-преподаватели иркутских вузов профессора: С. И. Гольдфарб, А. А. Иванов, В. П. Казарин, В. В. Черных, доценты – В. М. Андреев, Д. И. Дмитриев, Н. Ф. Васильева, Л. П. Сосновская и другие. Прослеживая научную деятельность Н. Н. Щербакова, можно говорить о нем как об организаторе и руководителе научного направления по изучению истории сибирской политической ссылки.

Кафедра отечественной истории ИГУ. 1994 г.

Огромная заслуга в подготовке высококвалифицированных кадров принадлежит иркутскому историку – профессору А. Е. Погребенко. Благодаря его кропотливой работе со своими учениками – аспирантами и докторантами, для вузов Восточной Сибири было подготовлено 10 докторов и более 20 кандидатов наук. Но можно ли называть их исследователями одного научного направления? Полагаю, что нет. У многих из них «своя» тема, свой научный интерес. А профессор Погребенко был для них наставником, передавая свой опыт исследовательской работы, в котором на первом плане были научная объективность, доказательность, фактологичность и практическая значимость исследований.

Анализируя научные исследования иркутских историков, следует отметить тот факт, что они занимались не только историей Сибири, но и исто-

рией зарубежных стран. В 1970-е гг. в Иркутском государственном университете на кафедре всеобщей истории (ныне кафедра мировой истории и международных отношений. – Н. Л.) появились первые ученые-«международники» – В. П. Олтаржевский и В. В. Яровой. Оба – выпускники ИГУ. Они первыми «прорубили» окно в мир научных исследований по зарубежной тематике.

В 1980–1990-е гг. в связи с расширением международных связей у иркутских историков появилась возможность работать в университетах и научных центрах США, Франции, Польши, Новой Зеландии, Японии и других стран. Используя зарубежные командировки, исследователи расширили круг источников и возможности для публикации своих научных работ.

Особый след в осуществлении новых научных проектов среди иркутских историков оставили профессора В. П. Олтаржевский, Г. Н. Новиков, В. И. Дятлов, С. И. Кузнецов. Они создали исследовательские центры в ИГУ по изучению отдельных регионов и стран, такие как Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований (рук. В. П. Олтаржевский), Центр международных и европейских исследований им. Фернана Броделя (рук. Г. Н. Новиков) и Исследовательский центр «Внутренняя Азия» (рук. В. И. Дятлов). Известны за рубежом своими научными публикациями профессора: С. И. Кузнецов, Е. И. Лиштованный, Б. С. Шостакович и другие.

Наряду с коллективом историков ИГУ в Иркутске во второй половине XX в. в Государственном педагогическом институте сформировался и успешно работал другой коллектив ученых-историков (еще одна иркутская историческая школа?). Основателями его по праву называют В. И. Дулова и О. И. Кашик.

В. И. Дулов, выпускник Иркутского пединститута, стал работать в нем историком с 1934 г. И одновременно начал самостоятельно заниматься наукой. В трудное военное время, в 1942 г., он защитил кандидатскую, а в 1951 г. – докторскую диссертации. И до 1962 г. оставался единственным доктором исторических наук в Восточной Сибири (в этом году защитил докторскую диссертацию С. В. Шостакович. – Н. Л.).

О. И. Кашик, также выпускница истфака Иркутского пединститута, начала работать на кафедре в 1934 г., а кандидатскую диссертацию она защитила в 1953 г. Оба историка приложили немало усилий для формирования коллектива историков в Педагогическом институте г. Иркутска. В начале 1960-х гг. исторический факультет ИГПИ становится самостоятельным, а кафедру истории возглавил профессор В. И. Дулов и руководил ею до 1964 г. – до своей смерти. Он ушел из жизни в расцвете творческих сил, но успел создать крепкий научно-преподавательский коллектив. В 1964 г. на кафедре работали доценты О. И. Кашик, А. П. Косых, В. Г. Тюкавкин, П. А. Уваров, преподаватели: Г. М. Зайцева (Георгиевская), Ю. П. Колмаков, А. С. Кузнецов, В. Н. Панов и др.

В 1967 г. кафедра истории была разделена на кафедру истории СССР (зав. кафедрой В. Г. Тюкавкин) и кафедру всеобщей истории во главе с доцентом О. И. Кашик. В 1972 г. эту кафедру возглавил Б. Д. Пак. В. Г. Тюкавкин и

Б. Д. Пак стали формировать свои научные направления, и это им в полной мере удалось.

В. Г. Тюкавкин, исследуя проблемы дореволюционного крестьянства Сибири, написал несколько крупных работ и защитил сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Он принимал участие в редактировании III тома «Истории Сибири» и был автором отдельных глав этого тома. Его научные труды получили высокую оценку в научном мире, а сам он был удостоен высокого звания «Заслуженный деятель науки России». За 10 лет руководства кафедрой В. Г. Тюкавкину в русле своего научного направления удалось подготовить несколько докторов и кандидатов наук, среди которых Л. М. Дамешек – д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки России, Л. В. Занданова – д.и.н., профессор, доценты А. В. Даниленко, М. Н. Орлов и др.

Б. Д. Пак работал на кафедре всеобщей истории пединститута с 1965 г. Его научной темой являлась «История российско-корейских отношений в конце XIX – начале XX вв.». По ней Б. Д. Пак защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Он создал на кафедре коллектив историков, работавших по зарубежной тематике, которые успешно защитили кандидатские диссертации. Среди них следует назвать таких ученых, как В. И. Дятлов, А. С. Гузин, Н. Е. Кутищев, Г. И. Лузянин, Е. Ю. Пуховская. В 1995 г. кафедра, которой руководил Б. Д. Пак, была переименована в кафедру всемирной истории. При ней была организована проблемная лаборатория «Россия и страны Востока», которая стала основой для создания в Иркутске «Международного центра азиатских исследований». Ученые центра опубликовали 5 монографий и защитили несколько кандидатских диссертаций. Руководил центром заслуженный деятель науки России, профессор Б. Д. Пак.

Кроме исследователей названных научных направлений в рассматриваемый период в Педагогическом институте работали и другие ученые-историки. Они тоже исследовали историю Сибири, но по «своим научным темам», и внесли определенный вклад в ее изучение. К ним относятся профессора С. Ф. Хроленок, М. М. Барский, доценты А. С. Кузнецов, Н. Т. Иванов, П. П. Ступин и другие.

Наряду с названными учеными-историками ИГПИ в 1950–1990-е гг. в нем трудился еще один большой коллектив преподавателей историко-партийного направления. Содержанием их научных исследований являлось изучение и обобщение опыта строительства социализма в Сибири. Единой темы у них не было, проблематика – самая разнообразная, но они также защищали докторские и кандидатские диссертации, пополняли отряд иркутских ученых историков. Объем данной публикации не позволяет раскрыть весь круг их научных интересов, но их имена известны в исторической науке. Это – заслуженный работник культуры России, академик Академии гуманитарных наук, профессор З. И. Рабецкая, доценты: С. П. Жерновников, Л. Т. Жученко, В. Н. Козюра, Н. Ф. Мирошникова, Г. А. Терюшков, В. П. Тюшев, М. Ф. Щербинин.

Таким образом, краткий анализ работы коллектива историков ИГПИ позволяет сделать вывод о том, что они своей научной деятельностью также способствовали развитию исторической науки в Сибири. Но как определить их место в иркутской исторической школе, отряд, направление или часть – вопрос остается открытым.

Анализируя научную работу иркутских ученых-историков, нельзя не назвать имена тех, кто занимался историей сельского хозяйства Восточной Сибири. В этой научной области трудились И. С. Степичев, В. Н. Шерстобоев, А. М. Серебренников, В. В. Назаров, Л. П. Назаров, Л. А. Жукова и другие. Однако своей школы «аграрники» не создали из-за одновременности исследовательской работы и разноплановости научных интересов.

Большое внимание иркутские историки в разное время уделяли истории образования, науки и культуры Сибири. Наибольший вклад в изучение этого научного направления внесли профессор: З. И. Рабецкая, В. И. Сверчков, В. П. Яговкин, доценты: О. Б. Войцеховская, Н. Ф. Мирошникова, С. М. Пудалова. Однако и в этом случае мы не можем говорить о «школе», об одном научном руководителе и его учениках.

На рубеже XX–XXI вв. иркутские историки стали исследовать опыт промышленного и транспортного освоения Сибири. Среди них следует назвать профессоров: Г. А. Цыкунова, Е. В. Алтунина, Г. Власова и других.

В начале 90-х гг. XX столетия в Иркутске под руководством профессора В. Г. Третьякова был сформирован исследовательский коллектив историков для комплексного изучения истории железнодорожного транспорта Восточной Сибири и в первую очередь Транссибирской магистрали (Транссиба). В состав авторского коллектива были привлечены профессор: В. Т. Агалаков, М. М. Барский, А. В. Дулов, Н. М. Лаптев, доценты: Н. Т. Иванов, Г. В. Копылова, В. Г. Стаханов, Р. Е. Хаптаев и другие историки. К 100-летию Транссиба, которое отмечалось в масштабах всей России в 1998 г., они подготовили фундаментальный научный труд «История ВСЖД. Путь длиной в 100 лет». В 2001 г. этот авторский коллектив подготовил и издал «Историю железнодорожного транспорта Восточной Сибири. Из XX-го в XXI век» (в двух томах).

Названные фундаментальные исследования получили высокую оценку не только у многочисленного коллектива сибирских железнодорожников, но и у иркутской общественности.

В настоящее время иркутские ученые-историки продолжают научные исследования как по региональным, так и по международным проблемам. Сегодня в вузах города работают свыше 140 докторов и кандидатов наук, а также обучается большее количество аспирантов и магистрантов. В этом многочисленном коллективе есть новые научные направления и новые руководители, которые имеют своих учеников. Среди них следует назвать профессоров: Л. М. Дамешека, Л. В. Занданову, Ю. А. Зуляра, В. Н. Казарина, И. В. Наумова, Ю. Н. Петрушина, А. В. Шалака. Все они осуществляют научную подготовку новых научных кадров – докторов и кандидатов наук. Кроме того, они являются организаторами региональных и российских

научно-теоретических конференций и симпозиумов в Иркутске. Научные доклады и сообщения этих конференций, а также другие материалы исследований историков публикуются в «Иркутском историко-экономическом ежегоднике» Байкальского государственного университета экономики и права и в «Известиях Иркутского государственного университета».

Таким образом, краткий анализ научной деятельности иркутских историков показывает, что с момента открытия Иркутского государственного университета сначала при нем, а со второй половины XX в. и в других вузах города сформировался крупный отряд ученых-историков, который внес определенный вклад в изучение не только отечественной, но и мировой истории.

Список использованной литературы и источников

1. История и историки. 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / сост. : С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин. – Иркутск : Оттиск, 2008. – 230 с.
2. Щербаков Н. Н: ученый и педагог. – Иркутск : Оттиск, 2007. – 179 с.
3. История и современность: материалы Всерос. науч.-теорет. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора В. И. Дулова. – Иркутск : Изд-во Вост.-Сиб. гос. акад. образования, 2013.
4. Зуляр Ю. А. Кафедра Отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет. Люди, судьбы, книги / Ю. А. Зуляр. – Иркутск : Оттиск, 2008. – 314 с.

Источник: Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 514-522.

Г. В. Оглезнева, Л. В. Шапова

Лаборатория истории Сибири ИГУ

Лаборатория истории и этнографии (позднее лаборатория истории Сибири) была основана при кафедре истории СССР Иркутского государственного университета в 1974 г. с целью поиска новых источников и организации исследований по истории Сибири. Первым руководителем ее стала Л. Г. Олтаржевская, ее сменил В. П. Шахеров. Научное руководство осуществлял Семен Федорович Коваль, который на всем протяжении существования лаборатории определял задачи и направления работы. В 1975 г. в штат лаборатории были зачислены Т. А. Перцева и Л. В. Шапова, несколько позднее Г. В. Оглезнева. В 1980-е гг. в лабораторию пришли В. В. Русинова, Е. А. Ячменев, И. П. Немтинова, Е. Ш. Соломон, Е. Борнякова, несколько позднее – студенты, а ныне преподаватели кафедры истории России А. П. Санников и А. В. Ануфриев. На протяжении всего периода существования лаборатории в ней одновременно работали четыре человека – заведующий и три лаборанта.

Некоторые аспекты ее создания и деятельности уже были рассмотрены в публикациях Т. А. Перцевой, Г. В. Оглезневой, Л. В. Шаповой, В. Г. Антоника, Е. Ш. Соломона, Т. П. Кальяновой, Л. Я. Подольской [2; 5; 7–12]. Вместе с тем остается круг вопросов, которые требуют более детального представления или обсуждения.

Создание лаборатории истории Сибири имело довольно долгую и сложную предысторию. Ее появлению способствовал ряд факторов – как общих для развития отечественных гуманитарных наук, так и региональных. В конце 1950 – начале 1960-х гг., на новом этапе развития исторической науки, в значительной степени обновилась проблематика исторических исследований, издавались крупные монографические работы. Именно в это время шла работа над пятитомной «Историей Сибири», участие в которой принимали иркутские ученые Ф. А. Кудрявцев, В. И. Дулов, Г. И. Медведев, С. Ф. Коваль, С. В. Шостакович и др. В 1968 г. при Томском государственном университете была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири, целью которой было «глубокое и комплексное изучение региональной истории на основе более широкой источниковой базы с использованием новых исследовательских методик» [1].

Несмотря на то, что в эти годы в научный оборот был введен огромный комплекс новых исторических источников, обозначились значительные ла-

Кафедра истории России. 1996 г.

куны, в том числе недостаток материалов по отдельным темам и проблемам истории Сибири. Одновременно повысился интерес к так называемой устной истории, которая позволяла существенно расширить источниковую базу для различных отраслей исторической науки. Возникла идея организации широкомасштабных работ по выявлению и сбору различного рода источников.

Нельзя сказать, что у советских историков не было опыта работы с устными свидетельствами очевидцев и участников важнейших событий в истории страны, в первую очередь участников Великой Отечественной войны. Использовались устные рассказы и при реализации широкомасштабного проекта 30-х гг. «Истории фабрик и заводов». Занимались сбором устных источников краеведы, в том числе и в Сибири. В 1965 г. было создано Всероссийское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, что способствовало активизации деятельности местных краеведов. Все больше внимания уделялось фиксации сибирских говоров и фольклора. В середине 1960-х гг. в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук (Новосибирск) под руководством Н. Н. Покровского с участием студентов началась работа по сбору книг и рукописей старообрядцев. Представляется, что создание лаборатории истории и этнографии следует рассматривать в этом общем контексте, не забывая о собственно иркутских предпосылках.

Начало сбора устных источников сотрудниками Иркутского университета было положено в 1958 г. экспедицией в Братский район под руководством Ф. А. Кудрявцева, в ходе которой небольшая группа студентов и преподавателей, включая С. Ф. Ковалю, собирала историко-этнографический материал в селах на территории будущего ложа Братского водохранилища. Задачи этой экспедиции были достаточно конкретными – сохранить

описания памятников, которые будут утрачены в результате затопления, что отличало ее от последующих историко-этнографических экспедиций. Однако практика привлечения студентов к работе по сбору устных свидетельств была продолжена. Начало непрерывной организации историко-этнографических экспедиций и полевых исследований положила экспедиция 1963 г. под руководством С. Ф. Коваля. В ее состав входило всего пять человек, в том числе будущие кандидаты исторических наук Л. Я. Подольская и Б. К. Ржепко. Ко времени своего возникновения в 1974 г. лаборатория истории и этнографии уже располагала материалами 11 экспедиций.

Главной задачей лаборатории как учебно-вспомогательного подразделения кафедры истории СССР была организация практики студентов исторического факультета, которая во второй половине 1970-х гг. стала обязательной для студентов второго курса и получила название архивной, музейной, экскурсионной. Это способствовало расширению масштаба исследований. В середине 1970 – начале 1980-х гг. каждое лето выезжали «в поле» уже не один, а 2-3 отряда. Всего за 25 лет полевых исследований (1963–1987 гг.) было организовано около 50 экспедиций в районы Иркутской области, значительную часть Бурятии (Баргузинский, Кабанский, Нижнеангарский, Тункинский районы), районы пребывания декабристов на каторге в Читинской области, а также в Богучанский, Кежемский, Минусинский районы Красноярского края. На несколько лет основным исследовательским полигоном стало Приленье, где в силу отдаленности района и малой миграции населения лучше сохранились элементы традиционного образа жизни и контингент старожильческого населения.

В составе экспедиции работали студенты, аспиранты и преподаватели, выпускники исторического факультета, которые готовы были потратить месяц своего отпуска или каникул на поездки по селам и районным центрам. Среди них А. В. Дулов, В. М. Андреев, В. П. Олтаржевский, Л. Г. Олтаржевская, В. В. Свинин, Н. К. Струк, В. Г. Башкиров.

По замыслу и убеждению С. Ф. Коваля, экспедиции исторического факультета должны были реализовывать одновременно и обучающие, и научно-исследовательские задачи. Первоначально основными направлениями экспедиционных исследований были: историко-этнографическое, историко-революционное и советское (так сформулировал их С. Ф. Коваль в Общем журнале экспедиции 1968 г.). При этом уточнялось, что все другие вопросы истории края, например, участие местного населения в Русско-японской, Первой мировой и Великой Отечественной войнах, а также ссылка и каторга, бродяжничество, ремесло и т. д. исследуются «в равной степени с другими». На самом деле, судя по записям воспоминаний старожил, преимущественное внимание уделялось историко-революционному, а также советскому направлениям. С одной стороны, это соответствовало тем направлениям исследований, которые преобладали в исторической науке того времени, с другой – сами районы исследований и контингент старожильческого населения определяли круг тем, по которым можно было собирать материал. Позднее, оценивая материалы архива лаборатории, С. Ф. Коваль

писал: «В числе собранных документальных материалов – уникальные подлинники исторические источники... Воспоминания, в большинстве своем, единственный источник по многим проблемам истории края, не отраженным сколько-нибудь полно, а то и вообще неизвестным в литературе» [2, с. 209].

Постепенно историческое направление исследований расширилось и обогащалось за счет внимания к истории повседневности, хозяйственным занятиям и их особенностям, организации крестьянского хозяйства, промыслам, обеспеченности семьи. Выявление и сбор предметов материальной культуры расширяли представления о быте крестьян. Памятники деревянного зодчества фотографировались, зарисовывались, а в 1968 г. даже снимались на киноплёнку. В конце 1970-х гг. во время экспедиции в Тайшетском районе для изучения старых крестьянских домов использовали вопросник, полученный из Института этнографии РАН, в соответствии с которым производили фотографирование, описание и обмеры зданий. Однако в целом это направление работы экспедиции не получило должного развития, поскольку не было обеспечено достаточно квалифицированными кадрами, техническими средствами, да и не могло дублировать аналогичные исследования музеев под открытым небом, которые в этот период формировались.

Одним из важных направлений работы экспедиций был сбор документального материала, имеющего историческую ценность (фотографий, удостоверений, почетных грамот и т. д.), если не в подлинниках, то в копиях. Особенную ценность представляли документы личного происхождения, переданные старожилами. Например, дневник К. Кокоулина, крестьянина с. Култук Иркутского уезда, участника обороны Порт-Артура, или архив Каминских [6]. Собранные предметы быта, фотографии и документы частично экспонировались в кабинете, который занимала лаборатория, и служили наглядными пособиями в процессе изучения истории и культуры Сибири. Наиболее ценные документы и фотоматериалы передавались в архивы и музеи Иркутска.

В последние годы существования лаборатории истории Сибири по инициативе Е. Ш. Соломона началось этносоциологическое изучение межнациональных отношений в Усть-Ордынском автономном округе. Как отмечает Е. Ш. Соломон, С. Ф. Коваль поддержал эту идею, и уже в экспедиции 1986 г., которой руководила Л. В. Шапова, он получил возможность работать отдельно по выбранному направлению, по вопроснику, составленному сотрудником Института этнографии АН СССР А. А. Сукоколовым [11, с. 216]. В течение нескольких лет был собран интересный материал, который находится в распоряжении инициатора этих исследований.

В целом тематика и организация научно-исследовательской работы лаборатории практически всегда были тесно увязаны с научно-образовательным процессом кафедры, поэтому представляются поверхностными суждения Е. Ш. Соломона об условиях организации экспедиций: «Противоречивую роль играл тот факт, что эта работа велась из года в год как историко-этнографическая практика студентов при лаборатории истории Сиби-

ри. С одной стороны, статус работы как научно-вспомогательный (который имела лаборатория) способствовал меньшей «опеке» со стороны надзирающих органов и оперативному простору: распространению на все новые территории огромного региона. В научном плане сбор воспоминаний не рассматривался на факультете как конкурент какому-либо направлению. Благодаря этому экспедиции по сбору воспоминаний продолжались год за годом, десятилетие за десятилетием». [12, с. 29]. В рассматриваемый период многие преподаватели кафедры истории СССР и факультета, участвуя в полевых работах, прежде всего расширяли источниковую базу собственных научных исследований. О конкуренции направлений в рамках кафедры речь не шла, тем и проблем хватало на всех. Кроме того, воспоминания не считались самоценными и использовались в исторических исследованиях как дополнительный источник сведений, со множеством оговорок и указаний на их субъективность (с чем спорить не приходится). Не было и проблем, связанных с «опекой» со стороны «надзирающих органов». Выбор регионов, направления работы, методика сбора, фиксации материалов и формы их использования определялись лабораторией самостоятельно.

Велико было значение лаборатории в учебном процессе. Экспедиции сыграли огромную роль в профессиональном и личностном формировании сотен студентов, которые были их участниками. Они не только знакомились с отечественной историей через ее индивидуальную интерпретацию, но и учились вести диалог, слушать, анализировать, сопоставлять. Встречи с представителями старшего поколения вызвали уважение к ним, внимание к их жизненному опыту, способствовали формированию системы жизненных ценностей. «Устная история» корректировала как официальный ва-

Нижнеудинский отряд историко-этнографической экспедиции. Село Порок. 1977 г.

риант отечественной истории, с которым они знакомились в ходе учебного процесса, так и идеализированные представления о дореволюционной России, которые существовали у некоторых студентов, особенно в начале 1980-х гг. Важную роль в учебном процессе играли материалы архива лаборатории. Они использовались в качестве информационно-иллюстративного материала на практических занятиях по истории России и истории Сибири, а также при написании курсовых и дипломных работ по истории отдельных населенных пунктов, крестьянскому переселению начала XX в., политической ссылке. Большой интерес представляли воспоминания старожилов о пребывании в ссылке «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской, о возвращении большевиков Е. М. Ярославского, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровского из якутской ссылки в 1917 г.

Во второй половине 1970-х гг., помимо организации практик, лаборатория заполнила образовавшуюся после самоликвидации кружка истории России нишу, взяв на себя организацию научно-исследовательской работы студентов. Недаром в это время у студентов, специализировавшихся на кафедре истории СССР, были востребованы «местные» сибирские темы докладов на конференциях, курсовых и дипломных работ.

Расширение масштабов исследований привело к росту фондов архива лаборатории. Сформировалось несколько тематических комплексов источников: хозяйственная жизнь сибирского села, переселение, ссылка, революция, Гражданская война, коллективизация. Один из них был оформлен в сборник документов и воспоминаний «Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921 гг.)», опубликованный в 1987 г. Выбор региона и темы определялся несколькими факторами: высокой степенью плотности обследования приленских населенных пунктов, достаточно обширным и разнообразным фондом записанных воспоминаний и выявленных оригинальных документов, возможностью компаративного анализа материалов, спецификой сложных политических, социальных, экономических процессов, происходящих в регионе в начале XX века. Немаловажную роль сыграло и то, что, по сложившейся советской практике, в год 70-летия Октябрьской революции в рамках юбилейной кампании возможность публикации сборника воспоминаний и документов по данной теме была более вероятной и давала возможность для основания серийного издания экспедиционных материалов по другим темам, что, несомненно, учитывалось С. Ф. Ковалем.

Подготовка материалов к публикации в условиях политики перестройки, ослабления идеологического контроля отразила новые подходы к восприятию и анализу записанных воспоминаний. Основная концепция сборника заключалась в представлении таких крупных исторических событий, как революция и Гражданская война, через мировоззрение рядовых участников исторического процесса, показ обыденной жизни ленского крестьянства в экстремальных условиях гражданской войны. Сборник состоит из двух разделов (первый содержит воспоминания, второй – документы и письма), снабжен биографическими справками, обширными комментариями и именованным указателем. Всего в сборник включены 24 воспоминания,

большая часть из них никогда ранее не публиковалась. Эти источники не утратили значения и в условиях деидеологизации исторической науки, когда вектор научных интересов повернулся в сторону социально-психологических, личностных аспектов жизни российского общества. В воспоминаниях представлены сведения о таких малоизвестных событиях, как бодайбинское, марковское и макаровское крестьянские восстания, условия жизни населения, политике как советской, так и колчаковской властей и отношении к ним крестьянства, поведенческие и личностные характеристики участников и очевидцев драматических событий периода Гражданской войны. Многие старожилы вспоминали руководителей партизанских отрядов Н. А. Каландаришвили и Д. Е. Зверева.

В публикациях, посвященных лаборатории истории Сибири или упоминающих о ней, говорится о малочисленности подготовленных ею публикаций и недостаточном введении материалов ее архива в научный оборот. Представляется, что следует разделить эти два аспекта, оценивающие вклад лаборатории в изучение истории Сибири. Необходимо более отчетливо представлять характер собранных материалов и иметь в виду, что никогда С. Ф. Ковалем не ставился вопрос о «подготовке сотен тетрадей с воспоминаниями к публикациям» [12, с. 29]. Публиковать можно было только отдельные воспоминания или даже их фрагменты, поскольку развернутых воспоминаний было немного, что объяснялось возрастом и состоянием памяти старожил. Значительно больше было отрывочных, часто ярких штрихов, которые способствовали более глубокому пониманию исторических событий или характеристике известных деятелей. В ряде случаев они противоречили тем идеологическим установкам, оценкам и суждениям, которые и составляли официальную историческую картину развития страны в XX в. и, следовательно, не могли быть обнародованы в 1970-х – первой половине 1980-х гг. Даже использование материалов в научно-исследовательских публикациях было ограничено фактической стороной отдельных воспоминаний, о чем весьма убедительно пишет Е. Ш. Соломон [12, с. 33].

Массовой публикации источников препятствовали и существенные особенности процесса формирования источниковой базы, связанные с методикой опроса и записи бесед, во многом обусловленные традиционным подходом к их содержанию. Основное внимание уделялось фактической составляющей исследования, событийной истории. Оценки и восприятие событий собеседниками часто оказывались за порогом записанных воспоминаний, хотя нередко могли быть поняты по контексту. Некоторые темы старожилы отказывались обсуждать, особенно если у интервьюера имелся портативный магнитофон, поэтому он редко применялся при записи бесед (да и вообще экспедиция была слабо ими обеспечена). Это также было препятствием к изучению субъективного восприятия событий, массового и индивидуального исторического сознания населения, механизмов исторической памяти. Участники экспедиции в своих полевых дневниках отмечали «боязнь старожил за сведения, которые сообщали», и прямо спрашивали: «А что мне за это будет?»

Этнографическая практика под рук. В.П. Олтаржевского. Деревня Тургеневка. 1979 г.

При этом важно отметить особенности методики организации записи воспоминаний, сочетание количества и качества таких записей. Совершенно прав В. Г. Антоник, когда отмечает существование у организаторов дилеммы: «за один выезд (как правило, в течение месяца) отрабатывать один компактный район или максимально расширить сферу полевых исследований» [2, с. 212]. Действительно, стремление застать в «здравом уме и твердой памяти» как можно больше старожилов, которые в силу своего возраста могли рассказать о событиях начала XX в., заставляло стремиться к максимально большому охвату населения, чтобы уже среди них выявить и опросить наиболее информированных. В первых экспедициях можно было записать воспоминания участников Русско-японской и Первой мировой войн, революционного движения начала XX в. (например, Б. Л. Литвина – эсера- максималиста, ставшего потом большевиком), участников и свидетелей Гражданской войны и т. д. В экспедициях 1980-х гг. наиболее ранние воспоминания относились уже к периоду коллективизации и жизни в тылу в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания ветеранов войны к тому времени были уже в основном записаны. Послевоенный период не привлекал особого внимания, поскольку казался еще недавним, понятным и не очень интересным для историков. Таким образом, расширение круга исследовательских задач, которые могли быть решены на основе проблематики и методики «устной истории», происходило постепенно, а правило – в первую очередь зафиксировать воспоминания самых возрастных старожилов – во многом определяло и тематику интервьюирования, и последующие перспективные планы полевых исследований.

Одним из факторов, определявших ценность записанных устных бесед, являлась квалификация «интервьюера», по терминологии того времени – руководителя группы, ведущей запись воспоминаний. Группа, как правило, состояла из руководителя, который вел беседу, и двух сотрудников, один из которых вел основную запись, а второй – контрольную. В равной степени важна была работа каждого: если руководитель не сможет «разговорить» собеседника, то информация, которой последний владеет, не будет выявлена, если беседа не будет качественно записана, то эта информация не будет зафиксирована. После завершения беседы, которая могла продолжаться и не один день, запись обрабатывалась с восстановлением хронологической последовательности событий, причем требовалось сохранять самые мелкие факты, упомянутые рассказчиком, стиль его повествования и особенности речи. При этом в дневнике каждого участника экспедиции фиксировались условия записи беседы и давалась краткая характеристика информатора. С. Ф. Коваль рассматривал эту работу как средство создания новых источников в ситуации, когда «датчик (автор) воспоминаний сам не в состоянии придать им письменную форму, но изъявляет желание устные воспоминания записать на бумагу или на пленку» [3, с. 4]. Этот личностный фактор особенно очевиден при сравнении записи бесед, которые вели преподаватели, сотрудники или студенты, имеющие некоторый опыт такой работы.

Иначе обстоит дело с введением материалов архива лаборатории истории Сибири (АЛИС) в научный оборот, т. е. с использованием их в исследовательских публикациях и диссертационных работах. Несомненно, эти материалы использовались по мере их накопления. В частности, в кандидатских диссертациях Г. В. Оглезневой «Культурная среда и формирование духовной культуры крестьян Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.», В. А. Шаламова «Образ жизни крестьянства Восточной Сибири в 1920–1930-е гг.», П. А. Новикова «Вооруженная борьба в Иркутской губернии и Забайкальской области (декабрь 1917 г. – август 1921 г.)».

Лаборатории нет, но есть архив (АЛИС), содержащий собрание свидетельств очевидцев и участников событий в различные периоды региональной истории. Это 640 тетрадей с записями воспоминаний местных жителей, полторы сотни дел с фотографиями и около 70 дел с документами о событиях, процессах, личностях. Это уникальные источники по истории и этнографии Восточной Сибири. В 2008 г. архив был передан в Музей города Иркутска. Сейчас его обработкой занимается участник нескольких экспедиций 1970-х гг., а ныне сотрудник музея В. Г. Антоник, исследование архива семьи Каминских ведет К. С. Никонова [6]. В настоящее время возобновляется практика публикации материалов лаборатории в тематических изданиях. В 2014 г. преподавателем кафедры истории России А. В. Ануфриевым подготовлена к печати и включена в коллективную монографию «Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне» в качестве приложения подборка воспоминаний из архива лаборатории истории Сибири [4].

Список литературы:

1. Андрущенко Б. К. Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета – 40 лет // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. – 2008. – № 3 (4). – С. 8–12.
2. Антоник В. Г. Сохраненная память (об архиве Лаборатории истории Сибири исторического факультета Иркутского государственного университета) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2016. – Т. 16. – С. 208–213.
3. Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921) : сб. док. [под ред. В. Т. Агалакова, С. Ф. Коваля]. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. – 168 с.
4. Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне»: Исследования и материалы : коллект. моногр./ [под ред. Ю. А. Петрушина]. – Иркутск : Оттиск, 2014. – 448 с.
5. Кальянова Т. П. Исторический факультет Иркутского государственного университета: образование и жизнь в 1970-е гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2016. – Т. 18. – С. 118–133.
6. Никонова К. С. Архив Каминских в фондах Музея истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2016. – Т. 16. – С. 140–150.
7. Оглезнева Г. В. Дореволюционный Баргузин в исторической памяти баргузинцев / Г. В. Оглезнева, Л. В. Шапова // Баргузин: страницы истории : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 350-летию со дня основания Баргузина. – Улан-Удэ, 1998. – С. 127–130.
8. Оглезнева Г. В. С. Ф. Коваль и развитие сибирского краеведения / Г. В. Оглезнева, Л. В. Шапова // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов : сб. ст. – Иркутск, 2014. – Вып. 2. – С. 70–79.
9. Перцева Т. А. Воин. Ученый. Учитель: к 85-летию С. Ф. Коваля // Сибирь и декабристы. – Иркутск : Иркут. музей декабристов, 2009. – Вып. 6. – С. 8–24.
10. Подольская Л. Я. Педагог и воспитатель // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2011. – № 1 (1). – С. 205–218.
11. Соломон Е. Ш. История становления этносоциологического направления в лаборатории истории Сибири ИГУ // Университет на Востоке и Западе: взгляд из Сибири. – Иркутск, 2013. – С. 215–223.
12. Соломон Е. Ш. Устная история: опыт работы лаборатории истории Сибири ИГУ и музея истории ИрГТУ // Человек на Востоке и Западе: взгляд из Сибири. – Иркутск, 2012. – С. 28–39.

Источник: Известий ИГУ. Серия «История». 2018. Т. 23. С. 165–173.

Л. В. Курас

По волне моей памяти

*Когда это было, когда это было,
Во сне? Наяву?
Во сне, наяву, по волне моей памяти
Я поплыву.
Николас Гильен*

В один из дней минувшей осени позвонил профессор Лев Михайлович Дамешек и изложил идею проекта, в котором сразу же захотелось принять участие. Речь шла о новой рубрике «Известий Иркутского государственного университета», серия «История» – «Воспоминания»: воспоминания о факультете, о том времени, когда жил в Иркутске и учился в университете на любимом истфаке, и особенно о преподавателях, которых слушал с замиранием сердца, кем восхищался и на кого хотел походить.

Мои воспоминания не получились цельными, из разряда «день за днем, за годом год». Они, как вспышка молнии, выхватывают какой-либо сюжет, который отложился в памяти и именно сейчас, спустя сорок лет, напомнил о себе. По жанру эти вспышки как короткие новеллы: в них есть сюжет, но они не завершены, потому что жизнь продолжается, и память обязательно навеет новые воспоминания.

Мой друг, народный поэт Республики Бурятия Константин Соболев, придумал замечательное название для таких новелл – «крупинки». Вот такие крупинки и стали для меня своеобразными уроками, «узелками на память».

«Настоящий историк – он, прежде всего, историограф»

*Иван Гаврилович Чижов (1923–1979)**

Вообще здорово, когда на твоём жизненном пути появляется человек, который возьмет тебя за руку и поведет или просто укажет направление...

На третьем курсе я писал курсовую работу под руководством кандидата исторических наук М. Ф. Новоженовой на тему «Историография боевой работы большевиков Восточной Сибири в период подготовки и осуществления Октябрьской революции». Потом на кафедре произошли неведомые мне пере-

* Чижов Иван Гаврилович (1923–1979) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС и партийного строительства Иркутского государственного университета.

И. Г. Чижов

мены, и руководство передали кандидату исторических наук, доценту Ивану Гавриловичу Чижову. Иван Гаврилович – выпускник по специальности «История СССР» Высшего военно-педагогического института им. М. И. Калинина в г. Ленинграде – единственного в СССР высшего военно-учебного заведения, готовившего преподавателей-обществоведов для военно-учебных заведений Министерства обороны нашей страны, майор в отставке, слыл энциклопедистом, и поговаривали, что только он мог разговаривать с профессором Б. С. Санжиевым на равных.

Встреча произошла на кафедре истории КПСС. Иван Гаврилович открыл курсовую работу, в которой было множество исправлений красными чернилами, но при этом стояла оценка «Отлично».

– Молодец, – сказал он. – Видно, что читал книги, на которые ссылаешься. Настоящий историк – он, прежде всего, историограф.

Потом взял тетрадный лист и в правой его части нарисовал круг, что-то там написав. От этого круга в левую сторону начертил стрелку и нарисовал еще три круга, сделав в них короткие записи.

– Смотри, – сказал он, указав на запись в крайнем правом круге. – Вот это тема твоей кандидатской диссертации; следующий круг, левее, – тема дипломной работы; а это – курсовые.

Тем самым Иван Гаврилович выстроил мой жизненный путь на отдаленную перспективу. Затем он еще раз пробежался по тексту курсовой и сказал:

– А вот монографию М. М. Шорникова ты, по-моему, в руках не держал. Я согласился, сославшись на то, что в фондах Белого дома этой работы нет. – А у меня есть в домашней библиотеке. Завтра приходи к обеду.

К 12:00, прихватив чекушку, я был у Ивана Гавриловича. Дверь открыла супруга, которая как-то подозрительно посмотрела на меня и, пригласив в квартиру, указала на дверь кабинета. В течение разговора она несколько раз заглядывала в кабинет, и мне показалась, будто приноживалась. Потом пригласила за стол.

Не знаю, почему, но я как-то постеснялся вытащить четвертинку сразу. Поэтому обед прошел, как написали бы в «Правде» о каком-либо официальном приеме, «в дружеской, непринужденной обстановке».

В кабинете Иван Гаврилович усадил меня за свой рабочий стол и, указав на стеллажи с книгами, сказал: «Работай». Только тут я признался, что «у меня с собою было». Что-то буркнув про интеллигенцию, он вышел и вскоре вернулся в зимнем танковом костюме (на дворе был март), который ему подарили по случаю офицеры из числа студентов-заочников. Забрав у меня посуду, он ушел на балкон, где у него стояло кресло-качалка, и... проспал там не менее двух часов.

Через два года, на пятом курсе, под руководством доцента И. Г. Чижова я написал половину дипломного проекта в домашней библиотеке Ивана Гавриловича. А реализацию плана-наброска моего продвижения по научной стезе завершил в ноябре 1983 г.

Урок первый. Все историки, будь то начинающий или умудренный и убежденный, со степенями и званиями, – коллеги!

«Давай вернемся к этому разговору лет через 20–25»

*Илья Иннокентьевич Кузнецов (1925–2003)**

В очерке «За далью даль», посвященном 60-летию доктора исторических наук, профессора Сергея Ильича Кузнецова [3, с. 106], я описал хлебосольный дом его родителей – Ильи Иннокентьевича и Тамары Петровны Кузнецовых, в котором я прожил почти весь ноябрь 1980 г., ожидая места в общежитии. Дома был культ Ильи Иннокентьевича, и все подчинялось его распорядку. Он непрерывно работал с картотекой, периодикой, военными мемуарами, научной литературой, а из-под его пера выходили монографии и статьи, которые сразу же становились справочными изданиями по истории Великой Отечественной войны. И каково же было мое удивление и недоумение, когда в один из вечеров Илья Иннокентьевич вдруг резко прервал работу, потому что начался очередной фильм из телесериала «Следствие ведут знатоки». Едва дождавшись окончания серии, я спросил у профессора: «Илья Иннокентьевич, как Вы, великий ученый, можете так растрчивать время на фильмы-агитки, когда у Вас каждая минута на счету?» Улыбнувшись, он ответил: «Леня, давай мы вернемся к этому разговору лет 20–25».

В последующие годы я много работал: сначала над кандидатской, а затем над докторской диссертацией. И только тогда, постепенно я начал понимать Илью Иннокентьевича, ибо к вечеру силы оставались лишь для того, чтобы почитать милицейский детектив или посмотреть кино про погони и стрелялки.

19 января 2000 г. я оказался в Иркутске, в доме профессора И. И. Кузнецова, среди немногочисленных гостей, на 75-летию Ильи Иннокентьевича. И, уловив момент, я рассказал о своей загруженности и напомнил наш разговор 20-летней давности. Илья Иннокентьевич, улыбнувшись, сказал: «Леня, а я и не помню этого разговора».

Урок второй. Лучшая наука – это ненавязчивый личный пример.

«Тогда это будет моя работа, а не работа соискателя»

Илья Иннокентьевич Кузнецов (1925–2003)

В один из дней моего пребывания на квартире профессора Кузнецова к нему пришел его аспирант с окончательным вариантом диссертации. Илья

* Кузнецов Илья Иннокентьевич (1925–2003) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР Иркутского государственного университета. Подготовил 20 кандидатов исторических наук. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Награжден семью медалями, в том числе двумя монгольскими.

Иннокентьевич скрупулезно анализировал текст, выверял каждый источник, задавал вопросы и наконец дал добро для обсуждения на кафедре. Когда аспирант ушел, он вдруг сказал: «Все-таки не так следовало раскрыть эту тему». Эта фраза меня сильно удивила, и я не преминул спросить: «А почему же Вы не сказали об этом аспиранту?» «А потому, – ответил Илья Иннокентьевич, – что тогда это будет моя работа, а не работа соискателя».

Урок третий. В любом ученике нужно видеть и уважать личность.

«А потому, что у нас был Гирченко»

*Буянто Сайнцакович Санжиев (1912–2000)**

Этот сюжет приводится мною не в первый раз [4-7]. Но он настолько поучительный, что я решил воспроизвести его вновь.

В 1993 г. я был принят в докторантуру при Иркутском государственном университете. Тема исследования «Октябрьская революция в Сибири в 1917 – сер. 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках» стала логическим продолжением кандидатской диссертации. И в этот период произошла, пожалуй, самая памятная встреча с профессором Б. С. Санжиевым, которая существенно помогла мне в работе над диссертацией. В том же году в Восточно-Сибирском книжном издательстве у Б. С. Санжиева вышла книга, посвященная Ярославу Гашеку [12]. Книга раскрывала многие сюжеты, связанные с историей Гражданской войны в Сибири, в центре которых оказался Ярослав Гашек. Кроме того, речь шла о писателе, чей герой – brave солдат Швейк – долгие годы был объектом моего если не восхищения, то во всяком случае цитирования. Моя рецензия на книгу, опубликованная на страницах газеты республиканской парторганизации «Правда Бурятии» [9], видимо, понравилась Буянто Сайнцаковичу. Во всяком случае, когда я зимой в очередной раз приехал в Иркутск с отчетом о проделанной работе, профессор Н. Н. Щербаков сообщил, что меня хочет видеть Б. С. Санжиев. Мы созвонились с Буянто Сайнцаковичем, и он пригласил меня к себе домой.

На столе был чай, легкая закуска и его любимый коньяк «Плиска». Буянто Сайнцакович поблагодарил за рецензию и особенно за то, что в ней был сделан упор на интернационализм Я. Гашека. Потом он рассказывал о своей поездке в Чехословакию. Постепенно мы перешли к обсуждению темы моей диссертации. Причем он владел темой абсолютно, давал объективную оценку публикациям последних лет и крайне негативно оценивал «публицистический рай», который буквально захлестнул историческую науку и особенно историю Октября. И вот тут я поделился проблемой, которая давно меня мучила. Как известно, в исторической литературе неод-

* Санжиев Буянто Сайнцакович (1912–2000) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории КПСС и партийного строительства Иркутского государственного университета. Подготовил 40 кандидатов исторических наук. Председатель специализированного совета по защите докторских диссертаций по историческим наукам при Иркутском государственном университете (1976–1991). Награжден орденом Трудового Красного Знамени и многими медалями [1].

нократно отмечались трудности становления российской историографии Октябрьской революции, обусловленные прежде всего нехваткой кадров профессиональных историков. Особенно эти трудности проявились в Сибири, когда в связи с идеологическими потребностями Советского государства началась реформа преподавания общественных наук в высшей школе, в результате чего были закрыты историко-филологические факультеты в Томском и Иркутском университетах. Кроме того, имели место новизна проблемы, необходимость освоения новой методологии при источниковой базе, находившейся на стадии формирования. Именно поэтому участник Октябрьской революции, академик АН СССР М. Н. Покровский был вынужден говорить о недостаточном профессиональном уровне начинающих историков, слабом владении техникой исторического исследования, «кустарничестве» в научной работе, невысоком общетеоретическом уровне [11, с. 407]. И вот на этом печальном фоне среди других сибирских регионов выделялась Бурят-Монгольская АССР. В республике развивались и реализовывались практически все жанры научного исторического исследования: рецензии, библиография, очерки, хроники, публицистика, монографические исследования, в которых находили отражение события Октября и Гражданской войны. И это при том, что Бурят-Монголия имела крайне низкий уровень грамотности, а послевоенная экономика напоминала «человека, избитого до полусмерти». К этому следует добавить «болезнь роста» только-только образованной республики, социальные болезни. Все это я и изложил Буянто Сайнцаковичу, полагая, что он откроет мне некие глубинные процессы, неподвластные моему уму. Он ответил не задумываясь: «Поэтому, что у нас был Гирченко»*.

Таким образом, я за несколько минут постиг не только феномен развития исторической науки об Октябре в Бурят-Монголии в 20-е гг. XX в., но и феномен профессора Б. С. Санжиева.

Урок четвертый. Умозаключение – это результат решения логических равенств, методологической оснащенности и абсолютного владения техникой исторического исследования.

«А потому, что я этой работы не знал, а ты знаешь»

*Виктор Трофимович Агалаков (1925–1999)***

Профессор Виктор Трофимович Агалаков, крупнейший специалист по истории Октября 1917 г. и государственного строительства на востоке России после 1917 г., предупредил, что не сможет быть на защите моей кан-

* Гирченко Владимир Петрович (1878–1953) – первый профессиональный историк Сибири, выпускник (1906) исторического факультета Московского университета, краевед, архивист, организатор исторической науки в Забайкалье, один из первых историков Октябрьской революции и Гражданской войны в Сибири [6].

** Агалаков Виктор Трофимович (1925–1999) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР и кафедрой историографии и источниковедения отечественной истории Иркутского государственного университета. Подготовил 20 кандидатов исторических наук. Заслуженный деятель науки Российской Федерации [1].

дидатской диссертации, и попросил принести работу для ознакомления. Просмотрев диссертацию в течение 20–25 минут, он вернул мне рукопись со словами: «Очень хорошая работа». Я не смог скрыть разочарования: «Виктор Трофимович, Вы же не читали работу». А он, будто не слыша моей реплики, продолжил: «Ты ссылаешься на книгу, о которой я даже не слышал». Это была историографическая брошюра А. И. Токарева, посвященная деятельности партии большевиков в период подготовки и осуществления Октябрьской революции [13]. На другой день я принес Виктору Трофимовичу эту работу. Через час он вернул ее мне со словами: «Ничего особенного, а твоя диссертация очень хорошая». И, увидев удивление на моем лице, сказал: «А потому, что я этой работы не знал, а ты знаешь».

Урок пятый. Профессионал обязан иметь представление об историографии, касающейся темы исследования.

«Мам нужно беречь»

*Николай Николаевич Щербаков (1937–2005)**

В очерке, посвященном памяти Н. Н. Щербакова, я рассказал о встрече в Томске с Клавдией Васильевной – мамой Николая Николаевича.

«В 1995 г., перед защитой докторской диссертации, я полетел в Томск за отзывом ведущей организации. Николай Николаевич Щербаков передал маме гостинец и попросил завезти пакет ей домой.

Мама встретила разносолами и выставила запотевшую бутылочку. Почему-то запомнилось ее восприятие сына и времени: «Ну, как там мой Коленька? Старенький уже стал». Естественно, я возразил: «Ну, какой же он старенький. Ему всего 58 лет». И зачем-то спросил: «А Вам, мамочка, сколько лет?» И услышал потрясающий ответ: «А мне всего 80» [8, с. 102].

Эта история имела продолжение. Клавдия Васильевна приготовила мне отдельную комнату и очень огорчилась, когда я, сославшись на неотложные дела, вежливо откланялся. Тогда она взяла с меня слово, что утром я непременно зайду, чтобы передать «Коленьке баночку варенья». В гостинице меня ждали Сергей Владимирович Макарчук – коллега из Кемерово**, накрытый стол и разговоры за полночь.

В Иркутске в аэропорту меня встречал Н. Н. Щербаков и, смеясь, сказал: «Звонила мама и сказала, что ты очень скромный человек. Пришел весь помятый. Видимо, не желая ее стеснять, ночевал на вокзале». Потом Николай Николаевич вдруг стал серьезным и тихо произнес: «А вообще-то ты прав. Мам нужно беречь».

* Щербаков Николай Николаевич (1937–2005) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Иркутского государственного университета. Подготовил 27 кандидатов и 10 докторов исторических наук. Председатель специализированного совета по защите докторских диссертаций по историческим наукам при Иркутском государственном университете (1991–2005) [1].

** Макарчук Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Кемеровского государственного университета.

Урок шестой. Самое большое счастье для мамы – это наша счастливая жизнь.

«А мне легче стало»

Николай Николаевич Щербаков (1937–2005)

В 1984 г. Н. Н. Щербаков опубликовал монографию, посвященную влиянию политических ссыльных на культурную жизнь Сибири [14], которая на многие годы предопределила основные направления научного поиска по истории политической ссылки в Сибирь. Казалось, защита докторской диссертации должна состояться вот-вот, в ближайшие месяцы. Но Николай Николаевич вновь нырнул в библиотеки и архивы, и защита состоялась лишь в 1987 г. в Диссертационном совете при ИГУ на тему «Влияние ссыльных большевиков на классовую борьбу, общественно-политическую и культурную жизнь в Сибири (1907–1917 гг.)». Ходили слухи, что Н. Н. Щербаков в одном из документов наткнулся на имя ссыльного в далекой Якутии, который читал Маркса, и захотел узнать название этой работы. На поиск «необходимой» информации было потрачено 3(!) года.

Во время одной из наших встреч я прямо спросил Николая Николаевича об этом. Он промолчал, а потом неожиданно сказал: «А мне легче стало».

Урок седьмой. Уровень профессионализма тождественен уровню знаний.

«И что это за партия на букву «б»?»

*Николай Кириллович Струк (1938–2011)**

В 1993 г., в период моего обучения в докторантуре, председатель предметной комиссии по истории России профессор Л. М. Дамешек включил меня в предметную комиссию по истории России. Вступительный экзамен у юристов я принимал вместе с кандидатом исторических наук, доцентом Н. К. Струком.

Абитуриент вытянула билет с вопросом «Первый съезд РСДРП». Отвечать начала довольно бодро, но перепутала первый съезд партии со вторым. Николай Кириллович не преминул сказать ей об этом. Девушка смешалась и затихла. Желая ей помочь, Николай Кириллович спросил: «Девушка, а чем первый съезд отличается от второго?» Ответ был потрясающим: «К РСДРП добавили букву «б». Мы от смеха буквально сползли со стула. Отсмеявшись, Н. К. Струк задушевым голосом спросил: «А скажите, пожалуйста, что это за партия такая на букву «б»?»

У абитуриента навернулись слезы, а Николай Кириллович даже растерялся, не ожидая такой реакции. Потом он как-то взбодрился и, обращаясь ко мне, сказал: «По-моему ответ заслуживает оценки «отлично». Я не возражал.

Девушка схватила экзаменационный лист и, прошелестев «спасибо», буквально выбежала из аудитории.

* Струк Николай Кириллович (1938–2011) – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета [9].

Урок восьмой. Общение преподавателя с абитуриентом (студентом) – это искусство.

«У них подпись важнее, чем у нас гербовая печать»

*Геннадий Никифорович Новиков (1949–2008)**

Вернувшись из очередной командировки во Францию, Геннадий Никифорович среди прочих историй рассказал, что представлял советское генеральное консульство на открытии какой-то выставки. На выставке присутствовал представитель одного из французских общественных фондов, в который пришлось внести 50 франков. Француз вырвал из блокнота листок и написал Г. Н. Новикову расписку в получении денег. Ни на что не надеясь, Геннадий Никифорович предоставил эту расписку консулу и тут же взамен получил 50 франков. Удивлению профессора не было предела: «У них подпись важнее, чем у нас гербовая печать».

Урок девятый. Доверять следует человеку, а не печати.

«Я сегодня что-то не в форме. Лекцию будет читать...»

*Владимир Владимирович Яровой (1936–2005)***

Пятый семестр выдался не самый удачный: уже началась сессия, а я все не мог сдать зачет профессору В. В. Яровому по истории Нового времени Европы и Америки. И споткнулся на историографии I Интернационала. Причем попытки анализировать работы И. С. Галкина, З. Шоле, У. Фостера, А. Г. Райского, Ф. А. Хейфеца никак не удовлетворяли Владимира Владимировича, и встречи завершались словами: «Нет, не то. Идите готовьтесь». В очередной раз, в состоянии безысходности, я начал с анализа работы Л. И. Зубока [2]. Владимир Владимирович прервал меня словами: «Вот то, что надо», – и поставил зачет. Нужно ли говорить, что следующий семестр я готовился не только к каждому семинару, но и к каждой лекции.

1 апреля 1976 г. лекция профессора В. В. Ярового «Внешняя политика США во второй половине XIX в.» началась словами: «Я сегодня что-то не в форме. Лекцию будет читать. Курас». Волновался страшно, продержался 40 минут. Владимир Владимирович поблагодарил и за два месяца до начала сессии поставил оценку «отлично».

До сих пор я стараюсь следить за всеми новинками, касающимися истории США.

Урок десятый. Профессиональный педагог должен не только научить, но и воспитать прозелита.

* Струк Николай Кириллович (1938–2011) – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета [9].

** Яровой Владимир Владимирович (1936–2005) – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. Мастер спорта СССР по конькобежному спорту [1].

Мои воспоминания коснулись лишь тех, кого уже нет с нами, но чьи уроки запомнились на всю жизнь. И потому хочется поклониться своим Учителям и сказать: «Спасибо за Уроки».

Список литературы

1. История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / сост. С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин ; науч. ред. Е. И. Лиштованный. – Иркутск : Оттиск, 2008. – 230 с.
2. Зубок Л. И. Очерки истории рабочего движения в США. 1865–1918 / Л. И. Зубок. – М. : Соцэргиз, 1962. – 629 с.
3. Курас Л. В. За далью даль. В кн.: Взойдя на вершину горы / Л. В. Курас. – Иркутск : Оттиск, 2016. – С. 101–110.
4. Курас Л. В. Октябрьская революция в Сибири 1917 – середина 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках / Л. В. Курас. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – 192 с.
5. Курас Л. В. Октябрьская революция и гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения / Л. В. Курас, И. В. Наумов, Т. А. Немчинова, П. А. Новиков. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2008. – 203 с.
6. Курас Л. В. Он опережал время // Вековой юбилей: 100 лет со дня рождения Б. С. Санжиева: воспоминания, документы, библиографический указатель. – Иркутск, 2013. – С. 188–127.
7. Курас Л. В. Потому что у нас был Гирченко... // Региональные архивы: история и современность : сб. науч. ст. по материалам науч.-практ. конф., посвящ. 90- летию образования Архивной службы Республики Бурятия и 135-летию со дня рождения В. П. Гирченко, историка, архивиста, организатора архивного дела в Бурятии. – Улан-Удэ, 2013. – С. 15–19.
8. Курас Л. В. Профессор Н. Н. Щербаков и бурятская историческая школа / Б. В. Базаров, Л. В. Курас // Н. Н. Щербаков: ученый и педагог. – Иркутск, 2007. – С. 100–109.
9. Курас Л. В. Ярослав Гашек и революционная Сибирь : рец. на кн.: Санжиев Б. С. Ярослав Гашек в Сибири. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 208 с. // Правда Бурятии. – 1993. – 2 дек.
10. Петрушин Ю. А. Университеты в судьбе историка (памяти доцента Н. К. Струка) // Иркут. ист.-экон. ежегодник. 2011. – Иркутск, 2011. – С. 452–454.
11. Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов / М. Н. Покровский. – М. ; Л. : Соцэргиз, 1933. – Вып. 2. – 459 с.
12. Санжиев Б. С. Ярослав Гашек в Сибири. О деятельности писателя- интернационалиста в период гражданской войны : док. очерк / Б. С. Санжиев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 208 с.
13. Токарев А. И. Советская историография истории партии большевиков периода подготовки и победы Великого Октября / А. И. Токарев. – М. : ИНИОН, 1979. – 64 с.
14. Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.) / Н. Н. Щербаков. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1984. – 244 с.

Источник: Известия ИГУ. Серия «История». 2018. Т. 23. С. 165–173.

А. А. Иванов

Из опыта расширенной автобиографии

Когда тебе исполняется 60, невольно вспоминаешь пионерскую речевку: «Нам никогда не будет шестьдесят, а лишь четыре раза по пятнадцать». С высоты прожитых лет эти слова кажутся совершенно несерьезными. Какие пятнадцать, когда там ломит, здесь болит, тут чего-то не хватает! Когда хочется все бросить, уехать куда-нибудь, вести «простую» жизнь обычного пенсионера. Когда после обеда тянет к дивану, а вечером – к дремотному состоянию возле телевизора. Но именно в это время некоторых из нас подстерегает другая беда, диагноз которой – некий непреодолимый «мемуарный зуд». Вот, видимо, и меня коснулась эта болезнь, хотя поводом к ней послужила подготовка юбилея, день, когда девушка-ведущая вечера попросила меня ответить на десяток вопросов. Я стал отвечать и невольно увлекся...

Я родился в 1958 году в Иркутске, в больнице на Якоби, там, за металлической оградой, до сих пор стоит небольшой одноэтажный флигелек, вот в нем и свершилось это самое рождение. Как-то мама показала мне даже окно своей палаты, и я потом демонстрировал его с гордостью друзьям-мальчишкам, когда мы ездили в «Байкал» – тогда единственный на левом берегу Ангары кинотеатр.

Родители были простыми людьми, познакомились в Иркутске, на строительстве Иркутской, а тогда говорили Ангарской, ГЭС. Они работали на лесозаводе, снабжавшем строителей опалубкой да доской. Семья отца была из-под Ижевска. Мне известно только по слухам да обрывкам воспоминаний, что в 1936-м прадеда там якобы раскулачили, большую семью разделили и часть выслали сюда, в Иркутск. Так здесь оказался мой дед. Он рассказывал, что их эшелон протянули чуть дальше за вокзал и выгрузили у деревни Титово. Прямо здесь же приехавшие нарыли себе землянки, и жили так несколько лет, с семьями и маленькими детьми. Много позже недалеко от этих землянок дед построил с сыновьями небольшой дом – как раз аккурат в том месте, где сегодня стоит гостиница «Селена», в Студгородке. В нем жили три семьи – старики, мои родители, семья старшего брата отца – и все это на 40 квадратах, разгороженных на клетушки-комнатки.

Отец был с 1928-го года и нередко с сожалением говорил, что ему не хватило всего лишь одного года, чтобы повоевать – в 1945 году брали мальчишек постарше, 1927 года рождения. В 1946 г. он был призван в армию и служил не где-то, а в воздушно-десантных войсках, в Биробиджане. До

сих пор помню, как с завистью рассматривал у него на плече татуировку: человек с едва раскрывающимся парашютом стремительно и бесстрашно летит головой вниз, навстречу земле.

Со временем отец построил дом в третьем поселке ГЭС, стал механиком, ладил автомобили, а мама – работала бухгалтером, дослужившись до главного бухгалтера аптечного управления города – должность немаленькая, но хлопотная, забиравшая слишком много сил и времени. Родители не имели высшего образования. Отец иногда говорил в шутку о своей учебе: «три класса и коридор». Мама, скорее всего, закончила восьмилетку в Черемхово, а десять классов – в вечерней школе уже в Иркутске. Много позже она отучилась на бухгалтерских курсах при институте народного хозяйства и несколько лет даже работала почасовиком в мединституте – читала бухучет для будущих провизоров.

Мама родилась в 1932 году в Белгородской области, в крестьянской семье. В 1935 г. ее родители в поисках постоянной работы перебрались за Урал и осели в Черемхово. Ее отец был незаурядным человеком: сначала освоил шахтерскую профессию, затем в Гришево заведовал клубом. По рассказам мамы, в начале войны каким-то образом мой будущий дед попал в систему НКВД, стал работать в лагере для перемещенных лиц, кажется, также заведовать клубом. Лагерь был женским, в нем содержались эстонки, латышки, немки, вывезенные из Прибалтики. Здесь-то он и встретил женщину, из-за которой совсем потерял голову и бросил прежнюю семью. Дед совершил, казалось, невозможное: забыв про страх и осторожность, он вытащил женщину из лагеря, выправив ей новые документы и изменив фамилию Голль на Голикова – получила Евгения Голикова.

Дальше произошло то, что и должно было непременно произойти: от бдительных граждан в местные «органы» поступил «сигнал», деда незамедлительно изгнали с хорошей работы (как только не посадили?!), а женщину – вернули назад, в лагерь. Моя бабушка прокляла деда, порвала с ним отношения и одна воспитывала в больших лишениях двух дочерей – мою маму и ее младшую сестру, мне, значит, тетку. Дед же жил, видимо, где-то рядом с Черемхово, недалеко от лагеря, ходил на свидания и ждал своего счастья.

И, надо сказать, дождался. Война закончилась, лагерь ликвидировали, а бывшим зэчкам дали право вернуться на родину или остаться на месте, в Черемховском районе. Дед Максим с Евгенией уехали на юг, как-то оказались под Одессой, в селе Большой Дальник, где выстроили свой дом, жили постоянным и нелегким трудом, воспитывали детей. Незадолго до своей смерти, откуда-то узнав наш иркутский адрес, он написал маме письмо, каляя в своем поступке, сожалел о случившемся. Примечательно, что в послании слова прощения причудливо перемежались с сетованиями на высокие цены на «бульбу», «цибулю», «тарань» – за многие годы жизни на Украине дед почти научился писать по-русски. В конце письма приглашал в гости. Мама не ответила, и только когда пришло известие о смерти деда, рассказала мне эту семейную историю. В начале войны ей было девять лет, что-то она не помнила, что-то, с глубокой обиды, вычеркнула из памяти.

Имя деда в нашей семье даже не упоминалось, вот почему, рассказывая о нем, я далеко не все знаю наверняка, а уточнить уже не у кого.

История с дедом имела неожиданное продолжение. В мае 1983 г., будучи секретарем комитета комсомола университета, я должен был поехать в ГДР, в город Фрейберг, заключать договор об обмене студенческими строительными отрядами. Естественно, задолго до этого оформлялись документы, заказывались билеты, согласовывались даты приезда. И вот накануне моего отъезда, буквально за несколько часов до самолета, из Одессы пришло известие о том, что дед Максим умирает и просит приехать. Мама засобиралась, мне же бросить намеченную поездку было никак нельзя. Решили, что подписав договор и вернувшись в Москву, я оттуда прилечу в Одессу.

Так и получилось: возвращаясь из Германии через несколько дней, в Москве я переехал из Домодедова в Быково и через три часа, не без некоторого волнения, уже входил в дом своих родственников. Очень жаль, но дед умер, умер буквально накануне, так я его и не повидал.

Новая родня оказалась очень радушной и гостеприимной. Нас с мамой окружили вниманием, показали город, свозили на знаменитый одесский Привоз. Вечером, как это принято, за большим столом собрался и стар, и млад. Вот тут-то «баба Женя», маленькая и сухонькая старушка-вдова, достала большой альбом семейных фотографий. Фотографии были в основном любительские, выцветшие, серые, плохого качества. Мое внимание привлек лишь один снимок, сделанный, безусловно, профессиональным фотографом: большая группа разновозрастных людей, европейцев, хорошо одетых по моде 1930-х годов, а в центре – осанистый, видный мужчина лет сорока, при усах-щеточках, в военной форме.

– Вот это – я, – показала баба Женя на маленькую девочку на снимке.

– А это кто? – спрашиваю.

– Как кто, де Голль!

– Какой, де Голль?

– Тот самый!

– Французский генерал и президент?

– Ну да, мы одного рода, родственники, правда, не близкие!

Надо же было так причудливо переплестись родственным связям и человеческим судьбам! Прибалтика, Черемхово, Одесса, Иркутск, Канада (там пустила корни после Второй мировой войны часть рода де Голлей). Одесские родственники, или, как мы их называли между собой, одесситы, приезжали к нам дважды, подолгу гостили, ездили в Черемхово и Черемховский район, пытались восстановить какие-то связи, следы того лагеря, найти знакомых людей. Сейчас уже нет «бабы Жени», неумолимо уходит и мое поколение «одесситов», а после поворота Украины в сторону Европы наши связи стали редкими, отрывочными.

Но вернемся в детство. В 1965 г. я пошел в школу номер 75. В детские годы увлекался всем понемногу – играл в хоккей и футбол, ездил в Политехнический институт в спортзал, там была секция бокса и совершенно бесплатный вход, изучал даже автодело в кружке спортивного клуба третьего

поселка ГЭС, он существует до сих пор, этот клуб, и называется так же – «Молния». Но главным увлечением были все-таки книги – читал много и бессистемно, по принципу сначала всё на этой полке, потом всё на той. К чтению приучила мама, которая с каждой своей небольшой зарплаты обязательно покупала две-три книги и никогда не засыпала, не прочитав хотя бы 20–30 страниц. Помню, что мое чтение всегда было во вред текущей учебе, по точным предметам были тройки, не понимая законы и правила математики или химии, я просто все заучивал наизусть, а контрольные не всегда удавалось списать.

... К классу седьмому пришла любовь к истории. Я даже помню книгу – детскую, небольшую, взятую в школьной библиотеке, в которой описывалась судьба древнего первобытного мальчика-охотника, приемы облавной охоты, когда он, не боясь страшных и больших зверей, без усталости бежал за ними с каменным копьем. Из памяти выветрилось имя автора книжки, но именно тогда я стал подсознательно интересоваться археологией. В восьмом классе пришел в детский археологический кружок при университете, делал доклад о том, как произошло заселение Южной Америки, в голове остались обрывки знаний о китайских джонках, на которых смелые первооткрыватели пересекали океан. Помню Германа Ивановича Медведева, он несколько раз заходил на наши вечерние занятия. Для нас, школьников, это был подлинный небожитель, при котором мы робели и безмерно глупели, лепетали всякую ерунду. После девятого класса уже поехал в свою первую археологическую экспедицию на стоянку Горелый лес под Усольем. Взял с собой гитару и, не имея ни слуха, ни голоса, все-таки проникновенно старательно пел про «два окна со двора и развесистый клен».

В 1975 г. пытался поступить в Иркутский госуниверситет на исторический факультет, но недобрал полбалла. Уже потом, несколько позже, товарищи-счастливчики, поступившие сходу, ставшие важными и сразу какими-то удаленно целеустремленными первокурсниками, объяснили мне

На демонстрации. 1977 г.

причину моей неудачи: все дело в том, что историю СССР принимал у меня Петр Харлампиевич Гребнев, бывший военный и фронтовик, конечно же, партийный, строгий к себе и людям человек, сильно не любивший длинные прически у мальчишек и короткие юбки у девчонок. У меня же волосы тогда лежали на плечах! И я этим сильно гордился – вот и схлопотал за свои ответы четверку. На следующий год, поработав в нашем ТЮЗе монтировщиком сцены и едва не побрив голову перед экзаменом, получил уже одни пятерки и поступил на первый курс. Конечно, и готовился я тщательнее, особенно по истории. Учебник Малькова для абитуриентов знал от корки до корки. Но, опять же, читал по истории все подряд – мифы Греции, историю появления каменных изваяний на острове Пасхи, подробное описание Мальгинской стоянки Окладникова – ничего из этого при поступлении не пригодилось.

Со «второй половинкой» познакомился, наверное, как и большинство сверстников, вне школы, на дне рождения товарища из параллельного класса. Она оказалась на два года младше меня и училась в той же школе. Мы пять лет дружили, «проверяли чувства» и поженились уже в 1980-м, когда я заканчивал четвертый курс истфака, а она училась в политехе. Свадьба для мужчины – это отнюдь не главное событие в жизни, как для женщины, поэтому больше всего мне запомнились собственные переживания по поводу того, хватит или нет денег, чтобы рассчитаться за стол в ресторане «Ангара» (две стипендии по 45 р. были сэкономлены и брошены на это дело). С помощью друзей-однокурсников – вполне хватило.

После третьего курса начиналась профессиональная специализация – надо было выбрать свой профиль и по нему уже писать диплом, сдавать ГЭКи. Выбрал не археологию, а историю КПСС – как-то так получилось, что постепенно, уже со второго года учебы, политическая история страны, Сибири, Иркутска стала перевешивать увлечение древними камнями, стрелами и бусинами. Это произошло по многим причинам, одна из которых – активная общественная работа в университете. В нее меня вовлекли «старшие товарищи» – так мы называли партийных работников: однажды руководитель нашей коллективной курсовой работы по истории участия молодежи в строительстве Западного участка БАМа (Владимир Шамаев, Татьяна Ворошилова, Анна Хороших и я) доцент М. Ф. Новоженова попросила меня помочь члену парткома университета, как оказалось при знакомстве, красивой, хорошо и со вкусом одетой даме, перед которой я немало робел. Надо было проверить организацию внеаудиторной работы со студентами на другом факультете, и я исправно (как сейчас понимаю, вместо нее) целый месяц ходил по вечерам в другой корпус, аккуратно записывал все «мероприятия» в тетрадочку. Такая обязательность понравилась даме, она мне доверила что-то еще, затем как-то само собой я попал в комитет комсомола университета, а на пятом курсе уже был «на освобожденной комсомольской работе», т. е. получал за свои труды деньги, ими и жила студенческая семья. Дело, наверное, не только в деньгах: мне всегда нравилась

На маевке. 1978 г.

организаторская работа, когда, благодаря твоим усилиям, как бы из ниоткуда, на «пустом месте» возникал фестиваль, конференция, слет или митинг.

На выбор профессии, конечно, повлияла и бытовая сторона. Что бы там ни говорили, а спор о первичности то ли бытия, то ли сознания – не только философский и сугубо научный, а прежде всего житейский. Женившись и обретя спутницу жизни, я не обрел своего угла и жил с семьей в съемной восьмиметровой комнате двухэтажного барака, всё в том же третьем поселке. Едва ли не половину комнаты занимала простая кирпичная печь, пока ее топили – в комнате было жарко и стоял туман от сохнувшего детского белья, а когда прогорали последние угли, тепло моментально уходило, и к утру внешний угол комнаты покрывал иней. Однажды пришедший в мои пенаты однокурсник и друг А. В. Семенов, работавший в то время секретарем комитета комсомола, был так потрясен увиденным, что на следующее утро пошел в партком к всеильному П. П. Симонову, затем к проректору И. С. Шустерзону, потом еще к кому-то... Через месяц-полтора его и моих хождений я въехал в большую, необычайно светлую после барака комнату общежития номер один на улице 25-го Октября. И пусть во всем здании не было ни одной душевой кабины, и «производить омовения» приходилось в соседней общаге (подумаешь, они же рядом!), жизнь казалась удачной и уже вполне состоявшейся.

Но на самом деле забот и работы хватало. В 1980 г. я был избран председателем комитета ДОСААФ университета. От предшественника мне достался абсолютно пустой сейф с ключом и огромный долг по членским взносам. Наверное, свою карьеру «общественного функционера» я начал правильно:

в очередной раз заглянув в мрачную пустоту железного ящика, напросился на прием к начальнику военной кафедры полковнику В. Ф. Криворотенко. Виталий Федорович откликнулся незамедлительно: помог с организацией тира (был он, кстати, в длинном подвале под зданием истфака), подсказал, как быстрее оформить регистрацию секции водителей маломерных судов, «пробил» покупку двух аквалангов и еще чего-то. Одним словом, жизнь забурлила, долги были погашены, люди потянулись к реальным делам.

В 1981 году, после окончания университета, я стал заместителем секретаря комитета комсомола, затем, с 1982 г., – секретарем. В 1984 году меня пригласили в обком комсомола, где я работал инструктором, а затем заведующим отделом студенческой молодежи. И здесь было нелегко, треть месяца каждый работник должен был провести в «первичке», в общении с молодыми людьми, которые в основном уже не верили ни партийным лозунгам, ни комсомольским идеалам. Работать с ними было тяжело, труд этот был страшно неблагодарным, не приносил и не мог приносить удовлетворения. Но воспоминания об этом времени остаются до сих пор самыми яркими и светлыми страницами (или, точнее, главами) моей биографии.

Помимо бумажной волокиты (ее хватало в то время везде, где только ни принимались обязательства по достойной встрече очередного съезда или годовщины!), у нас было много и конкретной, интересной работы. Отдел студенческой молодежи обкома много сил затратил на возрождение студенческих клубов веселых и находчивых, в каждом вузе были созданы соответствующие команды, а межвузовские встречи собирали полные залы – впервые за много лет нам не приходилось организовывать казенные «мероприятия» и всеми правдами и неправдами обеспечивать на них «явку». По нашей же инициативе Дворец спорта в Иркутске раз в месяц совершенно бесплатно (при активной поддержке опять же «старших товарищей» в лице первого секретаря ОК КПСС В. И. Ситникова) стал отдавать свои площади для проведения студенческих вечеров, и каждый вузовский комитет комсомола стремился сделать эти вечера как можно интереснее и ярче. Это была «живая» работа, приносившая пользу всем – и организаторам, и участникам.

В 1987 г. меня совершенно неожиданно пригласили в ЦК комсомола и предложили должность инструктора в отделе студенческой молодежи. Плох тот солдат, который не мечтает о генеральских лампадах. Я с волнением согласился и был вызван на месячную стажировку, которую, так уж выпало, пришлось проходить в составе бригады, проверявшей комсомольские организации высших учебных заведений города Минска. Моя судьба была в моих руках, и я действительно старался показать себя с лучшей стороны – много работал в студенческих группах, помогал в организации каких-то дел, встречался с руководством вузов. Вернувшись в Москву, написал обширную справку и стал ждать, анализируя увиденное в Белоруссии. Молодежь в Минске однозначно понравилась, а вот комсомольские работники, и в Белоруссии, и в столице, – нет. Бросилось в глаза то, как союзные и республиканские секретари при встрече и прощании целовались троекратно –

точь-в-точь, как партийные «вожди» брежневской эпохи; как в отделах ЦК гипертрофированное значение придавалось тщательной, каждодневной заточке карандашей, с которыми затем полдня читались различные газеты, при этом отдельные фразы и абзацы аккуратно подчеркивались разными цветами. Живой работы там не было, и я, посомневавшись день-два, стараясь не думать об упущенных гастрономическо-коммунальных благах, отказался от карьеры столичного комсомольского функционера. К слову, мое решение никого в ЦК уж точно не расстроило.

На определение моего будущего значительно повлияло и еще одно обстоятельство – хотелось работать по специальности, заниматься, уже профессионально, отечественной историей. В 1987 г. пришел на кафедру истории КПСС Иркутского университета, к профессору Н. Н. Щербакову. Рассчитывал поступить в аспирантуру, однако на тот период не оказалось свободного места. Помню, как составлял заявление с просьбой принять меня ассистентом преподавателя. При этом слово «ассистент» написал с одной «с», на что мне в этот же день не без сарказма указала Анна Хороших, уже учившаяся на кафедре в аспирантуре. Но исправлять заявление было поздно: старший лаборант кафедры Н. В. Кукош, скорее всего, подмахнув его за шефа, отнесла листочек на подпись проректору, оттуда в канцелярию – так оно, возможно, и осело где-то, с одной «с».

Воспитанный семилетней работой в комсомольских организациях в неукоснительном соблюдении трудовой дисциплины, я на следующий день, без пяти минут восемь дернул за ручку кафедральной двери – никого. И в девять – никого. Лишь к десяти пришел кто-то из лаборантов, объяснивший мне, что на кафедре, если у тебя в этот день нет занятий, вообще можно не приходиться(!), а уж в восемь утра – это 100-процентный экстрим, возможный в исключительных случаях, например, при выезде коллектива на картошку.

Первое знакомство с профессором Н. Н. Щербаковым состоялось, по всей видимости, раньше моего прихода на кафедру, в году так 1985–1986-м. Наш руководитель дипломного проекта, профессор Б. С. Санжиев, сменивший на этом посту М. Ф. Новожену и много способствовавший тому, чтобы сей коллективный труд попал на Всероссийский тур конкурса студенческих проектов по общественным наукам, хотел оставить меня у себя на кафедре изначально, но моей «комсомольской богине» было угодно распорядиться по-своему – работа в университетском комитете, а позже в обкоме далеко и надолго отодвинула от меня бамовскую тематику. Да и не хотелось заниматься этим дальше, гораздо привлекательнее выглядела досоветская история. И когда Н. Н. Щербаков предложил мне «свою» тему, вернее, ее часть – историю влияния ссыльных (большевиков) на рабочее движение в Восточной Сибири в начале XX века, я согласился, и, забегая вперед, ни разу еще не пожалел об этом – настолько это интересная, всеобъемлющая, выводящая на понимание многих особенностей дореволюционной истории Сибири и окраинной политики Российского государства тема.

На заседании диссовета. Конец 1990-х.

Слева направо: В.Н. Казарин, Г.Н. Новиков, Н.Н. Щербakov, А.А. Иванов

Любая кандидатская диссертация, выполненная по конкретно-исторической тематике, похожа, скорее, на некое собрание исторических источников, которые автор выудил из различных архивов. Вот и моя работа напоминала такой перечень фактов и фактиков. Но я был горд тем, что все это «достал из забвения», «впервые ввел в научный оборот», считал себя «специалистом» в этой области исторической науки. Конечно, в данной работе не было больших исторических обобщений, мозаичная картина событий не складывалась в единое полотно, но осознание «своего открытия» в науке завораживало, кружило голову.

Такое состояние продолжалось довольно долго. Оно подогревалось и любовью к чисто архивным поискам, когда ты садишься в крошечном зале ГАИО за документы Иркутска начала XX века, и перед глазами возникала подлинная жизнь эсеровской или социал-демократической организации: сначала донесения полицмейстера рассказывали о неожиданно вспыхнувших в городе забастовках, затем шла хроника наблюдений филеров, через несколько листов – отчеты тайных агентов жандармского управления, внедренных в рабочую среду, потом – скупая справка о ликвидации, и под конец – материалы судебного дела, содержащие приговор – пять лет ссылки в «Якутку», за полярный круг. На пожелтевших страницах разыгрывались совершенно не придуманные драмы и трагедии. Читая документы, нередко с сожалением думал: ну какие же наивные были все эти недоучившиеся студенты и гимназисты, стремившиеся побороть всесильное государство, но не придававшие должного значения собственной конспирации. Вот я бы, представлялось, никогда не доверял незнакомцам, неожиданно предлагающим набор типографских шрифтов или свою квартиру для проведения собрания – ведь это же явная провокация, выражаясь современным сленгом, чистая подстава!

Словом, изучать конкретные документы было интересно, и я всегда завидовал архивным работникам: вот закончился рабочий день, архивист проводил последних посетителей, достал из сейфа выписанное на свое имя

дело, налил чайку, открыл папку, и... вперед, в мир истории. Именно так бывало, когда я приезжал в архив по субботам к своему однокурснику Евгению Шободоеву – тогда он мне с гордостью показывал особо интересные дела, числившиеся за ним, и мы подолгу обсуждали их содержание.

У Н. Н. Щербакова было много учеников. Среди них были (и есть) люди разные. Одни защищали диссертацию для карьерного роста, чина или звания, другие делали все это из любви к истории. Таких было меньше, и вот среди них Николай Николаевич выделил почему-то меня и с середины 1990-х начал настойчиво предлагать мне сделать докторскую по историографии политической ссылки. Это было закономерно – вся конкретика, наработанная самим Щербаковым и его учениками, требовала, во-первых, обобщения и, во-вторых, определения перспектив дальнейшего движения вперед. Я много раз делал туманные обещания подумать, наконец, отказываться дальше было уже не совсем удобно, и я согласился.

Мы уточнили тему, составили план работы, наметили приоритеты. Но так уж получилось, что с начала 2000-х Н. Н. Щербакова беспрестанно преследовали болячки, ему было не до историографии, и самую сложную, завершающую, современную часть работы я делал уже без него. Отсюда и недоделки: если до-революционная историография разобрана мной подробно, то на советскую – так и не хватило сил и времени, материал получился слишком обзорным. Но Щербаков был доволен, во всяком случае, внешне. Защита состоялась в 2002 г. в совете при ИМБТ СО РАН в Улан-Удэ. Помню, как на банкете в честь защиты патриарх бурятской исторической школы профессор Е. Е. Тармаханов сказал: «Я рад, А. А., что вы увенчали свою работу успешной защитой. Поверьте, быть доктором – гораздо интереснее, чем кандидатом!» Тогда эти слова воспринял с юмором, сейчас думаю: да, действительно, интереснее. И как точно Ефрем Егорович подобрал искомое слово, хотя есть и кандидаты, и специалисты без степени, которые иному доктору дадут любую фору.

Написав и защитив историографическую работу, я вновь ушел в мир конкретной истории. Но при этом попробовал расширить объект своего исследования. Мне, как никому другому, были видны в «старой» теме обширные лакуны, возникшие из-за идеологических перекосов, и главный из них – ссылка никогда не изучалась «изнутри». Сегодня я рассматриваю ее как результат пенитенциарной политики Российского государства на сибирской почве, занимаюсь организацией учета, снабжения деньгами, размещением, штатами служащих тюремного ведомства, а также полицейским и жандармским надзором. Могу сказать с уверенностью: под таким углом ссылка глубоко еще не изучалась, тем интереснее для меня эта тема. В планах – создание масштабной истории восточносибирской политической ссылки – на протяжении всего XIX и XX века. Уже написаны отдельные главы, например, «Этапы», «Надзор», «Иркутские жандармы». Осталось, кажется, немного, но чем детальнее входишь в тему, тем дальше горизонт. Как и в любом деле.

10–15 июня 2018 г.

Источник: С историей и книгой: к 60-летию со дня рождения профессора А.А. Иванова. Иркутск: Отгиск, 2018. С. 19-33.

Л. В. Кальмина

Уроки исторического факультета

Семен Федорович Коваль (1923–2005)*

Одержимость наукой

Для меня Семен Федорович Коваль остался в памяти Великим и Ужасным. «Ужасным» – потому что ему ужас как трудно было сдать экзамен! А его величие историка русского освободительного движения в доказательствах не нуждается. Три тома книги «Декабристы в Сибири», два из которых были составлены, отредактированы и прокомментированы С. Ф. Ковалем [2; 3], ходили по рукам наиболее продвинутых студентов.

Семен Федорович присмотрел меня на студенческой конференции. В экспедиции мне посчастливилось найти дневник участника Русско-японской войны, который вложил в свои записи всю гамму эмоций очевидца. Мой анализ Семену Федоровичу очень понравился (как я понимаю, ввиду уникальности самого источника), и он уже на втором курсе сделал мне предложение, от которого нельзя отказаться, – писать у него диплом о забайкальском периоде жизни Чернышевского. Конечно, первой прочитанной мною по теме работой стала статья моего Учителя, которой он открыл серию «Ссылные революционеры в Сибири» [7].

Однако утверждать, что все студенческие годы я вгрызалась в материал своего будущего первого научного творения, – сильно погрешить против истины. Сам Семей Федорович тоже прекрасно понимал, что требовать от студентки, пусть даже отличницы, думать только о дипломной работе – из разряда ненаучной фантастики. Но на пятом курсе он взялся за мое воспитание всерьез. Как-то случайно увидев меня выходящей из кинотеатра, учинил настоящий разнос и потребовал, чтобы за исключением двух-трех часов, вполне достаточных растущему организму для сна, я все время посвящала работе. Сам определил мне режим, по напряженности равносильный трудовым будням героев первых пятилеток, и я неукоснительно его со-

* Коваль Семен Федорович (1923–2005). Доцент кафедры истории СССР. Крупнейший специалист по истории декабристского движения. Автор более 150 работ. В течение 27 лет был заместителем главного редактора серии «Полярная звезда», посвященной истории декабризма. Один из инициаторов создания в Иркутске музея декабристов. Участник Великой Отечественной войны, командир пулеметного взвода. Кавалер орденов Красной Звезды и Отечественной войны I степени [5; 8; 9]. Студентам 1972–1977 гг. преподавал историю СССР.

блюдала. А если и выбиралась куда-то за пределы библиотеки, то вела себя как за линией фронта – не дыша и постоянно озираясь. Рядом с Семеном Федоровичем, одержимым наукой, позволить себе даже слегка отклониться от намеченного курса было совестно.

Диплом я написала загодя и потом со смесью злорадства и сочувствия наблюдала за сокурсниками, которым для завершения работы по неизвестно кем установленному правилу не хватило одного дня.

Первый урок Ковалю: без одержимости нет результата.

Первый – значит лучший!

После прочтения Ковалем моего творения мне слегка поплохело: каждая страница была густо испещрена его ремарками. Однако при разборе замечаний Семен Федорович показал редкое умение слушать и слышать собеседника – даже если это сопливая девчонка. Если я бросалась в бой за каждое написанное слово, замечание сразу снималось. Он уважал убежденность оппонента в своей правоте – при условии, что аргументы подкреплены источниками.

Исправленный в соответствии с его пожеланиями диплом Семен Федорович у меня изъясил и отдал только накануне защиты, заметив при этом: «Забрал специально, чтобы вы не начали его править. Поверьте моему опыту: переделывать – далеко не всегда улучшить».

Второй урок Ковалю: первый вариант – всегда самый лучший.

Усвоила я его плохо. У меня осталась привычка радикально перекраивать готовые статьи и, лишь потратив на это несколько дней... возвращать к первому варианту, досадуя на «те же грабли».

Имеющий уши да услышит!

Немного о приоритетах

После успешной защиты я решила «проставиться» шампанским, напросившись к Ковалю в гости. Однако по наущению подруги, убедившей меня, что к серьезным людям с шампанским не ходят, купила коньяк. Окинув скептическим взглядом своего «собутельника» и поворчав из-за невыполненного обещания шампанского, Семен Федорович коньяк все же откупорил. Последствия, думаю, ясны: бессонная ночь и дипломозащитный стресс, помноженные на пару бокалов крепкого напитка, сделали свое черное дело. О том, чтобы оставить меня на ночь без ущерба для моей женской репутации, не могло быть и речи, и Семен Федорович самолично кантовал меня домой.

Дальнейшее знаю со слов своих соседок по общежитию, которые вспоминали это как ужасик. Уже стемнело, началась гроза, когда раздался осторожный стук. В дверях, ярко освещенный молнией, стоял С. Ф. Коваль с перекинутой через плечо безвольно повисшей ношей. (Заметьте, мы жили на четвертом этаже!) Это было похоже на сон, но снился он почему-то всем сразу.

Через несколько дней, когда стыд от содеянного немножко рассеялся, я зашла к Семену Федоровичу попроситься. Он напутствовал меня словами: «Если бросите науку, это будет преступлением. Но если сложится так, что придется выбирать между наукой и семьей, выбирайте семью! Женщина должна иметь семью».

Третий урок Коваля: женщина прежде всего должна быть Женщиной.

Этот урок я усвоила. Хотя жизнь показала, что науку и семью вполне можно совместить. Главное – правильно расставить приоритеты.

Практика – критерий истины

Поначалу мы переписывались очень интенсивно. Я строчила какие-то статьи, которые пыталась пристроить в разные научные сборники. Но мне их неизменно возвращали с пояснением, что на эту тему материал уже заказан доктору наук. Короче, фейсом об тэйбл. Семен Федорович каждый раз успокаивал и давал совет пристроить ненапечатанное в какое-нибудь массовое популярное издание, поскольку задиристость моего стиля импонирует журналистам. Вольно или невольно он тем самым определил мою дальнейшую судьбу: журналистике я посвятила большую часть своей творческой жизни.

Четвертый урок Коваля: из имеющихся навыков надо извлекать практическую пользу.

Владимир Георгиевич Башкиров (1939–2014)*

Ничего личного!

Владимира Георгиевича Башкирова я побаивалась с самого начала. Его поджарость и очки в роговой оправе создавали впечатление сурового аскета, скупого на чувства. Он читал у нас палеографию, и этот факт удваивал страх, поскольку разобраться в хитросплетениях старых писем было очень непросто. (Подозреваю, что сам Владимир Георгиевич тоже наловчился слету прочитывать любой текст не так давно, поскольку его научные изыскания и по тематике, и по периоду были далеки от русского средневековья) [4].

На Новый год моя студенческая подруга пригласила меня в гости. Придя, я впала в ступор: за праздничным столом восседал Башкиров. Оказывается, он был мужем старшей сестры подруги, что она благоразумно скрывала от однокурсников во избежание настойчивых просьб поспособствовать в сдаче зачета.

В семейном кругу Владимир Георгиевич оказался совсем другим: много шутил, пел и смеялся, а когда мы ночью вышли покататься на санках, уронил меня в сугроб, после чего долго отряхивал насквозь промокшими ва-

* Башкиров Владимир Георгиевич (1939–2014). Старший преподаватель кафедры истории СССР. Специалист по экономической истории Сибири в годы Первой мировой войны. Студентам 1972–1977 гг. преподавал палеографию.

режками. Однако когда после праздников я перешагнула порог аудитории в уверенности, что после нашего неформального общения напрягаться для получения зачета мне не придется, встретила с его обычной суровостью. Он долго и с особым пристрастием гонял меня по заданному материалу.

Первый урок Башкирова: мух от котлет следует отделять! Учебу (работу) нельзя смешивать с личным.

«Автоматическое» предложение

К зачету мы с подругой готовились в поте лица, до дыр зачитав альбом старинных текстов. Но Владимир Георгиевич, хотя находился тут же, в квартире, ничем не дал понять, что ценит наше усердие. Лишь изредка окидывал испытующим взглядом, исключавшим саму мысль об обращении к сестре подруги за протекцией.

На зачет я пришла во всеоружии. Устав, полуустав и скоропись больше не казались китайской грамотой, и замысловатые закорючки легко, без принуждения складывались в слова и предложения. Владимир Георгиевич был все так же официален, без тени улыбки на лице. Я уже приготовилась к тексту повышенной сложности, как вдруг он положил передо мной зачетку с отметкой об «автомате»...

Второй урок Башкирова: «... никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут» [1, с. 274]. Правда, сам тезис принадлежал не Башкирову, но именно он продемонстрировал мне его в действии.

Ищите выход!

После первого курса началась полевая практика, которую я проходила в отряде под руководством Владимира Георгиевича. Мы прочесывали глухие маленькие селения в разных концах Иркутской области, терроризируя население расспросами о его житье-бытье во времена массового колхозного строительства и попутно затариваясь продуктами домашнего хозяйства, поскольку в этих забытых Богом деревеньках не было даже ларьков. Наконец, теплоходом доехали до одного села на севере области, где решили сделать многодневный привал. Это была не самая удачная идея: здесь жили потомки раскулаченных. Свою годами пестуемую ненависть к тем, кто в свое время лишил их дома, они дружно перенесли на нас, хотя мы, студенты-примусы, в трагизме их судьбы были неповинны. У нас как раз вышли все продукты, но любая попытка хоть что-то прикупить наталкивалась на глухую враждебность: сельчане сговорились ничего нам не продавать! А теплоход должен был прийти только через трое суток.

Следующий день прошел для нас в неопишуемых муках: от голода отчаянно мутило, а внутренности, казалось, прилипли к позвоночнику. Тогда, озадачив нас обработкой полевых записей, Владимир Георгиевич со своим рюкзаком куда-то исчез. Вернулся он к вечеру с объемным пакетом, полным

свежей рыбы. Оказывается, день он провел на рыбалке, которая из удовольствия превратилась в суровую необходимость: отряд надо было кормить.

Рыбы оказалось вполне достаточно для ухи и жарки, и следующий день был вполне сытным. Пока мы не без удовольствия сибаритствовали, Владимир Георгиевич опять заступил на вахту... Его, как оказалось, многолетнее увлечение помогло нам продержаться до теплохода. Впоследствии перенесенный стресс вспоминался с изрядной долей юмора.

Третий урок Башикирова: безвыходных положений не бывает!

Николай Кириллович Струк*

«Недокормленное» впечатление

Наше знакомство с Н. К. Струком началось с семинара, на котором я выступила с 15-минутным сообщением о Русско-шведской войне 1808–1809 гг. С помощью сотрудников научной библиотеки удалось раскопать какие-то ветхие никем не читанные, судя по неразрезанным страницам, листочки, живописующие военные действия. Вдохновленная находкой, я самоуверенно рассуждала о недостатках в стратегических замыслах обеих воюющих сторон, то и дело ловя на себе ироничный взгляд преподавателя. Его скепсис меня раззадорил, и я язвительно заметила, что тактика неоднократного вывода войск из города под покровом ночи с торжественным вводом их же при свете дня, дабы создать у противника впечатление своего численного превосходства, мне давно известна: читала в «Одиссее капитана Блада» [11, с. 184–186].

Лед тронулся! Николай Кириллович, до того сидевший вполоборота ко мне, резко развернулся и до самого конца выступления не сводил с меня уважительного взгляда.

Оценивая мое сообщение, он не удержался от ехидной реплики о девушках, которые имеют дерзость судить о тонкостях военного искусства. Но тут же, посерьезнев, признался, что даже не подозревал о существовании использованных мною источников (книга о приключениях Блада в их число не входила).

Он читал у нас несколько курсов, и мы сдавали ему экзамены каждый год. Не могу сказать, что усердствовала при подготовке. Как только Николай Кириллович видел, что я откровенно плаваю, тут же бросал мне спасательный круг в виде вопроса о Русско-шведской войне, даже если сдавала историю Русско-японской. Между нами протянулась невидимая нить, связывающая заговорщиков, которые быстро брошенным взглядом напоминают друг другу что-то известное только им обоим. Заканчивались экзамены всегда одинаково: досадливо махнув рукой, Н. К. Струк выводил в зачетке незаслуженную, но уже ожидаемую мной пятерку.

* Струк Николай Кириллович (1938–2011). Кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории. Специалист по военной истории России/СССР. Студентам 1972–1977 гг. преподавал историю СССР; историю Великой Отечественной войны. Вел спецкурс «Русско-японская война».

После окончания университета мы долго не виделись и впервые после длительного перерыва встретились на научной конференции. Мой доклад Николай Кириллович слушал со столь знакомым мне выражением интереса и скепсиса. После выступления я призналась ему, что все годы студенчества беззастенчиво пользовалась первоначально вызванной симпатией, о чем сожалею. Ехидный взгляд Николая Кирилловича, как много лет назад, моментально сменился уважительным.

– Хорошо, что ты это поняла, – одобрительно произнес он.

Урок Н. К. Струка: первое яркое впечатление хорошо работает на зачетку. Но его все время надо подкармливать.

Федор Александрович Кудрявцев*

Оптимизм зрелости

Федор Александрович был любимцем студентов. Мы обожали нашего Деда, как за глаза любовно называли патриарха сибирской истории, за обширные знания и невероятную доброту. У него всегда можно было стрельнуть «трешку» до стипендии и взять почитать редкую книгу из его богатой библиотеки. О деньгах, которые щедро раздавались вечно голодным студентам, он сразу же забывал, а вот о книге – никогда. Каждый день справлялся, в каком она состоянии и скоро ли вернется к ее законному владельцу.

Его лекции по истории Сибири перемежались рассказами о собственном студенчестве, Гражданской войне, голоде, который испытал, и тифе, который перенес. (Гораздо позже мы узнали, что он был репрессирован, но по понятным причинам нам об этом не рассказывал) [5]. То, что он выжил в этих нечеловеческих условиях, сделало его неисправимым оптимистом, и он в свои семьдесят с лишком смотрел на жизнь более задорным взглядом, чем мы, восемнадцатилетние. Иногда на лекциях читал свои стихи, которые писал в молодости. Они не отличались особыми художественными достоинствами, но были прочувствованными и искренними.

В начале студенчества у нас оставалась школьная привычка при всем честном народе поздравлять именинников, сопровождая пожелания отличной учебы дружными аплодисментами. Попросив у Федора Александровича несколько минут, мы поздравили сентябрьских именинниц и вернулись к занятиям. На следующей лекции наш Дед первым делом попросил встать недавних виновниц торжества и преподнес им по коробке конфет.

Мы просто (извините за неакадемическое слово) обалдели и тут же решили на его лекциях больше никого не поздравлять, потому что нас много, а он один. Но его по-настоящему красивый жест запомнился.

Первый урок Кудрявцева: не упускай возможности сделать человеку приятно.

* Кудрявцев Федор Александрович (1899–1976). Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР. Патриарх истории Сибири, основатель сибирской научной исторической школы. Заслуженный деятель науки и техники Бурятской АССР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Д5Ж. Студентам 1972–1977 гг. преподавал историю Сибири

Презрение к невежеству

Сдать ему экзамен было несложно – достаточно по диагонали пролистать хотя бы третий том из пятитомной «Истории Сибири», редактором которого он был [6], и проштудировать его совместную с Г. А. Вендрихом книгу по истории Иркутска [10], которая остается классикой при многочисленных попытках «нового прочтения».

Он никогда не ставил оценку ниже четверки, чтобы не лишить студента стипендии, даже если этот студент был отъявленным балбесом. Не знающие элементарных вещей (вроде «за красных» был П. Постышев или «за белых») тоже могли рассчитывать на «хорошо», но для Федора Александровича они переставали существовать. Он больше никогда с ними не разговаривал и даже не отвечал на приветствие.

Второй урок Кудрявцева: невежда профессионалу не товарищ.

Владимир Владимирович Яровой*

Цветовое зрение

Владимир Владимирович запомнился блестящими лекциями по истории Соединенных Штатов и фактурной внешностью, достойной голливудского киногероя.

Экзаменатором он был требовательным. Больше всего не любил, когда студенты ограничивались учебником, и требовал, чтобы почаще заходили в удачно дислоцированный рядом магазин «Политкнига» и знакомились с новинками.

– Не прочтете – так хоть подержите в руках, знайте, какого цвета обложка, – постоянно повторял он.

Его слова были восприняты буквально. «Тонуший» однокурсник в ответ на упрек Ярового, что тот не читал нужную книгу, в отчаянии воскликнул: «Ну как же не читал?! Зеленая такая!» ...И получил желаемую тройку.

Первый урок Ярового: находчивость – главное правило экзаменующегося.

Свадебный подарок

Ближе к лету Владимира Владимировича забрали на военные сборы. По нашим расчетам, он должен был появиться только после сессии, так что экзамен предстояло сдать другому преподавателю, более снисходительному к проявлениям студенческой лени. К тому же на следующий день намечалась свадьба наших однокурсников, и, в предвкушении обильного угощения, мы меньше всего думали об экзамене.

Во время подготовки к ответу первой пятерки вдруг вошел Яровой, своим неожиданным появлением доведя наиболее впечатлительных до полуоб-

* Яровой Владимир Владимирович (1936–2005). Доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений. Известный американец. Мастер спорта СССР по конькобежному спорту [5]. Студентам 1972–1977 гг. преподавал новую историю Европы и Америки.

морочного состояния. Невеста тем не менее блеснула познаниями и получила заслуженную пятерку. Жених же с трудом наскреб на тройку и бесславно покинул аудиторию.

– А когда ему можно пересдать? – набравшись смелости, обратилась к непоколебимому Яровому без пяти минут новобрачная. – А то у нас завтра свадьба.

– У вас с ним?! Пусть зайдет.

Жених вышел к нам совершенно убитый с «настежь» распахнутой зачеткой, которая тут же пошла по рукам.

– Ну поставил бы четверку, – искренне страдал он. – Пять-то зачем? Но Яровой не умел мелочиться.

Второй урок Ярового: миловать так миловать!

Николай Николаевич Щербаков*

Разрядка напряженности

Николай Николаевич Щербаков не уступал Яровому ни в мужском шарме, не оставлявшем равнодушной женскую половину факультета, ни в профессионализме. Каждая его лекция по российской историографии одновременно была экскурсом в русскую поэзию. Он всегда начинал со стихов Пушкина, и они ненавязчиво готовили нас к восприятию материала о Карамзине, Соловьеве и Ключевском. Но между слушаньем лекции и демонстрацией собственных знаний пропасть, как известно, достаточно глубокая. Интерес, который мы испытывали к сказанному Щербаковым, отнюдь не предполагал успешности сдачи зачета. Тем более по историографии, которая предполагает не просто пролистывание учебника, а знание первоисточника.

В тот день зачет, что называется, не пошел. В аудитории стояла тягучая тишина и витала нервозность, которая передавалась вновь пришедшим. Смурными были даже действительно учившие и что-то усвоившие. «Знал, но забыл» из студенческой байки превратилось в суровую реальность.

Николай Николаевич одним взглядом оценил ситуацию и задал экзаменуемому неожиданный вопрос:

– В чем всемирное историческое поражение женщин?

– В замене матриархата патриархатом, – робко ответил тот.

– А как женщина отомстила мужчине? – Щербаков в упор смотрел на пунцового от смущения студента. – Смелее! Что вы там шепчете насчет рогов?

– Рога наставила, – уже с изрядной долей уверенности выпалил студент.

– Давайте зачетку.

* Щербаков Николай Николаевич (1937–2005). Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии. Крупнейший специалист по истории политической ссылки в Сибири. Инициатор издания серии «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» и ее бессменный редактор в течение более 30 лет Д5Ж. Студентам 1972–1977 гг. преподавал российскую историографию.

Мы грохнули от смеха. Напряжение сменилось оживлением. Дальше сдавали уверенно, даже с каким-то азартом.

Урок Щербакова: юмор – лучший способ разрядить напряженность. Уместен в любой ситуации. Даже на экзамене.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков // Избранное. – М. : Худ. лит. 1988. – 480 с.
2. Декабристы в Сибири. В 3 т. Т. 2. Дум высокое стремленье / сост. С. Ф. Коваль. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. – 336 с.
3. Декабристы в Сибири. В 3 т. Т. 3. В Сердцах Отечества сынов / сост. и науч. ред. С. Ф. Коваль. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. – 328 с.
4. Жеглова И. Как иркутяне переживали кризис в Первую мировую войну. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kp.by/daily/24374.4Z555895/> (29.01.2017).
5. История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / сост. С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин [Электронный ресурс]. – URL: <https://mail.google.com/mail/u/0/?tab=wm#inbox> (29.01.2017).
6. История Сибири. В 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма / отв. ред. Ф. А. Кудрявцев. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – 529 с.
7. Коваль С. Ф. К истории первого заговора освобождения Н. Г. Чернышевского / С. Ф. Коваль // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февр. 1917). – Иркутск, 1973. – Вып. 1. – С. 3–20.
8. Коваль Семен Федорович [Электронный ресурс]. – URL: <http://irkipedia.ru/content/kovalsemenfedorovich> (30.01.2017).
9. Коваль Семен Федорович [Электронный ресурс]. – URL: http://sibhistory.edu54.ru/КОВAnb_СеМеН_Федорович (30.01.2017).
10. Кудрявцев Ф. А. Иркутск. Очерки по истории города / Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – 435 с.
11. Сабатини Р. Одиссея капитана Блада / Р. Сабатини. – М. : Детгиз, 1960. – 359 с.

Источник: Известий ИГУ. Серия «история». 2017, т. 20. С. 128-136.

В. М. Кадневский, В. М. Поляков, А. М. Бородин

Из воспоминаний историков, выпускников 1968 года

Логика функционирования любого вуза состоит из ежегодных наборов новых студентов и выпуска всех, кто освоил учебный план, предусмотренный государственным стандартом. По этой логике за прошедшие 100 лет со времени основания в Иркутском университете состоялось 100 наборов студентов и, соответственно, на 5 выпусков специалистов меньше. Однако в разные периоды функционирования вуза менялись не только учебные планы и перечень специальностей, но и сроки обучения по тем или иным специальностям. В результате, например, на историко-филологическом факультете один из выпусков 1960-х гг. у историков состоялся на год раньше традиционного. И так было не только у историков. Выпуск 1968 года по некоторым специальностям был в каком-то смысле особенным, так как являлся следствием политики правительства в сфере высшего образования. Напомним, что в 1964 году для нескольких специальностей (история, журналистика, правоведение) сократили срок обучения до четырех лет (как в современном бакалавриате). В результате студентов названных специальностей выпустили не в 1969 году, а в год, когда общественность города отмечала 50-летие Иркутского университета. Сегодня выпускники 1968 года «повзрослели» на 50 лет и они отмечают (по воле обстоятельств) второй в их жизни 50-летний юбилей, связанный с родным ИГУ.

Изменение сроков обучения повлекло за собой и изменение в учебных планах, и дополнительные нагрузки не только на студентов, но и на преподавателей. Например, из учебных планов для историков исчезли такие учебные дисциплины, как «Древнерусский язык», «Логика», «История мировых искусств», а такие дисциплины, как «История Древнего Востока», «История Древней Греции» и «История Древнего Рима», ранее читавшиеся как самостоятельные дисциплины три семестра, объединили в «Историю Древнего Мира», а сроки освоения огромного массива знаний сократили до одного семестра. Добавим к этому «маленькую» деталь: только общий объем трех учебников превышал две тысячи страниц (!!!).

Но для целеустремленных и в большинстве своем креативных студентов-первокурсников это не стало непреодолимым препятствием, хотя не обошлось и без пересдач. У нас на курсе подобрались дружные и мотивированные на учебу студенты. Из двух стандартных групп (50 человек) дипломы об окончании ИГУ получили 44 выпускника.

На курсе при внимательном изучении гендерной и других составляющих можно было выявить определенные закономерности. Среди окончивших историческое отделение в 1968 году было 18 девушек и 26 юношей. 22 студента из поступивших имели стаж работы (или службы в армии), а 22 студента поступили после окончания средней школы. Разница в возрасте и жизненном опыте не помешала быстро сплочению студенческого коллектива.

Наш курс спустя два-три месяца после поступления в ИГУ стал отличаться не только дружелюбным отношением студентов друг к другу, но и хорошей сплоченностью. Так, уже 17 ноября 1964 года (не прошло и трех месяцев после поступления в ИГУ) 46 первокурсников вместе достаточно бурно отмечали первый в своей жизни Международный день студентов.

В период учебы на курсе было проведено много совместных мероприятий, связанных не только с государственными праздниками, но и иными знаковыми событиями (дни рождения, свадьбы, возвращение с каникул), среди которых особенно памятным стал вечер посвящения первокурсников в историки. Это посвящение для многих поколений историков стало важной традицией. Это посвящение проводится после сдачи первой студенческой сессии

Уже через несколько месяцев на курсе были созданы две (по одной в каждой группе) футбольных команды. А объединенная команда курса выступала самостоятельно на первенстве университета и даже общества «Буревестник». Фактически превратились в традицию регулярные футбольные соревнования между обеими группами. Иногда мы ехали играть на стадион, расположенный где-нибудь на окраине города. У каждой команды были свои болельщики из числа однокурсниц, которые тоже ехали на стадион вместе с нами. Организатором этих футбольных баталий был влюбленный в футбол наш однокурсник Александр Корчагин. Именно он и договаривался с руководством стадиона о предоставлении нам футбольного поля. До поступления в ИГУ Александр несколько лет играл в городской клубной футбольной команде, а в годы учебы своей любовью к футболу он успел заразить практически весь курс. По его инициативе была создана и сборная футбольная команда нашего курса, которая выступала самостоятельно на первенстве университета и даже общества «Буревестник».

По возрасту наш курс делился на две почти равные части: выпускников, окончивших среднюю школу в 1964 году, и тех, кто имел как минимум двухлетний стаж (норма для льготного поступления), или воинов, отслуживших положенный срок. Из 44 выпускников нашего курса 18 были из первой группы, а остальные из второй. Характерным для сибирских коллективов был у нас и национальный состав. Помимо коренных народов Прибайкалья (русских и бурят) учились украинцы, корейка, армянин, грузин. В коллективе царила взаимопомощь в учебе, в решении бытовых или финансовых проблем и т. п.

К окончанию университета большинство студентов создали свои семьи. Интересно, что 10 человек предпочли создать семьи со своими однокурсниками(-цами). Семьи создали Н. Котельников и В. Кочергина; В. Налётов и Т. Агеева; Ю. Таюрский и В. Кочергина; В. Башкиров и Л. Кузакова; В. Сирош и М. Кириченко. Показательно и то, что эти семьи оказались самыми прочными.

Возникали и временные группы, объединенные подготовкой к экзаменам и зачетам. Это давало неплохие результаты по итогам экзаменационных сессий. Одна из таких групп (В. Сирош, В. Можарский и другие) объединилась на основе совместного проживания в общежитии.

Другой вариант коллективной подготовки к экзаменам – объединение на взаимном доверии и примерно равном уровне эрудиции. По такому принципу возникла группа в составе С. Паюка, В. Кадневского, В. Полякова и А. Бородина. Их в шутку называли фирмой ПКПБ (или группой ПКПБ). Вопросы к экзамену эта группа делила на 4 равные части. Ответы на них готовились каждым в письменном виде, а затем они перед экзаменом собирались в аудитории и читали мини-лекции по своим подготовленным вопросам. Каждый нес ответственность за исчерпывающий уровень каждого ответа. Как правило, эта четверка получала самые высокие баллы на экзаменах.

В те годы еще существовала система распределения выпускников на рабочие места. Многие из нашего выпуска были направлены на работу в вузы, школы, музеи и архивы. Будущий карьерный рост привел наших сокурсников в ряды ученых, руководителей школ, государственных и общественных органов. Например, в вузы были распределены А. Бородин, Т. Лановая, В. Башкиров, В. Кадневский, С. Паюк, А. Георгиевский. Позднее в качестве преподавателей вузов стали работать В. Поляков, В. Антоновский, В. Пахоев, М. Скоркина. Директорами школ по распределению отправились трудиться А. Шаталов и Ю. Таюрский.

А. Казачкова, вернувшись после учебы в родной г. Тулун, решением районной администрации была направлена преподавать в местное педучилище, где она проработала вплоть до выхода на пенсию. В среднеспециальных учебных заведениях работали и другие наши однокурсники. Так, поработав несколько лет в вузе, ушел работать директором техникума (позднее колледжа) В. Антоновский.

В техникуме работал и В. Бамбаев. О нем хочется рассказать особо. Он поступил в ИГУ через 11 лет после окончания сельской средней школы в Качутском районе. Его первая профессия – электрик. После окончания ПТУ он был направлен на работу в Ангарский нефтехимический комбинат. Трагическая случайность (удар током) лишила его обеих рук. Но Володя оказался мужественным человеком. Он нашел в себе силы и упорство в получении профессии историка. По окончании учебы он получил диплом с отличием и был направлен в аспирантуру Академии наук Республики Бурятия. К сожалению, в аспирантуру он не поступил и стал работать преподавателем истории в техникуме. Остается добавить, что в семье Бамбаевых выросли трое детей.

Судьбы историков, окончивших Иркутский государственный университет в 1968 году, складывались по-разному. Многие, отработав положенные по распределению 3 года, перешли на работу в другие государственные и общественные структуры. Самая экзотическая должность оказалась у старосты первой группы Г. Даниеляна. Первые семь лет он работал в исправительных учреждениях Иркутска. Переехав по требованию родителей на родину в Сочи, он стал там работать инспектором ГАИ.

Трудовые биографии наших однокашников пришлись и на 1990-е годы, что заставило некоторых из них сменить профессиональную деятельность. Напри-

мер, Н. Котельников профессию школьного учителя сменил на рабочего мебельной фабрики, С. Паюк стал строителем, а Б. Николашин нашел себя в журналистике. Он работал на радио «Мамско-Чуйский горняк», а выйдя на пенсию, еще семь лет работал охранником. До настоящего времени работает в структуре профсоюзных органов в г. Киренске В. Исаев. Вышедшие замуж и переехавшие в другие регионы Т. Лановая и О. Пак, нашли себя в распространенной в СССР системе политического просвещения.

Более стабильно складывалась трудовая биография выпускников, закрепившихся в сфере образования. Талантливым учителем истории зарекомендовала себя В. Котельникова (Кочергина), уехавшая с мужем по распределению в одну из школ г. Братска. В Новоигирминской восьмилетней школе Братского района зарекомендовали себя высококлассными специалистами наши выпускники Ю. Таюрский и его супруга В. Кочергина.

Стабильно складывалась трудовая биография и тех выпускников, которые посвятили себя учебно-научной деятельности в вузах. Кандидатами наук стали А. Бородин, М. Скоркина (ныне Чальх). Доцент А. Бородин после защиты кандидатской диссертации несколько лет работал преподавателем, затем заведующим кафедрой в сельскохозяйственном институте (ныне сельскохозяйственный университет), а последние 6 лет перед уходом на пенсию в 2012 году руководил обществоведческой кафедрой в медицинском университете. М. Скоркина после защиты кандидатской диссертации по историческим наукам многие годы до выхода на пенсию работала доцентом в техническом университете.

Двое наших выпускников, В. Кадневский и В. Поляков, стали докторами наук, профессорами. Особо хочется отметить научный путь В. Полякова. Еще на студенческой скамье он увлекся изучением логики, хотя эту дисциплину учебный план исторического отделения ИГУ (по 4-летней программе) уже не предусматривал, защитил на отлично дипломную работу по этой дисциплине. После завершения учебы В. Поляков был призван на военную службу, а после демобилизации увлекся медицинской психологией, много лет проработал нейропсихологом в нейрохирургическом отделении областной клинической больницы. Параллельно он работал в научно-исследовательском секторе медицинского института и в НИИ педиатрии Академии медицинских наук. За это время он также защитил в МГУ им. М. В. Ломоносова кандидатскую диссертацию по медицинской психологии и докторскую по патофизиологии, став, таким образом, кандидатом психологических и доктором биологических наук. В настоящее время руководит лабораторией нейропсихосоматической патологии детского возраста Научного центра проблем семьи и репродукции человека РАН, преподает на кафедре медицинской психологии факультета психологии ИГУ. Является членом Европейской ассоциации по нейронауке. В. Поляков автор свыше 100 научных работ, опубликованных в России и за рубежом.

В. М. Кадневский кандидатскую диссертацию защитил по историческим наукам, но наиболее заметных научных успехов он достиг в педагогических науках. В 1995 году, когда в систему образования стали внедрять тестовые технологии, он выдвинул идею «сплошного тестирования» материалов учебника. Такой подход позволил рационализировать и оптимизировать систему подготовки обуча-

ющихся к сдаче экзаменов тестированием. Идея была реализована автором на практике, а результаты обобщены в четырех монографиях по истории тестовых методов и тестов и в нескольких десятках методических пособий под условным названием «История России в тестах». Методическое пособие «История России в тестах для поступающих в вузы» переиздавалось в федеральном издательстве «Айрис Пресс» восемь раз. Суммарный тираж изданных пособий превысил 600 тысяч экземпляров, а число научных публикаций составило свыше 200 работ. Кроме того, В. М. Кадневский успешно занимался и научно-педагогической деятельностью. Им было подготовлено три кандидата наук: два по историческим наукам и один по педагогическим. Награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Трудовой путь В. М. Кадневский закончил в августе 2017 года.

Мы рассказали, конечно же, не о всех выпускниках 1968 года, но хотелось бы отметить, что все они достойно трудились, поддерживая и преумножая высокий авторитет старейшего вуза Восточной Сибири. Это стало возможным во многом благодаря высокой квалификации наших преподавателей, среди которых особо отметим Ф. А. Кудрявцева, С. В. Шостаковича, А. А. Мухина, В. П. Олтаржевского, И. И. Кузнецова, С. Ф. Коваля и многих других. Для примера приведем некоторые запомнившиеся эпизоды обучения. С. В. Шостакович, например, разбирая одну из курсовых работ «Законы царя Хаммурапи», на полях написал несколько замечаний «спорно», «спорно», но публичное разбирательство недостатков курсовой работы завершилось выставлением студенту оценки «отлично» с профессорским резюме: «молодец, головой работаешь». И. И. Кузнецов лекции читал нам в традиционном академическом стиле, а раскрывался он как глубокий знаток материала лекционного курса в ответах на вопросы. Наибольшее число вопросов студенты нашего курса задавали ему по проблемам Великой Отечественной войны. И. И. Кузнецов обладал уникальным личным архивом и глубокими знаниями по проблемам военного времени и щедро делился своими знаниями с нами.

Отдельно хочется сказать о М. А. Бендере. Он не имел ученых степеней и званий, но его лекции были насыщены материалами, примерами и фактами из разряда «для служебного пользования». Эти лекции многим выпускникам пригодились в практической работе, особенно тем из нас, кто стал читать лекции для населения по проблемам международных отношений. Еще одним преподавателем подобного типа был Ю. Л. Шервашидзе. Он также не имел ученых степеней и званий, а запомнился нам как блестящий лектор, опиравшийся, как и М. А. Бендер, на служебные материалы. Ю. Л. Шервашидзе был единственным преподавателем, которого студенты, несмотря на случавшиеся иногда опоздания, ждали не традиционные 15 минут, а сколько потребует.

Под влиянием лекторского таланта и педагогического мастерства наших наставников мы имели возможность приобретать и углублять свои знания. Так от семестра к семестру и из нас вырастали будущие специалисты-историки, которые получили возможность в стенах ИГУ приобретать и углублять свои знания, а затем нести их новым поколениям сибиряков, тем самым развивая и приумножая славу старейшего вуза Восточной Сибири.

Т. П. Кальянова

Исторический факультет Иркутского государственного университета: образование и жизнь в 1970-е гг.

Проблематика современного университетского образования, как правило, существует в русле количественных и качественных социологических исследований, рассматривается с точки зрения эволюции институтов либо предстает в виде политико-экономических штудий. В таких работах внимание фокусируется на нынешнем моменте существования университетов, на ситуации кризиса или исчезновения их. Повышенный интерес к сиюминутности, ее чрезмерная актуализация обычно пренебрегают историей, в частности последними десятилетиями советской эпохи.

Будучи недавним прошлым, те времена кажутся очень отдаленными и уже мифологизированными. Важной задачей оказывается восстановление утраченных деталей былого, советского, и понимание того, что в нем осталось вне научного анализа. В числе прочего это относится и к изучению человека в университете, его самоопределению в университетском сообществе, в жизни. В прошедшие постсоветские десятилетия такая проблематика как важное условие профессиональной рефлексии наиболее интенсивно развивалась историками, стремившимися осмыслить происходившую «методологическую революцию», процессы трансформации своего академического сообщества, сохранить память об учителях [2; 3; 5-7; 12]. Перечень тем и вопросов, подлежащих рассмотрению, представляется обширным и включает как макро-, так и микроисторические исследования не только столичных, но и провинциальных университетов*.

В данной статье предполагается рассмотреть, какие возможности были на историческом факультете Иркутского государственного университета в

* «При этом неизбежно возникает необходимость восстановить более общий интеллектуальный контекст эпохи, изучить инфраструктуру производства и распространения исторического знания, организационные структуры (институты) исторического образования и исторической науки, «архитектуру» ее коммуникативного пространства и формы межличностных коммуникаций, не забывая, разумеется, о самих идеях и текстах (как исторических исследований, так и популярных, справочных и учебных изданий), а также о материальной форме бытования и способах трансляции выраженных в этих текстах идей – о книгах и о читателях, которые их воспринимали, интерпретировали, обсуждали, отвергали или «присваивали» [9, с. 27].

1970-е гг. для восприятия истории как образовательной процедуры, с одной стороны, и для истории самоопределения человека, с другой.

Время, проведенное в университете, давало студентам возможность изучать историю как книжное схоластическое или критически-аналитическое знание. Но вместе с тем человек воспринимал и науку жизни, поскольку учеба проходила в контексте университетской среды, общения, человеческих контактов, нравственно-оценочных суждений и профессионально-гражданского выбора. История оказывалась не только суммой сведений и действий по их извлечению. Она была условием становления личности, естественным атрибутом жизни образующегося человека и могла стать своеобразным буфером, позволявшим создавать отстраненность, дистанцию между историком и декларировавшимися официальными концептуально-идеологическими схемами. Именно в этом зазоре реализовывалась человеческая субъектность, возможность научиться быть профессионалом и человеком, выстраивать свою стратегию жизни, действий, мнений и размышлений.

Важное значение в таком исследовании имеют документы личного происхождения: биографические справки, сохранившиеся конспекты лекций, опубликованные воспоминания, письма, в которых отразилась субъективность мемуаристов*. В них можно обнаружить стимулы познания и мотивацию действий, смысловое обоснование поступков, ценностные предпочтения, жизненные ориентиры, эмоционально-оценочные суждения о мире и своем присутствии в нем.

Основным источником явились фокусированные интервью, взятые в 2010–2012 гг. у историков, закончивших исторический факультет ИГУ в 1970-е гг. Там присутствует нынешний взгляд на прошлую ситуацию. Такая ретроспективность содержит в себе позднюю мудрость, пришедшую с прожитыми годами, знание того, что было после окончания университета, суждения о своем былом студенчестве в контексте произошедших исторических перемен. Личностная аутентичность высказываний таит в себе разрыв во времени. Воспроизводимые в памяти собственные давние студенческие мнения, оценки, суждения передаются нынешними взрослыми людьми. Создаваемая картина прошлого оказывается не тем, что и как было тогда, а тем, что и как вспоминается теперь.

Для исторического факультета ИГУ 1970-е гг. оказались первым десятилетием самостоятельного развития**, которое, как представлялось тогда, больше никогда не прервется***. Этот оптимизм во многом определялся са-

* «Субъективность, через которую проходит и которой отягощается соответствующая информация, отражает культурно-историческую специфику своего времени; представления, в большей или меньшей степени характерные для некой социальной группы или для общества в целом. Таким образом, текст, который «искажает информацию о действительности», не перестает быть историческим источником, даже когда проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций» [9, с. 25–26].

** Историческое университетское образование появилось в Иркутске в 1918 г., в условиях Гражданской войны, и испытало превратности судьбы, выразившиеся в советских преобразованиях университета, в последовавшей ликвидации преподавания истории и в воссоздании историко-филологического факультета в 1930-е гг. В 1968 г. он разделился на исторический и филологический факультеты.

*** В 2012–2015 гг. привычным стало предчувствие очередного «конца истории» исторического факультета и следующей ликвидации университетского исторического образования в Иркутске. Недоумевающие историки, сравнивая нынешнюю ситуацию с 1918 г., когда в усло-

мым духом времени, в котором сохранялась энергия послевоенного движения, ярко сказавшегося в предыдущее десятилетие. Высокие конкурсы при поступлении на исторический факультет были косвенным свидетельством веры в предсказуемое и благополучное будущее.

Выбор абитуриентов часто определялся не только утилитарно- прагматическими мотивами, но и бескорыстным интересом к истории, воспринимаемым как призвание. Такое влечение могло возникнуть благодаря школьным учителям, которые пробудили в учениках любознательность. Чтение книг, увлеченность историческими сюжетами или международной политикой также приводили молодых людей на факультет. Поступление сюда случилось как по настоянию родителей, так и вопреки их воле.

Кроме учебных возможностей, не менее важными оказывались социальные потенции исторического образования, которые помогали сохранить или изменить свой общественный статус, воспроизвести культурный фон, демографический или нравственный потенциал человека*. Сохранявшаяся с каких-то незапамятных времен, зачастую не поддававшаяся рефлексии тяга к университетскому образованию, интуитивное признание его высоты и ценности оказывались очень действенными мотивами. Университет рассматривался как социальный лифт, позволявший потом двигаться по жизни в пределах сложившихся иерархий.

Образование на историческом факультете было направлено на формирование знаний и навыков, которые необходимы для профессиональных занятий историей. К ним относится умение собрать, классифицировать, анализировать исторические источники, работа с историографической литературой, реферирование периодики, способность написать текст научной статьи, выступить на научных конференциях.

Однако, помимо официальных квалификационных требований, существовала и некая сверхзадача. Неформальным девизом историков было утверждение, что история – наставница жизни**, что на историческом факультете учат думать. Это контрастировало с официальным предназначением – готовить идеологических работников, для которых стремление мыс-

виях откровенной Гражданской войны историческое образование не считалось ненужным, невольно задаются вопросом: почему сейчас в условиях провозглашаемой «стабилизации» историческое образование обречено на ликвидацию? Но вопрос остается кулуарным, негромким. Переживая свою обреченность, историки по усвоенной профессиональной привычке готовы обосновать ее «историческими закономерностями» и вновь оказаться жертвами исторических обстоятельств.

* «Заметим, что речь идет не только, а во множестве случаев и не столько о реализации полученных шансов в той или иной профессиональной среде, но об образовании как определенном ресурсе личностного развития» [14, с. 19–37].

** На факультетском значке прежде был девиз: *Historia magistra vitae est*. В апреле 2012 г. на рекламном буклете исторического факультета ИГУ появился лозунг, откровенно сказавший миру о предназначении не только факультета, но и исторического знания в целом. Новый девиз нескромно обнаружил случившийся ценностный сдвиг и ясно выразил современную парадигму: идея управления утверждается ныне в качестве доминанты: «Через познание прошлого к управлению будущим!». Летом 2012 г. он выглядел так: «Через познание прошлого к проектированию будущего!». На сайте исторического факультета в ноябре того же года был представлен еще один вариант утилитарного использования истории: «Через познание прошлого к успеху в будущем!» [4].

лить самостоятельно было нежелательным. Здесь проходила неявная граница предпочтений, и чувствовалось подспудное противостояние ценностных ориентаций историков, которое спустя десятилетия воспроизводится в нынешних воспоминаниях выпускников. История и идеология могли оказаться полем внутреннего конфликта, в котором происходило личностное и профессиональное самоопределение студента.

Структура знаний об истории в то время была основана на формационном подходе, присутствовавшем в традиционной периодизации: первобытное общество, древний мир, средние века, новое время, новейшая история. В таблице представлен перечень учебных дисциплин, которые должен был прослушать и сдать студент за пять лет своей учебы*.

Таблица
Учебные дисциплины, обязательные для изучения студентами исторического факультета ИГУ

Блоки дисциплин	Предметы	Время в семестрах
Общественно-политические дисциплины	История КПСС	Четыре семестра
	Научный коммунизм	Два семестра
	Политическая экономия капитализма	Один семестр
	Политическая экономия социализма	Один семестр
	Диалектический материализм	Один семестр
	Исторический материализм	Один семестр
	История философии	Один семестр
	Комсомольское строительство	Один семестр
	Также до 1974 г. были научный атеизм, этика или эстетика	Один семестр

Важным событием в подготовке историков была музейно-архивная практика: пятикурсники один месяц, обычно октябрь, проводили в Москве, Ленинграде, знакомясь с памятниками изученной истории. Традиция образовательных путешествий, бытовавшая в европейских университетах в XVIII–XIX вв., получала своеобразное выражение в этой поездке.

Учеба на историческом факультете завершалась защитой дипломной работы**, государственными экзаменами по истории КПСС и по научному коммунизму.

Поскольку исторические факультеты советских университетов считались идеологическими структурами, образование было ориентировано еще и на воспроизводство идеологии: изучение постановлений партийных

* В середине 1970-х гг. менялись образовательные программы, перечень дисциплин, а также время их изучения. Отмечаются некоторые различия в воспоминаниях выпускников первой и второй половины того десятилетия.

** Вместо дипломной работы тогда можно было сдавать государственный экзамен по истории СССР.

Преподаватели и выпускники факультета. 1988 г.

съездов, пленумов, способность передать основные идеи этих документов, умение выступать по политико-идеологическим вопросам. В экзаменационных билетах не только по общественно-политическим дисциплинам, как правило, были вопросы, проверявшие знания решений очередного съезда или пленума ЦК КПСС. Формальная обязательность такого правила обычно переводила это в разряд автоматически выполняемых рутин, почти не задевавших сознание и не перегружавших память.

Граница между идеологией и историей была очень зыбкой, размытой и не всегда заметной. Особенно сложно было разделить их в тех учебных курсах, где революционная деятельность, развитие социалистического и коммунистического движения, эпоха империализма были реалиями исторического периода. Например, в «Истории СССР эпохи империализма» было семинарское занятие по работе В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Однако это нельзя считать безусловно идеологическим фактом.

Структура исторического знания представлялась более сложной, отражала многовариантность взглядов и оценок, даже если это передавалось в форме «критики буржуазных фальсификаций». Например, в сохранившихся конспектах лекций по вышеназванному предмету с упомянутым семинаром был небольшой историографический очерк, где наряду с ленинским подходом указаны «бело-эмигрантские», модернизационные трактовки истолкования российского империализма. В списках литературы по предмету, кроме работ классиков марксизма-ленинизма, были мемуары, дневники, переписка государственных деятелей царской России.

Благодаря этому создавалась возможность для самостоятельного прочтения, размышлений и истолкования истории. Тем самым формировалось так называемое историографическое чувство*, которое учит понимать, что любое высказывание или текст обусловлены какими-то историческими обстоятельствами, рождены в контексте определенного времени и их нельзя

* Из интервью студента 1971–1976 гг.

истолковывать вне этих обусловленностей. Это могло оказаться инструментом для отделения истории от идеологической догматики, оперировавшей непререкаемыми лозунгами.

В 1970-х гг. студенты узнавали науку историю не только на лекциях и семинарах. На факультете тогда действовали учебные лаборатории. В них приобретались производственные навыки полевой работы и обработки материалов, собранных во время летних экспедиций.

Крупным структурным подразделением, существовавшим в рамках кафедры всеобщей истории, была лаборатория археологии и этнографии. Археологи по роду своей деятельности оказывались динамичными людьми, в меньшей степени связанными с обязательной идеологией. По сравнению с некоторыми сферами знания, представленными на исторических факультетах, археология воспринималась как точная наука, имевшая обязательные исследовательские методы, занимавшаяся типологизацией материальных, земных, а не эфемерных артефактов. Исследовательская атмосфера, складывавшаяся в лаборатории, располагала к обсуждению неоднозначных исторических фактов.

При кафедре истории СССР действовала лаборатория истории Сибири. В 1970-е гг. там обрабатывали записанные во время летних экспедиций воспоминания старожилов о Гражданской войне, коллективизации. Вот как видится ныне та деятельность: «...в 60-х гг. на историческом факультете Иркутского университета в лаборатории истории Сибири при кафедре истории СССР под руководством научного руководителя лаборатории С. Ф. Ковалюк началась работа по сбору воспоминаний старожилов Восточной Сибири об их участии в событиях истории страны в 1-й пол. XX в. Об этой работе не упоминается ни в одном из историографических обзоров, посвященных устной истории. Основная причина, видимо, в том, что она выбивалась из ряда традиционных и не встречала понимания и признания в научной среде, в среде коллег, поскольку Семен Федорович неоднократно говорил сотрудникам лаборатории, <...> что работу оценят через десятилетия, что «мы, – как он говорил, – работаем на будущее»*.

В 1978 г. при кафедре всеобщей истории открылась лаборатория востоковедения. В воспоминаниях ее руководителя Владимира Павловича Олтаржевского представлена история ее создания: «Всегда у нас здесь существовал интерес к близлежащим странам, особенно к Монголии, Китаю,

* «Противоречивую роль играл тот факт, что эта работа велась из года в год как историко-этнографическая практика студентов при лаборатории истории Сибири. С одной стороны, статус работы как научно-вспомогательный (который имела лаборатория) способствовал меньшей «опеке» со стороны надзирающих органов и оперативному простору: распространению на все новые территории огромного региона. В научном плане сбор воспоминаний не рассматривался на факультете как конкурент какому-либо направлению. Благодаря этому экспедиции по сбору воспоминаний продолжались год за годом, десятилетие за десятилетием. Однако плюсы низкого статуса обратились в минусы, когда с завершением работы встал вопрос о подготовке сотен тетрадей с воспоминаниями к публикации. Стало очевидным, что эта работа держалась, прежде всего, на железной воле Семена Федоровича и поддержке заведующего кафедрой истории СССР В. Т. Агалакова в связи с его научными интересами, а также доцента В. П. Шахерова и ряда других сотрудников» [13, с. 28].

Японии, Корею, к Тихому океану, к Аляске. Вот те сферы, которые всегда интересовали иркутян, думающих, читающих, соперничающих. <...> В составе лаборатории востоковедения объединялись на добровольных началах преподаватели, аспиранты и студенты исторического факультета, специализирующиеся по востоковедной проблематике»*.

Исторический факультет в 1970-е гг. также предоставлял возможность для работы учебных кружков. Наиболее знаменитым был кружок международников. Там студенты, занимавшиеся под руководством Мирона Акимовича Бендера, могли готовить и читать через общество «Знание» лекции на промышленных предприятиях, на фермах, в школах и институтах**.

Тогда существовал кружок медиевистов, которым руководил Владимир Павлович Олтаржевский. «Увлечение студентов средневековьем иногда меняло жизнь студентов коренным образом: философия и культура средневековья настолько увлекли одну из участниц кружка, что даже после окончания университета она не оставила свое увлечение <...> две участницы кружка стали кандидатами исторических наук, обе занимаются преподавательской деятельностью, в том числе читают курсы по истории средних веков <...> Что привлекало студентов? По воспоминаниям одной из участниц, «было интересно собираться вне аудитории, общаться с друзьями. Работа в кружке дисциплинировала, и сейчас понимаю, что многому научила» [10, с. 147].

* «Я думаю, мы всегда должны помнить о том, что во главе нашей кафедры в период ее создания стоял человек, который вообще является создателем целого направления в нашей науке, в организационных структурах нашего факультета. Я имею в виду Сергея Владимировича Шостаковича, нашего общего учителя, который был востоковедом и по образованию, и по объему своих знаний, формально – по своей докторской диссертации. Это тоже тот фундамент, на котором строилась наша лаборатория востоковедения. Я не могу также не отметить того обстоятельства, что формирование существующего востоковедного центра в Иркутском университете связано с именем Владимира Вячеславовича Свинина. Он уже в те годы интересовался Монголией. Помнится, на четвертом этаже у него была маленькая комнатка, называвшаяся «монголоведный кабинет». В одной из наших бесед он как-то коснулся возможности организации центра изучения стран Востока. Кроме того, у нас к тому времени уже возникло на кафедре направление, представленное нашими коллегами, которые посвятили востоковедным проблемам свои выполнявшиеся тогда диссертации <...> Но было еще одно обстоятельство: для оформления нашей проблематики мне пришлось ехать за ее согласованием в Москву, в Институт востоковедения Академии наук. Южная часть Тихого Океана, Австралия, Океания, Новая Зеландия – это входило и входит до сих пор в структуру Института востоковедения. Ким Владимирович Малаховский, известный специалист в области международного права, специалист по проблемам Австралии и Океании, в то время зам. директора Института, благословил нас на совместную работу в этом направлении» [8, с. 5–6].

** «О серьезности кружка международников говорит и сотрудничество с такими структурами, как обком ВЛКСМ, общество «Знание», комитет комсомола ИГУ <...> Международники работали в двух направлениях: лекционная и научно-исследовательская работа <...> Индивидуальная работа кружковцев сводилась к разработке своей научной темы, поиску литературы по ней, реферированию журналов и выборке наиболее важных и интересных на его взгляд материалов, которыми кружковец делился с коллегами (в кружке эта работа получила название «библиография»). Большое внимание руководители кружка уделяли развитию лекторских навыков у студентов <...> Причастность не только к коллективу, но и доступ к закрытой или малоизвестной информации будоражили и давали ощущение своей избранности. Действительно, кружковцы получали некоторую информацию из специальных информационных бюллетеней, так называемых «атласов», доступ к которым для простых студентов был ограничен. Возможность получить дополнительный доход, которую предоставлял кружок, также способствовала его популярности» [10, с. 148].

Лаборатории и кружки давали студентам возможность общаться вне учебных групп. Кроме того, они могли ввести в будущую профессию и давали прямой выход в жизнь, во внеуниверситетские сферы. Например, международникам приходилось выступать с лекциями о международном положении в разных трудовых коллективах. Это зачастую было трудным испытанием: воспринятый как идеологический работник студент должен был как-то справляться с не вполне доброжелательным настроением слушателей.

Межкурсовые контакты укрепляли общефакультетскую среду общения, способствовали передаче информации, опыта, студенческих преданий или легенд. Это могло стать фундаментом своеобразной мифологии, которая необходима для формирования сообщества. Огромную роль в этом играли стенгазета «Папирус» и праздник историков «Геродот».

«Папирус» редактировали археологи. Остроумное веселье, без заумных парадоксов, не переходящая в сарказм легкая насмешка над «злободневными» проблемами факультета, талантливые стихотворные экспромты и вполне профессиональное художественное оформление – все это делало событием каждый выпуск стенгазеты. В воспоминаниях выпускников остались некоторые эпизоды, связанные с «Папирусом». Запомнился юмористический фоторепортаж о работе в овощехранилище. «Борьба» деканата с прогулами занятий была отражена в карикатуре, где декан и заместитель декана пытались вытянуть карету, застрявшую на ухабистой дороге.

Причастность к сообществу историков ярче всего присутствовала в празднике историков «Геродот», проводившемся в конце марта, в дни школьных каникул, чтобы уехавшие в разные места выпускники могли собраться на нем. Центральным мероприятием была церемония посвящения первокурсников в историки. Пройдя ее, они зачислялись в «племя потомков Геродота». В этом празднике содержались многие элементы традиционной игровой культуры: своеобразная инициация в виде прохождения через испытания, обязательная клятва, чтение летописи факультета о событиях прошедшего года, ритуалы причащения и посвящения томом «Всемирной истории», который главный магистр «возлагал» на голову каждому первокурснику, обязательное пение гимна *Gaudeamus*. Карнавальность этого действия выражалась академическими мантиями «магистров», амбивалентностью представлений, в которых студенты играли наряду и наравне с преподавателями. Здесь не было места официальной идеологии. Более важной и живой оказывалась идея корпоративности, восходящая к средневековым университетам**. Дух демократизма и некоторой патриархальности, который выпускники 1970-х гг. называют отличительным признаком исторического факультета, в значительной мере формировался «Геродотом».

* Деканом тогда был Петр Харлампиевич Гребнев, заместителем декана – Матильда Петровна Петрушина.

** В середине 1970-х гг. фирма грамзаписи «Мелодия» выпустила пластинку с песнями Д. Тухманова «По волнам моей памяти». Запомнившаяся песня «Во французской стороне, на чужой планете / Предстоит учиться мне в университете...» была очень популярна среди студентов и в чем-то созвучна атмосфере праздника историков.

Первомайская демонстрация

По прошествии нескольких десятилетий трудно реконструировать природу отмеченного демократизма и понять свойства той патриархальности. Социальное происхождение студентов, обстоятельства и среда их воспитания в какой-то мере могут прояснить это. Большинство студентов и преподавателей исторического факультета 1970-х гг. были из небольших городов, поселков городского типа и сел, сохранявших черты деревенского уклада. Даже Иркутск – областной центр – в 1950–1960-е гг. еще не утратил их. Улица, двор, компании сверстников были естественной средой обитания детей и подростков^{*}. В ней считалось позорным быть «единоличником». Узнаваемое в школе слово «индивидуалист», применявшееся на уроках литературы к «лишним людям», тоже содержало в себе что-то достойное осуждения, неприятное^{**}. И хотя по этому поводу возникал в определенном возрасте конфликт с самим собой и с миром, все-таки еще оставалась привычка быть в коллективе. Природная общинность естественно и неосознанно усваивалась в такой среде. Кроме того, школьное воспитание формировало навыки общественной работы, которая могла к окончанию школы показаться призванием, привести выпускника на исторический факультет и реализоваться здесь.

В те годы много значили так называемые общественные начала. В них все более заметными становились различия между официально-пропагандистскими декларациями, с одной стороны, и стихийно усвоенным соци-

^{*} В интервью и текстах воспоминаний студенты тех лет иногда так говорят о себе: «Для меня, девочки с городской окраины...», «Мое, так сказать, пролетарское происхождение».

^{**} В памяти сохранились слова честной и любимой учительницы литературы: «Индивидуалист – бойтесь этого слова. Если про Вас кто-то скажет так, знайте, что он сказал что-то очень плохое», и вспоминалась их важность для внутренних переживаний студента 1970-х гг.

альным инстинктом, негласно проявлявшемся в стремлении к совместному бытию в каком-то сообществе, – с другой.

Кружки, лаборатории, экспедиции позволяли реализоваться социальным импульсам студентов и преподавателей вне идеологического официоза. Спустя тридцать лет это вспоминается так: «На нашем историческом факультете всегда была какая-то демократическая обстановка, она проявлялась и в отношениях между преподавателями и студентами. Но Лаборатория и потом ЦАТИ* подняли этот демократизм на какой-то новый уровень <...> Это было какое-то сообщество, сообщество единомышленников, сообщество людей, которые хотят заниматься, которые действительно жаждут каких-то новых знаний <...> Причем если вспомнить те времена, то никакие деньги не играли никакой роли <...> У нас просто было желание поделиться тем, что мы знаем, и знать то, чего мы не знаем. У нас всегда сохранялось желание общаться именно на уровне обмена научной информацией, и это было одним из главных достижений нашего Центра» [11, с. 21–22].

На «общественных началах» формировалась библиотека лаборатории востоковедения: добровольные взносы объединившихся в ней преподавателей позволяли по тематическим планам издательств «Наука», «Мир» и других выписывать необходимые книги, минуя административные структуры университета и факультета. На «общественных началах» археологи самостоятельно выстраивали экспозицию своего музея, выполняя необходимые ремонтно-конструкторские работы. Это давало навыки ответственного отношения к профессии и самостоятельного обустройства сферы своей деятельности вне официально-идеологического пафоса.

Официальная общественная деятельность осуществлялась в рамках комсомольской работы, однако она тоже не была однозначно идеологической, целиком подчинявшейся «принципу демократического централизма». Социально ориентированная искренняя ответственность проявлялась в этой сфере наряду с конъюнктурно-карьерными устремлениями, в которых преобладал индивидуалистический расчет. Судя по воспоминаниям, здесь отчетливо обозначался еще один ценностный конфликт, который много значил на историческом факультете в 1970-х гг.

Рассматривая ценностные ориентиры историков 1970-х гг., которые воспроизводятся в нынешних высказываниях, можно заметить, как все более явным становилось предпочтение жизни без официоза и вне официоза. Оно противопоставлялось еще не иссякшей тенденции к официально-идеологической и партийной карьере, которая уже не рассматривалась как безусловная и единственная ценность. Реализация человеческого достоинства, свободы познания и действий вне административно-управленческих структур для многих была более ценной, чем властвование.

В интервью выпускников исторического факультета 1970-х гг. часто возникало противопоставление карьеризма и научной любознательности. Первое чаще всего воспринималось как стремление продвинуться вверх

* Лаборатория востоковедения в начале 1990-х гг. была преобразована в Центр азиатско-тихоокеанских исследований (ЦАТИ).

по партийно-комсомольской или профсоюзно-административной лестнице, где исторические знания не являлись обязательным условием профессионального, личностного роста и не составляли смысл деятельности, жизненного успеха. В таком случае студенческое изучение истории могло ограничиваться усвоением официальной версии и умением имитировать речевые практики, предназначенные для воспроизводства идеологии. Интеллектуальное развитие было нацелено на существование в управленческой партийно- административной среде, которая определяла мотивацию и смыслы жизнедеятельности тех, кто включался в этот круг. Собственное возвышение и извлечение выгоды из использования других управляемых людей воспринимались как негласная основа карьеризма.

Противоположностью карьеризма представлялась научная любознательность. Ее крайним проявлением оказывалось своеобразное подвижничество, когда индивидуальный интерес к исследуемой исторической проблеме, тщательное и кропотливое познание ценились выше, чем быстрое получение научной степени за счет «проходных», но казавшихся скучными историко-партийных или общественно-политических тем. Стремление понять сокровенную суть явлений истории, прийти к подлинному, а не профанированному знанию совмещалось с поисками «своего голоса»*. Все это было осознанным условием личностного становления и роста или бессознательно-интуитивным выполнением индивидуального призвания, происхождение которого часто оставалось неясным самому «подвижнику». В таком случае интеллектуальное саморазвитие определялось профессиональной научной средой, чье признание было большей ценностью, чем внешние показатели быстрого карьерного успеха. Между ними располагалось широкое поле «просто жизни», где ориентиры задавались не карьерой или научным подвижничеством, а житейскими обстоятельствами и признанием ценности самой жизни, вне науки или служебно-властных успехов.

Существование таких противоположных ценностных миров, находившихся в не проговариваемом, но всегда подспудно имевшемся конфликте, во многом определяло социальную жизнь как бы «бесклассового» советского общества. Оно выражалось среди историков 1970-х гг. во взаимном приглушенном напряжении, не всегда переходившем в антипатию между условно выделенными «карьеристами» и теми, кто предпочитал иные сферы и способы деятельности. Но это бытовало под покровом обычной текущей жизни, в очень плотном переплетении жизненных условий и условностей, личностных привязанностей или неприятий, в ткани времени и судьбы и не стало очевидным даже тогда, «когда погребают эпоху», в 1991–1992 гг., в момент казавшегося освобождения от былой идеологии и прежних иерархий. Возможно, дух отмеченной патриархальности сглаживал многие потенциальные конфликты, не позволяя проявиться ни диссидентскому нигилизму, ни крайностям идеологических расправ .

* «Свой голос» – так назывался альманах, недолго издававшийся в Иркутске в начале 1990-х гг. Название, по мнению одного из его основателей, выпускника исторического факультета 1970-х гг., отражало желание обрести свой голос и говорить своим голосом.

Выбор историко-партийной специализации чаще всего воспринимался студентами 1970-х гг. как «карьеризм». Его основой было усвоение существовавших норм партийного поведения и образцов идеологической, квазинаучной речи. Он предполагал показную, демонстративную имитацию деятельности, не задававшейся вопросом о ее человеческих смыслах. Воспроизводство политической ортодоксии осуществлялось через шаблонные темы дипломных работ или диссертаций и не допускало настоящей новизны, выходящей за разрешенные рамки. Здесь не нужно было знание иностранных языков, чтение книг зарубежных авторов. Профессиональный рост зависел от степени конформизма и способности действовать по заведенному распорядку, воспроизводя установленные образцы. Это могло обосновываться идеалами искреннего служения делу, верой в оправданность своих властных привилегий, но могло сопровождаться и неременным управленческим цинизмом.

В лаборатории археологии, условном антипode «карьеризма», вдохновляющим ориентиром был идеал научности. Наука обозначала выход к какому-то подлинному, не профанированному знанию, к тому, чтобы быть профессионалом, а не имитировать это. Кропотливый труд «в поле» и длительная камеральная обработка найденных материалов, упорное освоение текстов на чужом языке требовали больших усилий и не предполагали быстрого успеха. Своеобразное подвижничество и самоотверженность вдохновлялись каким-то внутренним инстинктом мастерства, стремлением сказать новое слово в науке или счастьем заниматься любимым делом в пусть не совсем комфортной, но зато своей среде.

Очень часто выявленное разделение воплощалось в реальном физическом движении или неподвижности. Дух научности подразумевал открытость мира, постоянные перемещения в пространстве: в столице были библиотеки, архивы, головные институты и узкие специалисты, например антропологи. Кроме того, необходимо было знание зарубежной историографии или иностранных коллекций, поскольку археологические культуры, например, не вмещались в пределы случайных политических границ. Карьеризм, прежде всего, ориентировался на сибирский материал, на местный вариант карьеры и не предполагал контактов с опасной границей.

Однако юношеская крайность мнений со временем сглаживалась жизненными обстоятельствами и житейским опытом. Стремление к карьерному успеху с течением лет вдруг становилось неактуальным и сменялось научной любознательностью, уводившей от шаблонов партийно-исторической тематики к глубоким, профессиональным занятиям российской политической или социальной историей. Студенческий ригоризм и готовность отказаться от материальных благ ради занятий любимой наукой в сообществе единомышленников со временем могли превратиться в повседневную рутину, гасившую импульсы достижения не только карьерного, но и научного успеха.

Схоластика и идеология, неизбежные спутницы учебы на историческом факультете, неизбежно отступали в тень, когда студенты были на «картош-

Студенты и преподаватели исторического факультета ИГУ. Фото 2013 г.

ке», работали в овощехранилище^{*}, выезжали в строительные отряды или выходили на практику. Именно здесь наука прямо соприкасалась с житейской реальностью, и чаще всего именно жизнь становилась в такое время главной наставницей. Работа вожатым в пионерском лагере давала опыт общения с детьми. Комсомольская практика в райкоме позволяла увидеть формальные будни официально-идеологической работы. Еще более запоминающиеся уроки жизни давала летняя археологическая и историко-этнографическая практика. Здесь студенты узнавали жизненные истории, человеческие судьбы, слышали непосредственные повествования очевидцев и участников многих событий, о которых читали в учебниках и книгах.

То, что в схоластической истории передавалось как историческая закономерность, неизбежность, логичный результат развития, в рассказах о прожитой жизни оказывалось страданиями или мужеством, муками или радостями, злом или добром. Такая наука нарушала бесстрастность и беспристрастность историко-идеологических объяснений, могла научить сопереживанию, сомнению и сопротивлению. Для самоопределения молодого человека это было важным жизненным вызовом, требовавшим отклика, суждения и, может быть, переоценки ранее приобретенного знания.

В те времена важным ресурсом науки истории и науки жизни, которым, в числе прочих, неявно обладал исторический факультет, было разнообразие жизненного опыта его преподавателей и студентов. Разновозрастное студенчество тех лет между школой и университетом зачастую также име-

^{*} Как правило, студентов-историков направляли «в колхоз» в село Горохово. В сентябре они могли трудиться на уборке картошки или морковки. Запомнилась также работа на станции Кая, в овощехранилище, что позволяло студентам, проживавшим в общежитии, сделать запасы овощей впрок.

ло армейский или рабочий стаж. Поскольку существовала система рабочих факультетов, на каждом курсе наряду со вчерашними школьниками учились и люди с некоторым внеучебным опытом.

Старшее поколение преподавателей, как правило, проходило сложный лабиринт жизненного пути, включавший разнообразные профессиональные занятия и неоднократные перемещения на значительные расстояния в географическом пространстве. Скорее исключением, чем правилом для них было поступление в университет сразу после школы. История была для них не столько наукой, сколько тяжелыми и трагическими обстоятельствами их жизни. Такое жесткое и неотвратимое слияние истории с личными судьбами к 1970-м гг. начнет разделяться, оставляя возможность для отстранения и взгляда со стороны на тектонику пережитых событий.

В 1970-е гг. в жизнь исторического факультета входило поколение тех, кто родился после войны, между 1946–1953 гг., и для кого становилась нормой прямая дорога из школы в студенческую среду, а после аспирантуры – в преподаватели. Однонаправленная специализация могла повысить исследовательскую квалификацию преподавателя, способствовать быстрому академическому росту. Но вместе с тем могла усилиться схоластичность исторических знаний, заранее ограниченных идеологическими рамками и довольно далеких от жизни. Установившееся к тому времени затишье после исторических катаклизмов первой половины XX в. укрепляло веру в предсказуемость и стабильность будущего, в естественную возможность профессиональной реализации в рамках партийно-идеологической парадигмы или в поиске иных образов истории. В одном случае нормы задавались идеологическими стандартами, в другом – внутренними поисками «чистой» научной истины вне идеологии.

Профессионализм становился проблемным полем, где происходило самоопределение историков и осуществлялся выбор между разными представлениями о научности их занятий. Здесь содержался еще один образовательный ресурс, которым располагал исторический факультет: разнообразие образов истории*, определявшихся личностными качествами преподавателей.

Кроме того, исторический факультет играл значительную роль в формировании среды дружеского общения, своеобразной сети профессионально-приятельских связей. Они сыграли большую роль после окончания университета, облегчая многим выпускникам поиски места работы. Также факультет оказался местом решения матримониальных задач: семейные

* Современные исследователи так определяют понятие «образ истории»: «это не вся «прошедшая история», и не все «историческое знание», а субъективное видение и интерпретация хода истории, часть мира человеческих представлений, а именно представлений о прошлом. Поэтому «образ истории» всегда является упрощенным толкованием прошлого из перспективы настоящего. При этом он ориентирован на современность, поскольку именно она задает параметры, по которым оценивается прошлое, отбирается все «значимое». Можно сказать, что прошлое актуализируется настоящим и, следовательно, является динамичной составляющей исторической культуры современного общества. В синхронном срезе культуры могут существовать несколько «образов истории», что свидетельствует о многослойности исторического сознания, которое содержит в себе изменчивость человека и его истории, а также признание воздействия истории на настоящее и будущее» [1, с. 16–17].

пары историков 1970-х гг. были многочисленными, и их дети в 1990-е гг. приходили учиться сюда же.

Таким образом, в 1970-е гг. для студентов все, что было приобретено в образовательном пространстве исторического факультета, не ограничивалось только лекционными и книжными знаниями. Образование происходило также и вне аудиторных занятий. Оно создавалось насыщенной средой общения, характером межличностных коммуникаций, ценностными приоритетами, внутренними конфликтами личностного самоопределения. Факультет множеством связей был включен в образовательную, идеологическую, академическую, культурную жизнь города, а экспедиционная работа «забрасывала» студентов и преподавателей в разные районы Иркутской области. Непосредственное соприкосновение с жизнью неявно, но мощно влияло на становление историков.

Список литературы

1. Бобкова М. С. «Historia Pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества / М. С. Бобкова. – М. : ИВИ РАН, 2010. – 329 с.
2. Историк и общество: отечественное англоведение. 1917–1991 гг. – М. : ИВИ РАН, 2008. – 320 с.
3. Историческая наука в современной России // История : электрон. науч.-образоват. журн. – М., 2010. – Вып. 1. – 216 с.
4. Исторический факультет Иркутского государственного университета. – Иркутск : Оттиск, 2012. – 57 с.
5. Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004. Очерк истории. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2004. – 390 с.
6. История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 510 с.
7. Как изучают историю в высшей школе: опыт, перспективы, дискуссии. – М. : ИВИ РАН, 2007. – 383 с.
8. Олтаржевский В. П. Центру Азиатско-Тихоокеанских исследований – тридцать лет // Россия и Восток: взгляд из Сибири. – Иркутск, 2010. – С. 4–12.
9. Репина Л. П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв. – Челябинск, 2011. – С. 21–36.
10. Россова А. Эволюция студенческих кружков и организаций на истфаке ИГУ // Наши университеты. Студенты : альманах-исслед. – Иркутск, 2010. – С. 145–150.
11. Савельева Л. П. Центру Азиатско-Тихоокеанских исследований – тридцать лет // Россия и Восток: взгляд из Сибири : Всерос. науч. конф., посвящ. 30-летию Центра азиат.-тихоокеан. исслед. ИГУ (Иркутск, 19 дек. 2008 г.). – Иркутск, 2010. – С. 21–22.
12. Сидорова Л. А. Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки: историограф. вестн. 2004. – М., 2005. – С. 208–223.
13. Соломон Е. Ш. Устная история: опыт работы лаборатории истории Сибири ИГУ и музея истории ИрГТУ // Человек на Востоке и Западе: взгляд из Сибири. – Иркутск, 2012. – С. 28–39.
14. Шмидт С. Ф. Гуманитарное образование: университетские нормы и жизненные шансы // Наши университеты. Факультеты ненужных вещей? Качества и смыслы гуманитарного образования. – Иркутск, 2011. – С. 19–37.

Часть 2
«Учителей своих не позабуду.
Учителям своим не изменю»

В. А. Гаврилов

Так карта легла – советская...

В 1957 г. по окончании 3 курса Черемховского горного техникума в результате нелепой травмы я потерял зрение. С июля по декабрь окулисты сшивали и штопали остатки сохранившегося правого глаза, а в декабре я пришел забрать в учебной части свои документы. Постучал, как было принято тогда – попросили подождать. Стою в коридоре. Тишина. Лишь с улицы слышен шум проезжающих автомобилей и вдруг раздается быстрый цокот каблучков. Испуганно прислушиваюсь: не приведи Господь кого-то из преподавателей – стыдно за свою безалаберную трагическую оплошность. И слышу незабываемый серебряный голос Лидии Ивановны Бойкевич, преподававшей нам высшую математику.

– Валя, здравствуй! Наслышана о твоём несчастье, рада, что будешь продолжать учебу.

– Да не буду я завершать, – полуслезно говорю я. – Пришел забрать документы.

– Ты что? Сдурел что ли? – удивляется она.

– А кому я теперь нужен? – риторически возражаю я. – Ни в шахте, ни в конторе мне работы не найдется. Учиться-то смысла нет.

– Глупенький, – искренне удивляется она. – Ты не понимаешь, что значит диплом техникума. С ним ты можешь поступить в институт, получить другую специальность. Ты ведь – не глупый человек – можешь учителем работать.

Так препирались мы не одну минуту. Лидия Ивановна заметно взволновалась, тут же открыла дверь учебной части и с порога сказала: «Не отдавайте Гаврилову никаких документов. Мне сейчас некогда – я с ним завтра разберусь». Только на послезавтра сломила она мое тупое упорство, убедила, что учебу надо довести до конца!

Не найдя себе пристанища в Черемхове, я уехал к родителям в одну из самых глухих деревень Зиминского района и провел там три года в горьких раздумьях о своей нескладной доле, о безвыходности своего положения. Пытался устроиться на работу в общество слепых – не получилось. В те годы предприятие слепых еще не набрало силы, не имело ни общежития, ни стабильных заказов, ни достаточных производственных площадей. Горько разочарованный, удрученный, я снова возвратился в свое родное Толмачево и еще крепче закручинился. В конце концов, пришлось внять совету Ли-

дии Ивановны, стал готовиться к поступлению на историческое отделение историко-филологического факультета Иркутского госуниверситета.

Что мог предъявить я экзаменаторам университета, какие активы имел? Неплохое знание русского языка, обретенное в Новоникольской семилетней школе Зиминского района, и школьный курс истории СССР, формально, поверхностно преподаанный нам в техникуме. Личным увлечением историей я в то время тоже не страдал. Поэтому знал лишь самые главные, опорные события отечественного прошлого. <...> И вот август 1961 г. Я на третьем, заключительном для меня, испытании по профильному предмету, по трудной и страшной истории СССР. Конкурс – более шести человек на одно место. На четырех экзаменах надо набрать не менее 18 баллов. У меня экзаменов три: освобождение от проверки по иностранному языку. Следовательно, надо набрать баллов четырнадцать, но никак уж не менее тринадцати. А я уже успел получить две четверки по сочинению и русскому. Следовательно, к восьми набранным баллам должен быть высший балл, не менее. Только тогда у меня будет пусть и не гарантированная, но все же надежда на зачисление. Положение, как ни посуди, аховое: места не нахожу, не сплю. А тут еще и полное безденежье приспело. Каждый день только кипяточек с сахаром и хлебом – ничего кроме. Три рубля семьдесят копеек держу в неприкосновенном запасе: это на железнодорожный билет от Иркутска до Зимы. «Проел» оставшиеся копейки – и выход только один: уезжать сегодня, сразу после экзамена. Ждать, пока остальные сдадут иностранный язык, пока вывешат списки зачисленных в университет, невозможно: не доживу.

Конечно же, крайнее нервно-психическое напряжение. Конечно же, судорожные попытки выцепить что-нибудь из необъятной исторической каши. Конечно же, не самостоятельно, а при помощи ставших знакомыми абитуриентов. Но все вразброд, клоками, случайно. А вот кто помог мне по-настоящему, так это Николай Дорохов. Он только что пришел из армии, поступал на отделение журналистики, он умным и внимательным взглядом определил, что мне нужна помощь, предложил полистать учебник истории СССР для 10 класса: от эпохи империализма, до «победы» социализма в СССР. Без комментария понятно, какой радостью стало для меня это предложение. Николай историю, конечно, знал неплохо. Вообще, начал готовиться к поступлению еще в армии. В общем, немного поднатаскал меня в датах и событиях. И вот с таким скудным кошелечком знаний я предстал ареопагу экзаменационной комиссии во главе с Виктором Трофимовичем Агалаковым.

Вхожу в аудиторию среди последних, поднял первый попавшийся руке билет, прошу прочесть вопросы. Вопросы не трудные, любой бы из абитуриентов ответил на них хорошо, но мне-то нужен был высший балл. А откуда ему взяться, если итоги первой пятилетки я знаю только как ДнепроГЭС, Турксиб и Магнитку?! Ни показателей выплавки чугуна и стали, ни числа произведенных в СССР тракторов и комбайнов, ни массы других показателей и цифр из учебника я не помню. Вдобавок к этому о Сталинградской битве я, к своему ужасу, тоже вспомнить не могу очень-очень многого. Понял, что отвечать не стоит. Решил сдать билет комиссии и отправляться на

вокзал. Экзаменатор удивляется и предлагает попытать счастья в другом билете. Не верю в удачу, но почему-то беру билет второй раз. Попросил огласить вопросы и окончательно попрощался с надеждой на университет. Жду, когда подойдет очередь моего ответа, спокойно и ровно говорю: «Не надо оваций: графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы», экзаменующая обращается к председателю комиссии:

– Виктор Трофимович, молодой человек брал два билета, а отвечать тем не менее отказывается. Как с ним быть?

– А вы отправьте его ко мне с первым билетом.

Умный, опытный, познавший и жизнь, и людей, он сразу сообразил, что первый билет ответить легче: что в этом авантюрном молодом человеке есть что-то, достойное внимания. И вот я перед этим гуру.

– Рассказывай, почему ты решил идти ва-банк? – спрашивает он.

Привожу ему мои соображения и слышу:

– Хорошо, а в первом билете что тебя смущает?

– Знаете, – говорю, – хоть у меня и техническое образование, почему-то не запоминаются цифры всего созданного в первой пятилетке. А без этого, мне кажется, пятерку не получишь.

– Но все-таки, все-таки, – настаивает он, – расскажи, что знаешь и о пятилетке, и о Сталинградской битве.

Подняв на него свое лицо, с непонятно откуда появившимся спокойствием, стараясь придать значительность своему рассказу, выкладываю, что помнится.

– Ну, и чего же было бунтовать? Главное ты знаешь неплохо. А с глазами у тебя что случилось?

И после моего ответа он говорит:

– Ничего, не падай духом. У меня тоже плохое зрение, а видишь, в университете работаю, наукой занимаюсь. Вот тебе экзаменационный лист. До свидания.

Мне думалось, он поставил тройку, ну, от силы – четверку, но не пятерку же! Значит, впустую были потуги. Лишь пижоном себя выказал. Сжигаемый презрением к себе, раздавленный происшедшим, протягиваю результат трем-четырем оставшимся в коридоре девицам и прошу сказать мне оценку.

– Пятерка! – вопят они. И я, не веря себе, едва осознавая, что надежда на зачисление еще имеется, иду к трамваю. Мне думается, что этот эпизод был свойственным для того времени: пусть не обязательным, но во многом все же характерным. Служить не по инструкции, а по совести, не проформу соблюдать, а смотреть в суть дела, входить в положение попавших в несчастье людей – как близко было это людям пятидесятых-шестидесятых годов! И доктор исторических наук Виктор Агалаков обладал такой душой в полной мере. Для меня он стал своего рода ангелом-спасителем, благородным, великодушным аристократом духа, вечным образцом человечности. Долгой и светлой памяти Вам, мой дорогой учитель!

Г. И. Медведев

**Аксенов Михаил Петрович –
археолог, учитель, человек
(путь от студента до доктора наук)**

В семейном неписаном предании Аксеновых значится, что их фамилия уходит корнями, по меньшей мере, в XVII в. к некоему Аксену из рода легендарного маньчжурского князя Гантимура, которому царевна Софья Алексеевна даровала дворянство. Эта линия по отцу Михаила Петровича Аксенова, Петру Михайловичу. По матери – Параскеве Дормидонтовне, в крови трех братьев Аксеновых – Эрика Петровича, Бориса Петровича и Михаила Петровича – гены знаменитого казацкого рода Шиловых. Шиловы в Советском Союзе были знамениты в разных ипостасях: от лихих забайкальских революционных казаков братьев Шиловых до художников, литераторов и дикторов Центрального радио и телевидения. Двоюродный дед Михаила Петровича, Дмитрий Шилов, вошел в повествования о событиях гражданской войны в России за Байкалом в образе литературного героя – Романа Улыбина из «Даурии» Константина Седых. Дед был в большой дружбе с С. М. Буденным.

М. П. Аксенов

Родословная у Михаила Петровича весьма увлекательная. И, видимо, много в его характере, в его достоинствах было от суровых и отчаянных предков. Родился Михаил Петрович 24 ноября 1934 г. в Иркутске. Он был третьим в семье, «младшеньким», как ласково говорили о нем старший и средний братья. Его все любили с детства. Так и вырос он общим любимцем. Учился в школе, занимался боксом у знаменитого Лейфера, баловался живописью. Судьба мотала его по землям и весям Иркутской области вместе с отцом, кадровым партийным работником. В 1953 г. окончил среднюю школу и пошел трудиться на Лисихинский кирпичный завод, где тогда работал его отец. С заводского двора призвался в Советскую Армию.

Служил в Забайкалье, служил как надо, исправно. После демобилизации в 1957 г. поступил на историческое отделение Иркутского государственного университета. В зиму 1957–1958 гг. активно общался со старшекурсниками историками, новоиспеченными археологами, работавшими в прошедшем летнем сезоне у М. М. Герасимова в Мальте и Усть-Белой. Вполне естественно, попал в списки «герасимовского» отряда 1958 г. и навсегда «прикипел» к археологии. Изящно сухой и мускулистый, с огромной копной иссиня-черных волос, с окладистой бородой, ловкий в движениях, рукастый в любом ремесле, неутомимый в лопатной работе и открытый в жизнерадостной веселости – он был похож на австралийского аборигена или южноамериканского серингейро. «Мишенька» сразу же очень понравился и начальнику отряда – М. М. Герасимову, и начальнику экспедиции Н. А. Логачеву. Это отношение к Михаилу Петровичу сохранилось у обоих начальников на всю жизнь.

Полевой сезон 1958 г. в Мальте и Усть-Белой был интересным и в профессиональной подготовке будущего археолога Михаила Петровича Аксенова – очень полезным и значимым. Раскопки в Мальте в тот год начались без Михаила Михайловича Герасимова под руководством В. В. Свирина, исполнявшего тогда роль научно-организационного заместителя начальника отряда. Месяц работали самостоятельно. Этот этюд самостоятельности «сработал» в 1959 г., когда на два месяца Михаил Петрович остался один на один с огромным раскопом и с 20-ю студентами-сотрудниками в Усть-Белой. В реальную научную помощь ему в тот год была только Галина Марковна Зайцева (Георгиевская), которая, как и он, впервые взялась за археологический труд в 1958 г. Михаил Петрович и Галина Марковна справились с работой прекрасно.

Можно сказать, что в 1959 г. кончились безвозвратно короткие «археологические детство и отрочество» М. П. Аксенова. Еще в зиму 1958 г. он женился на нашей студентке Алисе Назаровне Алиевой. Шафером на свадьбе был будущий его заведующий кафедрой С. В. Шостакович. Осенью 1959 г. родилась у него первая дочь – Татьяна. Отец был в поле, и лагерь в Усть-Белой отмечал этот выдающийся факт салютом из двух охотничьих ружей. Забот Михаилу Петровичу заметно прибавилось.

С 1960 г. начались будни археологической жизни Аксенова. Кончились прелести академических экспедиций. В дело с 1960 г. вступила ежегодная штатная археологическая полевая практика студентов, финансовые крохи выделялись из университетского бюджета, а интересы к расширению театра действий и объема археологических работ росли как на дрожжах. Все до одного «начальники» отошли от полевой археологической работы и остались мы в поле одни-одинешеньки. Вот тут и пригодились все те засевшие в памяти «костровые» рассказы и «застольные» беседы наших наставников. Помню прекрасно, как в 1960 г. у свежих стенок-разрезов раскопа до хрипоты спорили, выясняли, который же это слой по «Герасимову», «Логачеву», «Свинину» или по кому еще там... Золотая пора, когда недостаточность ум-

ственных соображений с необычайной легкостью восполнялась идиоматическими выражениями!

В 1960 г. начали копать Черемушник, который в ближайшем соседстве с Усть-Белой – на запад всего 1,5 км. Он почему-то очень волновал М. М. Герасимова. Мих. Мих. часто о нем говорил. В 1959 г. Аксенов и студенты шурфовали Черемушник. В 1960 г. М. П. Аксенов неустанно подбивал нас «сходить» и «копнуть». Копнули, вновь мало что поняли, но объект, как и у М. М. Герасимова, «запал» в душу. До сего дня стоит он нераспознанный, бередя археологическое воображение. Это не просто один из сюжетов экспедиционной жизни М. П. Аксенова и не потому введен, что в 1962 г. мы Черемушник вновь копали, а Михаил Петрович ездил с докладом о раскопках в Москву на Всесоюзную студенческую археологическую конференцию и потом еще дважды публиковал результаты работ. Дело в интуиции, его, Аксенова, археологической интуиции. Что-то его тянуло к Черемушнику. Но он так и не сказал, почему...

Работы на Усть-Белой и Черемушнике в 1961 г. были скомканы – предстояла большая археологическая разведка в зоне ложа будущей Усть-Илимской ГЭС. Двести двадцать верст от г. Илимска по р. Илим и восемьдесят по р. Ангаре до пос. Невон прошел отряд в шесть человек: М. П. Аксенов, Ю. Н. Егоров, Г. М. Зайцева, Г. И. Медведев, О. А. Роговской, Н. Н. Щербаков. Фактически отряд был студенческим, только Г. И. Медведев был аспирантом. Мы прошли с М. П. Аксеновым весь илимский маршрут пешком, заглядывая в каждый распадок, бродя по бесчисленным ручьям, обходя озера в тайге. Было зафиксировано более 70 объектов, из которых будущая Илимская экспедиция СО РАН СССР раскапывала только три объекта, не полностью, конечно. По иронии судьбы, на самом малоинтересном из всех местонахождений – в устье р. Илим – пришлось работать М. П. Аксенову в 1967 г.

В илимском маршруте неоднократно у костра возникали разговоры о существе организации научной работы на истфаке Иркутского университета, о месте в научных исследованиях персоны студента, о том, какую роль может и должен играть студент в совместных изысканиях с его руководителем – преподавателем. Много из сказанного и обсужденного тогда впоследствии попытались внедрить в практику. Кое-что получилось. Тот, кто работал с М. П. Аксеновым, наверное, припомнит в поведении руководителя многие черточки того необходимого исследовательского партнерства студента и преподавателя, о которых столько говорилось осенью 1961 г. В конце концов, нам принадлежит право сказать, что из илимской экспедиции мы вынесли идею и практику лабораторного метода обучения. Потом это назвали НИРСом.

В 1962 г. произошло событие, которое имело очень серьезное значение в жизни и археологической судьбе М. П. Аксенова. В поле он вдруг заговорил о том, что знает, где на Усть-Белой лежат погребенные «китойцы-неолитики». Говорил серьезно, но отдавало это какой-то мистикой. Наконец, не выдержав, ему предложили показать: «Где?». Усмехнувшись, бросил ко-

ротко: «Пошли». Полянка у дороги, ровная поверхность, травка – никаких внешних признаков возможного погребения. Аксенов уверенно прошел к центру, шагнул чуть к северо-востоку, топнул ногой, сказал: «Здесь!». Под смех был задан вопрос: «Может, покажешь, как лежит?!». Показал на запад – северо-запад: «Вот так». Решили копать назавтра. Заложили выработку 2х3. Погребенный лежал на запад – северо-запад точно в контурах раскопа. Погребение соответствовало признакам «китойской культуры». Шума, веселья, удивления было предостаточно. Вызвали комиссию, составили акт, выпили за здоровье нашедшего и за упокой погребенного. Проводили «комиссаров» – Ф. А. Кудрявцева, В. П. Олтаржевского. После их отъезда М. П. Аксенов сказал: «Пойдем, покажу, где другие лежат». Показал, в 1963 г. в этом месте был заложен специальный раскоп и обнаружены уникальные погребения. Вот и смейся сколько угодно над интуицией и провидением. В этих строках нет ни полслова выдумки. Было чутье у молодого археолога, невероятное чутье.

Казалось, археологическая судьба Михаила Петровича обрела желаемое направление, и он займется разрешением одной из увлекательнейших проблем прибайкальских ископаемых древностей – тайной «китойских» племен. Но пути господни неисповедимы...

Еще до раскопок в Усть-Белой, в начале июня 1963 г., вдвоем «выбросились» на Верхоленскую гору под Иркутском. Копали в две лопаты и четыре руки. Копали 22 дня – 43 квадрата на глубину до 2,20 м. Вскрыли картину ископаемого рельефа и расположенного в его микроформах археологического материала столь удивительную, что до сих пор она полностью не описана. Результаты были сенсационными. Сразу после отбытия на Усть-Белую открытый раскоп на Верхоленской горе посетил А. П. Окладников, возвращаясь из монгольской экспедиции. Осмотр им раскопа, видимо, многое решил в судьбе Михаила Петровича. К тому времени Алексей Павлович уже дал принципиальное согласие быть научным руководителем М. П. Аксенова. Михаил Петрович рассчитывал, что будет работать по «китою», и руководителем будет М. М. Герасимов, который первый вместе с Б. Э. Петри копал китойцев. Но заведующий кафедрой С. В. Шостакович настоял на кандидатуре А. П. Окладникова. Тогда это была роковая ошибка. Но теперь это история...

Окладников предъявил ультиматум: только монографическое описание Верхоленской горы, никаких китойцев. Михаил Петрович прислал из Ленинграда нервную, очень тревожную пространную телеграмму. Работать надо было, невзирая на прихоти заведующего кафедрой и причуды научного руководителя. Стали работать в четыре руки по мезолиту, благо уже был опыт совместной работы и по Усть-Белой, и по Черемушнику, и теперь по Верхоленской горе.

В 1965 г. М. П. Аксенов ушел из университета в музей и трудился в должности заместителя директора по науке. В том же году начал раскопки на Верхоленской горе с целью восстановления плана раскопок Б. Э. Петри и распределения в плане собранных им находок. Три полевых сезона дали

интереснейший стратиграфический и археологический материал. В 1970 г. он успешно защитил диссертационное сочинение, описав весь объем новых находок на Верхоленской горе. В этом же году вернулся в университет на истфак старшим преподавателем кафедры всеобщей истории, где и проработал до конца...

В 1964–1965 годах, я полагаю, кончилась археологическая юность М. П. Аксенова, наступила пора жесткой прозы рабочего руководства. Последние работы на Усть-Белой и Красном Яре в 1964–1965 гг. были фактическим расставанием с Приангарьем. Верхоленская гора раскапывалась в 1965–1967 гг. по суровой необходимости и без того аксеновского энтузиазма, который всегда всех так радовал. С 1966 г., получив «добро» А. П. Окладникова, он со всеми желаниями, помыслами, сомнениями ушел на р. Лену. Долина Лены и раньше манила его, и не только его. Наивность археологических представлений и сегодня шепчет на ухо некоторым исследователям о том, что это «древнейший путь в Америку». А в те годы этакие мысли были эпидемией. Долина р. Лены казалась безразмерной, а в этой «безразмерности» Михаилу Петровичу, естественно, желательно было обрести «свой», «автономный» район работ.

После «китойско-верхоленского» эпизода Михаил Петрович, мне кажется, хотел «успокоиться». Ведь в 1964 г. его фактически сломали. Натура у него была тонкая, художественная. Насилие он переживал тяжело. Не нужен ему был приангарский мезолит, как и Галине Марковне «не ко двору» был китойский некрополь в Усть-Белой. Но Аксенов подчинился и работу сделал. Сейчас, я думаю, он очень хотел уйти в «утожие места» и обрести равновесие. Река Лена была таким местом.

В 1968 г. М. П. Аксенову было предложено совершить разведку в верховьях р. Витим. Первый разговор об этом состоялся в 1967 г. Инициатором «высадки» иркутян на верхних притоках р. Витим были геолог В. Х. Шамсутдинов и биолог Э. Л. Климашевский. Однако М. П. Аксенов не решался отправиться в верховья этой реки. Даже когда в 1972 г. по плану все подразделения лаборатории археологии и этнографии ИГУ разъехались на разведку в разные районы Байкальской Сибири, и Михаил Петрович должен был вылететь на р. Витим, он отправился вниз по р. Лене в свою знаменитую разведку до границ с Якутией. Не мог, не хотел, боялся расстаться с Леной. Только в 1974 г. он высадился на Витиме, и начался «верхневитимский» археологический путь М. П. Аксенова и формирование новой группы энтузиастов-археологов, для которых Витим стал «домом родным».

А затем в 1974 г. был открыт ныне всемирно известный в летописной хронике, но так и не расшифрованный до конца в материалах, удивительно интересный объект – Макарово IV, что в 10 км от Качуга по Жигаловскому тракту. Геоархеологическому ансамблю этого местонахождения еще предстоит высветить имя своего открывателя и исследователя. «Макаровский геоархеологический комплекс» – прямое детище М. П. Аксенова, на все оставшееся жизненное время исследователя привязал его к верхней Лене. Период археологической зрелости Михаила Петровича, растянувшийся до

конца его дней, не грех назвать «макаровским». Как археолог, М. П. Аксенов так и не состарился. «Макарово» и «Шишкино» явились тем учебным, научным полем, где воспиталась внушительная когорта нынешних специалистов не только в области прямых археологических интересов. Все они – ученики М. П. Аксенова и трудятся в разных районах и городах нынешней Азиатской России.

Итоги своих ленских археологических изысканий Михаил Петрович подвел в монографической работе «Палеолит и мезолит Верхней Лены», которую защитил в 1989 г. в г. Новосибирске в качестве докторской диссертации. Монография не издана до сих пор. Конечно, М. П. Аксенов был исследователем-полевиком больше, чем «кабинетным писателем». Свой огромный багаж наблюдений в поле и свои соображения по собранным бесчисленным физическим фактам из древних технологических процессов он не ввел в науку даже наполовину. От него ждали публикации многих интересных сюжетов из геологического прошлого палеолитического населения Верхней Лены. Он вводил эти данные отдельными сюжетами, но собрать в единую, большую сводку не успел. Теперь это задача его учеников и коллег.

Однако именно благодаря его деятельности на Верхней Лене археология этого региона приобрела фактически полный абрис далеких времен и древних культур. По пунктирам его открытий прошли десятки исследователей, работали многие экспедиции. То, что он сделал в своей исследовательской жизни, уже записано в анналы отечественной и мировой науки. Но его имя, надеюсь, еще появится в титулах монографий. Михаил Петрович Аксенов был человек особенный. Я намеренно упомянул о Гантимуровых в самом начале. И гены его предков, вероятно, соединялись и жили в нем необычным манером. Мы прошагали вместе, прошли байдарками, «деревяшками», «дюральками», на веслах, на моторах не одну сотню километров. Я видел его в разных делах. В общении мы лишнего слов не тратили. Я уверен, что он до предела был нагружен самыми разнообразными способностями, и выбирать из них что-либо ему было очень сложно. Они как бы дремали в нем скопом. От него исходили какие-то особые биотоки, и человек, впервые видевший М. П. Аксенова, мгновенно становился к нему расположенным. В этом Михаил Петрович очень напоминал Михаила Михайловича Герасимова. С другой стороны, интуитивно, Михаил Петрович сразу распознавал фальшь, неискренность, порочность человека. Он редко повышал голос в разговоре, но в глазах его всегда можно было прочесть, что он видит собеседника насквозь. Интереснейший был человек.

У Михаила Петровича остались две дочери и пятеро внучат, есть кому вспоминать о знаменитом предке. В жизни друзей, коллег, учеников Михаил Петрович будет жить до их последнего дня. Для археологов будущего он станет таким, как мы сможем о нем рассказать. Я очень хочу верить, что друзья и ученики сделают это еще не один раз.

Источник: История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 54-61.

Л. Я. Подольская

Педагог и воспитатель

Первый раз я услышала это имя, как только пришла на занятия в университет после колхоза. Мы толпились возле 72-й аудитории, которая была помещением для кафедр истории СССР и всеобщей истории и единственным помещением исторического отделения историко-филологического факультета Иркутского университета им. А. А. Жданова. Весь университет тогда располагался в одном здании бывшего института благородных девиц. К нам подошли старшекурсники, некоторых мы знали по колхозу, но большинство были с третьего-пятого курса. Они устраивали «смотрины» первокурсникам и рассказывали разные страшилки. Нам говорили, что сладкой жизни не следует ожидать, и вот тогда прозвучала незнакомая фамилия Коваль. Старшекурсники переглянулись и поведали, что до второго курса

С. Ф. Коваль

можно быть относительно спокойными, а вот потом «Железный Коваль» нам покажет, что значит быть историками. Имя и прозвище были услышаны, запомнены, но до второго курса было еще далеко. Студенческая жизнь закипела. Начались интересные и не очень занятия, объединенные лекции в «семидесятое» (так мы называли самую большую лекционную аудиторию, а по праздникам концертный и танцевальный зал), первые походы в «Фундочку», участие сразу в трех кружках художественной самодеятельности, да еще вечера каждую субботу. О занятиях всерьез как-то не думалось. По молодости лет я верила студенческой песенке, о том, что «живут студенты весело от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год». О том, что состоится комсомольское собрание отделения, я узнала случайно, и с большой неохотой, но подчиняясь дисциплине, пошла на него. Как я и предполагала, на собрании царил скука. Докладывал отделенческий секретарь Миша Стафеев, второкурсник. Особых достижений у отчитывающихся не было, и вскоре унылый доклад завершился. Затем последовала пауза, председатель уговаривал выступать, народ отмалчивался. И вдруг что-то переменялось,

зал насторожился, прокатилась какая-то волна, и на трибуне возник невысокий, хрупкий мужчина, высоким голосом, почти фальцетом он обратился к нам, скоро ли мы проснемся от массовой спячки. Я спросила у соседей, кто это. На меня зашипели: «Молчи, это «Железный Коваль». Говорил он убежденно, зло высмеивал наше благодушие, а о секретаре он сказал, что не может комсомольская жизнь быть полезной и интересной, если руководство доверили бюрократу. Мне было жалко сторбившегося от разноса Стафеева. После Ковалья желающих выступить было много, стало интересно и жарко.

Второй курс ознаменовался для нас серьезными изменениями, учебный процесс усложнился. С особым интересом мы ждали начала семинаров по истории декабристского движения и самого Ковалья. Вспоминая его введение в семинар, я запомнила, что он сказал тогда: кратковременная история декабризма с момента зарождения организаций до событий на Сенатской площади и Украине – это мгновение, но более или менее изученное, а вот тридцать лет сибирской каторги и ссылки в отечественной историографии почти не исследованы. Он отметил большой вклад Б. Кубалова, подчеркнул, что попытка превратить этот труднейший этап жизни и деятельности декабристов в проблему краеведения ненаучна. Именно тогда он сформулировал задачу декабристоведения на многие десятилетия вперед. Полагаю, что именно в студенческом семинаре Семен Федорович оттачивал для самого себя проект создания научного совета «Декабристы в Сибири», который был реализован в 1975 г.

Суворый педагог предложил нам для освоения длиннющий список литературы и темы для докладов и обсуждений. Многих поверг в ужас объем предлагаемой работы, надежды на легкое получение зачета улетучились окончательно после обсуждения первых представленных докладов, в которых рассматривались исторические предпосылки движения, особенности создания декабристских тайных обществ, методов борьбы. Мы долго и горячо обсуждали, чем отличаются революция, заговор, восстание, возможны ли были иные пути выхода из складывающегося политического кризиса. К счастью, я сразу оценила ничтожность знаний моих по этим проблемам и приступила к штурму предложенного списка. У меня сохранились четыре общих тетради в клеточку, это конспекты работ, предложенных к изучению. Однажды Семен Федорович предложил показать свои рабочие тетради, моим комплектом он был удивлен, даже сказал, что отмечает мое неожиданное трудолюбие (я не производила впечатления серьезной студентки, возможно, после этого он стал ко мне более внимателен), но с присущей ему иронией заметил, что я сильно перестаралась. Было слегка обидно, но иногда я и сейчас пользуюсь конспектами второкурсницы как справочным материалом.

Он и сам, будучи студентом, предъявлял себе те же требования. Уже много позже об этом мне рассказывал его друг, тоже историк, Герман Александрович Вендрих. Было впечатление, говорил он, что Семен глотает в читальном зале огромные фолианты. Быстрота, с которой он читал, удивляла

других студентов. Казалось, что он лишь просматривал их, но потом Вендрих познакомился с тетрадами – выписками трудов историков, которые вел студент Коваль. Мелким каллиграфическим почерком он списывал тетради, которые были сшиты из отдельных листов, ведь с бумагой было плохо. Иногда это были амбарные книги. Я видела несколько таких тетрадей-конспектов, они были списаны бисерным, но легко читаемым почерком, чаще всего химическим карандашом, потому что с чернилами тоже было трудно. У конспектов всегда были поля, на которых он записывал возникшие по поводу прочитанного вопросы. Часто записи носили полемический характер. Он подвергал сомнению признанные научные авторитеты. У него не было авторитетов. Автор должен был доказать фактами свою правоту, а значит, убедить начинающего историка. Этому он учил и нас – своих студентов. Часто учил сурово, даже жестоко. Но тот, кто смог понять высоту задачи, которую ставил педагог, становился его верным учеником и последователем.

Герман Александрович Вендрих увлеченно рассказывал о тех горячих дискуссиях, которые разгорались на семинарах. Эти споры были поединками, спорщики засыпали друг друга фактами, анализом, а иногда дискуссия выливалась в ссору. Вендрих вспоминал, что ему несколько раз казалось, что Коваль вот-вот вызовет его к барьеру или бросится врукопашную. Такими же были потом и его собственные семинары.

Мне вспоминаются две горячие дискуссии на наших семинарах. Первая произошла на втором курсе. Мы обсуждали восстание на Сенатской площади и, конечно, С. П. Трубецкого, не выполнившего порученную ему роль и не явившегося к восставшим. С пылом молодости мы клеймили его за предательство. Не менее горячо спорил, а скорее подбрасывал в огонь спора сухие дровишки руководитель семинара. Когда в общем шуме уже не все можно было понять, мы вскакивали, кричали друг на друга, доказательств было мало, просто их не было, больше было эмоций. И вдруг раздался твердый и уверенный голос Ковалья. Он сказал: «Что вы понимаете под смелостью воина, идущего в бой выполнять приказ, и смелостью предводителя восстания, осознавшего, что оно обречено на поражение?» Мы, дети войны, этим замечанием были повергнуты в раздумья. Мне кажется, что многие из нас, школяров, впервые задумались, в нас пробуждался историк, который должен явления рассматривать всесторонне, а не как прокурор, готовый вынести обвинительный приговор, не вдаваясь в сложности дела.

Для собственного доклада я выбрала тему «Декабристы на каторге». Оказалось, нас несколько докладчиков, и мне пришлось выступать содокладчицей, пятой или шестой по счету. Все самое важное и интересное уже доложили, и я была в полной панике. Руководитель семинара предупредил, что повторяться нельзя, и предоставил мне слово. Я могла сообщить некоторые не названные докладчиками, но описанные Б. Кубаловым подробности пребывания первой партии каторжан на ближайших к Иркутску заводах. Я попробовала робко сказать, что на этом этапе был нарушен судебный приговор о каторжных работах, к которым были осуждены декабристы,

и задать вопрос, почему сибирская администрация делала некоторые поправки. Вновь закипела дискуссия, и самым ее горячим участником был сам Коваль. Подводя черту под нашими дебатами, Семен Федорович сказал о том, что мы все, и он тоже, еще очень мало знаем. Суровый разбор докладов многих из нас не поверг в отчаяние, напротив, именно в этом семинаре сплотилось ядро нашей группы, окреп дух соревновательности и подлинной борьбы за знания. В нашей группе учились Л. Любимов, Л. Кутузова-Соколовская, Н. Грудинин, И. Акшевский, В. Троицкий, С. Оверайте, Н. Шевчук, Ж. Ермолаева, Э. Дубинина, А. Быкова, В. Яровой; большинство студентов учились с большим интересом. С. Ф. Коваль ценил нашу группу. На семинарах у нас было шумно, мы высказывали свое мнение, вступали в спор друг с другом и с самим Семеном Федоровичем, но его авторитет был непререкаем. Однажды в пылу дискуссии я так увлеклась, что вышла за рамки дозволенного, какое-то высказывание однокурсника привело меня в веселое расположение, и я громко расхохоталась; к моей беде, именно в это время шум стих, и Коваль, возмущенный моим поведением, сказал: «Девушка, встаньте и постойте». Я поднялась и, как только услышала заключительную фразу, разрыдалась. «Садитесь, садитесь», – как-то испуганно произнес Семен Федорович. Мне кажется, что мы впервые увидели и поняли, что Железный Коваль очень добрый человек, который хочет казаться суровым и жестким. Все последующие годы работы и общения с ним были этому доказательством. А у нас с Семеном Федоровичем навсегда установились очень теплые взаимоотношения. Правда, еще не раз он сурово отчитывал за погрешности в поведении, это всегда было по заслугам, но я знала, что воспитывает он только людей, чья судьба ему не безразлична, и что он верит в трудолюбие и способности своих студентов.

Вскоре подошла весенняя сессия, и среди однокурсников началась тихая паника, все боялись зачета у Ковалю. Старшекурсники рассказывали о том, какие каверзные вопросы он задает, как отправляет целую группу на поиск ответов. Рассказывали, что однажды он почти всю группу заставил искать ответ на вопрос, как называлась зачетная книжка у студентов в дореволюционной России, и как один эрудит спас всю группу, вспомнив название – матрикул. К радости некоторых из нас, Семен Федорович оценил трудолюбие в течение учебного года и поставил «автомат», среди этих счастливиц была и я – на третьем курсе мы заслужили зачет без специальной сдачи. Ну а менее счастливым сокурсникам досталось. Несколько человек были отправлены в читальный зал для изучения работы В. И. Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма».

Семинары на третьем курсе были посвящены международным отношениям и войнам (Русско-японской и Первой мировой). Заниматься было очень интересно, мы много работали над поиском и анализом источников, новой исследовательской литературы. Поводом для одной горячей дискуссии стали русско-германские отношения 80–90-х гг. XIX в. Коваль во время обсуждения поставил перед нами задачу выбрать наиболее перспективную для России альтернативу: восстановление союза трех императоров или

англо-франко-русский союз. Для нас такая задача была нова. Всем предыдущим опытом обучения мы не были готовы к поиску и обоснованию возможных путей развития. Эта дискуссия особенно запомнилась потому, что главными докладчиками были Леня Любимов (Леонид Степанович Любимов – профессор журфака ИГУ) и я. Высоко оценив нашу подготовку, руководитель семинара попросил, чтобы мы передали ему список использованной литературы, и особо отметил, что мы сумели найти новые издания, некоторые из которых ему были неизвестны.

Занятия в этом семинаре дали нам очень многое, а мне пришлось проводить семинары вместо учителя, когда он уехал на стажировку в Ленинград. Из всех проблем, которые он предлагал слушателям, я могла более-менее сносно заниматься Русско-японской войной и русско-германскими отношениями, учитывая студенческую подготовку и написание дипломного сочинения. По молодости я довольно смело за это взялась, хотя потом хватилась настоящего лиха. В этой группе обучались очень серьезные люди, среди них будущие кандидаты (Б. Ржепко, В. Андреев, Н. Струк) и доктора исторических наук (В. Яговкин, А. Бородин).

Следующая встреча произошла в музее, где Семен Федорович часто бывал и консультировал нас по декабристским проблемам, помогал в музейном отражении истории польской ссылки. Много раз мы обсуждали, как наиболее исторически точно и не только на плоскостном материале показать восстание на Кругобайкальской дороге, суд и расправу над восставшими. К большому сожалению, наши задумки так и не нашли отражения в музейной экспозиции. Помогал нам Семен Федорович и в возрождении традиции музейных научных конференций, сам выступал с докладами и активно участвовал в обсуждениях наших выступлений. Он продолжал учить нас требовательности в оценках научных сообщений, споры разгорались серьезные, комплиментарного завершения дискуссий он не поощрял, но всегда умел найти то, что было хоть небольшим, но достижением докладчика. Даже после серьезного разноса не возникало желания бросить все попытки заниматься поисками, хотелось доказать, что можешь, способен на большее. Принимал он активное участие и в краеведческом университете, и как лектор, и как посетитель, которого заинтересовала тема, предлагаемая для обсуждения. И вновь, когда уходили посетители, продолжалось обсуждение затронутой на занятии темы, часто разговор переключался на новые книги, обсуждались спорные вопросы сибиреведения.

Новая, качественно отличавшаяся от прежних встреча состоялась на кафедре истории СССР, когда я поступила в аспирантуру к профессору Федору Александровичу Кудрявцеву. Однажды Ф. А. Кудрявцев зашел в музей и предложил мне поступать в аспирантуру; он добавил, что это не только его предложение, но и Семена Федоровича. Я с большим волнением приняла это предложение, меня поддержали и работники музея, и дома. Нас было два человека на одно место. Мой соперник был значительно старше, он достаточно долго преподавал историю в школе Усть-Ордынского округа, да еще историю КПСС сдал на «отлично», а я только на «хорошо». Экза-

мен по истории СССР был решающим, английского языка я не боялась, так как одновременно училась на вечернем отделении ИГУ. Семен Федорович не входил в приемную комиссию, но почему-то сидел в уголке и что-то сосредоточенно читал, совершенно не обращая внимания на происходящее. Первым отвечал мой соперник, от волнения я совсем ничего не слышала из его ответа. Комиссии пришлось несколько раз назвать мою фамилию, пока я поняла, что пора отвечать. И в это мгновение я увидела, что Семен Федорович улыбается, и все страхи мгновенно улетучились, я стала уверенно отвечать. После того, как объявили оценки и стало ясно, что я победила, меня попросили задержаться на кафедре, и через несколько минут мы с учителями пили чай с тортом, заботливо принесенным Семеном Федоровичем. Началась жизнь аспирантская, и Коваль всегда интересовался успехами и неудачами, поругивал за слишком активную общественную деятельность. Самым памятным является наш разговор об обнаружении в архиве дневников и бумаг В. И. Вагина, которые считались безвозвратно утраченными. В это время Коваль работал над разделом об общественно-политическом движении для пятитомной истории Сибири. В этот раздел он включил несколько цитат из дневника Вагина, которые были впервые введены в научный оборот. На протяжении многих лет я продолжаю изучать жизнь и творчество сибирского исследователя и публициста и почти в каждом архивном деле нахожу роспись Ковалья, скрупулезно изучавшего наследие Вагина, причем это относится к работе не только над дневником, рукописями статей, письмами, но и такими документами, как безымянные записки, приглашения на домашний обед. Незначительных документов нет, есть недобросовестный исследователь, способный пропустить существенное, не обнаружить начало нити, которая ведет к главному. Так учил и всегда делал сам Семен Федорович.

Примерно в апреле-мае 1963 г. С. Ф. Коваль заговорил о том, что он готовится к историко-этнографической экспедиции и ищет в ее состав добровольцев. Аспиранты все твердили, что завершают работы, и им некогда, тогда решилась поехать я. Меня привлекали две особенности этой экспедиции. Первая – руководитель, которого все еще очень боялась, и вторая – экспедиция начиналась с обследования села Тайгурка, откуда родом была мамина мама, и где все еще проживало много нашей родни. Сборы в экспедицию были веселыми и очень хлопотными. Завхоз нашей экспедиции, тогда студент третьего курса Борис Ржепко и я много суетились, но мало что у нас получалось, особенно с закупкой продуктов. Наконец, нашу беспомощность разглядели археологи и подсказали, куда и зачем обращаться, отдали нам две палатки. Ну вот, все сборы позади. Кроме нас с Борисом в экспедицию поехали две студентки четвертого курса – Тамара Чупина и Галя Кулебякина. Выехали мы в первых числах июля. Семен Федорович, который ехал в экспедицию в свой отпуск, еще задерживался на работе, поэтому отправились мы на электричке Иркутск – Черемхово до станции Белая вчетвером. В Тайгурке мы быстро договорились с администрацией поселка и о жилье, и об условиях нашей работы. В наше распо-

ряжение отдали школьный интернат. Мы там навели порядок. На окна повесили шторы. Установили кровати. Были даже половички на полу, а стол застлан скатертью. Нарвали полевых цветов и стали ожидать похвалы начальника экспедиции. Ожидая его приезда, время зря не теряли и занялись изучением истории села, выявлением его старожилов. К экспедиции подключились мои молодые родственники, и дело закипело. Мы проработали уже дня четыре и полагали, что почти все возможное мы выяснили. Нам удалось записать воспоминания партизан гражданской войны, участников раскулачивания и первых коммунаров. В поселке было много ветеранов войны, и они охотно делились своими воспоминаниями. Когда мы уходили на задания, то один из нас оставался на хозяйстве, наводил порядок, готовил еду и обрабатывал ранее сделанные записи. И вдруг я вижу нашего дневального, причем довольно расстроенного. Подхожу к нему и слышу, что приехал Коваль и очень недоволен тем, как мы разместились. Поспешила закончить беседу с жителем села и быстро отправилась на нашу базу, недоумевая о причинах недовольства начальника. Встретил меня Семен Федорович сурово и сразу начал распекать за то, что условия проживания излишне домашние, они не располагают к серьезной работе. Мне было обидно, но я не стала спорить, а начала рассказывать и показывать, что мы сделали в его отсутствие. Постепенно Железный Коваль оттаял, он остался доволен тем, как мы поработали без него. Потом был ужин, и мы получили такое обилие сладостей, которыми суровый начальник всегда баловал своих учеников и помощников. За столом мы постепенно разговорились, смущение прошло, и этот вечер запомнился своей задушевностью и пониманием. С утра мы пошли по намеченным адресам, а Семен Федорович решал экспедиционные проблемы с поселковым начальством.

Подошла суббота, и наши девчата заговорили о том, что неплохо бы сходить на танцы. Неожиданно наш начальник сурово сказал, что мы приехали для серьезной работы, что для танцулек найдем время в городе. Девчата надулись и все поглядывали в мою сторону, намекая, что я должна уговорить начальство. Я долго не решалась, но вдруг созрел план, и я, не раздумывая, стала объяснять шефу, что в задачу экспедиции входит изучение не только архаики, но и современности, с этой точки зрения посмотреть и зафиксировать досуг сельской молодежи для науки необходимо. Довольно долго в этом ключе я разглагольствовала, и вдруг увидела, что глаза Семена Федоровича искрятся смехом. Он санкционировал наш поход, но рекомендовал одеться скромнее и не демонстрировать модные танцы. Он строго напомнил, что главная наша задача – наблюдение.

Вечером мы отправились на танцплощадку, из громкоговорителя гремела музыка, это были модные в то время песни советских композиторов. Мужская половина выглядела не очень привлекательно, было ощущение, что они пришли прямо с работы, только некоторых были свежие рубашки, многие слегка пьяны, явно не умели и не хотели танцевать и терлись возле изгороди. Девчат было большинство, они принарядились изо всех сил. Был яркий, самодельный макияж и мини-платья с большими декольте.

Все это девчонки соорудили из своих старых платьишек, полагая, что теперь они одеты модно. Выглядело это плохо. Девчата, как правило, работавшие на лесозаводе, были крепенькими, в Сибири таких называют «оржанушками», и в мини и декольте они смотрелись забавно. Кавалеров было мало и девчата самозабвенно «выколачивали» чарльстон. Моя деревенская тетка Феклуша об этом времяпрепровождении говорила так: «Девки чарльстонят и чарльстонят, всю землю у ворот в ямы выбили». Танцы слегка оживились, когда прибыла группа офицеров из ближайшей воинской части, но и они были в легком подпитии, да и заинтересовались сразу женским составом экспедиции. Чтобы не осложнять ситуацию, мы прервали этнографические наблюдения и поспешили на базу. Вскипятили чаек, и полились задушевные разговоры, далеко за полночь мы утомонились. Утром, разделившись на две группы, мы продолжили работу. Когда завершили опрос, занялись оформлением рабочих дневников и записей. Наш научный руководитель проверил тетради всех членов экспедиции, сделал ряд замечаний, но в целом остался доволен. После ужина мы занялись подготовкой к переезду, по плану мы должны были обследовать деревню Холмушино. Утром мы погрузили наш скарб на телегу. Экспедиция тронулась в путь, а я на железнодорожную станцию, у меня были дела в городе. Вернулась я дня через два и обнаружила, что экспедиция живет в сарае в школьном дворе. Директор школы на мой недоуменный вопрос, почему экспедицию разместили в сарае, сказал, что и сам понять не может, что он предлагал в распоряжение всю школу, что она после ремонта и в хорошем состоянии, но, осмотрев здание и другие постройки, начальник выбрал сараюшку и даже отказался, чтобы привезли соломы. Получив ключ от сарая, я отправилась на базу. Сарай был сколочен из горбыля, и таким же нетесаным горбылем покрыт пол. На полу были расстелены палатки, в изголовьях стояли рюкзаки и свернутые одеяла. Был и еще в сарае грубо сколоченный стол, лавка и несколько колченогих табуретов. Продукты были аккуратно сложены в углу, и на кирпичач была установлена древняя электроплитка. Осмотрев спартанские условия жизни и понимая, что товарищи вернутся поздно и зверски голодными, я принялась за изготовление ужина-обеда, как теперь говорят, два в одном. Время пролетело за бытовыми хлопотами незаметно. Пол был чисто выметен, в рукомойнике полно воды, а кастрюля с супом-кашей была укутана в случайно обнаруженный тулуп. И вот послышался строгий голос Ковалева: «Борис, обеспечить умывание», и почти без перерыва: «Кто уходил последним, почему дверь не заперта?». Послышались какие-то невразумительные уверения, что дверь была замкнута, и даже ключ лежит в надежном месте. И вот в проеме двери появляется разгневанный начальник экспедиции. Увидев меня, он проворчал приветствие и какое-то замечание насчет того, что не могу обойтись без фокусов. На этом программа поддержания строгого порядка была, видимо, полностью выполнена, и он вновь стал добрым, веселым, а когда узнал, что и еда готова, стал совсем домашним. Мы дружно набросились на еду и городские сладости, что я привезла, а потом пошли рассказы о том, что узнали, с какими интересными людьми повстре-

чались. Решили, что ближайшие дни мы посвятим выяснению подробностей о коммуне братьев Егоровых, которую создали два зажиточных холмушинских брата. В коммуну принимали всех желающих, но больше всего в нее пришло бедняков. Особенностью этого объединения стал принцип добровольности и обобществления имущества. Но главным стал общий труд. В отличие от возникавших в то время коммун, которые проедали общее имущество и разбегались, сибиряки занялись хлебопашеством, скотоводством, у них была своя пасека. Они торговали излишками, открыли свою школу, для которой приобрели пианино. Мы встречались с повзрослевшими детьми коммунаров, и они рассказывали удивительные подробности о жизни в коммуне. Нам рассказали о том, как жили дети-коммунары, о том, как создавали пионерский отряд и комсомольскую ячейку, как они устраивали концерты, о спектаклях, на которые собирались взрослые из ближайших деревень. Они рассказывали о школе, праздниках. Дети много трудились вместе со взрослыми и с гордостью рассказывали про первый трактор и хорошие урожаи, которые собирали коммунары. Воспоминание о казни братьев Егоровых хранили в памяти как ветераны коммунары, так и современники, проживавшие в селе во время работы нашей экспедиции. Бывшие коммунары с гордостью вспоминали об успехах коммуны, а затем сельскохозяйственной артели, сетовали, что в последние годы, после очередного укрупнения, колхоз развиваться перестал. Мы прошли по всем памятным местам бывшей коммуны и постарались записать наблюдения в наши экспедиционные тетради. По этим материалам Тамара Чупина сделала интересный доклад на научной студенческой конференции. Наша работа в Холмушино заканчивалась. Впереди было село Узкий Луг, нужно было договориться о переезде и месте жительства. Я решила, что повторять опыт проживания в сарае не следует, и договорилась, чтобы нам дали лошадь для перевозки нашего скарба, причем выделили транспорт бесплатно. Когда об этом узнал Семен Федорович, то его возмущение трудно описать. Он потребовал, чтобы ему вернули его рюкзак, правда, мы успели наиболее тяжелое из него извлечь. Шеф сообщил, что он пойдет пешком, а свой рюкзак он никому не доверит. Вслед за ним неохотно потянул рюкзак с телеги Боря Ржепко. После этого девичий состав экспедиции отправился в путь, лошаденка оказалась довольно резвой, дорога была не слишком тряской. Постепенно мы успокоились после прощания, разговорились с возницей, получили от него много полезных сведений и решили вопрос о нашем размещении. Возница подвез нас к зданию школы, срубленному из лиственницы, с большими светлыми окнами, просторными квадратными классами. Нам очень понравилось на новом месте. Почти сразу же возник директор школы, который принял нас радушно и предложил выбрать для жилья любое удобное помещение. Мы быстро начали устраиваться, успели приготовить обед, когда появились наши замученные ходоки. Увидев, где мы расположились, Коваль был возмущен. Правда, я не решилась добыть солому и устлала место для сна палаткой, застелила одеялами, а в изголовье поставила рюкзаки. Гнев готов был обрушиться на мою голову, но вдруг нашего Семе-

на Федоровича схватил в объятия директор школы. Оказалось, что он и его жена учились вместе с Семеном Федоровичем в Боханском педучилище. В первом обеде мы принимали все участие, а потом мы впервые работали совершенно самостоятельно, начальник приходил поздно ночью, строго спрашивал, как идут дела, и удовлетворялся сообщением, что дела идут хорошо. Утром он отправлялся на рыбалку, а мы продолжали свои исследования. Потом вдруг зарядили дожди, к этому времени мы сделали все, что было возможно, и готовились к переезду в Хайту. Нужно было на пароме переправиться через реку Белую, которая вздыбилась; в таких условиях паром не мог сплавляться, Пришлось переждать дождь. Активной работы не было. Занялись обработкой собранных материалов, но она шла вяло, девочки отсыпались за сессию и экспедицию. Семен Федорович был нами часто недоволен. Время тянулось тягостно. По несколько раз в день я ходила на пристань, чтобы в очередной раз убедиться, что переплавиться нельзя. Однажды, поговорив с паромщиком, я решила не ходить на базу, нашла относительно сухое бревно и решила посидеть под мелким дождиком, принуждать к работе разленившихся сотрудников желания не было, захотелось полного уединения. Дождик временно прекратился, и я наслаждалась одиночеством. Вдруг меня окатило брызгами, я решила, что кто-то из экспедишников решил пошутить надо мной. Оглядевшись, я никого не увидела. И тут вновь меня окатило водой с головы до ног. Я поняла, что шалят со стороны реки; осмотрев окрестности, я увидела, что на самой вершине высокой лесистой горы навис над рекой медведь, он бросает камни и наблюдает за их полетом. Это было так интересно, что я забыла о времени. Медведь все бросал камни, наверное, он припас их заранее. Некоторые камни не долетали до воды, а другие достигали середины, два раза камни долетели почти до нашего берега и окатили меня. Больше таких удач у метальщика не было. Вдруг снова полил дождь, медведь убрался восвояси, побежала на базу и я. Меня уже ждали и волновались, я была мокрехонькой, и это спасло меня от жестокого разноса. Когда сели ужинать, Семен Федорович подал мне стакан горячего сладкого чая с водкой и сурово велел выпить. Это не было вкусно, но суровый начальник отдал приказ, и я его выполнила. Потом девочки рассказывали, что я долго и громко смеялась, пока начальник не приказал всем ложиться спать. Утром он заботливо спрашивал, как я себя чувствую, пьяница. Наконец дождь кончился, и мы отправились в Мишелевку, где расположен старейший Хайтинский фарфоровый завод.

Жить мы устроились в подсобном помещении средней школы. В домике жила то ли комендант, то ли сторож-уборщица, под ее началом поселились и мы. За ужином выяснилось, что она внучка польского ссыльного, который был участником восстания 1864 г., что он был сапожником и продолжал это занятие и на поселении. Наша собеседница рассказала, что раньше в поселке жило много потомков повстанцев, что потом кто умер, а кто уехал. На кладбище сохранились их могилы, она в меру сил ухаживает за ними. К сожалению, больше свидетельств о живых потомках нам не удалось выявить. Польский участок кладбища мы сфотографировали. Основное

внимание мы сосредоточили на изучении истории фабрики, ознакомились с производственным циклом, начали встречаться с ветеранами. Тогда жил в поселке племянник мастера Кислова – творца прекрасного дореволюционного фарфора Хайты, с уходом которого секрет ремесла оставался нераскрытым. Мы отыскиали дом, в котором жил потомок мастера, двор утопал в цветах, но хозяин был непреклонен, он отказался разговаривать, с нами, и мы ушли. При встречах со старыми рабочими мы установили, что они уже встречались с человеком, который «собирал историю»; они не только рассказывали, но и отдавали ему свои документы, старые фотографии, он обещал вернуть, но ничего не вернул. После набега такого «исследователя» работать было трудно, медленно мы добивались доверия, чтобы собрать интересный материал.

Мы работали в соседних деревнях Лохово, Нижний и Верхний Булай. Вспоминается поход в небольшое поселение Верхний Булай. От информаторов мы знали, что в селе живет «бандитская жена» одного из кровавых бандитов Федора Клочкова, свирепствовавшего в 20-е гг. в этом регионе. Мы переплыли на лодке реку Белую и пошли в село. Вскоре мы увидели женщину, набиравшую воду из колодца. Мы подошли, поздоровались, и кто-то спросил у нее, знает ли она, где живет жена Клочкова. Женщина ничего не ответила, подхватила на коромысла ведро и молча пошла в гору. Мы замерли на месте, а потом увидели белое, как лист бумаги, лицо Ковалева. Какое-то время мы все молчали, а потом наш учитель спросил нас, поняли ли мы, что сделали, готовы ли поправить содеянное. Суровый урок был усвоен. Тяжелым было наше свидание с участницей трагических событий Гражданской войны; постепенно женщина оттаяла и рассказала нам свою трагическую историю. Пятнадцатилетнюю красавицу увидел Клочков и заявил, что вечером сыграет свадьбу, слезы матери и невесты он не хотел замечать. Вечером он сам объявил ее женой, потом были попойка и надругательства. Утром банда отправилась в новый путь, увозя с собой и ее. Возил он ее с собой несколько недель, издевался, а потом заявил, что она ему надоела, и бросил ее одну на лесной дороге. Несколько дней она добиралась до дома, тяжело болела, а когда вновь ожила, то в полной мере испила позор. Односельчане судачили о ней, рассказывали всякие небылицы. Она рассказывала, что рада была одному – не завелся ребеночек, видно, бил он ее сильно. Так и осталась она бездетной. Не оставляла ее в покое и новая власть, несколько раз допрашивали. А еще ей пришлось участвовать в опознании главаря бандитов, когда он был застрелен при задержании. Прошли десятилетия, а женщина все еще расплачивается за совершенное бандитом над ней насилие, ведь и мы пришли к ней не как к жертве. В этот вечер не было песен и смеха на нашей базе. Каждый молча переживал эту историю. Семен Федорович прервал общее молчание одной фразой: «Вот что такое Гражданская война» и замолчал надолго.

Закончив опросы в Мишелевке, мы готовились к походу в село Бельск. Нас влекли туда два исторических события: пройти по местам первопроходцев, основавших Бельский острог, и побывать на месте ссылки декабри-

ста П. Громницкого. Когда мы, пройдя несколько километров по чудесному лесу, вышли к излучине реки Белой, то увидели привольно раскинувшееся большое, красивое село. День был удивительно яркий, мы заворожено смотрели на открывшуюся красоту, и кто-то сказал, что в такой ссылке он готов бы был провести всю жизнь. В ответ мы услышали: «Представьте, что вы живете в этой красоте под постоянным и бдительным надзором, что нет ни библиотеки, ни газет, что образованных или просто грамотных людей практически нет, что нищенское содержание получаешь из казны, что даже в соседний лес можно пойти только после разрешения, а обратиться к врачу могут не разрешить съездить вообще. Вспомните, что вы еще сравнительно молоды, полны силы и знаний, которые применить нельзя. Ну, кто из вас готов жить в такой красоте и на таких условиях?» – глаза Коваля колюче смотрели на нас, и он ждал ответа, но мы молчали. В Бельске мы излазили острожную башню и запущенную, медленно умирающую красавицу-церковь. Потом пошли к дому Громницкого; с улицы он смотрелся поветшавшим, но все еще добротным красавцем. Но вот мы вошли во двор и увидели, что от пятистенка остались одна горница и сени. Во дворе мы увидели поленицу, но некоторые поленья были со следами масляной краски. Нынешний хозяин дома, пьяненький старик, сказал, что негодную часть строения разобрал, часть уже истопил, а это то, что осталось, дрова-то дорого стоят... Мы вошли в дом, нищета и убогость кричали из всех углов, но сохранились еще росписи маслом у окон, на потолке, на двери портрет мужчины в украинской рубашке и свитке. Мы все единодушно высказали предположение, что это портрет М. Лунина. Потом хозяин показал еще одну снятую с петель лиственничную дверь, на которой был плохо сохранившийся женский портрет (ныне – в Музее декабристов). Гибель мемориального памятника была близка, и Семен Федорович принял единственно правильное в тех условиях решение – вывоз двух дверей со следами живописи и фотографирование оставшихся росписей. Мы все сфотографировали, но располагали аппаратом ФЭД без вспышки, освещение в доме было плохое, и фотографии получились плохие. Семен Федорович с огромным трудом добился, чтобы в избу были поставлены новые двери и хозяину привезли машину дров. Уверена, что наш руководитель помог материально хозяину дома из собственных, не очень больших средств старшего преподавателя. Когда все организационные мероприятия были закончены, очень остро встал вопрос о том, как доставить экспонаты в Мишелевку. Мы предложили вновь обратиться к сельским властям, но встретили такую гневную отповедь, что замолчали. Мне, как бывшему музейщику, было поручено упаковать портреты и подготовить их к переноске. Были изготовлены два планшета, их обернули мешковиной, которую отдала нам одна деревенская жительница, из веревок сделали лямки. Подготовленные к переноске экспонаты надели на спины Семена Федоровича и Бориса Ржепко. Спустя годы в адрес Семена Федоровича посыпались несправедливые обвинения в том, что он разрушил памятник. Я свидетельствую, что если бы это не было сделано в тот год, то в печке сгорели бы и остатки дома декабриста. Ведь прошло больше

десяти лет, прежде чем общественность вспомнила о разрушающемся до- мике Громницкого.

Бельской эпопеей завершилась наша первая экспедиция под руковод- ством Семена Федоровича, зимой мы завершали обработку материалов, до- кладывали результаты на научных конференциях.

На следующий год мы решили провести обследование в Черемховском районе. Мы начали работу в с. Голуметь, затем были Верхняя и Нижняя Ирети и прилегавшие к ним заимки, Парфеново, Лохово, Верхний Булай, Мишелевка и, наконец, снова Бельск. Наша экспедиция численно выросла, теперь нас было двенадцать человек, да еще позже к нам приехали В. Андре- ев и А. Дулов. Работали все с настоящим энтузиазмом, люди относились к нам доброжелательно, охотно рассказывали нам о своих судьбах и о судьбах близких им людей. Очень ценные материалы были выявлены по истории сел, гражданской войны и сибирского партизанского движения, коллекти- визации и Великой Отечественной войны, бесценен материал об истории сельской интеллигенции. Сильное впечатление осталось от встречи с вете- раном Русско-японской войны. Могучий сибиряк, которому перевалило за восемьдесят, все еще красивый и статный, прекрасный рассказчик, живопи- сал об участии в сражениях под Ляояном и Мукденом. Он с гордостью рас- сказывал о генерале Куропаткине, и в его рассказах он представал храбрым и умным командиром, настоящим «отцом солдатам». Он припомнил песню, которую солдаты посвятили генералу, но сказал, что петь уже не может и потому «прокричит по-гураньи». И прокричал: «Енерал наш Куропаткин сидит браво на коне, сидит браво, смотрит прямо, шашкой делат хорошо».

В этой экспедиции у нас, кроме большой работы, был и интересный до- суг, мы часто устраивали костры, много пели и, конечно, разговаривали. Особенно запомнились вечера в палаточной стоянке под Бельском. Наши рыбаки приносили ведрами крохотных гольцов; девчонки, ворча и смеясь, чистили рыбешку на камешках, варили уху или жарили ее. Несмотря на позднее время и крохотные размеры рыбок, ужин был вкусным, заканчи- вался очень поздно, часто мы купались под луной, но особенно хороши эти летние вечера песнями. Запевалой был Саша Дулов, пели много старинных песен, наше «Славное море», «По диким степям Забайкалья», про Алексан- дровский централ, «Динь-бом, динь-бом, слышен звон кандалный» и мно- го современных песен. Потом мы узнали, что наш слаженный хор выезжали на лодках слушать жители Бельска. Еще мы устраивали праздники, отмеча- ли день рыбака (чествовали С. Ф. Ковалю и Виктора Андреева), был у нас день моряка (Боря Ржепко был моряком-подводником). Самым большим праздником был День экспедиции, с богатой трапезой, концертом, костром, ночным заплывом и нескончаемыми разговорами. В эту экспедицию шеф сделал нам большой подарок – поездку на Усть-Белую в гости к археоло- гам. Нас встретили очень радушно Герман Медведев, Миша Аксенов и Галя Зайцева. Эта поездка запомнилась на всю жизнь. Так закончилось второе экспедиционное лето. Нас ждал Иркутск, большая работа с собранными материалами, копирование фотографий, переданных нам во временное

пользование. Однажды Семен Федорович обнаружил, что я задержала отправку фотографий, гнев его был страшен, он не желал слушать никаких объяснений, и даже выполненные обязательства долго мешали нашим добрым отношениям. Обработанные коллекции легли в основу архива формирующейся лаборатории истории и этнографии университета.

Так закончился двухлетний наш экспедиционный союз с Семеном Федоровичем. Спустя годы я вновь вернулась к экспедиционной деятельности, и Семен Федорович всегда с большим интересом расспрашивал о наших результатах. Одобрил он и наш единственный опыт экспедиции в Балаганский район, вылившийся в книгу «Туман яром» и видеофильм «Встречи с Матерой».

Вспоминая учебу и работу под руководством Семена Федоровича, не могу не сказать о том внимании, которое он проявлял к нашим первым шагам в профессии и науке. Он помогал в выборе темы исследования, советовал, на что обратить особое внимание, как работать в библиотеке и архиве. Не щадя собственного времени и здоровья, он читал и правил наши рукописи, выступал неофициальным оппонентом на наших защитах. Тогда, когда от трудностей, встречавшихся на пути каждого из нас, мы опускали руки и готовы были отказаться от предстоящей борьбы, именно Семен Федорович оказывался рядом, поддерживал или сокрушительно распекал. Интересно, что после таких «профилактических бесед», пережив еще и его сокрушительный, но справедливый разнос, выяснялось, что силы у тебя есть, мысли прояснились, и ты вновь готов продолжить и завершить начатое. Прошли десятилетия после окончания университета, но при каждой встрече он заинтересованно спрашивал: «Как идут дела, над чем работаем?» Сам Семен Федорович работал много, совсем не щадил себя. Он поставил точку в своих рукописях только за несколько дней до кончины. Уже после его ухода вышла в свет книга о петрашевцах, снабженная глубоким комментарием. Он был всегда требователен к себе и к нам. Как хорошо, что мы развивались рядом с умным, строгим, требовательным и любящим своих учеников ученым, педагогом, воспитателем!

Источник: Известия ИГУ. Серия «История». 2001. № 1. С. 205-216.

Материалы заседания «круглого стола» «Профессор Ф. А. Кудрявцев – патриарх сибирской исторической школы»

(Заседание состоялось 2 октября 2009 г. в рамках Всероссийской научной конференции «Сибирское общество в контексте мировой и российской истории (XIX–XXI вв.)», ИГУ, исторический факультет).

Д.и.н., профессор Ю. А. Петрушин
(ИГУ, Иркутск)

22 октября исполняется 110 лет со дня рождения замечательного историка, доктора исторических наук, профессора Иркутского университета Федора Александровича Кудрявцева. В этот день его коллеги, ученики, историки Иркутского университета решили поделиться своими воспоминаниями о Федоре Александровиче, мыслями о его творческом пути и роли в развитии сибирской историографии. Одной из центральных тем в творчестве Ф. А. Кудрявцева была история каторги и политической ссылки в Сибири. Многие статьи ученого посвящены истории декабристов и ссыльных поляков. К юбилею приурочен выпуск полного библиографического указателя его научных трудов.

В заседании «круглого стола» приняли участие школьники из Олонской средней школы Дзялик Галина, Попова Кристина и Тусменова Алена. Под руководством учителя Л. М. Соколовой они подготовили презентацию о детских годах Ф. А. Кудрявцева в с. Олонки, представили неизвестные прежде фотографии и письма Ф. А. Кудрявцева землякам, рассказали о селе Олонки, где жили предки Ф. А. Кудрявцева и где родился он сам.

Жизненный и творческий путь Федора Александровича Кудрявцева органично вписался в новейшую историю нашей страны. Вместе со своим народом он прошел все этапы дореволюционной России и советской дей-

Ф. А. Кудрявцев

ствительности, был их современником, а затем историографом. Добиться научных высот ему во многом помогли природный оптимизм и сибирский характер, ограниченный постоянным общением с простыми людьми, учеными-педагогами, аспирантами, студентами. Ученый-энциклопедист оставил о себе неизгладимую и добрую память. Его научный и педагогический авторитет до сих пор остается своеобразным эталоном высокой научной квалификации, человеческой добропорядочности, простоты и доступности в общении с людьми.

Федор Александрович Кудрявцев родился 5 ноября 1899 года в старинном сибирском селе Олонки Иркутской губернии. Отец и мать Федора Александровича рано ушли из жизни, он остался без родителей, жил и воспитывался в семье брата-инженера. Среднее образование Ф. А. Кудрявцев получил в Иркутской губернской гимназии. Провинциальный дух, простые образы сельчан и горожан с детства и юности вошли в сердце Ф. Кудрявцева, волновали его всю последующую жизнь, стали ориентирами в научном творчестве.

Юность и молодость Ф. А. Кудрявцева совпали с событиями Октябрьской революции и гражданской войны. Он был не только свидетелем, но и участником этих переломных лет. В 1919–1920 гг. служил в частях Красной Армии Восточного фронта. В 1920 году его откомандировали на учебу в Иркутский государственный университет на историческое отделение. Изрядный запас ярких и трагичных жизненных впечатлений, накопленный молодым, вдумчивым человеком, не мог не переплавиться на студенческой скамье в глубокие и прочные научные исторические знания. Уже в студенческие годы Ф. Кудрявцев приобщился к исследовательской работе. В ту пору едва ли не главной исследовательской тематикой было освободительное движение. Не случайно дипломная работа выпускника Ф. А. Кудрявцева была выполнена на тему «Восстание поляков на Кругобайкальском тракте в 1866 г.». Работа была написана на архивных материалах. Введение в научный оборот новых неопубликованных источников вызвало живой интерес у научной общественности. Позднее эта работа была опубликована в сокращенном переводе в Польше.

В ходе учебы в университете Ф. А. Кудрявцев познакомился с лекциями интересных ученых и признанных педагогов В. И. Огородникова, Б. Э. Петри, Б. Г. Кубалова. Книги и статьи этих и других известных историков с дарственными подписями он трепетно сохранял в своей личной библиотеке. Университетские педагоги привили молодому историку вкус к научно-исследовательской работе, заложили принципы историографической культуры дореволюционной школы историков, основанные на общечеловеческих ценностях и цивилизационном подходе, которые сыграли свою роль в дальнейшем научном творчестве Ф. А. Кудрявцева (широта мышления, преодоление мелкотемья, глубокая самостоятельная разработка социально-политических и экономических вопросов истории Сибири). Главной исследовательской задачей принималась парадигма – достичь за счет кри-

тического изучения источников приращения исторической науки новыми знаниями. Этот принцип исповедуют сегодня и ученики Ф. А. Кудрявцева.

После окончания Иркутского госуниверситета Ф. А. Кудрявцев связал свою судьбу и творчество с Бурятией. Здесь он начал трудиться учителем истории и обществоведения Верхнеудинской школы 2-й ступени № 2 им. В. М. Серова, а затем перешел на должность научного сотрудника Архивного управления БМССР. В это время выходит в свет одна из первых его публикаций о декабристе В. Ф. Раевском (Иркутск, 1924, 1925 гг.) и первая рецензия на книгу В. Е. Глузковского о Дальневосточной области (1925 г.). Эта проблематика на долгие годы определит интерес Ф. А. Кудрявцева к декабристоведению, а жанру «рецензия» у него посвящены более десятка публикаций. Одновременно Ф. А. Кудрявцев развертывает в республике большую научно-краеведческую работу в научном обществе им. Д. Банзарова, Государственном институте культуры, сотрудничает в журналах «Жизнь Бурятии», «Бурятоведение». Он пишет ряд работ по истории Бурятии, которая стала одной из основных тем в творчестве ученого. Кроме местных фондов Ф. А. Кудрявцев использовал для изучения этой темы центральные архивы.

В 1931 году Ф. А. Кудрявцев возвращается в Иркутск и продолжает работу старшим научным сотрудником Краевого архивного управления. В это же время началась его педагогическая деятельность в высших учебных заведениях г. Иркутска: Иркутском педагогическом институте, Коммунистическом университете. После восстановления в Иркутском государственном университете историко-филологического факультета в 1940 году Ф. А. Кудрявцев был приглашен на создаваемую кафедру истории СССР. В течение многих лет он читал на историческом отделении историю Сибири, историю средних веков, историю южных и западных славян. У него учились И. И. Кузнецов, В. Т. Агалаков, Н. Н. Щербаков, В. П. Олтаржевский, ставшие сами докторами наук, профессорами. Ф. А. Кудрявцев, как и некоторые его коллеги, не избежал репрессий 1930-х гг. В 1937 году он был арестован, обвинен по ст. 58 и помещен в Иркутскую тюрьму. К счастью, в том же году он был освобожден, а в 1938 году его «дело» было прекращено. Можно только догадываться, что творилось в это время в душе историка, но Ф. А. Кудрявцев нашел в себе силы продолжить научную работу. В 1940 году в издательстве АН СССР выходит капитальное исследование Ф. А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа: очерки», которое автор успешно защитил в качестве кандидатской диссертации в Иркутском госуниверситете в 1942 году. По подсчетам историка С. В. Бильдуевой, не менее половины многочисленных работ Ф. А. Кудрявцева посвящены различным аспектам хозяйственной, социально-политической и культурной жизни бурят в XVII–XIX вв.

В годы Великой Отечественной войны Ф. А. Кудрявцев, как и многие историки той поры, обратился к военно-патриотической тематике. По мнению профессора В. Т. Агалакова, изданные Ф. А. Кудрявцевым пожелтевшие теперь уже брошюры о боевых традициях сибиряков, о знаменитой

Иркутской гвардейской дивизии, о вкладе Сибири в Победу производят сейчас особое впечатление. И тогда они вызвали патриотический отклик у трудящихся области.

В послевоенное десятилетие научно-педагогическая деятельность Ф. А. Кудрявцева развернулась с еще большим размахом. Наиболее значимой работой ученого в сибирской историографии стала обобщающая монография «История бурят-монгольского народа с XVII века до 60-х гг. XIX века». В ней всесторонне освещен процесс исторического развития бурятского народа за два с половиной столетия. Ф. А. Кудрявцев стал одним из ведущих авторов и редакторов двухтомного труда «История Бурятской АССР», выдержавшего три издания (1951, 1954, 1959 гг.). Им подготовлены главы и разделы, посвященные присоединению Бурят-Монголии к России, социально-экономическому и культурному развитию Бурят-Монголии в XVII–XIX вв., истории ссылки и каторги, а также показаны периоды завершения реконструкции народного хозяйства (1933–1937 гг.), культурной революции в Бурятии (1917–1937 гг.). Завидная плодовитость ученого! Можно сказать, что в это время Ф. А. Кудрявцев как ученый и педагог вступил в пору своей зрелости. Вокруг него группировались способные и талантливые ученики, складывалась своя научная школа. Он плодотворно работал в ту пору с известными учеными и педагогами М. А. Гудошниковым, С. В. Шостаковичем, В. И. Дуловым. Его труды получили высокую оценку специалистов. После смерти М. А. Гудошникова Ф. А. Кудрявцев возглавил кафедру истории СССР в Иркутском государственном классическом университете, в 1961 году ему было присвоено звание профессора. Коллектив кафедры во главе с профессором Ф. А. Кудрявцевым постепенно выдвигается в центр исторических исследований региона. В это время томские, новосибирские, иркутские историки являлись «законодателями моды» в сибирской историографии. Ф. А. Кудрявцев был неременным участником всех крупных научных региональных и всесоюзных конференций, где решался вопрос о создании обобщающих фундаментальных трудов по истории Сибири. Он принял самое деятельное участие в подготовке и написании многотомной «Истории Сибири». Капитальное пятитомное издание вышло в ленинградском отделении издательства «Наука» в 1968–1969 гг. Ф. А. Кудрявцев являлся членом главной редакции этого издания, редактором третьего тома, автором ряда разделов второго и третьего томов «Истории Сибири», не потерявшей своего значения и сегодня. Это фундаментальное издание было награждено Государственной премией СССР.

С неослабевающей настойчивостью, достойной подражания, Ф. А. Кудрявцев продолжал работу над повышением своего научного уровня. В 1970 году в качестве докторской диссертации Ф. А. Кудрявцев представил доклад, обобщающий содержание его научных трудов на тему: «Вопросы экономического развития и социальных отношений в Сибири в XVIII–XIX вв.» (Новосибирск, 1970 г.). Блестяще защищенный докторский доклад (4 п. л.) осветил главные направления и результаты научной деятельности профессора Ф. А. Кудрявцева.

Ученый успешно разрабатывал проблемы истории бурятского народа и русского населения Сибири, истории региональной промышленности, образования и культуры, вопросы общественного и революционного движения в крае. Эта широкая тематика нашла свое отражение и развитие в кандидатских диссертациях его учеников, которые стали известными учеными Сибири. В их числе профессора В. В. Алексеев, И. И. Комогорцев, А. В. Дулов, Л. М. Дамешек, Б. С. Шостакович и др.

Научная и педагогическая деятельность профессора Ф. А. Кудрявцева всегда была неотделима от его общественной работы. Он был одним из организаторов Иркутского отделения общества «Знание», многие годы возглавлял Общество советско-монгольской дружбы, состоял членом президиума Общества изучения Восточно-Сибирского края, был членом-учредителем Общества охраны памятников истории и культуры, широко известна серия его работ по истории города Иркутска.

В 1957 году Ф. А. Кудрявцев был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1970 г. – медалью «За доблестный труд». Правительство Монгольской республики наградило его медалью «Дружба». Ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники Бурятской АССР. Но, пожалуй, главная награда Ф. А. Кудрявцева хранится в памяти его многочисленных учеников и исследователей. Его помнят и чтят на родном историческом факультете Иркутского государственного университета. Здесь работает кабинет его имени, сохраняется его личная библиотека. В Государственном архиве Иркутской области есть специальный фонд Ф. А. Кудрявцева. Проводятся научные конференции, посвященные памяти авторитетного ученого, поддерживается связь с его родным селом Олонки, изучается его жизнь и научное творчество. Вглядываясь в жизнь и творчество Ф. А. Кудрявцева, прожившего на свете далеко не безоблачные чуть более чем три четверти века, мы невольно задумываемся о смысле его научного и педагогического авторитета: над ним не властно время.

Д.и.н., профессор В. П. Олтаржевский (ИГУ, Иркутск)

Уважаемые коллеги. Я учился у Федора Александровича в те годы, когда он был ведущим преподавателем нашего факультета. При этом он работал одновременно на двух кафедрах. По штату он значился преподавателем кафедры истории СССР, но одновременно работал и на кафедре всеобщей истории, которой тогда руководил профессор С. В. Шостакович. Безусловно, Ф. А. Кудрявцев был масштабной фигурой и для нашего факультета и для исторической науки Сибири. Я попытаюсь сделать некоторые обобщения относительно его научной и педагогической деятельности, но прежде хотел бы напомнить вам некоторые обстоятельства. Федор Александрович в нашей памяти, его учеников, остался как специалист экстра-класса в области истории Сибири. В этом была и его научная слава, и основная сфера педагогической деятельности. Но, наверное, уже мало кто помнит и другую сторону его биографии – многие годы он преподавал две дисциплины по

кафедре всеобщей истории – курсы истории средних веков и истории южных и западных славян. Я очень горжусь тем обстоятельством, что преподавание курса истории средних веков я принял из рук Федора Александровича. До этого я слушал его лекции, и в моем архиве хранятся две толстые тетради моих записей его лекций. Это – совершенно бесценный материал, который, быть может, не имеет никакого научного значения, но для меня это – часть памяти о Федоре Александровиче и о моих студенческих годах.

Федор Александрович был не только педагогом и не только исследователем. Он был душой нашего исторического сообщества на факультете. Те, кто давно работает на факультете, знают, что он был причастен к организации когда-то очень динамично развивавшегося традиционного студенческого вечера «Геродот». Он был самым первым «магистром» праздника, который «посвящал» студентов в истории увесистым томом «Всемирной истории». Делал он это всегда очень изящно, с шуткой.

Федор Александрович прекрасно пел, он знал массу песен. В добрые старые времена мы собирались или у него дома, или у С. В. Шостаковича, и там обязательно звучал его голос, непрменная старая студенческая песня «Из страны далекой»... Его очень любили студенты. Со студентами он вел себя очень просто и на занятиях, и в неофициальной обстановке. Никогда он не давал почувствовать ни студентам, ни нам, молодым преподавателям, свое превосходство в знаниях, да и разницу в возрасте. Он мог свободно прервать лекцию, прочитав стихи, он мог запеть на лекции. Он был добрейшей души человек, готовый оказать любую помощь – начиная от научных советов и кончая материальной. Он никому никогда не отказывал. В моей памяти Федор Александрович это прежде всего ученый, который ввел нас, студентов, молодых преподавателей, в очень сложную, большую систему организации исследований. Особенно мы были горды, когда Федор Александрович рассказывал нам о том, как создавалась 5-томная «История Сибири», о тех спорах и дискуссиях, которые при этом возникали. При этом делал он это достаточно осторожно, не допуская каких-то резких высказываний в чей-либо адрес.

Федор Александрович был замечательным педагогом, тому, как он доносил знания до студента, стоило поучиться. Конечно, нам повезло, мы учились у замечательных учителей. Это и С. В. Шостакович, и С. Ф. Коваль, и, конечно же, Федор Александрович. Я горжусь, что был его учеником.

Д.и.н., профессор Б. С. Шостакович (ИГУ, Иркутск)

Уважаемые коллеги. Уже говорилось о том, что Федор Александрович читал по нашей кафедре, а в ту пору она называлась кафедрой всеобщей истории, курс истории южных и западных славян. Так получилось, что именно меня он подготавливал к тому, чтобы передать этот курс. С его благословения я взялся за этот курс и читаю его до сих пор. Я также был одним из последних его аспирантов. Федор Александрович не был славистом, но тема русско-польских связей в Сибири ему была известна и, в определенной

мере, близка. Первоначально предполагалось, что я должен был в кандидатской диссертации описать всю историю поляков в Сибири. В ходе работы выяснилось, что это слишком масштабная задача, и охватить всю тему в диссертации вряд ли возможно. В этой связи Федор Александрович постоянно помогал мне корректировать направление моих исследований.

Главными для него были, конечно, классические сюжеты сибирской истории, но он был и зачинателем историографии поляков в Сибири. Надо вспомнить, что его магистерская диссертация была посвящена восстанию ссыльных поляков на Кругобайкальской дороге в 1866 году, которую он написал на архивных материалах, в ту пору совершенно неизвестных. Он выступил здесь и как архивист, и как исследователь. В сокращенном виде часть этой работы в переводе на польский язык была опубликована в журнале польской секции истпарта. Правда, в новосибирском архиве мне встретилась корректура рукописи, видимо, той самой работы Федора Александровича. Она готовилась к изданию в новосибирском издательстве, но по какой-то причине опубликована так и не была. В свое время я делал какие-то выписки из этой работы, но, может быть, стоит подумать о том, чтобы разыскать эту рукопись и опубликовать ее с комментариями, которые сейчас, конечно же, необходимы. Никто эту интереснейшую работу до конца не оценил. Кроме того, Федор Александрович готовил материалы по теме «Поляки в Сибири» для не вышедшего 5-го тома Сибирской энциклопедии. Эти материалы также не увидели свет в окончательном варианте.

Я всегда вспоминаю Федора Александровича с чувством благодарности и большого уважения, и как своего учителя, и как зачинателя нового научного направления сибирско-польской истории. К этому направлению присоединился и С. Ф. Коваль, хотя отношения с ним, видимо, в силу особенностей его характера, складывались не самым лучшим образом. В моей памяти Федор Александрович остается очень добрым человеком, даже трогательным и в чем-то беззащитным. Нельзя сказать, что ему легко жилось, так как семья у него не сложилась, долгие годы жил он один, со всеми вытекающими из этого обстоятельства бытовыми и прочими сложностями. При этом он никогда не говорил об этих своих проблемах. Он очень любил быть с людьми, и при этом чувствовалось его одиночество.

Как пожелание, хотелось бы предложить подготовить сборник воспоминаний о Федоре Александровиче. К сожалению, многих, кто его знал, уже нет на свете. Может быть, есть смысл переиздать те его работы, которые пользуются наибольшей популярностью и которые стали теперь библиографической редкостью. Будучи этой весной в архиве Академии наук в Петербурге, я обнаружил фонд Инессы Игнатович. Она была специалистом по истории крестьянских движений в России. Какое-то время она работала в Сибири, в Иркутском университете. В ее записях обнаружили материалы семинаров, которые она вела для студентов-историков. Там фигурирует и фамилия Кудрявцева. В том числе упоминаются доклады, которые он делал, есть замечания по этим докладам и другие интересные заметки. Эти мате-

риалы о Федоре Александровиче никому не известны и, вероятно, их также можно было бы опубликовать.

Д.и.н., профессор С. И. Кузнецов (ИГУ, Иркутск)

Уважаемые коллеги. Ф. А. Кудрявцев являл собой истинного ученого-энциклопедиста. Получив образование в классической гимназии, а затем в Иркутском университете, он прекрасно знал французский и греческий языки, латынь. Знакомясь с только что опубликованным библиографическим списком трудов Федора Александровича Кудрявцева, можно обнаружить в числе опубликованного им в 1957 году и такое издание: «Иркутск // Славное море: сб. ст. – Иркутск, 1957. – С. 497–502. Статью А. Монеджиковой перевел с болгарского Ф. А. Кудрявцев». То есть Федор Александрович, как выясняется, знал еще и болгарский язык, который хотя и близок к русскому, но все же является иностранным. В. П. Олтаржевский вспоминал, что Федор Александрович пел на лекциях. А мне помнится то, как он совершенно свободно в ходе лекции переходил на французский язык, которого мы, не кончавшие гимназий, естественно, знать не могли.

Как известно, одной из центральных тем, занимавших Ф. А. Кудрявцева, была история Бурятии. В 1940 г. в Ленинграде в издательстве Академии наук он опубликовал книгу очерков по истории бурят-монгольского народа от XVII до 60-х годов XIX вв. Труд этот в определенной мере не устарел и в наше время. В 1940-е же годы он был единственным обобщающим сводом исторических сведений по истории бурят. Не удивительно поэтому, что он сразу же привлек внимание и за рубежом. Мало кто знает, что в 1943 г. он был подготовлен к изданию японским Институтом Монголии и выпущен токийским издательством «Кигэнся» в переводе на японский язык. Расширяя экспансию на континенте, Япония придавала большое значение изучению истории, культуры, традиций и языков народов, населяющих северо-восточную Азию. В этом направлении работали научно-исследовательские институты, тесно связанные с военным ведомством. В самой Японии в те годы еще не было серьезных исследований по Бурят-Монголии, да и создание их было затруднено из-за отсутствия источников, невозможности в условиях войны их получения из СССР, недоступности для японских исследователей материалов советских архивов и библиотек. Вряд ли Ф. А. Кудрявцев знал о намерении японских издателей предпринять такое издание. Об авторских правах в то время еще говорить было не принято. По крайней мере, в списке опубликованных трудов за 1943 год он эту книгу никогда не указывал. Тем не менее книга эта в его библиотеке каким-то образом оказалась. Но как это произошло, уже никто не расскажет. Ф. А. Кудрявцев никогда не рассказывал об этом весьма лестном для историка факте своей биографии – кто еще в Сибири и даже СССР в те годы мог похвастаться изданием книги за рубежом? Может быть, для собственного спокойствия и безопасности, а может быть, просто не знал об этой публикации. Еще свежи были воспоминания об аресте в 1937 г. А чем грозила ему такая известность в 40-е, да и в

последующие годы, не требует объяснения. После его смерти книга вместе с его библиотекой оказалась на кафедре истории СССР Иркутского университета и долгое время там хранилась. Издание выглядит очень солидно, в традиционном для японских книг того времени темно-синем переплете. Любопытно, что издатели перенесли в книгу и все иллюстрации из ленинградского издания, но изъяли из текста все цитаты из трудов Маркса, Ленина и Сталина. Вероятно полагая, что для японского читателя они интереса не представляют, а к тексту книги мало что добавляют.

Занимаясь в 2007–2008 гг. в японских библиотеках, я обнаружил книгу Ф. А. Кудрявцева в фондах «Северной коллекции» библиотеки университета Хоккайдо в Саппоро. Более того, оказалось, что она достаточно известна в научных кругах и считается классическим сочинением по истории монголоязычных народов. Факт этот – еще одно подтверждение авторитета иркутского историка и его международного признания. Кстати, эта книга оказалась не единственным трудом Ф. А. Кудрявцева, изданным в Японии. В конце 1960-х – начале 1970-х годов, после выхода в свет 5-томной «Истории Сибири», японские издатели выпустили у себя сокращенный перевод этого фундаментального издания. В него вошли главным образом материалы досоветской истории, многие из которых принадлежали перу Федора Александровича.

Д.и.н., профессор Л. М. Дамешек (ИГУ, Иркутск)

Идея круглого стола принадлежит Ю. А. Петрушину. Мы обязаны помнить наших учителей. И я часто вспоминаю тех людей, у которых учился. Я окончил Иркутский пединститут и с Федором Александровичем я познакомился только в сентябре 1970 г., когда поступил в аспирантуру на кафедре истории СССР ИГУ. По сути дела, я был последним аспирантом, который защитился под руководством Федора Александровича. Федор Александрович был очень доволен, что я унаследовал от него «инородческую» тематику, которой потом и занимался.

Если говорить о наследии Федора Александровича, то я его достаточно хорошо представляю, поскольку внимательно его изучал. Наиболее удачной его работой, не умаляя, разумеется, других, следует считать «Историю бурят-монгольского народа». Она вышла в 1940 г. Книга эта очень цельная, написана она на материалах иркутского и бурятского государственных архивов. Федор Александрович долгие годы проработал в архивах и материалы знал прекрасно.

Мы хорошо знаем все связанное с написанием «Истории Сибири» и присуждением ей Государственной премии. Я хорошо помню обиду Федора Александровича, когда было объявлено о тех, кто вошел в число лауреатов. А ведь именно ему принадлежали важнейшие разделы этого фундаментального труда.

Мы начали выпускать исторический журнал, вышел в свет первый его номер. В него не случайно включена рубрика «Мемуары и воспоминания».

Мы надеемся, что в одном из следующих номеров в этой рубрике обязательно появятся материалы и о Федоре Александровиче.

Сегодня вспоминали о том, что в жизни Федора Александровича был 1937 год. Он был арестован. Уже в 1950-е годы наши партийные руководители в лице секретаря парткома Солодянкина напомнили ему об этом. Это было связано с тем, что Федор Александрович опубликовал статью об одной из иркутских церквей и удостоился благодарности священнослужителей. Он был вызван в партком, где и получил строгое внушение. Еще долгие годы Федор Александрович переживал эти события.

Д.и.н., профессор А. А. Иванов (ИГУ, Иркутск)

Творческое наследие Федора Александровича Кудрявцева отличается редкой многогранностью. В библиографическом списке его работ есть труды по истории революционного движения, народного образования, развития высшей школы, просвещения, краеведения, архивного дела в сибирском регионе и Бурятии. Вместе с тем его имя можно по праву связать и со становлением в Иркутске целого научного направления – началом систематического изучения истории царской каторги и ссылки в Сибирь. Именно Ф. А. Кудрявцев, вслед за своим учителем Б. Г. Кубаловым, стал разрабатывать здесь декабристскую тематику. Им созданы работы о В. Ф. Раевском, К. П. Торсоне, Н. А. Бестужеве, братьях Кюхельбекерах, а также об А. П. Щапове, о многогранном влиянии политической ссылки на культурную жизнь края. На мой взгляд, однако, самой весомой его работой этой проблематики можно считать «Александровский централ», изданный в Иркутске небывалым для сегодняшнего времени тиражом – 15 тысяч экземпляров.

Надо отметить, что содержание этой книги – гораздо шире казалось бы частной, «точечной» темы. По существу, это – одно из первых исследований сибирской ссылки в целом: автор подробно характеризует виды наказания каторжными работами, основные места сибирской каторги, оценивает систему тюремного содержания уголовных и политических, наконец, впервые (в советской историографии) пытается привести обобщающие количественные показатели ссыльных революционеров в Сибири в начале XX века.

Чтобы оценить значение этой книги, надо обратить внимание на год ее издания – 1936-й. Дело в том, что после октября 1917 г. тема царской каторги активно изучалась, в этот период были написаны сотни разноплановых и разножанровых исследований. Всесоюзное общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев, имея научные секции по всей стране, музеи и архивные комиссии, в том числе и в Иркутске, собирало воспоминания и мемуары еще живших старых большевиков и даже эсеров и анархистов. К тому же эта тема имела и ярко выраженное идеологическое звучание – новое поколение страны Советов должно было знать революционных героев.

Однако со второй половины 1930-х годов темпы исследования политической ссылки в Сибирь заметно замедлились: слишком многие вчерашние герои оказались «врагами народа». В 1935 г. было распущено Всесоюзное Общество, а разработка истории каторги была практически закрыта. В таких условиях выбор темы изучения истории Александровского центра требовал от исследователя немалого мужества, твердости характера, принципиальности и последовательности, наконец, преданности и любви к истории, к своей профессии.

Всеми этими качествами, думается, и обладал «патриарх» сибирской исторической науки Федор Александрович Кудрявцев.

Д.и.н., профессор М. В. Шиловский

(Новосибирск, Институт истории СО РАН):

К сожалению, я не знал Федора Александровича лично. Но я хорошо знаком с его работами, знаю его по рассказам коллег, в том числе своего научного руководителя Л. М. Горюшкина, как участника этого легендарного проекта многотомной «Истории Сибири». Этот проект впервые интегрировал всех историков Сибири, объединил усилия историков Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Томска. Думается, что этот проект надо реанимировать и попытаться вновь создать что-то подобное. 110-летний юбилей Ф. А. Кудрявцева, как одного из зачинателей современной сибирской историографии, стоит в одном ряду с мероприятиями, посвященными 100-летию известного кемеровского историка З. П. Карпенко, 100-летием И. М. Разгона и 100-летием З. Я. Бояршиновой в Томске и др. Как известно, в свое время коммунисты прекратили преподавание истории в школе, были закрыты исторические факультеты в университетах. И все это возобновилось только в 1934 г. В пединститутах истфаки вновь открылись только в 1938, а в университетах – в 1940 г. При этом свою работу они не успели как следует развернуть, поскольку началась война, и все пришлось начинать сначала уже после ее окончания. Эти историки, которых я назвал, стояли у истоков современных исторических школ. В Иркутске это были Ф. А. Кудрявцев и В. И. Дулов, которые начали здесь подготовку исторических кадров и стали закладывать основу исторической школы. Можно сказать, что современная корпорация историков-сибиреведов сложилась во многом благодаря этим людям. Конечно, они были людьми своего времени, и с историографической точки зрения можно им предъявить определенные претензии. Но надо принимать во внимание и их возможности, и ту источниковую базу, на которую они опирались. Большое количество среди них было так называемых «штрафников», которые подобно И. М. Разгону были подвергнуты аресту и высланы затем в Сибирь. Думается, что мероприятия, подобные нашему «круглому столу», посвященному Ф. А. Кудрявцеву, это не просто дань памяти замечательного историка, но и напоминание о

той интеграции историков Сибири, инициатором которой они были и которую мы обязаны продолжать.

К.и.н., доцент В. П. Шахеров (ИГУ, Иркутск)

Сегодня прозвучало довольно много воспоминаний, и все мы еще раз убедились, что Федор Александрович – это та фигура, которая объединяет историков не только Иркутска, но и Сибири. Все мы воспитывались и росли как историки на его работах. Это неспроста, ведь Федор Александрович в своем творчестве затрагивал самые различные вопросы истории Сибири, в его трудах исследовались очень многие сюжеты. В этой связи возникает мысль о том, чтобы провести на историческом факультете чтения, посвященные памяти Ф. А. Кудрявцева, и более того, сделать это научное мероприятие периодическим. Таким образом, мы не только сохраним память о Федоре Александровиче для новых поколений историков, но и будем содействовать той историографической интеграции, о которой коллеги говорили. Сейчас очень хорошее время для того, чтобы выступить с этой инициативой. Ведь через два года – юбилей города Иркутска, а именно Федор Александрович является его первым историографом. Его книга очерков по истории Иркутска до сих пор не утратила своего значения. Поэтому предлагаю в 2011 году созвать такую конференцию и дать ей название «Кудрявцевские чтения».

Проф. Ю. А. Петрушин:

Уважаемые коллеги. Благодарю всех за участие в работе нашего «круглого стола». Мы постараемся обработать его материалы, с тем чтобы опубликовать их. Участники заседания не только поделились своими воспоминаниями, которые будут зафиксированы, но и высказали весьма полезные мысли и предложения. Мы начнем работу по подготовке книги о Федоре Александровиче, в которую могут войти и воспоминания о нем, и историографические статьи, может быть, и что-то из его неопубликованного наследия. Налажен контакт со средней школой с. Олонки, так что память о Ф. А. Кудрявцеве хранится не только в университете, но и у него на родине. Принимается и предложение В. П. Шахерова о проведении «Кудрявцевских чтений», которые могут стать событием для сибирских историков.

Источник: Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2009. – Вып. 5 (17). С. 572–587.

А. А. Иванов

«... Любящий Вас Б. Кубалов»

Б. Г. Кубалов

Разбирая в Государственном архиве Иркутской области личный фонд Ф. А. Кудрявцева, совершенно неожиданно наткнулся на дело № 123, в котором обнаружил несколько праздничных открыток, а главное – 10 писем Бориса Георгиевича Кубалова Федору Александровичу Кудрявцеву, написанных в 1957–1963 гг. в Москве. Пожелтевшие листы писчей бумаги, вырванные из школьной тетради разлинованные страницы, заполненные убористым и еще твердым почерком [2]. Все письма просто пронизаны любовью учителя к одному из лучших своих учеников, радостью за то, что он, несмотря ни на что, остается верен когда-то избранной проблематике, продолжает изучать историю родного края, города Иркутска, Сибири.

Как известно, Б. Г. Кубалов родился в семье провинциального актера в 1879 г., получил университетское образование на юге России, преподавал в Екатеринославе и Одессе, написал и издал учебник по курсу русской истории для гимназий и самообразования. В 1910 г. судьба забросила его в Иркутск, где Кубалов получил место преподавателя истории в мужской гимназии, затем работал в Нижнеудинском реальном училище, после создавал гимназию в Петровском Заводе. В начале 1920-х гг. Борис Георгиевич был приглашен в Государственный университет, сначала ассистентом при кабинете, а затем и преподавателем на кафедру русской истории [5, с. 99].

«Иркутский период» в жизни Б. Г. Кубалова наполнен не только научно-педагогической деятельностью. Он активно занимается пропагандой исторических знаний, участвует в работе нескольких обществ, народного университета. В 1922 г. Борис Георгиевич назначается заведующим губернским архивным бюро, много сил и времени уделяет систематизации и научной классификации имеющихся материалов, организации архивной службы в Иркутске и городах Восточной Сибири [4, с. 101–102]. Работа с ценнейшими, никогда не публиковавшимися документами, рассказываю-

щими о пребывании в сибирской ссылке декабристов, петрашевцев и народников, окончательно оформляет и личные научные интересы Кубалова – история политической ссылки в Сибирь второй половины XIX в.

Как это ни странно может прозвучать сегодня, но тогда, в начале – середине 1920-х гг., тема декабристской и народнической ссылки в Сибирь была отнюдь не в центре внимания профессиональных историков. Специалистов по политической истории России в большей мере интересовала ссылка большевиков, представителей рабочих организаций, свергнувших царизм в 1917 г. Народники же и декабристы оценивались лишь как «путчики» пролетарских масс, дворяне, постоянно проявлявшие «мягкость» и «мелкобуржуазную революционность». Общепринятую в советской историографии точку зрения по этому вопросу отразила статья М. М. Константинова в «Сибирской советской энциклопедии». Так, автор в большом материале о сибирской ссылке утверждал, что в Сибири «влияние декабристов было поверхностным, – оно проникало лишь в верхние слои местной буржуазии и чиновничества», и по своему содержанию деятельность дворянских революционеров лишь «ограничивалась культурничеством». Их научно-исследовательская работа также была «незначительна». По мысли автора, участники восстания 1825 г., как и «польские инсургенты, петрашевцы и каракозовцы», не оказали сколько-нибудь заметного воздействия на «общественно-политическое воспитание и организацию масс» [6, с. 614].

В этой ситуации, при всесилии и подавляющем господстве государственной идеологии, для исследователя-историка, выбравшего тему декабристской ссылки, требовалось немалое мужество и твердость характера. Наверное, Борис Георгиевич обладал этими качествами в полной мере, потому что уже в 1923–1925 гг. на неизданных архивных материалах подготовил и опубликовал две работы – «Страницы из жизни Бакунина и его семьи в Сибири» и «Сибирь и самозванцы», а в 1925 г. увидело свет одно из лучших его исследований – «Декабристы в Восточной Сибири». Написанная живым, доступным языком, эта книга вызвала неподдельный интерес как в научном мире, так и среди самых широких читательских масс. Она актуальна и сегодня, часто используется современными авторами как прошедший проверку временем незаменимый и содержательный источник политической истории Восточной Сибири [7; 8].

Издание вышеуказанных книг, разработка и чтение специального курса лекций, постоянное расширение и обогащение проблематики своих исследований – все это делает Б. Г. Кубалова признанным лидером новой обширной научной темы, «одним из родоначальников иркутской школы декабриствоведения» [9, с. 9]. Вокруг него быстро складывается кружок учеников, «зараженных» увлеченностью своего учителя. Среди этой молодежи заметно выделялся своими способностями Ф. А. Кудрявцев, писарь одной из частей Красной армии, откомандированный в университет и учившийся здесь на историческом отделении гуманитарного факультета в 1920–1924 гг. Уже тогда Кудрявцев вполне профессионально изучал историю «польской ссылки», а завершая свое обучение, под руководством Б. Г. Кубалова выпол-

нил дипломную работу «Восстание поляков на Кругобайкальском тракте в 1866 г.», изданную в Польше в 1927 г. [1, с. 103].

В 1925 г. судьба развела учителя и ученика: Борис Георгиевич уехал в Москву, работал архивистом-консультантом Управления Центрархива РСФСР, затем резко поменял род своей деятельности – приобрел профессию инженера-взрывника и с 1931 г. перешел на службу в «Союзвзрывпром», где написал и опубликовал три книги по истории взрывного дела в СССР [3, л. 15–16]. По всей видимости, отношения с Ф. А. Кудрявцевым в 1930-е гг. стали эпизодическими и только с 1957-го были возобновлены. Подтверждение тому – десять писем из личного фонда Кудрявцева.

Помимо любви к своему талантливому ученику, читатель без труда найдет в этих письмах еще одну особенность – всеобъемлющее стремление автора, несмотря на покидающие его силы, «служить к вящей славе милой ... сердцу Сибири». Таким, бескорыстным и талантливым исследователем истории нашего края, и был Б. Г. Кубалов. В настоящей публикации даются лишь четыре, на наш взгляд, наиболее интересных письма Б. Г. Кубалова. Стилистика данных документов полностью сохранена.

Письма Б. Г. Кубалова Ф. А. Кудрявцеву*

Дорогой Федор Александрович.

Привет из Москвы от старого-престарого Вашего учителя и благодарности за сделанные замечания на мою работу, присланные мне редакцией; хотелось бы их иметь побольше, тем более, что ни одна работа, как бы она ни была хорошо написана, не может считаться вполне законченной.

Вот и теперь, возвратившись из санатория, где я провел около двух месяцев, немного укрепил свое неутомимое сердце и снова принялся читать своего Герцена, как работу, написанную кем-то другим, а не мною. Строгий к другим, оказался более придирчивым к себе. Просмотрев вторично весь «Колокол», снова направился в Центр. госуд. истор. архив, в Московский областной, в отд. рукописей б-ки Ленина. В фондах (нрзб.), Игнатьева, (нрзб.), Корсаковых, (нрзб.) – нашел несколько новых интересных штрихов и фактов, например, дело Дейхмана О. А. о гуманном отношении к Михайлову, увольнение его со службы и отдача под суд, о том, что на Амуре крестьяне ждали, что придет Гарибальдий (sic) и принесет волю, так как полученная воля – не воля; а на юге России, где в свое время, например, в Одессе, пришлось побывать этому другу Герцена и борцу за свободу – имя его превратилось в «Загребайло» – легендарного казака, готового повести крестьянство к счастливой жизни. Высказал в новой редакции мысль и о том, что Достоевский, испытавший на себе все ужасы каторжной омской тюрьмы и семипалатинской солдатчины, укрепился не без влияния настойчивых требований Герцена о гуманности в необходимости еще решительней с 60-х годов выступить в защиту бедных людей, униженных и оскорбленных.

* Орфография и стиль автора сохранены.

В исправленном и дополненном виде работу, вторично отпечатав на машинке, в двух экземплярах 20 января пошла в редакцию. Очень жаль, что до сих пор не получил из редакции отзыва о работе, составленного Всева Иван. Хотелось бы, чтобы работа была выпущена издательством в первой половине 57-го года к столетнему юбилею со дня выпуска в свет первого листка «Колокола».

«Литературное наследство» сейчас выпустило 63 том, посвященный Герцену, там есть и моя небольшая публикация с вводной статьей о Раевском, о дуэли 1859 г. Хотелось бы, чтобы прочтя этот том, Вы дали бы, хотя бы вместе с Вс. Ив., рецензию о нем если не в целом, то в отношении к вопросам, связанным с Сибирью. Вам наверно известно, что последние 25 лет я приобрел новую профессию инженера-взрывника. Работа в этой области была тем хороша, что обеспечила меня и дала возможность не думать о завтрашнем дне. Взрывному делу посвящены три мои большие работы. Одну из них – история взрывного дела в СССР, выпущенную в 1949 году, насколько помню, направил Вам.

Теперь «на старости я сызнова живу», минувшее Сибири проходит предо мною. Снова перечитываю сделанные 25 лет тому назад выписки из разных работ, архивных материалов, наброски и планы задуманных ранее тем, т. е. перебираю весь строительный материал для новых сооружений. Хочется в свои 78 лет сделать на оставшемся коротком отрезке жизни больше, чем сделано в зрелые годы к вящей славе милой моему сердцу Сибири.

Одновременно с этим письмом я отправил письмо и Кон. Влад. В нем я высказал пожелание, чтобы из Сибири был поднят вопрос о возобновлении издания «Сов. Сиб. энциклопедии» или, по крайней мере, двух ее последних томов. 4-й том, насколько мне известно, был выпущен в количестве 25 экз. и не в полном объеме, а только в 17 печ. первых листов. Секретарь редакции, мой лучший друг и ученик А. Н. Тудунов, умер в окт. 54 года, у его вдовы сохранились кое-какие материалы, связанные с планами издания 4 и 5 томов этого издания. Обсудите это предложение с вашими товарищами, возможно привлечь томичей, новые силы Якутского, Владивостокского университетов. Важно, чтобы мысль о возобновлении издания снова взошла из недр Сибири.

Прошу сообщить мне над чем работаете Вы лично, ваши товарищи по профессии. Над какими темами работают аспиранты, кто ведет курсы истории в Якутске, Владивостоке.

Привет Вам от Михайловской, канд. ист. наук, от Поповой (зав. музеем быв. Тр. Серг. Лавры, где, между прочим, погребен был уже в третий раз Неклюдов, о чем неизвестно историкам), а также от Веры Евг. Дербиной – преподавательницы историко-архивн. института и начальника Моск. обл. архива. В ожидании ответа, любящий Вас Б. Кубалов.

[Без даты]

Источник: ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 1-1 об.

Письмо ваше, дорогой Федор Александрович, хотя и отправленное давно, получено лишь сегодня. Вина тому рассеянность отправителя. Больше 30 лет проживаю я на улице 2-й Бауманской д. 3 кв. 17, а вы на конверте написали 2-я Басманная, а в Москве такой и нет. Вот почему письмо дней десять и путешествовало. Я весьма рад тому, что получил его. Хвала работникам связи!

Ваш труд «Соц. экон. развитие юго-вост. Сибири» должен по новизне тематики представить большой интерес. Ведь этому вопросу почти не уделялось никакого внимания. Я полагаю, что это ваша докторская диссертация и вы, по свойственной вам скромности, умалчиваете об этом. Смее думать, что вы уже и защитили ее. Если мое предположение правильное, то сообщите, где и когда. Если же только подготовлена к защите, то почему нет ее в Ленинской библиотеке, куда в одном экземпляре направляются все кандидатские и докторские диссертации. Так как, по вашим словам, работа выйдет в свет лишь в 1958 г., а к тому времени я, весьма возможно, могу отправиться *ad patres*, то хотел бы ознакомиться хотя бы с оглавлением работы. Руководит мною в данном случае не только «любопытность» историка, но и теплое чувство дружбы. Возможно, что по некоторым вопросам у меня возникнут те или иные соображения, а может быть, среди моих личных бумаг найдутся кое-какие копии архивных документов. И с «соображениями», и с копиями охотно поделился бы с вами. Из вашего письма я вывел заключение, что материалами Московских архивов вы не пользовались, а в них, надо думать, можно найти, например, в «Древлехранилище» материалы особенно по XVIII в.

Капитальных работ современных историков по Сибири очень мало. С выпуском их в свет встречаются большие затруднения. Так, докторская дис-ия красноярца П. И. Кабанова «Амурский вопрос и его завершение», законченная десять лет тому назад, до сих пор не издана. К тому же и ознакомиться с ней затруднительно: 1-й том ее в Ленинской б-ке, 2-й в б-ке пед. ин-та им. В. Потемкина, что представляет большое неудобство для пользования этой работой. По-видимому, в связи с изменившимся за последнее время отношением к трудам по общественным наукам, особенно по истории СССР, Академией наук в конце 1956 г. издана книга А. Л. Нарочницкого: «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке» (1860–1895). Объем ее – свыше 85 п. л. Меня заинтересовали вторые части 1-й и 2-й главы, посвященные вопросу англо-американской экспансии в пределы Вост. Сибири. Основываясь, главн. образом, на официальных материалах, автор совершенно не использовал личные фонды Игнатьева, Кадьякова, Веннюкова, (нрзб.), письма Муравьева (у меня имеется свыше сотни копий с его писем), не использованы письма А. И. Деспот-Зеновича, а их тоже не менее 50–60 шт. Вот почему автор не знает о таком интересном факте, как о попытке Коллинса убедить Муравьева «продать Амур Америке», как территорию, совершенно ненужную России, составляющую язву на ее теле.

Так завалишинские статьи об Амуре преломлялись в (нрзб.) американцев, подогревая экспансионистские стремления наших «друзей» того времени.

Не знаю, дошла ли до Иркутска книга А. А. Нар-го и успели ли вы просмотреть ее. В ней есть по 2-3 ссылки на работы ваши и Всев. Ив.

Весьма радует меня ваше сообщение о том, что книга Всев. Ив. о (нрзб.) принята к изданию Акад. наук. Мне думается, что она составлена отчасти и на основании данных иркутского архива. 30 лет тому назад, когда вместе с моими учениками Долголенко, Михайловской, Дербиной, Красильниковой и другими организовывали архбюро, мы выделили и поместили в отдельный шкаф все дела по Урянхайскому краю. Хотелось бы иметь книгу Вс. Ив. о «Крестьян. движ. в В. Сиб.», ведь в магазинах Москвы ее не найти, а читать в б-ке не всегда удобно; прошу написать, где опубликованы статьи М. Н. Одинцова. С вырезками из разных газет со статьями о Сибири, получаемые архивным управлением, я знакомлюсь, статьи т. Тагарова читал, но что помещено им в журналах и в каких – мне не известно.

Кстати об Ирк. архиве. Мною закончена работа в объеме 5-6 п. л. из истории капитализма в Сибири – «Амурская компания» (1858–1865 г.)». Хорошо помню, что в арх. ген.-губ. имелись дела о ней. Читальный зал Моск. обл. архива, где я знакомлюсь с его богатством, дважды в 1955 г. обращался в Ирк. арх. с просьбой выслать для меня 3-4 дела об Ам. К°, там все время молчали и только после того, когда инспектор ГАУ т. Фейнберг ревизовал в мае 1956 Ирк. архив, в читальный зал Моск.-ого упр. были высланы три дела. 8 окт. и 17 дек. опять таки дважды Моск. обл. упр-ние обратилось с просьбой выслать дело о пребывании на Усури Чеботарева (карт. 1645) – предпоследнего управляющего делами К°, а также дело с жалобами Правления компании на действия в Амурской области Л. Пузино и других, отбравших «в счет будущих благ» у К° товары – архив ничего до сих пор не высылает. Так как вы у них, поскольку мне известно, состоите консультантом, то моя убедительная просьба – оказать посильное содействие – убедить кого следует в необходимости выслать в чит. зал Моск. обл. архива просимые мною материалы.

С работами С. Ф. Коваля знаком. Не знал я только о том, что он, до некоторой степени, мой «внук». Работы этого молодого историка хотя и посвящены узким темам, но изложены довольно толково, от чего можно ожидать хорошую разработку и более широких тем. В новой его работе о декабристах желательно сказать несколько слов об участии Веденяпина и Муханова в ревизии Толстого, о столкновении Раевского с Беклемишевым из-за 20 коп., излишне полученным сидельцем лавки за полуштоф водки купленной Беклемишевым, о влиянии Веденяпина на выработку революционных воззрений Пестерева, а А. Поджио – на К. А. Белог.-ого. Обязательно нужно упомянуть о ст. Раевского «Сельская сцена». Последний вопрос вскользь затронут в моей публикации: «Протест Ф. Н. Львова против выступления Бакунина об «Иркутской дуэли», помещенной в «Литературном наследстве» т. 63 (стр. 228–240). Кстати, дошел ли до Иркутска этот том? Если нет, то сообщите авиапочтой, немедленно вышлю его бандеролью.

Следовало бы на этом поставить и точку, но люди моего возраста – болтливы. Так много вопросов, так о многом хочется поделиться с вами, моим учеником-другом, давно в свою очередь ставшим учителем третьего поколения – молодежи середины XX в.

Поступил ли у вас в Иркутске в продажу 9-ый альманах «Забайкалье», вышедший в Чите в конце 56 г.? Там есть небольшая статейка (230–241 стр.) о «Колоколе», составленная Е. Д. Петряевым. С месяц тому назад я писал Конну Владим-чу о том, что 1 VII 57 г. столетний юбилей «Колокола», что к этой дате в газетах и журналах будут помещены заметки, небольшие статьи, составленные, в основном, на использовании печатных материалов, быть может заимствованных из 61–63 томов «Лит. нас-ства». Чита явилась застрельщиком в этом деле. Мою работу, основанную на новых документальных материалах, Иркутску следовало бы также выпустить в 1957, а не в 1958 г., о чем вы сообщили мне. Я понимаю, что 1957 г. для издательств тяжелый год, от них требуют юбилейных изданий, посвященных 40-ию революции, но ведь и Герцен – тоже причастен к ней. Эпиграфом ко 2-ой редакции моей работы я взял слова Ленина (т. 18, стр. 9) «Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для усиления своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции». Это одно, помимо самого содержания, посвященного развитию этой темы, должно послужить основанием и иркутскому издательству к выпуску и моей работы о Герцене, как юбилейном издании, в 1957 году.

До выхода в свет 63 том «Лит. насл-ства» я не имел права, согласно писательской этике, включать в свою работу, опубликованное в нем найденное в архиве Л. Р. Ланским, прекрасное письмо Е. И. Рагозина к сыну Герцена – лучший венок на могилу его отца от одного из представителей прогрессивной сибирской молодежи 60-х годов прошлого века. Копию этого письма посылаю вам. Одновременно пишу письмо к Кон. Влад. и посылаю ему письмо, оно д. б. помещено на 107-й стр. работы, после ссылки «145».

В этом году, сообщаете вы, будет издана книга «Иркутск», в которой до-революционный период разработан вами. Мне интересно знать, будет ли там, хотя бы мимоходом, упомянуто о ревизии генерала фон-Валя и Свинцова в 1903 г. управлений Забайкальской и Сибирской дорог, считавшихся штабами с.-д. и других революционных групп. Хороший материал об этом имеется в деп-те полиции, с которым я недавно познакомился. Знаете ли вы о нем и нужен ли он вам?

Искренний привет от меня Мар. Кон. Одинцовой, П. П. Хороших, А. И. Занкевичу – чем он занят теперь? С. Шостаковича я помню «малюткой». Хотелось бы знать о судьбе его братьев, моих юных друзей – Андрюши и Володи.

Привет от всех иркутянок-москвичей. Одна из них – Михайловская – что-то должна была написать П. П. Хороших.

Пока всего хорошего. В ожидании ответа остаюсь любящий вас Кубалов.
12 февр. 1957 г. Москва 5-6 2-ая Бауманская ул., д. № 3 кв. 17.

Р. S. Может быть вам самому что-либо попадалось в Ирк. архиве об «Амурской К°», подскажите сотрудникам, пусть вышлют, что найдут о ней. Ведь 1958 год тоже юбилейный: «Айгунский договор», «Амурская К°». Об Айгунском договоре у меня лежит почти готовая статья.

Ваш Кубалов.

Источник: ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 2-3 об.

* * *

2.1.60

Дорогой Федор Александрович!

Очень был обрадован, получив от Вас к новому году хорошее, бодрящее письмо. Рад известию о том, что Верх. Совет Бурятской республики присвоил Вам звание заслуженного деятеля науки и техники республики – это большая награда и признание Ваших заслуг. Жаль, что иркутяне, народ нерешительный и боящийся, замедлили с таким представлением в высший орган СССР. Ведь таких людей, которые всю свою жизнь отдали служению местному краю или малым народностям, как буряты, мало, очень мало, все они наперечет.

Был у нас на днях Серг. Вл. – говорил о юбилейном чествовании – редком в иркутской жизни событии. В Москве так тепло и трогательно отмечают юбилеи даже видных ученых-академиков с мировым именем. Чествование носит сухой, официальный характер.

Приятно мне было читать, что к столетию национально-освободительной борьбы поляков Вы готовите в сотрудничестве с другими работу о поляках в ссылке и на каторге, тема большая и интересная. Вашей же волей будет затронуть и 1830 г., наверное, встретятся два поколения поляков – 30-х и 60-х годов в Сибири.

Приветствую и Ваше решение дать вторым изданием работу о восстании на Кругобайкальском тракте, ведь работа Ваша на польском языке многим сибирякам и неизвестна. К тому же у Вас имеются и новые данные. Кое-что есть в фонде Корсаковых в МОГИА (ф. 864), в письмах Т. К. Кукель, есть приказ Корсакова о составе суда и др. В Москве над этой темой работает сотрудница «И-та Славяноведения» Митина Н. П. А в Ленинграде также несколько лиц разрабатывают некоторые темы, связанные с борьбой поляков в 1863 году. В Ленинграде и в Москве сотрудниками «И-та Слав-ния» взято на учет (карточки) все, что имеется в архивах по делу 1863 года.

Сам я, поскольку позволяют мне силы, продолжаю работать над гарибальдийцами в Сибири. Работа идет очень медленно. Об одних из них, как о Л. (нрзб.) есть большой материал, о других, как бр. Меули – почти ничего нет. Причем, работу, вопреки всем методическим указаниям, начал с конца – с каторги (65 г.) Нерчинской, затем в Петр. З-де (64 г.), а потом на пути в Сибирь (нрзб. 63 г.).

Кто-то из архивных работников (говорят т. Яковлев – зам. нач. Гл. арх. упр. СССР) на одном из «ученых советов», говоря о новых материалах по 1863 году, заявил, что и буряты (!) принимали участие в борьбе поляков.

Ко мне обращаются с вопросом: «правда ли это». Говорю откровенно – мне ничего не известно. Во всяком случае, попросил Веру Евгеньевну позвонить т. Яковлеву (она знакома с ним) и узнать, в чем дело, почему ему приписывают эту «новость» о бурятах.

Вместе с этим письмом отправил Вам заказной бандеролью два экземпляра «Герцен и общ-сть Сибири». Один экз. Вам, другой для отправки за Байкал одному из Ваших учеников. Книга К. В. Кудряшова у меня есть. Прочел недавно работу П. И. Кабанова «Амурский вопрос» – переработка его докторской диссертации в 2-х томах, хранящейся отпечатанной на машинке в Лен. б-ке и в б-ке пед. ин-та им. Потемкина. Книга издана в Благовещенске довольно прилично.

Хотел написать на нее рецензию. Некоторых выводов автора принять не могу. Кабанов не использовал совершенно материал Корсаковского фонда, хранящийся в МОГИА, особенно письма Н. Н. Муравьева и других участников в деле «разрешения» Амурск. вопроса. Но так как составление рецензии отвлекло бы меня надолго от гарибальдийцев – то мысль о ней оставил. Пусть поработают над книгой более молодые.

Сам я только недели две тому узнал от А. И. Михайловской, что К. В. Кудряшов уже два десятка лет живет в Москве, а я его разыскиваю в Ленинграде. Она же сообщила его адрес: Москва-248, Кутузовский проспект д. № 10/д кв. 186 тел. Г-3- 59-12.

Источник: ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 1-11 об.

* * *

6. XI. 1961.

Всякими вливаниями, главным образом новокаином, врачи подправили меня настолько, что я могу сесть за стол и писать моим друзьям, не отрываясь от листа почтовой бумаги часа на 2-3. Вот почему сегодня у меня праздничный день и прекрасное настроение.

Ваше письмо, дорогой Федор Александрович, с описанием «летнего» обзора городов Зап. Сибири и Степного края: Омска, Тобольска, Томска и их архивных фондов меня весьма обрадовало, ведь это как раз то, с чего Ваши ученики должны начинать, вступая на привлекательный путь научной работы, ни мне, ни Вам этого не суждено было выполнить в 20–30-х гг. Знакомство с документальным богатством областных или краевых Сибирских архивов, конечно, крайне необходимо и теперь, но писать историю Сибири (от Урала до Тихого океана) будет трудно без знакомства с архивными материалами Центральных учреждений. Оставив Сибирь в 1925 году, когда я пробыл три года в должности заведующего Вост.-Сиб. архивным бюро (вернее иркутским губархбюро), я охотно согласился принять должность консультанта Центрархива РСФСР. В этой должности, связанной с командировками, я познакомился с местными архивными бюро: Рязань, Калуга, Вологда, Тверь, Челябинск, Уфа, Псков, Новгород и, наконец, Ленинград. В последнем городе я был в 1927 г. и два месяца изучал по описям и в натуре материалы 1-го Сибирского Комитета (1820–1838 г.), 2-го Сибирского Комитета (1852–1864 г.)

и с 1865 года часть дел просмотрел из фонда Комитета министров, который, после закрытия 2-го Сиб. К-та, ведал и делами Сибири.

В путеводителе Центр. Гос. Истор. архива СССР, находящегося в Ленинграде, дана на стр. 40-42 краткая и довольно бледная характеристика фондов этих Комитетов

1-го Сиб. К-та – немногим более 700 дел.

2-го Сиб. К-та – до 3000 дел.

Вот почему, обладая тем богатством, что Вы приобрели, знакомясь с фондами Вост. Сиб., а позже Забайкалья и Бурятии в течение 30 лет, и теми сокровищами, что хранятся в Ленинградском ЦГИА, Вы смело могли бы взвалить на себя тяжелый, но радостный труд создания хотя бы двухтомной истории Сибири. Конечно, с учетом работ историков, посвященных прошлому республик, вошедших в состав СССР, эта работа окажется вполне выполнимой.

Вы спросите – почему же я, стоя в Москве так близко к богатству центральных архивов, не использовал их в своих работах. Работа в Центральном архиве «по консультации» отнимала и дни, и ночи и все же за 1926–27 гг. мне удалось поместить в «Кат. и ссылке», в «Сиб. огнях» несколько статей, и в обществе политкаторжан выступить с рядом докладов. В 1931 году, соблазнившись большой ставкой, перешел на работу в «Союзвзрывпром», где учил молодых техников и инженеров правильно писать отчеты по произведенным взрывным работам и статьи, доступные пониманию рядового читателя. Это действительно была школа, которой я руководил 25 лет. Некоторые из этой школы члены-корреспонденты Акад. наук (Мельников), другие, как Назаров, занимают кафедры взрывных работ в горных институтах, третьи, как Докучаев, только на днях получили диплом – доктора технич. наук России и ряд других – кандидаты тех. наук. Сам я за 25 лет выпустил основной курс – «Пути развития взрывного дела в СССР», библиографию взрывных работ по 1950 г. и, наконец, «Справочник взрывника», таким образом, сочетал историю, библиографию и технику. Выйдя с 54 года на пенсию, я, хотя и с большим перерывом, вновь принялся за изучение прошлого родной и милой мне Сибири. Была ли Кубаловская школа в Ирк. университете? Конечно, ее не было, за 2-3 года научную школу не создашь; я любил молодежь, был близок ей, что позволило среди небольшой группы заметить более талантливых юношей и девушек и приобщить их к научной работе, определить тематику работы, метод исследования, главным образом оперируя с архивными материалами. Зерно упало на прекрасную почву. Выросли Кудрявцевы, Михайловские, Дербины, Трофимовы – профессора и ведущие работники музейного и архивного дела. Вера Евгеньевна 20 лет была преподавателем теории и практики архивного дела в Историко-архивном институте.

На этом кончаю письмо. Поздравляю Вас вместе с Вер. Евг-ной с праздником 44-й годовщины Октября. Шлем лучшие дружеские и всегда искренние пожелания. Любящие Вас Кубаловы.

Источник: ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 15-16 об.

Список литературы

1. Агалаков В. Т. Ф. А. Кудрявцев / В. Т. Агалаков // История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / авт.-сост. С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин ; науч. ред. Е. И. Лиштованный. – Иркутск : Оттиск, 2008. – С. 103–105.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123: «Письма Кубалова Б. Г. и Дербиной Г. В., известных историков-архивистов из г. Москвы. 1957–1975 гг.» на 28 листах.
3. ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 15–16.
4. Ильина Е. В. Ученые иркутской исторической школы (по материалам фондов личного происхождения ОГУ ГАИО) / Е. В. Ильина // Сибирский архив: Архивные документы, публикации, факты, комментарии : науч.-попул. ист.-краеведч. сб. / под ред. Н. К. Шестаковой. – Иркутск : Оттиск, 2008. – Вып. 4. – С. 100–105.
5. Коваль С. Ф. Борис Георгиевич Кубалов (1879–1966 гг.) / С. Ф. Коваль // История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / авт.-сост. С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин ; науч. ред. Е. И. Лиштованный. – Иркутск : Оттиск, 2008. – С. 98–100.
6. Константинов М. Каторга и ссылка в Сибири / М. Константинов // Сибирская советская энциклопедия. Т. второй : 3–К. – Новосибирск : Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1931. – С. 575–622.
7. Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири: Очерки / Б. Г. Кубалов. – [Иркутск], 1925. – 216 с.
8. Кубалов Б. Г. Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах: К юбилею Декабрьского восстания / Б. Г. Кубалов. – Иркутск, 1925. – 33 с.
9. Перцева Т. А. Декабристская тематика на страницах «Сибирской ссылки»: неокончательные итоги 40-летних исследований / Т. А. Перцева // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. – Иркутск : Оттиск, 2013. – Вып. 7 (19). – С. 8–18.

Источник: Известия ИГУ. Серия «История». 2016. Т. 16. С. 220-229.

Л. В. Курас*

За далью даль

С. И. Кузнецов

Вообще, 60 лет – это довольно печальная дата, которая делит жизнь на «до» и «после»: до – это когда живешь, любишь, учишься, работаешь, воспитываешь детей, встречаешься с друзьями... И «после», когда все, кажется, как раньше: живешь, любишь, учишься, работаешь, воспитываешь детей, встречаешься с друзьями, но ты уже в ином качестве...

Но зато 60 – это пора, которая навевает очень добрые, теплые и домашние воспоминания...

Почему-то лучше всего вспоминается лежа на диване. Вот и сейчас, после заседания диссертационного совета, после встречи с Кузнецовым Сергеем Ильичом – доктором исторических наук, профессором, которому уже совсем скоро, 4 марта 2016 г., «стукнут» эти самые 60, как раз

и навеяло... Но в таких воспоминаниях есть один специфический «привкус»: в большей мере говоришь о себе, любимом, а твой герой как «объект исследования» невольно становится «актером второго плана». Но это, к сожалению, закон жанра. А вообще эти «наведения», как лоскутки пестрого одеяла, больше всего напоминают короткие рассказы. Мой друг, Народный поэт Бурятии Константин Соболев, придумал замечательное название для таких рассказов – «крупинки».

Пусковой объект

Из студенческих лет почему-то больше всего запомнился летний строительный отряд 1976 г. в Мальте Иркутской области «на пусковом объекте» очередной пятилетки, где кроме историков оказались и юристы (не путать с островом Мальтой, где принимают в члены Ордена мальтийских рыцарей). Мы, историки, выгодно отличались от юристов своей начитанностью и эру-

* Курас Леонид Владимирович – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ.

дицией. Во время перекуров и обедов Сергей задавал юристам «невинные» вопросы, предполагавшие хорошее знание художественной литературы и особенно «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова и «Похождений бравого солдата Швейка» Я. Гашека, ни разу не услышав вразумительного ответа. А глубокомысленная фраза Остапа Бендера из «Золотого тельца»: «Такие города приятно грабить рано утром, когда еще не печет солнце...» вызвала у них приступ меланхолии, переходящей в раздражение.

Наверно, все помнят мизансцену из «Бравого солдата Швейка», когда денщик Кунерт увел и уложил на кушетку пьяного подпоручика Дуба. «Подпоручик Дуб вдруг превратился в маленького ребенка: взял Кунерта за руку, долго рассматривал его ладонь, уверяя, что угадает по ней фамилию его будущей супруги.

– Как ваша фамилия? Выньте из нагрудного кармана моего мундира записную книжку и карандаш. Значит, ваша фамилия Кунерт. Придите через четверть часа, и я вам оставлю здесь листок с фамилией вашей будущей супруги.

Сказав это, он захрапел, но вдруг проснулся и стал что-то черкать в своей записной книжке, потом вырвал исписанные листки и бросил их на пол. Приложив многозначительно пальцы к губам, он заплетающимся языком прошептал:

– Пока еще нет, но через четверть часа... Лучше всего искать бумажку с завязанными глазами.

Кунерт был настолько глуп, что действительно пришел через четверть часа и, развернув бумажку, прочитал каракули подпоручика Дуба: «Фамилия вашей будущей супруги: *пани Кунертова*».

Именно так Сергей сорвал аплодисменты и гомерический хохот за ужином, пообещав одному из юристов назвать фамилию его будущей жены...

Но апогеем «укрепления дружбы» с юристами стала идея Сергея, им же и реализованная, – изготовить трафарет с изображением 12-го стула из гарнитура мадам Петуховой и набивать его на майку тех стройотрядовцев, кто вспомнит полное имя Остапа Бендера – Остап Сулейман Ибрагим Берта Мария Бендер-бей.

Нужно ли говорить, что вожденный 12-й стул красовался лишь на майках Сергея и моей...

Воспитатель

После свадьбы и рождения моей старшей дочери Татьяны я снимал однокомнатную квартиру в районе площади Декабристов. Мои сокурсники и сокурсники моей сестры довольно часто бывали у меня и мужественно оставались сидеть с маленькой дочкой, когда мне нужно было сбежать на молочку или мелькнуть на факультете. Сергей не был исключением. Как-то, во время одной из встреч, когда мне нужно было срочно бежать на молочную кухню, я попросил Сергея посидеть с Танюшей.

На кухне была очередь, выдавальщица бутылочек никуда не торопилась, а на замечания молодых мам и пап грозила вообще прекратить выдачу. Короче, я вернулся только через час в панике, ожидая услышать плач дочери и досаду Сергея по этому поводу. Но то, что я увидел, меня потрясло: Таня сидела в кровати (ей еще и года не было) и внимательно слушала Сережу, который громко и даже с выражением читал ей курс политэкономии социализма...

Династия

Когда сын продолжает дело отца, то этим нужно лишь восхищаться. Потому что профессиональная династия – это фундамент общества и гарантия качества. Вопрос в другом: как ведет себя чадо в лучах славы своего известного родителя...

Сергей Кузнецов – студент был как все: лекции и семинары, сельхозработы, студенческие посиделки, майские и ноябрьские демонстрации, какие-то мероприятия, библиотека, сессии, стройотряды. И хотя он был «домашний», а не «общежитский», но это никак не мешало нашей дружбе.

На третьем курсе Сергей попросил помочь в переезде со старой квартиры на бульваре Гагарина в новую квартиру на ул. Лапина. В этом действе принимали участие доцент Николай Кириллович Струк, наш сокурсник Сережа Плющенко и я. За процессом как-то отстраненно, без каких-либо эмоций наблюдал профессор Илья Иннокентьевич Кузнецов, которого я видел раньше лишь на партийных собраниях факультета, но никак не ассоциировал с Сергеем. И вот, потный и разгоряченный, я поинтересовался, что он здесь делает. Столь же раскрасневшийся Сергей как-то также отстранено ответил: «Это мой отец...» Мне сразу стало очень неудобно и за свою ненаблюдательность, и тупость одновременно. Но в то же время я восхитился Сергеем, который никогда и ничем не выделялся на курсе, не подчеркивал свою принадлежность и был как все. И это было тем более здорово, что на курсе были и другие «звездные» дети, которые требовали к себе особого внимания, не имея на то никаких оснований. Это – воспитание, заложенное с детства, исключаящее какой-либо выпендрег и предполагающее гордость лишь за собственные успехи и достижения. Этому нигде не учат, это должно быть в крови. Это и формирует будущую личность ребенка, который любит родителей и на которых очень хочет быть похожим. И передается это из поколения в поколение...

Сегодня на историческом факультете учится Машенька – дочь профессора Сергея Ильича Кузнецова. И это здорово!..

Студенческая практика в Монголии

После четвертого курса группа студентов, в том числе Сергей и я, под руководством доцента Маргариты Новоженовой выехала на «партийно-политическую» практику в Монголию. В отделе агитации и пропаганды ЦК МНРП нам намекнули, что не знают, что с нами делать, и отфутболили на исторический факультет Монгольского государственного университета. На

истфаке прямо заявили, что сейчас каникулы, и они ничем помочь не могут, правда, устроив нас в общежитие подготовительного факультета. По программе практика была рассчитана на 45 дней...

Один раз мы сходили в музей МНРП, на другой день – в Гандантэгченлин – крупнейший буддийский монастырь в Улан-Баторе, а затем посетили мемориал на Зайсан-Толгое и... все. Вечерами, попив прекрасное монгольское пиво, мы орали возле китайского посольства: «Едут, едут по Пекину наши казаки». По утрам, задолго до открытия, Сергей и я бежали в книжный магазин «Русской книги», где всякий раз становились счастливыми обладателями редких книг (в 70-е годы все книги, кроме работ классиков и материалов съездов, были редкими), в том числе и для детей, что дало повод другим «практикантам» считать нас идиотами.

Почему-то в связи с монгольской практикой вспомнилась «научная» дискуссия, которая разгоралась между Сергеем и мной всякий раз, когда за ужином открывали бутылку вина, а по мере опустошения бутылки – дискуссия затихала. Дело в том, что монгольская промышленность не выпускала штопоры (в студенческом фольклоре – «Спутник агитатора»), а взять его с собой мы не догадались. Поэтому бутылка открывалась следующим образом: к стене прикладывалась толстая книга, и нужно было дном бутылки резко ударить по книге. В умелых руках пробка вылетала как пуля из пистолета. А суть дискуссии выражалась в следующем: какую книгу лучше использовать для этого действия – политэкономии капитализма или восьмое издание курса «Истории КПСС» под редакцией академика Б. Н. Пономарева?..

Но вот мы познакомились с интернами из стран-членов СЭВ (главным образом, СССР, Болгарии, Польши), которые жили в Монголии более года, обстоятельно изучали монгольский язык для последующей работы на радио и в торговых представительствах. Их рабочим днем можно было только восхищаться: утро начиналось с пива, днем – обязательно водка, а вечером – что придется, лишь бы это было в жидком виде. Они проводили нас с Сергеем под видом иностранцев в Интурист, куда советским студентам вход был заказан. Именно они убедили нашего руководителя в том, что «жизнь дается человеку только один раз...». И, наконец, именно они организовали для «младших товарищей» экскурсию на «Архи пивоны комбинат» с последующей дегустацией... Это было, пожалуй, самое светлое воспоминание о нашей практике (в отчете о практике мы это не указали).

Последующее пребывание в Монголии мы посчитали никчемным, хотя еще оставалось две или три недели «практики»...

Выездная музейно-ресторанная практика

Пятый курс обучения на историческом факультете традиционно начинался выездной практикой, которая в студенческом фольклоре носила название «музейно-ресторанной». Для наших предшественников это были Москва, Ленинград, а кому позволяли средства, то и Прибалтика. У нас это было южное направление – города-герои Киев, Одесса, Севастополь, Волгоград. Сер-

гей очень хорошо описал в своем очерке, посвященном мне, «Что такое 60 лет в Океане Времени?»* эту замечательную пору, когда мы в течение полутора месяцев удовлетворяли свое любопытство за государственный счет.

Севастополь нас потряс. Во-первых, когда «остановился поезд» и мы высыпали на привокзальную площадь, там играл духовой оркестр Севастопольского военного гарнизона, а пассажиры вальсировали. Во-вторых, мы познакомились с продукцией «Золотой Балки» – одного из старейших отечественных заводов по производству игристых вин. А если иметь в виду, что вина носили поэтические литературные названия «Алые паруса» и «Ассоль», то станет понятной и наша любовь, и наше пристрастие. И, в-третьих. Как-то набрав вина, мы с Сергеем угнездились на Приморском бульваре напротив «Памятника затопленным кораблям», решив помянуть наших славных моряков. Самое интересное, что патруль во главе с корабельным старшиной, оказавшийся рядом, не нахмурил брови и не сделал замечания...

Дом

15 ноября 1980 г. я был зачислен в аспирантуру по кафедре истории КПСС Иркутского госуниверситета. Не зная, что это такое, и будучи человеком дисциплинированным, я прибыл в тот же день с чемоданом типа «Великая Германия» в руках в отдел аспирантуры, чем поверг в изумление его заведующую. Оказывается, меня раньше Нового года никто не ждал: темы исследования не было, плана работы со мной не было, руководителя не было и общежития тоже не было. Подумав, я решил возвращаться в Улан-Удэ, предварительно встретившись с Сергеем. Радость-то распирала, нужно было попить пива, да и горестными мыслями о действительности поделиться. В ответ на мои сетования Сергей сразу же сказал: «Приезжай ко мне»... Со своим чемоданом я прожил у Сергея почти месяц. Причем он тогда еще не был женат, и я жил и «столовался» в замечательной семье Ильи Иннокентьевича и Тамары Петровны Кузнецовых. И все было как-то органично, ненавязчиво, как будто я жил с ними всю жизнь. Тем не менее, испытывая некоторые неудобства, я как-то попытался купить какие-то продукты к столу, на что Тамара Петровна в очень резкой форме сказала, что выгонит меня из дома, если это еще хоть раз повторится...

При всей занятости профессора И. И. Кузнецова (а дома был культ ученого, и все подчинялось его распорядку) в доме всегда были гости: иркутская профессура и аспиранты Ильи Иннокентьевича. Его большой друг, профессор Е. Е. Тармаханов, приезжая на заседания диссертационного совета, из аэропорта сразу же направлялся на ул. Лапина, 16.

Сегодня, по прошествии стольких лет, в этом хлебосольном доме ничего не изменилось. Только кроме иркутской профессуры и аспирантов уже профессора Сергея Ильича Кузнецова в доме часто бывают коллеги из-за рубежа. Причем по ним можно изучать географию научных интересов Сергея.

* Леониду Курасу – всего лишь 60: мемуарные и даже историографические исследования. – Иркутск: Оттиск, 2011. – С. 5–16.

Убежден, что дом хранит тепло всех встреч и передаст его детям Сергея и Татьяны...

Икра заморская

Хорошо помню зимние субботы аспирантских лет, когда Тамара Петровна, Сережина мама, собирала нас на дачу по дороге в Большой Луг – кажется, «Дачная». Все обстоятельно упаковывалось и укладывалось: отдельно ужин, завтрак, обед. Потом начиналось действие, которое доставляло мне сказочное удовольствие. Тамара Петровна приглашала меня на кухню и говорила: «Леня, Вы человек взрослый, Сережа к Вам прислушивается». Поначалу я терялся, полагая, что мне уготована роль Макаренко. Но далее следовала фраза: «Вы знаете, Сережа совсем не ест хлеба. Я вам положила черную икру. Проследите, пожалуйста, чтобы Сережа покушал». По приезде на дачу я честно излагал Сергею просьбу его мамы, на что неизменно слышал один и тот же ответ: «Я уже говорил маме, что не люблю черную икру», что я воспринимал как сигнал для расправы над икрой...

Вообще, это были чудесные поездки: катание на лыжах, распитие красного вина, которое, увлеченные Василием Шукшиным, мы называли «Калгановой», и долгие, неспешные беседы за полночь у теплой печки...

Облака

В июне 1981 г. мы вместе полетели в Москву на целый месяц собирать в архивах и библиотеках материал для диссертаций. Работали так, будто это наш последний бой... К концу третьей недели наступила отупляющая усталость, когда любое упоминание о диссертации вызывало чувство раздражения и злости.

Был тот редкий воскресный день, когда библиотеки не работали (!), и мы поехали в один из московских парков, кажется, на ВДНХ. Побродив по аллеям, мы взяли две бутылки сухого вина, нашли поляну с нескошенной травой и залегли в ней. Трава была высокой, и лежа мы не видели отдыхающих людей. При этом нам почему-то казалось, что и нас никто не видел. Мы молча пили вино и смотрели на проплывающие облака...

За все время аспирантуры это был самый лучший отдых.

Научное открытие

Сергей обладает удивительным качеством – умением даже самое рутинное занятие превратить в праздник, сделав при этом своеобразное «научное» открытие.

Однажды я позвонил ему, чтобы договориться о встрече. Он прервал меня возгласом: «Приезжай скорей. Я сделал открытие». Конечно же, я не приехал, а примчался... Сергей открыл дверь и сразу же повел меня в ванную. «Смотри, – сказал он. – Мама велела вымыть люстру...».

В тазу лежала хрустальная люстра, разобранный на десятки сегментов, мыть которые можно было не один час. Весь этот блеск Сергей густо засыпал стиральным порошком, включил душ и стал обильно поливать. Через 5 минут люстра сияла лучше, чем новая...

* * *

Как-то на выходные мы уехали в Шаманку, где очень мило провели время за разговорами и красным вином. В воскресенье, ближе к вечеру, уже собираясь домой, Сережа вдруг вспомнил, что жена велела посадить картошку. Признаться, я загрустил: в воскресенье после коробки вина и обильной еды садить картошку – удовольствие не из приятных. Но здесь у Сергея загорелись глаза. Он вручил мне ударный инструмент – строительный лом, сказав при этом: «Ты только делай дырки». Я поднимал лом – падал он сам, в результате чего получались лунки для гольфа. Сергей ногой закатывал туда картошку и присыпал землей, ковыряя ее кроссовкой. За 15 минут мы высадили весь запас и, очень довольные, поехали домой...

Потом, осенью, Сергей говорил, что никогда ранее не было столь обильного урожая, и его открытие следует безвозмездно передать колхозам...

* * *

В один из летних месяцев мы отдыхали в Тункинском Аршане в пансионате «Учитель». Основательно посидев за столом и дождавшись, пока семья уснет, Сергей предложил проверить: является ли действительно вода из источника абсорбентом, каковым его считают аборигены. Захватив бутылку водки и забыв при этом стакан, мы в 2 часа ночи направились на источник...

Водку пили из горлышка, зачерпывая ладошкой воду из источника. К 3 часам утра Сергей пришел к выводу, что аборигены правы. Это открытие буквально его потрясло. И, вспомнив, что на кухне у нас еще есть, что выпить, он предложил вернуться и обсудить особенности уникального источника...

А если всерьез...

Но если абстрагироваться от тех воспоминаний, которые просто душу греют, и обратиться к научной составляющей жизни и творчества профессора Сергея Ильича Кузнецова, то оно – прекрасно, заставляет восхищаться и, по возможности, хочется следовать его примеру:

Во-первых, потому, что Сергею всегда присуще чувство перспективы и знания «направления Главного удара». Ну как можно было в периферийном университете, будучи студентом 2-го курса, заняться изучением японского языка и почувствовать ту самую тему, которая сделала ученого всемирно известным, востребованным и неповторимым?

Во-вторых, потому, что Сергею присуще чувство исторической памяти и уважение к ней, что, увы, несвойственно новому поколению историков. Особенно ценно то, что он вернулся к истории мировых войн, чем занимался всю жизнь его отец – доктор исторических наук, профессор Илья Иннокентьевич Кузнецов. А это не только память, но связь поколений. И свидетельство тому – ряд документальных сборников последних лет по истории Первой и Второй мировых войн, научным редактором которых является Сергей Ильич.

И, в-третьих. Совершенно неожиданно для исторического сообщества Сергей Ильич вместе с одноклассником написал книгу в жанре эссе «Наши школьные годы (о себе и немного о времени)», что заставляет задуматься о главном – о смысле жития, ибо, говоря словами Антуана де Сент-Экзюпери, «все мы родом из детства...».

За далью даль...

«Крупинки» растревожили, заставили подняться с дивана и хлопнуть дверцей холодильника... Поневолe вспомнил строки Александра Твардовского: «А там еще другая даль, что обернется далью новой...»

Будь здоров, дорогой! Удачи тебе и успехов!

Источник: Взойдя на вершину горы...: к 60-летию доктора исторических наук, профессора Сергея Ильича Кузнецова. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 101-110.

А. В. Шободоева

**«Русская правда»
Александра Станиславовича Маджарова**

С Александром Станиславовичем Маджаровым мы познакомились в обстановке, далекой от академической. А именно – в колхозе. В те далекие, насквозь советские времена в университете существовала превосходная традиция (и я говорю об этом без иронии) – отправлять студентов на помощь сельскому хозяйству собирать урожай. Какая уж там от нас была польза сельскому хозяйству – не об этом речь, но то, что такие поездки шли на пользу, и новоиспеченным студентам особенно, – это без всякого сомнения. В тесной обстановке совместного труда и проживания лучше всего формировался факультетский коллектив, завязывались те дружбы, которые оставались на всю жизнь. И конечно же, происходило то, что называется неформальным общением с преподавателями.

А. С. Маджаров

В колхоз после второго курса и поехал с нами Маджаров. Высокий, стройный, подтянутый, молодой кандидат наук, с гитарой, с легким, чуть ироничным взглядом на жизнь – он не мог нас не покорить. А уж когда вечерами, сидя у костра, он пел нам свои песни, а в паузах между ними говорил о своем любимом источниковедении... Конечно, тогда, прихлебывая из железных кружек круто заваренный чай, мы не могли осознавать всей ценности таких рассказов. Это понимание пришло чуть позже, когда мы встретились с Александром Станиславовичем на лекциях, и вдруг оказалось, что очень многое из того, о чем он говорил нам, стоя за кафедрой, мы уже слышали в глухой деревне Иркутской области, на картофельном поле, под легкий перебор гитарных струн.

Вспоминать о преподавателях той поры – занятие весьма увлекательное. Тем более, если это преподаватели-историки академического университета. Как им в эпоху полнейшей косности удавалось говорить нам все то, что сделало нас историками и, смею надеяться, историками настоящими? Как они,

несмотря на полное отсутствие свободы слова, умудрялись в своих лекциях выглядеть достойно, как и подобает ученым? И, наконец, как это у них получалось: обращаться с нами, молодыми, зелеными, ничего из себя пока не представляющими третьекурсниками, на равных?

Я помню, как он, чуть ли не единственный из всех преподавателей! (никого, впрочем, не желаю обидеть) – отнесся с искренней симпатией, когда мы с Евгением сообщили ему, что решили пожениться. Вот, к слову, тоже маленькая примета той непередаваемой атмосферы, царившей на истфаке в начале 80-х: студенты и преподаватели ощущали себя одной семьей, делились друг с другом радостями и горестями. И это общение – дорогого стоит.

Вообще такое общение – на равных, но без панибратства, а как с коллегами – очень важно. Ты, совсем еще зеленый студент, вдруг осознаешь свою причастность к Истории как к науке. И уже кажется, что легко свернешь на этом поприще горы и скажешь-таки свое веское слово.

Этого или нет добивался Маджаров, когда учил нас, не так уж важно. Но бесспорным является то, что если бы не его превосходная школа работы с источниками, то многие и многие кандидатские и докторские его учеников вряд ли были бы написаны.

С тех студенческих пор прошли, как говорится, годы. А Александр Станиславович, кажется, совсем не изменился – все такой же подтянутый, стройный, слегка ироничный, давно уже доктор наук, профессор, что не мешает ему время от времени брать в руки гитару, петь свои песни... И не только петь, но и издавать свои сборники стихов, делать выставки (в Доме художника) потрясающих инсталляций, когда вроде бы обычные корешки да камешки вдруг превращаются в живые картины.

«– Александр Станиславович, как это у вас получается?

– Да ничего сложного, просто берешь и делаешь.

– Но как вам, историку, это вообще в голову пришло?

– Просто захотелось...»

Маджаров, он такой и есть: ему просто хочется – и он берет и делает.

Сорок с лишним лет назад он просто захотел стать историком – и стал им: блестящим, выпустившим целую плеяду не менее блестящих учеников.

Он хотел писать стихи – и пишет их.

Захотел работать с деревом – и в его руках стали получаться причудливейшие фантазии, ничуть не менее поэтичные, чем его стихотворные строки или его лекции.

Да-да, когда Александр Станиславович начинал говорить о своем любимом источниковедении, он преображался настолько, что даже самый недалекий студент начинал воспринимать сложнейшую историческую дисциплину если не как откровение, то как таинство.

Мне отчего-то кажется, все дело в том, что и сам Маджаров к нему так и относится – с легким удивлением «такое счастье – и мне?!»

Он умеет жить полной жизнью, умеет получать удовольствие от своей работы, от общения со студентами, от найденной удачной рифмы, от тепло-го прикосновения дерева...

...Прошло уже тридцать лет с тех пор, как Александр Станиславович Маджаров перестал быть моим преподавателем. Я и сама уже давно стою за кафедрой перед студентами, прекрасно представляя себе всю ответственность и сложность преподавательской работы. Но до сих пор гложет меня совесть за одну оценку, которую я получила у него совершенно незаслуженно.

Мы вчетвером тогда готовились к Всесоюзному конкурсу научных студенческих работ. Естественно, какие-то детали перед отправкой «труда» в Москву приходилось доделывать в последний момент. Ночь не спали. За подготовку к экзамену взялись лишь под утро. В таком сомнамбулическом состоянии впали в кабинет, где сдавала наша группа. Взяли по билету. Александр Станиславович наблюдал за нами с нескрываемым удовольствием (уж очень непохожей на себя была женская часть нашего квартета – без косметики, кое-как причесанные...). Мои друзья с разной степенью внятности чего-то пытались бормотать. Дошла очередь до меня. Тяжело вздохнув, упершись взглядом в стену, я стала отвечать:

«Русская правда» – древнейший памятник древнерусского права». И замолчала. Потому что на этом мои познания закончились. Было невыносимо стыдно. Маджаров подождал немного, потом с легкой улыбкой прокомментировал:

– Ну, что ж, Аня, вы сегодня выглядите гораздо лучше Танечки (моя подруга по написанию конкурсной работы), – после чего протянул мне зачетку. Когда я вышла из аудитории, оказалось, что в зачетке стоит «отлично».

И вот все эти годы я вспоминаю эту «Русскую правду» – и когда сама рассказываю о ней своим студентам (я читаю курс «История отечественного государства и права»), и когда речь заходит об Александре Станиславовиче Маджарове.

Александр Станиславович, я все теперь знаю про «Русскую правду»! Выучила!

Источник: Александр Станиславович Маджаров: К 60-летию со дня рождения: Сборник статей, посвященный 60-летию профессора, доктора исторических наук А.С. Маджарова. Иркутск: Оттиск, 2009. С. 49-52.

Б. С. Шостакович

Парадоксы профессора Г. Н. Новикова

Пытаясь, как это давно уже сложилось в повседневном беспросветном своем рутинном «замоте», вырвать мгновение, чтобы представить хотя бы скромный, эскизный фрагмент своих воспоминаний о Геннадии Никифоровиче Новикове, неизбежно приходится мысленно окидывать все время наших с ним контактов и взаимоотношений. А они насчитывают немалый, как минимум, сорокалетний период. За столь долгие годы многое пришлось пережить... И складывались эти отношения по-разному. Чего греха таить, были они далеки от идиллических...

На разных этапах жизни нашей кафедры – первоначально, когда она пребывала в традиционных рамках всеобщей истории, а позднее (в бытность Геннадия Никифоровича ее очередным руководителем) уже при новых модификациях ее дисциплинарных параметров – он неизменно оставался ярким и неординарным ее представителем. В чем-то еще на раннем этапе его появления на кафедре он был парадоксально нетипичным воспитанником и сотрудником провинциального советского университета. Прежде всего, Г. Н. являлся одним из немногих, а в течение определенного периода – единственным из ученых и педагогов не только упомянутой кафедры, но и всего исторического факультета ИГУ, который на протяжении многих лет успешно осваивал далекое научное и педагогическое зарубежье за пределами тогдашнего стагнационного СССР – во Франции, Бельгии и других странах Европы, в африканском Мали и Канаде. По тем временам, когда для многих из его коллег по восточно-сибирской глубинке даже выезд на факультет повышения квалификации в Москву или Петербург был редким и почти исключительным событием в их служебной карьере, да и в личной жизни, Геннадий Никифорович, с его свободным владением французским и небрежным, хотя и небезупречным английским, подчас на целые годы, в иных случаях – на месяцы уезжал в

Г. Н. Новиков

столь оригинальные научные, педагогические и организационно-деловые командировки.

Мемуаристу еще от собственных аспирантских и ассистентских времен памятливы периодические кратковременные «приземления-пересадки» Г. Н. в Иркутске на перепутье из одной подобной его поездки – в другую. Тогда-то он нередко «тет-а-tete» жаловался пишущему на удручающие его излишества административного сов-вузовского формализма по дотошному контролю за исполнением всех преподавательских повинностей (в ту пору в их расклад непременно включались разные кураторские обязанности и прочее, им подобное) и строгим заполнением разнообразных формуляров с отчетностью о так называемой «нагрузке». Легко было понять коллегу, который, как признавался сам, еще за день-два до того прогуливался по Елисейским полям, ксерокопировал необходимые материалы в парижской Национальной библиотеке (в ту пору в отечественной практике подобное выглядело абсолютной фантастикой!) или же любовался набережной Темзы и Трафальгарской площадью, а на родине был принужден тотчас же погружаться в неизменную, сковывавшую атмосферу преподавательской рутины.

Мне до сих пор памятна для своей поры очень познавательная беседа-лекция Г. Н. Новикова о его наблюдениях и впечатлениях, почерпнутых во Франции, которую он когда-то провел для коллектива преподавателей и студентов истфака университета. К слову сказать, в те годы все, кто сумел побывать за границей не в стандартных кратких турмаршрутах, приглашались на такие беседы-лекции «живых свидетелей из-за кордона» в своих коллективах, а подчас и в иных, соседних общественных средах, с увлечением им внимали. Позднее, когда уже и самому автору этих строк довелось побывать на месячной стипендии во Франции, он вспоминал лекцию своего коллеги-франковеда при посещении знаменитого кладбища русских эмигрантов в de Sainte-Genevieve-des-Bois, под Парижем.

Возвращаясь к теме иркутских «пересадок» парадоксально «выездного» историка и будущего профессора Г. Новикова, таковые, как правило, были непродолжительными – вплоть до очередного его вояжа в Москву и за рубеж.

Мне помнится, что предстоявшая Г. Н. долгая преподавательская работа в африканской Республике Мали, предложение которой он получил по линии иностранного отдела Министерства высшей школы, вызвала у него серьезные колебания и беспокойство. По этому поводу он, в присутствии пишущего, советовался с моим покойным отцом, общим нашим учителем и тогдашним шефом кафедры, профессором С. В. Шостаковичем. Причин для сомнений у молодого специалиста было несколько. Одна из них состояла в отсутствии у него ясной перспективы возвращения на кафедру через несколько лет, при том, что место работы ему терять не хотелось. Другая – предполагала, что как педагог в стране черного континента он должен был взяться, что называется, «с нуля» за разработку политологического курса теории и истории международных отношений. Иными словами, Геннадия

предстояло изменить своей первоначальной специализации по курсу чистой новейшей истории (истории современной Франции), сделаться политологом-международником. А, как известно, для тогдашней эпохи жесткой идеологизации и регламентации специальностей на исторических факультетах советских вузов подобное новое специальное направление представлялось достаточно чужеродным, «западным изобретением», за гранью советской науки. Все эти доводы излагал Геннадий проф. Шостаковичу. Конечно, я уже не помню дословно тогдашнего разговора, но могу передать основной его смысл. Помнится, что отец в своем ободряющем напутствии несколько растерявшемуся будущему теоретику международных отношений неоднократно повторил свою излюбленную поговорку: «Не боги горшки обжигают». И еще (мне это запомнилось) отец сказал: «Помяните мое слово, Гена, – труд Ваш не пропадет даром. Вам еще доведется и у нас вести предмет «Международные отношения». Будущее за ним, не за «Историей КПСС». Место же Ваше на кафедре – сохраним». Как показало последующее, эти наставления не просто оправдались, но и стали в известном смысле пророческими.

Как известно, за время преподавательской и дипломатической работы за границей Геннадий Никифорович защитил докторскую диссертацию в Москве по проблематике эволюции голлистской идеологии во Франции после смерти самого ее лидера (защита состоялась в МГУ – там же, где десятилетием ранее прошла и защита его кандидатской диссертации). В Иркутск он возвратился уже гораздо более зрелым и опытным специалистом, поднаторевшим как в чисто научно-педагогической, так и в административно-организационной работе (к которой был привлечен в посольстве СССР в Мали).

С этого момента начинается вхождение молодого и успешного ученого в роль, как всем на истфаке ИГУ в ту пору представлялось, наиболее подготовленного для модернизации кафедры, к тому времени уже «переросшей» масштаб стандартного общеуниверсального коллектива специалистов по всеобщей истории. И действительно, под руководством профессора Г. Н. Новикова многие аспекты научного развития и подъема кафедры (вначале с несколько «продолговатым» названием – «Новой, новейшей истории и международных отношений», а затем более взвешенным и емким – «Мировой истории и международных отношений») обрели весомые очертания. Сам профессор в период конца 1980-х – начала 2000-х гг. получил признание как специалист в академических кругах России и за ее пределами. В том числе выражением высокой оценки его заслуг в области изучения и популяризации современной истории Франции явилось награждение специальными французскими орденами Академических Пальм двух степеней.

Кафедра в период заведования ею Г. Н. Новиковым обрела ряд новых базовых научных и педагогических направлений. Как видится мемуаристу, главнейшей заслугой проф. Новикова стало открытие на истфаке новой специальности «Международные отношения», а также и достигнутая кафедрой победа в общероссийском межвузовском конкурсе на грант по разра-

ботке комплексного научно-учебного проекта совместно со специалистами московского университета МГИМО. Кафедра проф. Г. Н. Новикова превратилась в эту пору в одну из наиболее обеспеченных составом докторов наук – общим числом семь, включая и самого заведующего, – не только на историческом факультете, но и в масштабе всего Иркутского госуниверситета.

Справедливости ради следует заметить, что перечисленные результаты нельзя расценивать лишь как исключительную заслугу одного профессора Новикова. Не следует забывать, что возглавил кафедру он не на пустом месте, приняв своего рода эстафету высокого потенциала ее коллектива, заложенного еще при профессоре С. В. Шостаковиче и сохранявшегося в годы заведования ею профессором-археологом Г. И. Медведевым. В то же время следует признать, что особенности формирования самого Г. Н. Новикова как заметной фигуры в области изучения современной зарубежной истории и проблематики международных отношений происходили по большей части вне повседневной внутренней деятельности кафедры. Это в сочетании с личными особенностями нового кафедрального руководителя внесло в характер его поведения черты жесткого индивидуализма, в том числе и субъективную его предубежденность в пользу отдельных аспектов развития кафедры в ущерб иным, явно им опекаемым.

На собственном опыте мемуарист испытал печальные обстоятельства такого неосмотрительного стиля руководства. Они были вызваны некритичным принятием Г. Н. Новиковым под свое научное консультирование некоторых недобросовестных подопечных. Несомненная широкая эрудиция мэтра, в определенной мере даже новаторство его в науке удивительным образом уживались в нем же с явным традиционализмом и консерватизмом в восприятии некоторых научных проблем. В частности, в русле «сибирско-польской» истории профессор с упрямством и своего рода снобизмом «чистого международника» отказывался признавать наличие особых форм и разновидностей все тех же международных исторических аспектов, сводил всю проблематику к местной, едва ли не краеведческой...

Лишь успешная единогласная защита пишущего эти строки своей докторской диссертации по указанной тематике в Институте славяноведения РАН (именно по специальности «Всеобщая история», а не по «Отечественной истории»), неожиданно совместившаяся по времени с получением правительственных наград Республики Польши, резко изменила отношение «непреклонного» Гены Новикова к нему. В шуточной форме он даже заявил: «А ведь это я, Болеслав, подтолкнул тебя к такой эффектной защите докторской в Москве; специально помешал твоей защите у нас, в Иркутске!» В моменты накатывавшего на него лирического дружеского настроения он многозначительно говорил мне «с глазу на глаз» с доверительной интонацией: «Только мы с тобой среди всех наших историков отмечены иностранными орденами». В этом также частица противоречиво-парадоксальной натуры Г. Н. Новикова. Чуждый внешней парадности, даже демонстративно ею пренебрегавший и не искавший никаких даже надлежавших ему отличий,

он подспудно, внутренне не был к ним безразличен, испытывал некое чувство «сопричастности», если угодно, к некоей элитарной среде.

В сущности же все это мало меняло нашего коллегу. Он по-прежнему оставался упрямым, ершистым, иногда до невозможности задиристым и – закрытым для откровенного и конструктивного диалога. Увы, характер нашего лидера, как с годами это все более проявлялось, являл собою взрывную смесь парадоксальных качеств. Человек яркого и зачастую еще и парадоксального ума, Геннадий был до ревнивой болезненности самолюбив и амбициозен. При этом отличался замкнутостью и неумением принимать убедительные и последовательные решения. Можно даже предположить, что за жесткостью и зачастую излишней его резкостью и категоричностью скрывалась болезненно ранимая и довольно мягкая от природы натура, склонная к резким переходам от приступов меланхолии к холерическим вспышкам. Мемуаристу помнится, что в тяжелые драматичные моменты переживания ухода из жизни коллег, которые происходили в последние годы на кафедре, никто иной как Геннадий Новиков был одним из тех мужчин, кто не стеснялся в открытую давать волю слезам....

Страдал от своих качеств, как думается мемуаристу, в первую очередь сам Геннадий Новиков. По всей вероятности, именно так начала подкрадываться к нему жестокая болезнь. Как всегда небрежный в проявлении внимания к собственному здоровью, он и теперь парадоксальным образом оказался невнимателен к самому себе. Расплатой стала жизнь, оборвавшаяся далеко еще не на закате, в пору расцвета «мудрой зрелости»...

Источник: Памяти Геннадия Никифоровича Новикова: Воспоминания, биобиблиография, неопубликованное. К 60-летию со дня рождения. / сост. С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009.

Ю. А. Петрушин

Он ушел в историю

*Родная земля – матушка,
Чужая сторона – мачеха*
(старинная русская поговорка)

Мое знакомство с Геннадием Никифоровичем Новиковым длилось 30 лет. Оно не переросло в дружбу. Однако в последние 5-8 лет наши отношения стали более доверительными. Я много общался с ним по межкафедральным делам, МИОНу, Диссертационному совету, бывал в неформальной обстановке, лучше узнал своего коллегу. И все-таки в сознании так и не сложился цельный образ этого незаурядного человека. Предлагаемый очерк – попытка составить на бумаге лишь некоторые, наиболее зримые представления о самобытном русском характере нашего товарища и коллеги, который он унаследовал от своих родителей, приобрел и проявил в научном творчестве, повседневности, запомнился окружающим.

По имени и житие – стереотипная формула жизни

Первые знания сути имен еще в раннем детстве мы получаем от наших родителей, дедушек и бабушек, порой малограмотных, как у Геннадия Новикова, но смекалистых и богатых душевным теплом сибиряков. Невольно прислушиваясь к их толкованиям происхождения имен наших родных и близких, мы узнаем: имя – первое, что всасывает народившийся человек с молоком матери. Оно довлеет над ним всю жизнь. Говорят, что в имени якобы закодирована будущая судьба. Помнится, впервые я узнал от деревенских старожил, что 13 сентября, «на Геннадия», начинали копать картофель – хлебу подспорье. Этот день ассоциировался с жизненно важным продуктом. Имя и день всегда на Руси и в Сибири бережно чтити.

В гороскопе читаем: «Геннадий от греческого – благородный, с непростым неуловимым темпераментом. Он индивидуалист, самоутраченный, сам себе закон. Предприимчив, динамичен, настойчив, не суетится, досконально изучает проблему и принимает верное решение, реализует свои замыслы». Возможно, не все эти качества были характерны для Геннадия Новикова, но схожие черты есть.

Да и сам Геннадий Новиков к именам относился вдумчиво, с интересом. Он всегда оживлялся, когда узнавал, что в вашей ближайшей родне есть дорогое ему имя Никифор, словно речь заходила о его отце Никифоре Трофимовиче Новикове, бывшем военном, а потом уважаемом рабочем, которого он очень чтит. Геннадий трепетно любил свою маму Тамару Тихоновну, как и дочь Снежану, радовался внуку Павлу. Трудно было смотреть на него, мятущегося, когда мама тяжело заболела, и нужно было ехать в далекое Краснодарье. Он сразу как-то ссутулился, словно бегун перед дальней дистанцией. А самого уже давил недуг, не давал хода, забирал силы. Приходилось полагаться на брата Валерия, о котором он всегда отзывался тепло, гордился его мастеровитостью, способностью подставить родное плечо в трудный момент. В такие трудные моменты Геннадий был наиболее раним, нуждался в сострадании и моральной поддержке. Мы старались хоть как-то помочь ему советом, добрым словом.

Язык и стиль жизни формируют характер

Так утверждают педагоги и психологи. Вряд ли и мы будем оспаривать это положение. Есть ли еще в мире такой народ, как русский, чей родной язык, и прежде всего устная и письменная речь, оказывает столь большое и благодатное влияние на национальный менталитет, на формирование человеческой личности? Речь Геннадия Никифоровича была нетороплива, чиста, убедительна, метафорична, как математика. Видимо, ее истоки в материнской ласке и отцовской четкости, педагогическом таланте школьных учителей, прививших ему любовь к языку, чтению, интерес к русской и зарубежной литературе в размеренной повседневной жизни провинциально-го сибирского городка Ачинска 50-х годов прошлого века.

Свое влияние на его характер и ментальность оказало изучение и знание иностранных языков: французского и английского. Его бесшабашная русская натура обретала черты, которые обычно приписывают европейцам: организованность, настойчивость, целеустремленность. Он ринулся в Москву в МГУ завоевывать столичный, а затем и зарубежный мир, но провинциальность еще довлела над ним. С другой стороны, языки давались ему достаточно легко. Гораздо позднее, уже после аспирантуры, он получил первую возможность побывать на Западе. Здесь он смело входил в культуру Европы, Парижа через оригиналы литературных классиков.

Носители языков – связующее звено провинции, центра и зарубежья. В свое время Карамзин считал, что сила России в ее провинции, ибо здесь хранится душа народа. Новое время убыстрило жизнь, расширило общение и контакты. По архивным данным мне приходилось изучать материалы о российских ходаках в Сибирь. Их выбирало крестьянское общество. Это были люди особого склада характера, сметки, хорошо владевшие языком и речью, чтобы правдиво и складно рассказать об увиденном в далеком крае. Для меня Геннадий Новиков стал сибирским посланцем в центральной России, за рубежом, нашим Афанасием Никитиным в Европе. По нему судили

о нас, о Сибири, о нашем университете и даже историческом факультете. Оттуда он приносил передовые идеи, новые веяния в науку и объяснял все доходчивым и живым языком.

Иногда он признавался, что почти не знает простонародной речи, его слог был городским, словно цветная, хорошо уложенная брусчатка. Прочитав мою книгу о деревенской жизни, он похвалил ее за талантливый стиль, высказал свое желание добраться до познания почти неведомой ему стороны российской жизни. Не случайно, когда оказывался на даче у кого-то из наших коллег, он отдыхал возле земли, леса, любил растапливать печурку, долго и молча смотрел на разгоравшийся огонь. На его лице читалось умиротворение. Он становился простым, доступным, демократичным провинциалом.

У каждого преподавателя свой стиль и манера объяснения предмета, свой научный и педагогический язык. У Геннадия Никифоровича они были высокопрофессиональными. Несмотря на случавшиеся «чужачества», студенты очень высоко ценили его эрудицию, культуру речи, творческий подход. Им даже нравилось его кокетство космополитизмом. Если мы заглянем в анкету Геннадия Новикова «Преподаватель глазами студентов», имевшую хождение в конце 1980-х гг., когда он был в зените своего таланта, то увидим самые высокие отзывы студентов о молодом, 39-летнем перспективном преподавателе. Средний балл 8,3 из 9, выставленный нашими избалованными студентами-историками, свидетельствует о знающем и авторитетном преподавателе, которому они доверяли свое обучение и воспитание.

Стиль жизни – это и состояние души. Быт не приставал к нему. Он и сам говорил, что не умеет быть домовитым. Его кредо – каждый должен делать то, что умеет, а не то, что хочет. Кажется, он постоянно был в своей теме, даже в неформальной обстановке и общении в узком кругу. Иногда он пытался напеть какие-то куплеты по-французски, но, не встретив понимания, конфузился. Но оставшись совсем в узком кругу товарищей и коллег, с такой теплотой и душевностью заводил песню «Течет река Волга», словно сам уплывал в эту мелодию. В этом был настоящий, не турандотствующий, а искренний и близкий нам Гена.

Среди его учителей и коллег были люди, о которых он всегда отзывался очень высоко, говорил, что они оказали на него особое влияние. Из педагогов старшего поколения он часто вспоминал П. Х. Гребнева, гордился его фронтовым прошлым, как своего отца. Военные и служивые люди в погонах вызывали у Геннадия особый интерес и внимание. Иногда подробно расспрашивал у меня об армейской службе, казалось, сожалел, что сам не прошел этой школы жизни. Из учителей и коллег среднего тогда поколения отдавал предпочтение товарищеским взаимоотношениям с Н. Н. Щербakovым, который высоко ценил талант Геннадия, называл его звездой первой величины в исторической науке, высказывал пожелание своему товарищу глубже вникать в психологию и души окружающих людей.

По своему характеру Геннадий Никифорович брался за крупные дела. Масштаб его деятельности был довольно широким. Прежде всего, это ка-

сается его деятельности на кафедре мировой истории и международных отношений, которую он возглавлял с 1988 года, а также открытия специальности «Международные отношения».

Мне пришлось близко работать с Геннадием Никифоровичем в МИОНе, когда наша группа выиграла грант по теме «Репрессивная политика в СССР. 1930–1950-е гг.». Он вникал в суть и даже детали нашего проекта, следил за исполнением бюджета и подготовкой аналитических отчетов, сроками их сдачи. А ведь таких проектов в МИОНе было до двух десятков. Он взвалил на себя огромный груз ответственности, требующий энергии, характера, времени. И уж совсем стало ему тяжело, когда к этому добавилась работа по руководству диссертационным советом. Но не в стиле характера Геннадия Никифоровича было отступать.

С первых заседаний диссертационного совета он дал понять всем нам суть новых акцентов деятельности. Прежде всего, Геннадий Никифорович обратил внимание на повышение уровня предварительной экспертизы принимаемых к защите диссертаций. Были определены базовые кафедры, на которых должны были обсуждаться исследования соискателей. Во-вторых, он потребовал от научных руководителей и соискателей неформального отношения к теоретико-методологическим аспектам диссертаций с учетом зарубежного опыта исследования этих вопросов. Пожалуй, впервые за последние годы на заседании совета был сделан предварительный анализ защищенных работ. Он высветил типичные недостатки научных сочинений, выявил некоторые перспективы координации научных исследований в нашем регионе. В его планах была идея сделать эти требования стилем работы диссертационного совета, существенно поднять научный уровень иркутской школы историков в целом. На смену идеографическому должен был прийти аналитический метод научных исследований. Это было в характере Геннадия Новикова, стилем его мышления и жизни.

Последние встречи

Из двух последних встреч с Геннадием Новиковым в первую рождественскую неделю 2008 года особенно запомнилось общение 1 января, в палате городской больницы. 31 декабря я позвонил ему на мобильник, поздравил с наступающим Новым годом. Ответом был слабый, больной голос Геннадия, словно из преисподней. Утром 1 января я уже ехал через еще отдышавший от веселья город в больницу. Как-то не радовали принаряженные уличные фасады и зеленые, сверкающие новогодними гирляндами ели. Не было привычной строгости и суеты в больничных коридорах. Многие больные были дома. Гена лежал в большой восьмикоечной палате, на «дебельском», как он выразился, месте, у окна. Он встретил меня тепло и даже сердечно. Посетовал, что залежался в больнице (почти весь декабрь), стал подробно обсказывать курс лечения, словно ждал благодарного слушателя. Затем как-то незаметно перевел разговор на одного больного, 85-летнего дедушку, фронтовика, лежавшего в этой палате. Гену поразило оптимизм,

стойкость и жизнелюбие бывшего фронтовика, который, по его рассказу, и в последующей жизни перенес много невзгод и личных потерь. Почему-то подумалось: может быть, этот фронтовик станет для нашего товарища тем настоящим человеком, который, как в известной повести, поможет Геннадю преодолеть и побороть недуг. Гена убежденно говорил: выздоровлю, обязательно поеду в лес, в зимовье, к печурке. Хочу уединиться и писать, писать! Я ведь объехал полмира, многое повидал, много знаю. Так хочется поработать для России, за которую я всю жизнь колотился! Эта встреча взволновала меня, вселила оптимизм. Хотелось верить, что Гена переборет болезнь. В этот момент он казался мне едва ли не близким другом, которого хотелось по-мужски обнять и поддержать! Из моего сознания разом ушло его прежнее, нарочитое равнодушие, кажущаяся вялость и высокомерие в своей талантливости ко всему, что не было его жизнью и его талантом.

Почти год минул со дня смерти Геннадия Никифоровича Новикова. Мы говорим о нем, о его делах и замыслах, подвижничестве, уме и таланте, будем помнить о нем, пока живы. Хочется, чтобы смятенная душа нашего Гены успокоилась, чтобы люди окружили бережностью память нашего товарища и коллеги. Он ушел в историю, но он остался в истории!

Источник: Памяти Геннадия Никифоровича Новикова: Воспоминания, библиография, неопубликованное. К 60-летию со дня рождения / сост. С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009.

В. П. Шахеров

Уроки жизни с В. П. Олтаржевским

На историческом факультете университета начала 1970-х гг. было много заметных и маститых профессоров и преподавателей. Наше поколение еще застало лекции таких крупнейших сибирских ученых, как Ф. А. Кудрявцев и С. В. Шостакович, представителей среднего звена иркутской профессуры В. Т. Агалакова и И. И. Кузнецова, но уже во весь голос заявили о себе молодые преподаватели и способные исследователи Г. И. Медведев, В. В. Яровой, Н. Н. Щербаков, А. В. Дулов и др. Но даже на этом блестящем фоне своими лекциями, знаниями, человеческими качествами выделялся В. П. Олтаржевский. Для меня встреча с ним оказалась судьбоносной, во многом определившей дальнейший путь, направление научной работы, да и вообще отношение к жизни.

Как и большинство студентов-историков, впервые я встретился с Владимиром Павловичем на втором курсе, когда подошел черед слушать курс истории средних веков. Уже первое появление его в аудитории произвело впечатление. Молодой красавец-мужчина, подтянутый, всегда элегантно одетый, Владимир Павлович представлял собой, наверное, идеал советского интеллигента. Я никогда не слышал от него грубого слова, да и вообще разговора на повышенных тонах. А его неподдельное внимание и уважение к собеседнику, кто бы то ни был – студент, коллега или старший товарищ – всегда располагали к откровенности и доверительности. Удивительное дело, но и с годами он остается таким же, только немного постаревшим и умудренным жизненным опытом. По одежке, как говорится, встречают. Но стоило начать лекцию, как все быстро убедились, что и лектор он превосходный. Спокойно, без излишнего эмоционального педалирования, но вместе с тем очень доступно и достойно Владимир Павлович увлек большинство курса, причем не только его лучшую половину, в мир средневековой Европы. Даже те, кому были совершенно безразличны каролинги и английские лорды, сражения Столетней войны и тому подобные события

В. П. Олтаржевский

средневековья, признавали, что его лекции интересны и познавательны. Для меня же, еще в школе с увлечением читавшего рыцарские романы, лекции Олтаржевского стали открытием огромного и, как оказалось, совершенно неизвестного мира средневековой Европы. Неудивительно поэтому, что кроме учебного курса я, как и многие мои однокурсники, стал посещать специальные, посвященные средневековой культуре и английской буржуазной революции. С каким увлечением Владимир Павлович рассказывал о событиях, людях, литературных и философских произведениях этой эпохи! Чувствовалось, что и самому ему были близки и любимы все эти ваганты, трубадуры и миннезингеры. Имея настоящий талант педагога, умеющего привлечь и увлечь своим предметом, Владимир Павлович повел юные, еще несформировавшиеся души в мир своих интересов и пристрастий. Несколько десятков студентов посещали его кружок и готовы были дневать и ночевать в библиотеке, чтобы подготовить свои сообщения и обзоры журналов. И все, чтобы заслужить внимание или просто благосклонный взгляд своего кумира. С каким энтузиастом кружковцы помогали ему фальцевать тираж его монографии об английской Ост-Индской компании, гордились защитой кандидатской диссертации своего учителя! Я сейчас с некоторой ностальгией вспоминаю эти годы, уже хотя бы потому, что больше никогда мне не приходилось слушать такие лекции и не столько умом, сколько сердцем воспринимать учебный материал. Совершенно не жалею времени, потраченного на изучение научной темы, выбранной с благословения Владимира Павловича. История колонизации Северной Америки и создание на этом континенте английских колоний в то время еще мало были изучены советской американистикой. Поэтому фактический материал приходилось извлекать из того немногочисленного, что было, и, прежде всего, из оригинальной английской литературы. Уже забылись часы каторжной работы по переводу этих текстов, в памяти осталось лишь удовлетворение от проделанной работы и от достигнутых результатов. Как ни странно, эти три года, проведенные за изучением английских колоний, не совсем пропали даром. Спустя много лет эта тема, в другом, правда, виде, вновь вошла в орбиту моих интересов. Тема Русской Америки, русской колонизации тихоокеанского побережья стала одной из проблем, волнующих меня в настоящее время. Благодаря этому интересу удалось побывать в бывших русских поселениях на Аляске и в Калифорнии, установить дружеские отношения с американскими коллегами и музейными работниками, привлечь к этой многогранной теме иркутских школьников.

Владимир Павлович всегда щедро дарил свое время и мысли ученикам. Не случайно он до сих пор окружен ими. Удивительное умение объединить вокруг себя учеников и подвигнуть их на научные достижения. Это особенно ценно в науке, так как приводит к возникновению новых научных направлений и школ. Мне, к сожалению, не довелось стать учеником Владимира Павловича Олтаржевского в научном плане. Но я считаю его Учителем, не только потому, что учился у него, а в большей степени Учителем, во многом определившим мой жизненный путь и научные интере-

сы. Возможно, видя мои чрезмерные усилия в переводе английского текста, желая как-то помочь, он посоветовал радикально сменить тему исследования. Ссылаясь на собственный опыт работы над диссертацией, он посоветовал выбрать объект исследования поближе. Тоже средневековье, но наше, российское, точнее, сибирское. Как оказалось, и в истории Сибири было много еще не исследованного. Но тема эта лучше обеспечена источниками и возможностью открыть что-то новое. Уже тогда меня поразила широта и разносторонность интересов и пристрастий Владимира Павловича. Он хорошо знал российскую историю, умело ориентировался в проблемах сибирской историографии, да и собственно краеведению был не чужд. Не удивительно, что позднее, коренным образом поменяв направление своего научного поиска со средневековья на новейшую историю, он и здесь достиг научного признания и объединил вокруг себя группу учеников. В итоге наших разговоров была выбрана тема моей дипломной работы, связанная с открытием и изучением озера Байкал русскими землепроходцами в XVII столетии. С увлечением я взялся за новую проблему и подготовил работу, получившую очень благоприятный отзыв со стороны патриарха сибирской истории Ф. А. Кудрявцева. Дальнейшего развития, правда, эта тема не получила, но интерес к истории Байкала, его промысловому и торговому освоению остался на всю жизнь. Кроме того, так получилось, что именно В. П. Олтаржевский ввел меня в огромный мир повседневной живой истории. Погруженный в свой книжно-библиотечный интерес, я, к своему стыду, даже и не знал, что на историческом факультете уже много лет существует историко-этнографическая экспедиция, которая регулярно в летнее время выезжает в различные районы Иркутской области и записывает воспоминания старожилов, собирает фотографии, документы и этнографический материал. Если бы не Владимир Павлович, то экспедиционная тема прошла бы мимо меня, да и дальнейший путь сложился бы по-другому. Я был уже на четвертом курсе, когда однажды в разговоре он предложил мне поехать в экспедицию на север Байкала. Байкальская тема, любовь к славному сибирскому озеру в жизни В. П. Олтаржевского – это вообще отдельная тема для разговора. Этой любовью он заразил и меня на всю оставшуюся жизнь. Благодаря экспедициям, в том числе и тем, которыми руководил Владимир Павлович, удалось объехать весь Байкальский регион и прикоснуться к его удивительному природному миру, познакомиться с людьми, живущими в согласии и гармонии с этим миром.

Таким образом, в 1973 г. я прикоснулся к новому для себя миру народной истории. Встречи и беседы с сотнями сибирских старожилов во многом изменили мои представления о жизни и об истории страны. Это была правда жизни без прикрас и без цензуры. Думаю, что и для всех участников экспедиций общение с носителями исторической памяти было хорошей школой жизни. Кроме всего прочего, экспедиция имела и важное прикладное значение. Она расширяла круг источников региональной истории, сохраняла духовное историко-культурное наследие. Благодаря экспедиции я ближе познакомился с ее бессменным руководителем С. Ф. Ковалем, которого

считаю еще одним своим Учителем, много сделавшим для формирования меня как научного исследователя и специалиста. Кроме того, полевая жизнь всегда располагает к общению, определенной духовной близости. Появляется общность интересов, дружеские чувства, взаимопомощь. В полевых условиях проявляются все человеческие качества, умение быть в команде. В. П. Олтаржевский и в экспедициях сохранял чувство собственного достоинства, своеобразный такт, житейскую мудрость. Удивительное дело, но даже живя в палаточных условиях, он всегда подавал пример элегантности и аккуратности. Как руководитель и педагог, он скорее был либералом, особенно на фоне «железного Ковалея». Но никогда не терпел панибратства, расхлябанности, тем более человеческой непорядочности. В то же время любил пошутить, посидеть с компанией у костра, попеть песни. Позднее, когда Владимир Павлович стал моим старшим коллегой, наше экспедиционное братство не исчезло, просто приняло другие формы. В. П. Олтаржевский по-прежнему в строю, все так же окружен студентами и учениками. До настоящего времени он сохранил все свои лучшие качества, являясь недостижимым образцом для окружающих. Хочется пожелать ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых творческих удач и свершений, любви и преданности близких и друзей. Его года, знания, опыт – его настоящее богатство, которое он по-прежнему щедро дарит окружающим.

Источник: Историк «Земли морей»: к 75-летию профессора В.П. Олтаржевского. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 60-64.

Б. С. Шостакович

Педагог и ученый, продолжатель традиций Иркутской школы историков

Впервые я узнал Владимира Павловича (далее сокращенно – В. П. – *Б. Ш.*) Олтаржевского еще будучи школьником. Это объясняется тем, что мой отец, С. В. Шостакович (далее сокращенно С.В. – *Б. Ш.*), в 1940–1970-х гг. заведовал кафедрой всеобщей истории Иркутского госуниверситета (далее сокращенно – ИГУ. – *Б. Ш.*). Нередко дома в кругу семьи он делился отдельными новостями о делах кафедры и факультета. Примерно с конца 1950-х годов в разговорах отца, случавшихся в моем присутствии дома и за его пределами, стало часто называться имя В. П. в числе других сотрудников кафедры и тогдашнего историко-филологического факультета ИГУ. Тогда я и узнал, что речь шла о молодом, талантливом ученике отца, на которого последний возлагал большие надежды. Среди послевоенных выпускников исторического отделения ИГУ В. П. оказался первым, по инициативе С. В. оставленным в качестве нового преподавателя на кафедре всеобщей истории. В ту пору в нашем университете подобное было исключительным событием. Университету тогда не выделялось целевых средств на подготовку молодых специалистов высшей квалификации, внутренняя аспирантура по истории отсутствовала. В. П. должен был поехать в Москву и в Ленинград, чтобы там избрать и утвердить тему своей будущей диссертации. По тем временам и это также было совершенно неординарным явлением.

В связи со сказанным мне припоминается, что В. П. присылал отцу по почте из Москвы и Ленинграда свои объемные и обстоятельные письма (время было еще весьма далеким от нынешней эпохи мгновенных электронных «messages»!). В них В. П. описывал учителю свои первые шаги в столичной научной сфере, впечатления и наблюдения, к ним относящиеся, делился сомнениями и просил совета в принятии наиболее трудных и ответственных для себя решений. Естественно, сам я этих писем не читал, но общий их характер становился мне ясен, ибо отец неоднократно касался при мне этой темы с коллегами, обсуждал и некоторые конкретные их детали в телефонных разговорах из дома, и тому подобное. Припоминаю, что отец с большим вниманием и ответственностью подошел к этой переписке, постарался на расстоянии максимально ободрить и поддержать своего начинающего коллегу. Также он очень одобрительно расценил обстоятельность и рассудительность В. П., проявленные им в этих эпистолярных отчетах. В

итоге молодым иркутским историком была избрана рекомендованная ему (кажется, в Ленинграде) тема диссертационного исследования – «История английской Ост-Индской компании». (Впоследствии, как известно, она успешно была им защищена на Ученом совете Томского университета). В восприятии местной научной среды тех времен все это также выглядело во многом необычным и даже в чем-то экзотичным событием.

Вполне естественно, что уже при встречах и разговорах отца с В. П., случайным свидетелем которых я оказывался, у меня была возможность приглядеться к В. П. Должен признаться, что его нестандартная, яркая внешность сразу же привлекала к себе внимание. Чуть выше среднего роста, с едва заметной смугловатостью, жгучий брюнет, стройный, с безупречной осанкой, с внимательно-доброжелательным взглядом черных живых глаз, в которых часто мелькала задорная «искорка», к тому же – обладатель бархатистого баритона, с характерными, быстро узнаваемыми мягко-раскатистыми тембральными нотками. (Позднее выяснилось, что у В. П. хороший музыкальный слух и он прекрасно поет). Не менее замечательное присущее В. П. качество, чрезвычайно ценное для педагога, в полной мере я ощутил позднее, в годы своего студенчества и начала собственного преподавания в университете. Имею в виду несомненный талант В. П. Олтаржевского-оратора. К наблюдениям за лекторским даром своего учителя я еще вернусь немного позже. Однако должен заметить, что и во время самых первых встреч с В. П. сразу привлекала к себе внимание его всегда безукоризненно правильная, грамотная речь.

За все годы моего общения с В. П. ему были присущи и по нынешнее время остаются неизменными такие характерные черты, как деловитость, внутренняя и внешняя подтянутость, сдержанность и уравновешенность, элегантность и вкус в манере одеваться, умение держаться ровно и легко, притом с едва ощутимым чувством достоинства, – с кем бы то ни было: от студентов до лиц самых высоких рангов. При этом за все время моего знакомства с В. П. я никогда не замечал, чтобы он переходил ту незримую грань, за которой мог бы проявиться даже намек на обидную небрежность или высокомерный тон. Не побоюсь сказать прямо: В. П. свойственно в полной мере высокое искусство (именно – искусство!) общения.

Особой стороной того же искусства В. П. является и его умение совершенно органичного проявления галантно-комплиментарного, но вместе с тем и деликатно-уважительного отношения к женщине. К сказанному просто необходимо добавить, что В. П. – это и его неповторимая способность буквально излучать притягательные мужские шарм и обаяние. Нетрудно догадаться, что из общающихся с В. П. представительниц прекрасного пола, особенно массы молоденьких студенток, редко кто оставался равнодушным ко всем этим его качествам и не испытывал на себе платонической влюбленности в его яркую личность. Последнее послужило поводом к тому, что о В. П. и о его поклонницах в студенческой и преподавательской среде складывались почти беллетристические предания. В них он наделялся чер-

тами от Дон-Жуана до благородного рыцаря, хранящего «обет верности» некой Прекрасной Даме-Незнакомке...

Характерные для В. П. глубочайшая интеллигентность и регулярно подкрепляемые на практике проявления основательной общей культуры, воспитания и вкуса для тех лет, скажем прямо, были чем-то и не вполне типичным, и привлекательным одновременно. Чего греха таить, даже в университетской среде подобный мужской образ педагога и научного работника далеко не был так распространен и тем более общепризнан в тогдашнее время.

На мой взгляд, это объяснялось тем, что в первые послевоенные десятилетия в общественном обиходе все еще довлела инерция первоначальной большевистской нравственно-идеологической догмы, придававшей преувеличенно существенное значение «классово правильному» происхождению из «пролетарско-крестьянской» среды и приличествующему таковому «простому поведению». Вспомним, какие образы «ученого-интеллигента» бытовали в тогдашней советской литературе, драматургии и кино. Часто они изображались талантливыми чудаками в очках-«велосипедах» и мешковатых парусиновых одеяниях, глубоко погруженными в свои научные проблемы, а потому рассеянны и отрешенно реагирующими на окружающую их повседневность, реже – виделись стойкими патриотами, в чьих твердых словах и взглядах сквозил прежний военный опыт и которым непременно удавалось утвердить свою научную правоту и триумфально разоблачить злонамеренность своих оппонентов.

Подобным типажам В. П. явно не соответствовал, и потому с ним подчас связывали некую загадку происхождения. В те времена не дай Бог было кому-то привлечь к себе внимание безупречными манерами поведения. Для подобного смельчака это оказывалось равносильным почти что автоматическому навлечению на себя подозрений в происхождении «из бывших», трактуемых как якобы «паразитические слои» общества, что даже и в годы «оттепели» не вызывало симпатии... Видимо, всеми этими тенденциями был порожден и миф, негласно и непонятно кем сочиненный, но горячо обсуждавшийся в среде студентов-историков моей поры, относительно того, что В. П. будто бы «потомок польского графского рода, до революции владевшего многими поместьями, а затем почти полностью эмигрировавшего за кордон»... Нынче эта легенда может быть воспринята лишь как забавный курьез, однако мне самому довелось слышать и видеть, как, выражаясь студенческим сленгом, «на полном серьезе» мои сокурсники обсуждали в кулуарах эту якобы «недавно рассекреченную информацию».

Полагаю, что те же самые психологические настроения в университетской среде рубежа 1950–1960-х гг. породили и довольно распространенное в свое время мнение, что В. П. в своих педагогических приемах и общей манере преподавания «целиком подражал» своему учителю, Сергею Владимировичу Шостаковичу, высокая культура и интеллигентность которого имели известные дореволюционные корни и также служили притчей во языцех у местной общественности. Лично я убежден, что подобные утверждения

крайне упрощали и даже несколько вульгаризовали самую суть вопроса. В самом деле, ведь культура отнюдь не синоним простого подражания! И пусть даже В. П. в какой-то мере использовал педагогические приемы своего любимого учителя, он при этом безусловно оставался самим собой. Ни органичная интеллигентность В. П., ни его всестороннее воспитание, конечно же, не были и не могли быть следствиями заурядного «подражания» С. В. Шостаковичу, как это механистически-прямолинейно трактовалось некоторыми. Вместе с тем (и это также правда!) у обоих упомянутых талантливых университетских педагогов-историков действительно могут быть подмечены некоторые сходные узнаваемые черты: открытость, внимательность, доброжелательность, тактичность и толерантность в их общении со студенчеством, коллегами и общественностью, неизменно присущая обоим эрудиция и широкий кругозор. Все это безусловно сближает между собою С. В. Шостаковича и В. П. Олтаржевского – учителя с его незаурядным учеником-последователем.

После моего поступления на историческое отделение историко-филологического факультета ИГУ для меня началось уже более регулярное общение с В. П. Олтаржевским как с одним из ведущих педагогов исторического отделения (позже – исторического факультета) ИГУ. Под руководством В. П. мне с моими однокурсниками довелось изучать историю средних веков. Признаюсь откровенно, именно в такой роли В. П. мне не просто более всего запомнился с той, уже давней поры (ведь описываемое происходило более 40 лет назад!). Приношу извинения своему учителю за искреннее признание: для меня лично за ним и ныне остался преподавательский приоритет именно в дисциплинарной области медиевистики!

На лекциях по истории средних веков В. П. был просто неподражаем. В ходе изложения той или иной темы он, казалось, реально проникал в соответствующие эпохи и затем как бы «оттуда, изнутри тех прошедших времен» позволял аудитории ощутить их «аромат», колорит, тонкие нюансы, а подчас даже «прикоснуться» к ее историческим персонажам. До сих пор в памяти всплывают (при неперенном «звуковом сопровождении» мягко-бархатистого баритона В. П.) образы Карла Великого и Фридриха Барбароссы, воинственного Ричарда Львиное Сердце и униженного экс-императора Генриха IV («стояние в Каноссе»), исторические экскурсии в хитросплетения коварных интриг влиятельного рода Борджа, эпохи Тюдоров и Стюартов, малоизвестные подробности судеб Игнатия Лойолы, великих Шекспира, Сервантеса, Данте, и еще многое-многое другое...

В эту яркую, политематическую ткань предмета наш педагог умело, совершенно ненавязчиво, но притом же логически последовательно и четко вводил теоретическую проблематику, ее терминологию и концептуальные построения. Под наставничеством В. П. постигали мы премудрости аллода и бенефиция, лена и феода, магдебургского права и иерархии цеховых ремесленных уставов, эволюцию религиозной идеологии, ростков нового бюргерского мировосприятия, вызревания нового капиталистического социально-политического уклада.

Параллельно В. П. приобщал нас к азам научной работы. Большинство моего курса, включая и меня самого, сделали свои первые шаги в этом направлении в студенческом кружке медиевистики, руководимом В. П. Хорошо помню свою самую первую тему – «Историческая хроника Козьмы Пражского». Ее В. П. предложил мне в кружке с целью изучения и подготовки первого для меня научного сообщения. Тогда, конечно, ни В. П., ни тем более я сам не могли даже предположить, что спустя всего несколько лет моя научная и преподавательская судьба окажется практически на всю профессиональную жизнь связана с проблематикой истории зарубежных славянских стран и народов. Казалось бы, подобное совпадение было всего лишь чистой случайностью. Однако для меня оно стало навсегда памятным, и в нем я вижу определенную символичность: ведь что ни говори, а первое серьезное прикосновение к исторической сфере зарубежной славистики состоялось у меня еще в годы студенчества именно «с легкой руки» тогдашнего моего наставника В. П. Олтаржевского. Справедливости ради, у В. П. я занимался не одной только названной темой. Еще на 2-м курсе я выполнил под его руководством курсовую работу «Альбигойская ересь», заслужившую у В. П. отличную оценку. Не скрою, что я гордился этим, хорошо усвоив высокие профессиональные требовательность и принципиальность своего учителя.

Вместе со своими товарищами по историческому отделению истфила ИГУ я уже относился к старшекурсникам, когда неожиданно в нашу, скажем прямо, не слишком избалованную регулярными и яркими развлечениями студенческую жизнь буквально ворвалось совершенно новое, оригинальное событие, всерьез захватившее и увлекшее поголовно всех студентов-историков университета наряду и с молодой частью наших педагогов. Как-то в один из перерывов между лекциями В. П. передал нашему курсу переписанный от руки текст по латыни, начинавшийся словами «*Gaudeamus igitur...*» с предложением разучить его всем для исполнения на предстоящем праздничном вечере, а заодно – придумать свою часть программы, чтобы было всем «интересно и не скучно». Еще не вполне понимая, что из этого может получиться, мы взялись за дело и вскоре увлеклись им не на шутку... Так зарождался традиционный вечер историков ИГУ «День потомков Геродота», вскоре сделавшийся, не побоюсь этого слова, знаменитым не только на весь студенческий Иркутск, но ставший известным даже и за его пределами. Безусловно, организация и проведение традиционного ежегодного «слета потомков Геродота» являлись коллективным творческим начинанием молодой преподавательской среды историков нашей альма-матер. Однако самый замысел его, безусловно, принадлежал В. П. Лично мне видится в этом вполне закономерный, вполне конкретный «выплеск» интеллектуального потенциала и духовной энергии В. П. Его познания в истории культуры античности и средних веков помогли придумать колоритный и запоминающийся сценарный стержень традиционной праздничной встречи разных поколений профессионалов-историков, которых объединяла общая альма-матер – ИГУ. Атмосфера вдохновенной фантазии, ве-

селей непринужденности «праздника Геродота» включала в себя элементы ритуалистики и символики, почерпнутые из эпох средневековья и античности. Вокруг них шутивно обыгрывались насущные реалии жизни истфака ИГУ в последнее 35-летие XX века.

Безусловно, в этих кратких, фрагментарных воспоминаниях о В. П. мне едва ли удастся провести законченный анализ упомянутого этого его детища и значения последнего. Полагаю, что кому-то из студентов, да и специалистам-исследователям, следовало бы уже взяться за основательное изучение истории досуговой культуры интеллигенции высшей школы в сибирском регионе второй половины XX века. Тогда-то, видимо, и отыщется достойное место заслугам В. П. Олтаржевского на этом поприще, и его детище получит заслуженную оценку как социокультурный феномен.

Здесь же замечу лишь, что подобный анализ данного начинания крайне необходим в целях воссоздания адекватного восприятия у нынешних младших поколений студенчества на факультете, а шире – у всех интересующихся данным вопросом, в каких конкретных культурно-духовных условиях около 40 лет назад протекала жизнь их родителей и иных старших предшественников. Неумолимая логика жизни такова, что в процессе все более ускоряющегося темпа повседневной жизни и неизменно вторгающегося в нее научно-культурного прогресса уже через несколько ближайших поколений принципиально и существенно меняется система мировосприятия, вплоть до личностных ценностей. В пояснение к сказанному напомним читателям этих строк (в первую очередь молодым), что в те годы, когда зародился и творчески развивался «праздник потомков Геродота», в Иркутске не существовало еще даже прямых телевизионных трансляций из Москвы, о нынешнем же многоканальном вещании и спутниковом телевидении писали разве лишь отчаянные фантасты. Вездесущие мобильные телефоны, персональные компьютеры и интернет-технологии даже не были изобретены. Не существовало и таких понятий, как «дискотека» либо «ночной клуб», по крайней мере, на необъятных просторах тогдашнего нашего отечества – СССР, дальше которых редко кому в описываемое время вообще удавалось побывать. И даже КВНу, ныне столь привычному всем и каждому, а в ту пору уже существовавшему в телевизионных программах Москвы, Ленинграда и близких к ним регионов, только еще предстояло приобрести всеобщее распространение, а затем и завоевать популярность в наших сибирских далях.

Но вернусь к своему общению с В. П. уже как со старшим своим коллегой, когда уже по окончании мною факультета и последующей аспирантуры при кафедре всеобщей истории ИГУ я был оставлен на этой же кафедре. От того момента и по настоящее время кафедра всеобщей истории (впоследствии она дважды сменяла свое название и частичный внутренний дисциплинарный статус; в настоящее время – кафедра мировой истории и международных отношений) для каждого из нас остается неизменным местом научно-педагогической деятельности. В повседневной практике существования кафедры все указанное время никогда не было ни безмятежным, ни

беспроблемным. Перед ее сотрудниками постоянно вставали острые проблемы роста, далеко не простые для их конструктивного разрешения.

Так, В. П. после успешного завершения им уже упоминавшейся кандидатской диссертации по истории Ост-Индской компании пришел к выводу, что перспективы его научно-исследовательской работы в области медиевистики практически исчерпаны (в связи с отсутствием для ее продолжения доступной и достаточной источниковой базы). В результате, после новых консультаций в Москве, В. П. принял решение в корне поменять свое дальнейшее направление исследовательской работы на сферу истории Новой Зеландии и Океании, развиваемое им и его учениками по настоящее время, и тогда же переключился с преподавания медиевистики на дисциплину «История новейшего времени».

В тот период, как я помню, когда В. П. докладывал на кафедре о своем решении, оно поначалу столкнулось с серьезным скепсисом коллег. Особенно резко и категорично высказывался по этому поводу ныне покойный В. В. Яровой, как всегда эмоциональный и нетерпимый в тех случаях, когда ему приходилось сталкиваться с непривычными, а потому казавшимися совершенно неприемлемыми подходами. Помнится, что он категорически высказывался о решении В. П. как об «очевидной утопии». В. П. настаивал на своем и получил тогда поддержку отца, С. В. Шостаковича, также оказавшего и организационное содействие в создании научной лаборатории (впоследствии Центра) при кафедре под несколько условным названием востоковедческих. Жизнь доказала правоту В. П. Начатое им направление постепенно выросло в цельную научную школу, в русле которой получили путевку в жизнь более десятка учеников-аспирантов В. П., сам же он защитил докторскую диссертацию. Из первоначальной же общей востоковедческой группы постепенно выделилось и научное направление по проблематике межэтнических взаимодействий в сибирском регионе (В. И. Дятлов). В настоящее время к ним примыкают и еще две сформировавшиеся самостоятельными путями родственные востоковедные специализации – «Япония в системе международных и российско-японских отношений» (С. И. Кузнецов) и монголоведение (Е. И. Лиштованный).

К сожалению, мое положение педагога и научного работника на кафедре складывалось не столь благополучно. Примерно в тот же самый период, когда В. П. принципиально менял направление своей научно-педагогической специализации, мне самому также пришлось заняться определением перспектив собственного научно-исследовательского направления. Однако в противоположность своему старшему коллеге и учителю я убедился, что тема, первоначально рекомендованная мне совместно руководителями двух кафедр – истории отечественной (в ту пору кафедры истории СССР) и всеобщей истории – профессорами Ф. А. Кудрявцевым и С. В. Шостаковичем всего лишь для разработки ее в русле кандидатской диссертации – «История поляков в Сибири в XIX – начале XX столетия», уже при первых попытках ее практической разработки обнаружила буквально безбрежную сферу научной проблематики, имеющей огромный потенциал и серьезные

перспективы продолжения ее научных исследований. Кандидатская диссертация была успешно защищена мною всего лишь по одному сегменту указанной проблематики. Все прочее, в том числе и разработанные мною новые подходы к осмыслению итогов и задач дальнейшего изучения польско-сибирской исторической тематики (эту проблему я успешно защитил в своем докторском научном докладе в Институте славяноведения РАН), моя родная кафедра, к сожалению, категорически оспорила и отвергла. По стойкому убеждению ряда моих непримиримых оппонентов, включая уже упомянутого В. В. Ярового, данная тематика, как и в целом зарубежная славистика, непременно трактовались как некие побочные тематические «ответвления» от «основных» дисциплин, обеспечиваемых кафедрой. (Об истории сибирско-польских взаимоотношений В. В. вообще пренебрежительно отзывался как о «местном краеведении, не профильном для кафедры»).

Естественно, все это, очевидно, негативно сказывалось на преподавании и развитии славистического направления. Доходило до откровенных курьезов. Помню как сейчас: в пору перестройки я был обнадежен снятием многих прежних непреходящих формальных табу и на заседании кафедры попытался обосновать давно назревший регионально-геополитический подход в преподавании ряда базовых разделов истории зарубежных славянских стран в новое время как интегральной проблематики Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, где, как известно, находятся далеко не одни славянские страны. Мои, что называется, выстраданные доводы оказались на полуслове оборваны резкой репликой В. В. Ярового: «Болеслав, даже не надейся! Центральную Европу мы тебе не отдадим!..» Подобные выпады В. П. никогда не поддерживал, встречая их с легкой ироничной усмешкой, но и в защиту моих попыток проведения на историческом факультете ИГУ давно назревшей модернизации в преподавании ряда аспектов зарубежной европеистики напрямую не выступал.

В указанные годы мои общение и контакты с В. П. в основном сводились к обоюдным приветствиям и доверительным беседам на частные темы, обычным при повседневных встречах хороших и давних знакомых. Но тогда же В. П. проявил по отношению ко мне и, пожалуй, наиболее значимую для меня практическую инициативу. Ее важность я осознал сразу же и теперь, по прошествии уже длительного времени, сохраняю признательность за нее своему старшему коллеге и учителю. Дело происходило в 1990-е гг., когда дезорганизация и полная неразбериха в работе высшей школы на постсоветском этапе полураспада последней поставила преподавательскую интеллигенцию в положение полунитищих, по несколько месяцев не получавших свои и без того резко сократившиеся в размере зарплаты. Именно в ту пору В. П. предложил мне взяться за разработку и преподавание в незадолго до этого созданном в Иркутске крупном частном коммерческом высшем учебном заведении, Сибирском институте права, экономики, управления (СИПЭУ), совершенно новой на тот момент и актуальной дисциплины – «Международные интеграционные процессы». «Этот новый предмет теперь

будет постоянно востребован, – провидчески сказал В. П. – Стоило бы Вам, Болеслав, им заняться».

Мне пришлось буквально начинать с нуля, но постепенно в ходе этой работы удалось вникнуть в суть данной дисциплины, почувствовать вкус к ней и в результате создать собственную авторскую ее трактовку. К сожалению, после ряда лет преподавания в СИПЭУ, моя работа там неожиданно прервалась – по причинам, совершенно не зависящим от меня самого. Однако накопленный уже к тому моменту опыт не пропал зря. Теперь, наряду с первоначально обозначенной дисциплиной, я преподаю еще несколько курсов – по международной экономике и некоторым иным аспектам современных международных отношений – как в собственной альма-матер, так и в иных высших учебных заведениях города. Мысленно охватывая свою преподавательскую практику в сфере проблематики международных отношений в течение более чем полутора десятка лет, я не могу не признать, что первый мой шаг в данном направлении оказался инициирован В. П. Хотя допускаю, что сам он, некогда высказывая мне свой совет, едва ли заглядывал столь далеко, на практике его идея оказалась для меня самого весьма плодотворной.

Подготовка данного мемуарного эссе невольно воскресила в моей памяти немало сцен, фактов, деталей, связанных с моим учителем и старшим коллегой. При этом совершенно неожиданно для себя и даже с некоторым собственным удивлением я осознал тот факт, что мои знакомство, встречи и общение с В. П. Олтаржевским насчитывают уже более полувека! В связи с отмеченным вполне естественным явился отбор для данного очерка лишь нескольких фрагментарных мемуарных зарисовок – тех, что я считал либо особенно показательными, либо по тем или иным основаниям наиболее существенными в характеристике личности В. П. Олтаржевского.

Подытоживая солидный срок своих взаимоотношений с В. П., полагаю необходимым констатировать, что мой учитель и старший коллега неустанно следует своим собственным оригинальным путем и в исторической науке, и в университетском преподавании, достойно продолжает эстафету, принятую когда-то от общего нашего наставника профессора С. В. Шостаковича, воплощает свои знания, опыт и талант в сотнях учеников, выпускников истфака ИГУ, профессионалов высокой квалификации в сфере истории, международных отношений, а также иных гуманитарных специальностей.

В завершение очерка воспоминаний о Владимире Павловиче Олтаржевском хочется в канун знаменательного его юбилея выразить мэтру всех наших университетских историков пожелания здоровья, благополучия, исполнения всего задуманного на долгие еще годы! По хорошо мне знакомой польской традиции (и ведь у нас обоих имеются польские, пусть не графские, корни!) в подобный момент неизменно желают: «Sto lat, sto lat, niech żyje, żyje nam!» – Владимир Павлович, здравствовать Вам вместе со всеми нами 100 лет!

Источник: Историк «Земли морей»: к 75-летию профессора В.П. Олтаржевского. Иркутск: Отгиск, 2010. С. 27-39.

И. В. Наумов

Небольшие воспоминания о юбиляре

С виновником этих строк Юрием Александровичем Петрушиным, чей 60-летний юбилей мы готовимся торжественно отметить, автор познакомился в студенческие годы. Точнее, на первом курсе исторического факультета Иркутского госуниверситета в сентябре 1971 г. Мы оказались в одной группе и, более того, Юра как более старший и прошедший воинскую службу был назначен старостой группы.

Должен со всей ответственностью заявить, что до сих пор я искренне убежден – это был самый лучший староста из тех, с которыми я был знаком. Он никогда ни разу никому не показал всей значительности своего положения, держался всегда скромно и незаметно. Как староста он по возможности старался не отмечать в журнале отсутствовавших студентов, а если преподаватель обнаруживал их отсутствие, всегда старался объяснить его какими-то непреодолимыми объективными причинами. За это автор, как не очень дисциплинированный и организованный студент, частенько прогуливавший занятия, до сих пор ему очень признателен и благодарен. Его покровительство в качестве старосты нередко избавляло нерадивых студентов от неприятностей.

У нашего старосты было еще одно очень ценное для одногруппников качество – он был очень дисциплинированным студентом и с самого начала очень хорошо учился. Юра всегда был полностью готов ко всем занятиям, даже к самым неинтересным. И это здорово выручало остальных студентов на семинарских занятиях. Помимо юбиляра у нас в группе был еще один всегда подготовленный студент – А. Сулопаров, и вот они вдвоем, как правило, занимали своими ответами все время семинара. При этом один очень обстоятельно и подробно отвечал первую половину пары, а другой вторую ее половину. Остальным студентам оставалось лишь внимательно слушать и дополнять их ответы короткими репликами, получая плюсы у преподавателя, или совсем не слушать и заниматься своими делами (читать книгу,

Ю. А. Петрушин

готовиться к следующему занятию, играть в «морской бой» или «крестики-нолики» с соседом или соседкой и т. п.).

Как человек, юбиляр был довольно общительным студентом. В самом начале учебы в университете, на первом курсе в сентябре, когда часто еще было очень тепло, у нас нередко срывались занятия по каким-то независящим от студентов причинам. Уйти домой было невозможно, поскольку должны были состояться следующие пары. В таких случаях мы группой или курсом (если срывалась лекция) шли на бульвар Гагарина или в скверы у стадиона «Труд», где было много скамеек. При этом парни и девушки за редким исключением держались отдельными компаниями. Наша мужская компания всегда располагалась у какой-либо незанятой скамейки. Тем для разговоров всегда было две: мы либо обсуждали спортивные события, в основном футбольно-хоккейные, либо рассказывали анекдоты самого разного содержания – от еврейских до политических. Какие-либо другие темы в большой компании, где собирались случайные и малознакомые тогда еще люди, не обсуждались. Во всех этих событиях наш староста принимал самое активное участие. Он всегда очень живо участвовал в обсуждении событий спортивной жизни, обнаруживая при этом хорошее знание и понимание тех видов спорта, которые в данный момент обсуждались. Анекдотов он, правда, насколько помнится, не рассказывал, но зато демонстрировал хорошее чувство юмора при их прослушивании.

Особенно ярко его прекрасное чувство юмора раскрылось, когда у нас началась военная подготовка. После утреннего построения была специальная пара, которая называлась «самоподготовкой», когда по идее студенты должны были напряженно готовиться к предстоящим занятиям и были в это время предоставлены сами себе. Не знаю, как студенты других курсов и факультетов, а мы в это время ни к чему не готовились, а очень весело проводили время. Основное наше занятие состояло в сочинении так называемых «сценариев», когда мы «помещали» наших преподавателей «военки» – полковников Белова по прозвищу «рыбий глаз», Островского, подполковника Телегина, майоров Молдаванова и Шайкина, капитана Костандяна и других – в различные самые невероятные обстоятельства. Очень быстро на нашем курсе выявилось несколько «сценаристов», у которых это получалось особенно смешно. И одним из них был наш юбиляр. Помимо прекрасного, как уже говорилось, чувства юмора ему, несомненно, помогало и хорошее знание особенностей армейской жизни. Во всяком случае, его реплики и предложения всегда были очень смешны и «к месту», вызывая веселый смех однокурсников.

В то же время нельзя сказать, что наш юбиляр является человеком веселым и оптимистичным. Скорее наоборот, ему нередко присущи какая-то внутренняя неуверенность и склонность к пессимизму, что, по мнению автора этих строк, нередко мешало Юрию Александровичу по жизни. Его можно определить как «оптимистичного пессимиста» или «пессимистичного оптимиста». В связи с этим вспоминается один комичный эпизод, случившийся во время военных сборов после окончания университета и почему-то именно с нашим

юбиляром. Следует отметить, что студенты, уже отслужившие в армии, гораздо труднее переносили все их тяготы, чем не «нюхавшие пороха». Видимо, им было тяжело психологически вновь погружаться в армейскую обстановку. Не был исключением и Юра. В общем его угораздило сильно простудиться, и он попал в лазарет полкового медпункта, где лежали легкобольные солдаты. Мы, естественно, всем нашим курсом (по военному – взводом) ходили его навещать. И навсегда запомнился его несколько растерянный вид во время рассказа о том, что в палате стоит банка с таблетками разного цвета без упаковки, и каждый больной может сам себе выбрать и выпить любую понравившуюся ему таблетку. Мы, естественно, очень весело и живо реагировали на это и давали ему самые разнообразные советы, какого цвета таблетки следует пить и в каких количествах. Надо сказать, что подобные трагикомические ситуации случались и случаются с нашим юбиляром нередко.

После окончания университета наши судьбы, естественно, сложились по-разному. Во второй половине 1970-х и в 1980-е годы мы уже виделись с ним эпизодически, случайно встречаясь на улицах Иркутска, но при этом всегда подолгу беседовали на самые разнообразные темы. В 1990-е и 2000-е годы наше общение вновь стало более частым, в основном на ниве сотрудничества в научно-педагогической сфере. В это время Юрий Александрович открылся мне как человек очень отзывчивый, всегда готовый помочь в случае необходимости: будь то помощь моральная, участие в научном процессе, рецензирование диссертаций, статей, наконец, помощь материальная. Вместе с тем он – человек, обладающий достаточно твердым характером, имеющий, как говорится, внутренний стержень и умеющий настоять на своем при необходимости. Видимо, именно эти черты характера помогли ему пережить страшную трагедию, случившуюся в его жизни, хотя свои неизгладимые рубцы в его душе она оставила навсегда.

Завершая очень краткие воспоминания об Юрии Александровиче Петрушине, хочется отметить еще одно положительное качество юбиляра – природную скромность. Он очень скромный человек, который никогда и никак не выпячивает свое «я». Очень ярко это проявилось во время упоминавшихся уже военных сборов. С некоторыми уже служившими в армии однокурсниками произошла удивительная метаморфоза – их поразила какая-то «мания величия», что ли. Проучившись пять лет вместе и общаясь при этом, естественно, на «ты», было очень странно и даже дико слышать в неслужебной обстановке от некоторых слова «товарищ курсант, вы обращаетесь не по уставу, обратитесь по уставу к товарищу младшему сержанту». Надо сказать, что Юра к числу таких не принадлежал, он держался естественно и скромно, хотя и имел звание сержанта. По-моему, ему в голову даже не приходила и сама мысль о возможности подобного поведения.

В завершение хочется пожелать юбиляру традиционно долгих лет жизни, здоровья, счастья, благополучия, творческой активности, сохранения лучших черт своего характера и души.

*Источник: 40 лет служения Alma Mater: к юбилею Ю.А. Петрушина.
Иркутск: Отгиск, 2011. С. 18-22.*

А. А. Иванов

**Б. С. Санжиев:
несколько юбилейных зарисовок**

Б. С. Санжиев

Когда пишешь юбилейные статьи, основанные на личных воспоминаниях, вольно или невольно оказывается, что в твоём материале действуют сразу два героя – само собой, юбиляр, а также ты, автор. Эту особенность источника хорошо знают профессиональные историки, поэтому, надеюсь, простят неизбежное в данном жанре «якание». При этом надо подчеркнуть, что память наша, конечно же, избирательна: об одних современниках вспоминаешь с удовольствием, радуясь возможности как бы оказаться еще раз рядом с интересным человеком, о других – не очень... Б. С. Санжиев, безусловно, принадлежит, к первым.

Для нас, обычных студентов исторического факультета Иркутского госуниверситета второй половины 1970-х гг., Буянто Сайнцакович Санжиев был всегда далекой, таинственной и непостижимой звездой огромной величины. Первые годы учебы мы просто робели перед этим человеком. Один значок «Пятьдесят лет в КПСС» в петлице пиджака чего только стоил!

Чувством почтения студенты проникались прежде всего на лекциях Буянто Сайнцаковича. Нужно сказать, что он был, безусловно, одаренным лектором. У нас он читал историю национальных взаимоотношений. Делал это всегда ровным негромким голосом человека, абсолютно уверенного в том, что его услышат все, даже на галерке, услышат и обязательно запишут. В течение лекции Б. С. весьма редко повышал голос, выделяя тем самым важную для студентов информацию. В большей степени для этого он использовал повторы, обороты типа: «надо подчеркнуть» или «надо выделить особо». Зато часто «держал паузу» после материала, понимание которого было исключительно важным. При этом его взгляд обнимал как всю аудиторию, так и не спеша переходил от студента к студенту по всем рядам, словно лектор хотел убедиться: все ли студенты прониклись значимостью

его материала. Такой прием лекционного мастерства доступен далеко не каждому, даже опытному лектору, и требует, на мой взгляд, прежде всего наличия полной, стопроцентной уверенности в эксклюзивности своего материала. Лекции Б. С. было легко записывать, и, несмотря на обилие нового материала, они легко запоминались, были всегда логичны, хорошо и просто структурированы.

Нас поражало, с какой легкостью, совершенно просто и естественно произносил он длинные и трудно запоминающиеся фамилии лидеров коммунистических партий азиатских стран и Восточного отдела Коминтерна. При этом имена руководителей краевых и областных партийных организаций нашей страны, и в первую очередь сибирского региона, Б. С. называл всегда полностью: фамилия – имя – отчество. У него были готовые, рукою написанные лекции, перед началом занятия он доставал из своего светлого кожаного портфеля ученические тетрадки, раскладывал их на кафедре, но читал только план лекции и список рекомендуемой литературы. На протяжении почти полутора часов он заглядывал в записи лишь изредка, очень точно приводя по памяти даты и места событий. Лекционное время всегда использовал полностью, при этом я не помню, чтобы материал перемежался какими-либо «лирическими отступлениями», призванными несколько переключить студента, дать ему некий отдых.

Еще Санжиева-лектора отличало какое-то глубокое чувство собственного достоинства. Этому способствовала и особая атмосфера кабинета истории КПСС. Здесь имелось специальное небольшое возвышение, на котором стояло в ряд два-три письменных стола и кафедра. Вот с этого-то «подиума» и читались лекции. Сама обстановка хорошо и со вкусом оформленного кабинета создавала у студентов соответствующий настрой почтительности и стремления к новым знаниям. Надо сказать, что Санжиев весьма строго относился к нарушителям учебной дисциплины, на его лекции никто никогда не опаздывал, и ходили все – и те, кто хотел учиться, и те, кто использовал студенческие годы на истфаке лишь для интересного времяпрепровождения.

Высокая эрудиция, вполне оправданная и необходимая строгость и принципиальность Б. С., а также мастерство лектора сказывались на экзаменах и зачетах: материал учили все, и я не помню, чтобы курс Санжиева кто-то сдавал дважды или имел плохие оценки.

Сугубо личных воспоминаний о Б. С. Санжиеве педагоге и ученом у меня немного. В студенческую пору я не был членом партии, и первые три года учебы не готовил себя ни к партийной карьере, ни к исследовательской работе по истории КПСС. Лишь после сделал выбор в пользу историко-партийной науки и здесь, пожалуй, впервые имел возможность личного общения с Буянто Сайнцаковичем.

Еще на втором курсе в составе группы из четырех человек (Т. Ворошилова, А. Хороших (Шободоева), В. Шамаев) я начал заниматься сбором массовых источников по истории участия комсомольцев и молодежи Иркутской области в сооружении «трассы века», «дороги мужества» – Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Работали мы под руководством кан-

дидата исторических наук, доцента Маргариты Федоровны Новоженовой: сидели в библиотеках, переписывали газетные публикации, репортажи и интервью, а поздней осенью 1977 г. побывали и на Западном участке, проехали (а где и прошли пешком) по еще не сданной в эксплуатацию трассе Магистральный – Улькан туда и обратно. Кажется, в 1978 г. М. Ф. Новоженова неожиданно уехала из Иркутска, и наша группа как-то вдруг оказалась без руководителя. Однако бросать начатое дело было нельзя (да нам и не хотелось): уже заканчивался первый этап Всесоюзного конкурса студенческих работ по истории ВЛКСМ, общественным наукам и международному молодежному движению, приуроченный к очень важной дате – 110-летию со дня рождения В. И. Ленина, а наше исследование по БАМу, еще в неоконченном виде, было выдвинуто факультетом и университетом на областной тур. Ситуация требовала быстрого завершения работы, и вот тогда-то группа была взята «под крыло» самим Санжиевым. Я не знаю, почему это произошло, какие невидимые нам, студентам, пружины и рычаги были приведены в действие, но факт остается фактом: завершали конкурсную работу мы уже под руководством Буянто Сайнцаковича.

Нисколько не стремясь умалить достоинств Маргариты Федоровны, должен сказать, что смена руководства благотворнейшим образом сказалась на нашем исследовании. Б. С. Санжиев нашел время встретиться со всей группой, внимательно и как-то совершенно беспристрастно выслушал нас и сходу нашел в нашем, казалось бы, таком совершенном плане существенный изъян – полное отсутствие документов Иркутского ОК ВЛКСМ. Но как их добыть, о допуске в ПАИО для студентов, и к тому же беспартийных, и речи быть не могло?! Но Б. С., по всей видимости, без труда решил эту проблему (да и не проблему для него вовсе, а так, какую-то задачку). И вот буквально через несколько дней мы были с почтением (!) встречены в аппарате обкома комсомола и – чудо дивное! – допущены в святая святых – к архивным материалам текущего хранения. В помещении обкомовской библиотеки нам на протяжении двух недель показывали и давали делать выписки из стенограмм пленумов и заседаний бюро Казачинско-Ленского и областного комитета ВЛКСМ, на которых рассматривались вопросы материального, социального и культурного шефства комсомола над строителями магистрала.

Надо сказать, что документы ОК ВЛКСМ существенно украсили работу: исследование стало значительно интереснее и приобрело законченный вид. Наш труд не остался незамеченным: мы уверенно выиграли областной и республиканский туры, а затем, в 1980-м, стали лауреатами Всесоюзного конкурса. Талант Санжиева-руководителя проявился именно в этом: точно «развернув» тему, добавив в нее выигрышные сюжеты, организационно поддержав своими обширными связями, он просто заставил нас добиться успеха.

И потом, уже окончив университет и работая в том же аппарате Иркутского ОК ВЛКСМ, я неоднократно мог убедиться в талантливости научного руководства Б. С. Санжиева. Работы, которые он курировал на Всесоюз-

ном конкурсе, всегда были интересны, нестандартны, отличались хорошей источниковой базой, здоровой конъюнктурой, а имя этого ученого обеспечивало им неизменный успех и высокие результаты. Десятки, если не сотни студентов исторического факультета Иркутского государственного университета, участвуя в этих конкурсах, получали под пристальным вниманием Б. С. Санжиева первые профессиональные навыки сбора, систематизации, обработки и научного обобщения исторического материала, что, безусловно, самым благотворным образом сказывалось на их дальнейшей научной судьбе и карьере. В 1993 г. Всесоюзные конкурсы по общественным наукам, истории ВЛКСМ и международному молодежному движению проводиться перестали – наступила другая эпоха, с ее непрерывной перестройкой и реформацией нашей высшей школы. Это время, а точнее, как кто-то сказал, безвременье, развал и унижение страны 1990-х гг., Б. С. Санжиев, по всей видимости, так и не принял, остался верен марксистско-ленинской методологии исторического познания и оценки общественных явлений.

Следующее личное воспоминание о Б. С. относится к 1985 г. и связано с событием печальным – безвременной кончиной доцента истфака Александра Лазаревича Хантуева. Мы хорошо (ну, конечно, в известной мере) знали этого прекрасного человека, так как его сын Олег учился на нашем курсе, и многие из нас неоднократно бывали в их гостеприимном доме. Узнав о похоронах, я с А. В. Семеновым, ныне директором Байкальской международной бизнес-школы ИГУ, после работы приехал на квартиру к Хантуевым. Дверь была открыта, мы прошли в комнату, где за большим, составленным из нескольких столом сидели родные, близкие и друзья. Заметно было, что руководит неспешным разговором и воспоминаниями именно Буянто Сайнцакович: он был как бы в центре этого ритуального застолья, внимательно, наклонив вперед голову, слушал, часто кивком поощрял или дополнял говорившего, уточняя и подчеркивая достоинства ушедшего.

– О! – как-то одобрительно воскликнул Санжиев и безошибочно представил нас собравшимся:

– Александр Викторович Семенов, заведующий отделом организационной работы Кировского райкома КПСС города Иркутска и Александр Александрович Иванов, заведующий отделом студенческой молодежи ОК ВЛКСМ.

Мы разместились за столом, приняли посильное участие в общем разговоре, сказали, конечно, и об А. Л. Хантуеве. И опять же Санжиев внимательно слушал, иногда одобрительно вставлял свое неизменное частое «да, да, да», а потом перед самым нашим уходом сказал мне: «Товарищ Иванов. У меня до сих пор лежит ваша коллективная работа, посвященная массовым источникам по истории комсомола на БАМе. Зайдите, как-нибудь, заберите».

Это было произнесено как-то по-особенному, и, несмотря на официального «товарища», показалось мне доверительным и личным. Но поразило не только это, а то, что Буянто Сайнцакович отлично помнил многих наших выпускников по имени-отчеству и внимательно следил за судьбой и про-

фессиональным ростом каждого. Это качество было присуще ему всегда и в дальнейшем: при встрече он неизменно интересовался тем или иным бывшим студентом, проявляя завидную осведомленность, демонстрируя прекрасную память и неподдельную заинтересованность.

В 1991 г. Б. С. Санжиев пришел на нашу кафедру. В то тяжелое время Николай Николаевич Щербаков, всегда очень уважительно относившийся к Буянто Сайнцаковичу, каким-то чудом нашел десятую часть ставки для него и Ильи Иннокентьевича Кузнецова, приняв их научными консультантами. Отчетливо помню Б. С. в эти годы: он приходил всегда точно к началу заседаний, садился за стол, двумя руками опирался на трость, спину держал прямо, слушал внимательно, стараясь постичь навалившиеся проблемы: попытки части факультетов отказаться от предмета отечественной истории, сокращение нагрузки и заработной платы, нежелание молодых исследователей заниматься советским периодом отечественной истории. Санжиев по большей части молчал, выступал редко, но если брал слово, говорил о наболевшем: о современном государстве и обществе, о единстве наций как гаранте стабильности нашей страны и необходимости ленинского подхода к решению национального вопроса, о безынициативности теперешних коммунистов (произносил часто «кумунистов»).

В 1995 г., как-то неожиданно для многих, Б. С. Санжиев выпустил сразу две книги – «Ноехон в далеком и близком прошлом (исторический очерк)» и «Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии...». Первая книга мне памятна особо, так как я имел непосредственное отношение к ее изготовлению. Буянто Сайнцакович попросил меня сделать оригинал-макет, сказав, что хотел бы издать книгу о своих земляках, людях простого труда, достойных уважения и почета. Текст был уже набран, поэтому заверстать его не составило большой сложности, за несколько дней все было готово и отдано. Дело на этом, казалось бы, и закончилось, однако каково же было мое удивление, когда немного погодя Б. С. пришел ко мне вновь и, явно тяготясь не свойственной ему ситуацией, быстро вытащил из своего неизменного светлого портфеля бутылку настоящего «Солнцева бряга», а затем, порывшись в его глубинах, достал несколько пригоршней хороших дорогих конфет. За годы перестройки мы подзабыли, как и выглядит болгарский коньяк, поэтому отнекивался я лишь для приличия.

Но эта история на том не закончилась. На ближайшем заседании кафедры Санжиев неожиданно попросил слова и произнес весьма эффектную речь, смысл которой заключался в том, что на современном, весьма непростом этапе развития отечественной исторической науки и учебного процесса в вузе надо больше доверять молодым кадрам, поручая им ответственные и интересные участки общего дела. Вот таким перспективным молодым ученым он и видит на нашей кафедре «товарища Иванова».

Вторая книга, жанр которой скромно определен автором как «странички воспоминаний», появилась у меня, кажется, в 1997 г. Помню, что лишь пролистал ее, не было времени, мешали какие-то дела и заботы, и вновь от-

крыл только сейчас, летом 2012 г. Поразило вступление к основному тексту. «Общественная атмосфера наполнена неуверенностью и тревогой; сегодня происходят самые тяжелые, страшные разрушения производительных сил, намного превосходящие колоссальный ущерб, нанесенный фашистской Германией; обнищание громадного большинства населения», – пишет Б. С. Санжиев о событиях первой половины 1990-х. Прошло почти 20 лет, а многие публицистические высказывания автора верны и ныне, и современная действительность подтверждает их обоснованность.

Верна не только публицистика. Вот, например, что автор говорит в «Нохоне» об исторической науке: «Известно, что без осмысления прошлого трудно разобраться в настоящем и ориентироваться в перспективах на будущее. История многолика и многогранна. Она учит. Светлые и темные страницы прошлого, его позитивный опыт и негативные моменты, перипетии противоборства нового со старым, драматизм и трагизм событий – все это в совокупности сопутствует прогрессивному ходу общественной жизни». Все правильно, и фраза «история многолика и многогранна» – далеко не случайна. Она здесь – ключевая, свидетельствующая о том, что многие положения традиционного марксизма-ленинизма были все-таки Буянто Сайнцаковичем под конец жизни во многом пересмотрены и переосмыслены.

Закончить свои «странички» о Санжиеве хотелось бы материалами из его личного дела, хранящегося в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области. Посмотреть личные фонды бывшего ПАИО – редкая удача для любого исследователя, они недоступны до сих пор по вполне понятным соображениям. Мне тем не менее повезло: удача сопутствовала в стремлении узнать больше об этом неординарном и талантливом человеке. Профессиональный интерес подогревался и тем, что Б. С., несмотря на свое умение и искреннее стремление быть в гуще политических событий, все-таки оставался для абсолютного большинства из нас человеком закрытым.

Личное дело Б. С. Санжиева хранится за № 553. Это – тоненькая папка, начатая в 1950-м и законченная в 1991 г. В деле всего лишь 30 листков пожелтевшей бумаги, вобравших в себя события трех эпох: имперской, советской и послеперестроечной, современной России. Листок учета кадров, заполненный рукой самого Б. С., стандартные характеристики советского времени с обязательным «политически грамотен, морально устойчив», выписки из решений бюро Иркутского ОК КПСС, в чью номенклатуру входили преподаватели кафедр общественных наук, копии дипломов и удостоверений. Немного: система умела удивительно обезличить и снивелировать любого, самого необычного, человека, и здесь превращая его в свой стандартный «винтик». Открывая подобные дела, всегда ловишь себя на мысли: а ведь это кто-то придумал для нас, исследователей-историков: разработал формуляр анкет, а главное, определил перечень сдаваемых в архив документов – именно этих и именно таких. О нас позаботились, нам заранее создали основной источниковый материал, по которому мы и «описываем» советскую эпоху.

В личном деле Б. С. притягивают внимание, пожалуй, два документа – автобиография и характеристика, написанная в далеком 1950 г. Настоящее дело открыли тогда, когда он работал «простым» преподавателем основ марксизма-ленинизма в Стоматологическом институте в Иркутске после перевода из Бурятии. Наверное, было непросто пережить столь резкое изменение в своей судьбе, думается, что Б. С. Санжиев, как всякий молодой и одаренный руководитель, имел здоровое самолюбие и наверняка хотел продолжать свою партийную карьеру. С поста секретаря Бурят-Монгольского обкома КПСС оказаться на должности рядового преподавателя даже не университетской кафедры, наверное, это – серьезное испытание. Однако думается, что Б. С. с честью выдержал эти невзгоды, и тот орден Трудового Красного Знамени, который ему был обещан в аппарате обкома в Улан-Удэ, он совершенно заслуженно получил за многолетний преподавательский труд в Иркутске.

Преподавал, учился в аспирантуре, защитил две диссертации, писал статьи и книги. Но можно с уверенностью сказать, что Б. С. до конца своих дней оставался на партийной работе. Где бы он ни служил, какие бы звания ни имел, он был прежде всего партийным агитатором и пропагандистом. Красноречивое свидетельство моего утверждения – характеристика Б. С. из этого дела. Какой только общественной деятельностью не занимался в эти годы Санжиев: с декабря 1946 г. «избирался членом партбюро института», руководил «семинаром пропагандистов Кировского РК ВКП(б)», был «внештатным лектором горкома ВКП(б), преподавателем вечернего университета марксизма-ленинизма», состоял «действительным членом Все-союзного общества по распространению политических и научных знаний среди трудящихся». И все это, а также наверняка и большая учебная нагрузка – в течение всего лишь нескольких лет!

О трудностях этого периода в жизни Санжиева свидетельствует и такая фраза в характеристике: «За период работы в институте лекции тов. Санжиева неоднократно проверялись, в смысле идейного содержания не вызывали сомнений и отвечают предъявляемым требованиям».

По всей видимости, характеристика была предназначена в вышестоящие партийные инстанции, так как следующим документом в личном деле подшита выписка из протокола № 107 заседания бюро обкома ВКП(б) от 31 января 1950 г. об утверждении кадров: «Утвердить тов. Санжиева Б. С. старшим преподавателем основ марксизма-ленинизма стоматологического института. Секретарь Иркутского обкома ВКП(б) Хворостухин».

Вторым интересным документом из личного дела, безусловно, следует считать автобиографию Буянто Сайнцаковича. Автобиография – вообще очень интересный исторический источник. В ней автор не просто пересказывает крупные события своей жизни, он вольно или невольно подводит промежуточный итог своей деятельности, сам оценивает свои поступки, как бы пишет характеристику на себя, выявляя и свое отношение к событиям, к которым он был причастен.

Вехи и даже некоторые штрихи судьбы этого человека уже описаны в нескольких прижизненных юбилейных изданиях и биобиблиографических сборниках. А вот автобиография не публиковалась, тем интереснее она будет для читателя этой статьи (сохранена орфография оригинала).

Автобиография

Я родился в ноябре 1912 г. в Ноехонском сельсовете Селенгинского района Бурят-Монгольской АССР. Родители мои занимались сельским хозяйством, имели бедняцкое хозяйство. С малых лет работал в хозяйстве отца и по найму.

С 1923 г. по 1926 г. учился в Ноехонской начальной школе. Осенью 1926 г. поступил в Селенгинскую 7-летнюю школу, которую окончил в 1930 г.

В 1926 г. вступил в ряды ВЛКСМ и с этого времени начал принимать участие в общественно-политической работе. В члены ВКП(б) вступил в августе 1930 г.

С 1930 г. по 1933 г. учился в педагогическом техникуме. После окончания техникума был взят на работу в Педтехникум зав. Монгольским отделением. Здесь работал до июля 1934 г.

В сентябре 1934 г. поступил на исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, где учился по июль 1938 г. В институте работал пропагандистом, парторгом факультета и зам. председателя профкома института.

После окончания института был направлен Наркомпросом РСФСР на работу в Бурят-Монголию. По решению Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) был взят на работу в аппарат обкома, где работал с сентября 1938 г. по сентябрь 1939 г.: сначала зав. отделом печати, с упразднением этого отдела был утвержден зав. отделом школ и науки, а с упразднением данного отдела – зам. зав. отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б).

В сентябре 1939 г. обкомом партии был направлен преподавателем «Основ марксизма-ленинизма» в пединститут, где работал до окончания 1939/40 учебного года (читал лекции и вел семинарские занятия).

В январе 1940 г. решением бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) был утвержден заместителем директора научно-исследовательского института языка, литературы и истории, где работал до июля 1941 г.

В июле 1941 г. был призван в ряды Красной Армии. В армии работал инструктором VII отдела Политуправления 17-й армии. В декабре 1941 г. по приказу Военного Совета Забайкальского фронта был демобилизован из армии и направлен в распоряжение Бурят-Монгольского обкома ВКП(б).

С декабря по сентябрь 1946 г. работал секретарем по пропаганде обкома ВКП(б). За это время читал лекции по истории и теории большевизма на партийных курсах и в областной партийной школе.

В сентябре 1946 г. был смещен с этой должности по решению Бурят-Монгольского обкома в связи с предъявлением мне серьезных политических обвинений в ошибках националистического характера. В связи с этим я обратилась в ЦК ВКП(б) с заявлением, доказывая неправильность предъявленных мне обвинений. Все материалы по моему делу (мои отчеты, документы

обкома и др.) были детально разобраны в ЦК. В результате этого мне было официально заявлено в ЦК (Управление кадров и Управление пропаганды), что вы решением ЦК освобождены от обязанностей секретаря обкома по пропаганде по недостаткам практической работы, как не обеспечивший руководство работой, а не за политические ошибки. Затем управлением кадров ЦК ВКП(б) был направлен в ноябре 1946 г. в распоряжение Иркутского обкома ВКП(б) для использования на пропагандистской работе или преподавателем по основам марксизма-ленинизма. Командировочное удостоверение от управления кадров было датировано от 19 ноября 1946 г.

В декабре 1946 г. по решению бюро Иркутского обкома ВКП(б) был направлен в Иркутский Стоматологический институт на кафедру марксизма-ленинизма, где сначала работал и. о. зав. кафедрой, затем работал преподавателем.

В декабре 1948 г. окончил заочное отделение Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) – сдал кандидатский минимум по основам марксизма-ленинизма. Определил тему кандидатской диссертации и над ней работаю.

Из родственников за границей и арестованных никого нет.

г. Иркутск, 8. IX. 1949 г. Подпись.

Источник: Известий ИГУ. Серия «История». 2013. Т. 1 (4). С. 146-154.

Л. В. Курас

Он опережал время

2012-й год – год столетия со дня рождения доктора исторических наук, профессора Буянто Сайнцаковича Санжиева, имя которого неотделимо от сибирской исторической науки, от иркутской и бурятской историко-партийных школ, фактическим основателем которых он и был.

Сейчас, по прошествии времени, когда и самому перевалило за шестой десяток, начинаешь понимать, что был рядом, учился, слушал, разговаривал, внимал человеку, который видел, слышал, писал, работал и постоянно был в гуще событий. И делал он это не как бесстрастный летописец-бытописатель. Он сам был творцом истории. Не исполнителем чужой воли, а именно творцом. Хотя при этом и был верным солдатом партии, секретарем Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) по пропаганде.

Но сегодня в большей мере хотелось бы остановиться на личных впечатлениях и воспоминаниях, отложившихся в памяти в разные годы моих встреч с Буянто Сайнцаковичем: в бытность мою студенческую и аспирантскую, а также во время прохождения докторантуры.

Наверно, это не очень прилично в такой статье говорить о себе любимом. Но просто без профессора Б. С. Санжиева не было бы профессора Л. В. Кураса.

Студенчество

Первые встречи с заведующим кафедрой истории КПСС исторического факультета Иркутского государственного университета, профессором Б. С. Санжиевым приятными не назовешь.

После поступления на исторический факультет Иркутского госуниверситета в 1973 г. студентов-первокурсников, членов КПСС, пригласили на кафедру истории КПСС. На встрече присутствовали все преподаватели кафедры во главе с заведующим и все студенты старших курсов, которые специализировались по истории партии, члены партийного бюро парторганизации факультета.

Сейчас я понимаю, что это было важное мероприятие, прежде всего воспитательно-идеологического характера. Но тогда торжественности не ощущалось. Зато занудства было хоть отбавляй, и суть речей, напоминающих передовицу газеты «Правда», выражалась в следующем: как бы так сказать,

чтобы ничего не сказать. Венчало сие торжество выступление самого профессора, на которого окружающие смотрели с благоговением. Суть его выступления сводилась к тому, что мы коммунисты и потому должны быть верными проводниками-пропагандистами всех идей партии. После этой встречи долго свербела предательская мысль: а туда ли пришел? Не совершил ли непоправимой ошибки?

Но учеба в целом была настолько интересной, а спецсеминары доцентов В. М. Андреева и И. Г. Чижова настолько познавательны, что сомнения канули в Лету. И вот второй курс, второй семестр и первая в моей жизни студенческая научная конференция, секция истории КПСС. Председатель секции – д.и.н., профессор Б. С. Санжиев, секретарь – к.и.н., доцент М. Ф. Новоженова, она же и секретарь партийного бюро факультета. Аудитория полная, обстановка торжественная, настроение приподнятое. Мой доклад «Брестский мир», выполненный под руководством доцента И. Г. Чижова, был построен на стенограммах РСДРП(б), т. е. на источниках. В триумфе я был убежден. Историография по этой проблеме – огромная, но суть ее сводилась к пересказу ленинских статей, которые для любого историка были святынями, а уж для историка партии – катехизис. И вот, цитируя источник, я произнес: «Товарищ Троцкий сказал...». Что сказал Троцкий, так никто в аудитории и не узнал. Профессор Б. С. Санжиев напрягся и встал. Эта напряженность передалась и аудитории. «Троцкий нам не товарищ, – сказал профессор. – Товарищ Курас, садитесь». И я на негнущихся ногах проследовал на свое место. Это был триумф, но вовсе не тот, какой я ожидал. М. Ф. Новоженова, вспомнив о том, что она секретарь партбюро, всенародно пообещала рассмотреть мое дело на внеочередном заседании.

Ситуацию разрулил И. Г. Чижов, который почему-то опоздал и потому на заклинании не присутствовал. Рассказав ему в лицах о моем бенефисе, я ждал помощи. И помощь пришла именно от него, от моего научного руководителя. Доцент И. Г. Чижов – это отдельная история. Внешность бульдога, знания энциклопедиста, майор в отставке, анархист по природе. Нам он читал спецкурс о партийных уклонах и к троцкизму относился не то, чтобы без пиетета, а скорее, как к назойливой мухе. В 1975 г. в Москве впервые в истории партии вышел историографический очерк «Партия и Великий Октябрь». Книга стала у нас настольной, а профессор Б. С. Санжиев с большим уважением подчеркивал, что из всех сибирских ученых там упоминались лишь профессор М. М. Шорников (Новосибирск), профессор В. П. Сафонов (Красноярск) и доцент И. Г. Чижов. Правда, его работы относились к тому периоду, когда он преподавал в одном из ленинградских военных училищ. Не знаю, о чем И. Г. Чижов говорил с профессором, но как непечатно крыл М. Ф. Новоженову, подслушал у дверей партбюро. История завершилась в тот же день. И напоминала о себе лишь иногда, когда в общечитити кто-либо из старшекурсников, находясь в состоянии подпития, ласково называл меня троцкистом. А при встрече с профессором Б. С. Санжиевым у меня как-то все внутри подбиралось и потом долго не проходило.

На третьем курсе я участия в студенческой научной конференции по истории партии не принимал. Выступал на секции психологии и педагогики, а по истории партии нет. Боялся. А вот на четвертом курсе, по рекомендации И. Г. Чижова, мой доклад на тему «Советская историография военно-боевой работы большевиков Сибири в 1917 г.» был рекомендован на преподавательскую научную конференцию. Следует отметить, что для студентов это была высшая форма поощрения. А преподаватели, свои и из других вузов, стремились выступить на факультетской конференции и услышать оценку (а для кого-то и приговор) профессора Б. С. Санжиева. И оценка профессора Б. С. Санжиева повергла меня в шок. Он сказал, что историография – это удел только очень зрелых исследователей. Потом сделал мхатовскую паузу, за время которой я успел себя похоронить дважды, и сказал, что я справился с поставленной задачей. Если бы у меня было слабое сердце...

И вот государственные экзамены позади, впереди – защита дипломного проекта, а долгожданное распределение – посередине. Я распределяюсь первый – ленинский стипендиат, парторг курса, староста группы, и получаю предложение... учителем истории в с. Порог Иркутской области. Не аспирантура, не место на кафедре... И. Г. Чижов сидит, потупившись; доцент А. Л. Хантуев мило улыбается; профессор Б. С. Санжиев – сфинкс, на лице ничего прочесть невозможно; декан, он же доцент кафедры истории партии П. Х. Гребнев, ерничает: «Хорошее место, там еще археологи свои черепки копают. Поезжай, не пожалеешь». И при этом все говорят о партийной дисциплине и о том, что я должен быть примером для остальных – беспартийных, и прочая лабуда.

После распределения меня пригласил Буянто Сайнцакович: «Поедете в Улан-Удэ, в технологический институт, – сказал он. – Вот и покупатель есть». И показывает на женщину, которая сидела в его кабинете. Позднее мы подружился. Это была доцент кафедры истории КПСС Восточно-Сибирского технологического института (ВСТИ) Надежда Васильевна Олзоева, которая взяла надо мной шефство и периодически приглашала домой, где у нее всегда была водка и в неограниченных количествах дальневосточная красная икра. Я пытался слабо возражать, что вот, дескать, расписался за школу и вообще хорошо бы мне остаться здесь, в Иркутске. На что Б. С. Санжиев не повышая голоса, но тоном, не терпящим возражений, ответил: «Бурятия – она за Байкалом, но не за горами. Через два года Вы к нам вернетесь».

Через два года на кафедру истории КПСС ВСТИ пришло целевое место в аспирантуру по кафедре истории КПСС Иркутского государственного университета. К тому времени кандидатские минимумы были сданы. Тогда же неимоверными усилиями профессора Б. С. Санжиева, благодаря его весу и связям, при Иркутском госуниверситете впервые был открыт докторский совет по историческим дисциплинам, и первым в нем защитился М. Н. Халбаев, мой заведующий кафедрой в «Техноложке». Так что все складывалось наилучшим образом.

Аспирантура

Вступительных экзаменов по истории КПСС я не заметил. Фактически шло обсуждение будущей кандидатской диссертации, которая стала логическим продолжением дипломного проекта и касалась советской историографии деятельности большевиков Восточной Сибири в годы революции и Гражданской войны. И вот, что-то возомнив о себе, я через два месяца после поступления в аспирантуру попросил командировку в Москву. Буянто Сайнцакович что-то проворчал об излишней торопливости некоторых аспирантов. А происходило это в пятницу. В понедельник я был срочно вызван к профессору. На кафедру напал мор: «заболели» все, кто читал лекции и проводил семинарские занятия. По мысли Б. С. Санжиева, спасти кафедру мог только я. Посудите сами: аспиранты старших курсов должны полностью сосредоточиться на написании диссертации, а первокурсники не имеют опыта преподавания. Такой опыт есть только у меня. Все-таки два года преподавания в вузе. Почти месяц я читал лекции и вел семинарские занятия у историков, филологов и журналистов. Причем лекции готовил «с колес» – ночью писал, утром читал. Через три с небольшим недели все преподаватели разом «выздоровели», и на заседании кафедры Б. С. Санжиев, с легкой усмешкой, назвал меня «спасителем». Только тогда я понял, что это была «проверка на дорогах», которую я, видимо, выдержал. Потому что через неделю я был в Москве.

Следом за Москвой, в течение первого курса, я получил еще 7(!) командировок: Абакан, Томск, Тюмень, Красноярск, Чита (2 раза), Улан-Удэ. Ничего подобного не было за всю историю университета. И в этом был весь профессор Б. С. Санжиев.

Кстати, попасть в гостиницу в те годы было немыслимо. Но у меня была официальная бумага за подписью Б. С. Санжиева, с которой и я, и другие аспиранты именно кафедры истории партии, сразу же по прибытии в другой регион, шли на прием к секретарю обкома или крайкома партии по идеологии и получали одноместный номер(!) в партийной гостинице, и оплата за этот номер осуществлялась университетом. Фантастика!

И еще одна памятная деталь. В 70–80-е годы XX века, да и в прежние годы, у нас любили все засекречивать. И для работы в партийных архивах аспиранту, кроме партийного билета, нужно было получить допуск в первом отделе. Этот допуск имел разные формы: чем выше, тем больше информации можно получить в архиве. Но была и обратная сторона владения этой информацией: о поездке за границу можно забыть, даже в Монголию. Но и это еще не все. В партийных архивах необходимо было получить еще свой, внутренний допуск. Так, находясь в Москве, я направился в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) на прием к профессору Л. М. Спирину, крупнейшему специалисту по проблеме революции 1917 г., дабы получить уже конкретное разрешение для работы в архиве ИМЛ. Отеческого разговора не получилось, т. к., во-первых, не принято было писать кандидатские диссертации по историографии, ибо фактически молодые люди давали оценку работам зрелых ученых, что глубоко противоречило

самой «этике» партийных взаимоотношений. А во-вторых, зачем историографу архив? Именно эти вопросы он мне и задал. И еще один вопрос: кто вообще утвердил эту тему? Тогда, глубоко вдохнув, я ответил: «Профессор Буянто Сайнцакович Санжиев». Л. М. Спирин внимательно посмотрел на меня и молча подписал допуск.

Потом в региональных архивах, в редакциях партийных газет я неоднократно называл магическое имя и всегда получал желаемое.

Кстати, об утверждении тем исследований. Сейчас сие решается спонтанно, неорганизованно, иногда без знания объекта исследования. Это приводит к тому, что зачастую либо тема не имеет научного будущего, либо на соседней улице этой проблемой уже кто-то занимается, о чем становится известно только на предзащите. Тогда, во времена профессора Б. С. Санжиева, представить нечто подобное было невозможно. По его инициативе и под его руководством при диссертационном совете был создан Восточно-Сибирский координационный совет по общественным наукам, который охватывал территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока. Именно он утверждал тематику исследований. Такие же советы были созданы и в других регионах. При ИМЛ проводились семинары председателей координационных советов. Информация об этих семинарах докладывалась Б. С. Санжиевым как на заседании кафедры, так и во время заседания диссертационного совета.

Вспоминаю те заседания кафедры, когда аспиранты должны были отчитаться за свои деяния в течение учебного года. Я за день до заседания не спал, не ел, не пил, не сидел и не лежал. Слонялся. И вот отчет за первый год обучения в аспирантуре. Заседание кафедры: я встал, назвал тему исследования и... меня прервал Буянто Сайнцакович: «У товарища Кураса тема получила апробацию». Я пытался еще что-то сказать, но на меня зашикали преподаватели, и пришлось сесть. Мое состояние было близким к обморочному, но все почему-то улыбались, а профессор Б. С. Санжиев предложил отчитаться кому-то из моих коллег. Я ничего не понимал, и только после заседания мне объяснили, что материалы Всесоюзных научно-теоретических конференций в Омске и Томске, где я выступал с докладами, были проанонсированы в головном журнале «Вопросы истории КПСС», причем с емкими аннотациями, в том числе и мои выступления. Это и называлось «апробацией».

После защиты кандидатской диссертации Буянто Сайнцакович мне сказал: «Тему нужно продолжать. Не затягивайте». Затем, бывая в Улан-Удэ на научных конференциях, по делам диссертационного совета, он всякий раз интересовался моими успехами, давал оценку публикациям, за которыми, оказывается, внимательно следил.

Докторантура

В 1993 г. я был принят в докторантуру при Иркутском государственном университете. Тема исследования «Октябрьская революция в Сибири в

1917 – середине 1918 гг. в отечественной исторической литературе и источниках» стала логическим продолжением кандидатской диссертации. И в этот период произошла, пожалуй, самая памятная встреча с профессором Б. С. Санжиевым, которая существенно помогла мне в работе над диссертацией.

В том же году в Восточно-Сибирском книжном издательстве у профессора Б. С. Санжиева вышла книга «Ярослав Гашек в Сибири». Книга раскрывала многие сюжеты, связанные с историей Гражданской войны в Сибири, в центре которых оказался Ярослав Гашек. Кроме того, речь шла о писателе, чей герой – brave солдат Швейк – долгие годы был объектом моего если не восхищения, то, во всяком случае, цитирования. Моя рецензия на книгу, опубликованная на страницах газеты областной парторганизации «Правда Бурятии», видимо, понравилась Буянто Сайнцаковичу. Во всяком случае, когда я зимой, в очередной раз, приехал в Иркутск с отчетом о проделанной работе, профессор Н. Н. Щербаков сообщил, что меня хочет видеть профессор Б. С. Санжиев. Мы созвонились, и Буянто Сайнцакович пригласил к себе домой.

На столе был чай, легкая закуска и его любимый коньяк «Плиска». Дома был холод невероятный: хозяин ходил в камусах и дубленке. Буянто Сайнцакович поблагодарил за рецензию и особенно за то, что в ней был сделан упор на интернационализм Я. Гашека. Потом он рассказывал о своей поездке в Чехословакию. Постепенно мы перешли к обсуждению темы моей диссертации. Причем он владел темой абсолютно, давал объективную оценку публикациям последних лет и крайне негативно оценивал «публицистический рай», который буквально наводнил историческую науку и особенно историю Октября.

И вот тут я поделился проблемой, которая давно мучила*. Как известно, в исторической литературе неоднократно отмечались трудности становления российской историографии Октябрьской революции, обусловленные, прежде всего, нехваткой кадров профессиональных историков. Особенно эти трудности проявились в Сибири, когда, в связи с идеологическими потребностями Советского государства, началась реформа преподавания общественных наук в высшей школе, в результате чего были закрыты историко-филологические факультеты в Томском и Иркутском университетах. Кроме того, новизна проблемы, необходимость освоения новой методологии, состояние источниковой базы. Именно поэтому участник Октябрьской революции, академик АН СССР М. Н. Покровский был вынужден говорить о недостаточном профессиональном уровне начинающих историков, слабом владении техникой исторического исследования, «кустарничестве» в научной работе, невысоком общетеоретическом уровне**. И вот на этом печальном фоне среди других сибирских регионов очень выгодно отличалась

* Этот сюжет был включен в монографии: «Октябрьская революция в Сибири 1917 – середина 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках» (Улан-Удэ, 1995); «Октябрьская революция и Гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения» (Улан-Удэ, 2008).

** Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. – М.: Л., 1933. Вып. 2. – С. 407.

Бурят-Монгольская АССР. В республике развивались и реализовывались практически все жанры научного исторического исследования: рецензии, библиография, очерки, хроники, публицистика, монографические исследования, в которых находили отражение события Октября и Гражданской войны. И это при том, что Бурят-Монголия имела крайне низкий уровень грамотности, экономика после войны напоминала «человека, избитого до полусмерти». К этому следует добавить «болезнь роста» только-только образованной республики, социальные болезни.

Все это я и изложил Буянто Сайнцаковичу, полагая, что он откроет мне некие глубинные процессы, неподвластные моему уму. Он ответил не задумываясь: «Потому что у нас был Гирченко»*. Таким образом, я за несколько минут постиг не только феномен развития исторической науки об Октябре в Бурят-Монголии в 20-е годы XX века, но и феномен профессора Б. С. Санжиева, который не просто разрешил все мои сомнения, но и показал на деле методологическую оснащенность и суть владения техникой исторического исследования. Именно поэтому он всегда опережал время.

Таким он и остался в моей памяти.

Источник: Вековой юбилей: 100 лет со дня рождения Б.С. Санжиева. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 118-127.

* Гирченко Владимир Петрович (1878–1953) – первый профессиональный историк Сибири, выпускник (1906) исторического факультета Московского университета, краевед, архивист, организатор исторической науки в Забайкалье, один из первых историков Октябрьской революции и Гражданской войны в Сибири.

Е. И. Лиштованный

Слово о научном руководителе

В середине 1970-х гг., когда я поступил на исторический факультет Иркутского государственного университета, ситуация с историческим образованием и в университете, да и в стране в целом, была принципиально иной. Конечно, и время было другое, и страна, и университеты. Речь не идет об идеологических шорах, о партийно-государственном влиянии в вузах и т. п., речь идет о степени пытливости молодежи к восприятию исторических знаний. В Научную библиотеку ИГУ (Белый дом) приходилось занимать очередь, ее читальные залы были заполнены, и львиную долю читающих студентов, конечно, составляли гуманитарии. На истфаке работали кружки, и была возможность определенного выбора – студенческая жизнь кипела.

В те годы так называемые «стажники» и «армейцы», к славной когорте которых принадлежал и я, имели привилегии при поступлении, на них же в качестве руководителей студенческих групп и курсов опирались комсомольские и партийные организации вуза. На нашем идеологическом факультете данная ситуация, на мой взгляд, проявлялась наиболее рельефно. Скорее всего, именно это обстоятельство повлияло на мое назначение старостой группы, что и санкционировал тогдашний декан истфака Петр Харлампиевич Гребнев. Ко всему прочему я уже был членом партии, что, безусловно, также легло в мой багаж «лидера» курса. Именно на партийных собраниях факультета мне впервые и довелось увидеть профессора Буянто Сайнцаковича Санжиева. Но столкнуться вплотную с этим незаурядным человеком мне пришлось лишь тогда, когда у нас началась специализация.

Специализация в те годы на истфаке была классической и традиционной. Студенты могли проявить себя в жанрах отечественной, всеобщей истории, археологии. Но совершенно особое место, в силу существовавшей идеологии в стране, принадлежало специализации по истории КПСС. Это направление в начале 1980-х гг. превратилось в специальность, которая пользовалась в университетах Советского Союза завидной популярностью. Дело в том, что выпускников данной специальности принимали на работу в государственные, партийные, комсомольские структуры. Значительную часть профсоюзных активистов, работников МВД и КГБ в те годы также составляли выпускники, окончившие исторические факультеты по специальности «История КПСС». Не был исключением и наш исторический

факультет ИГУ, на котором данную специальность курировал профессор Б. С. Санжиев, возглавляя кафедру истории КПСС и партийного строительства.

Б. С. Санжиев являлся в те годы признанным специалистом по вопросам национального строительства. Мы, студенты, узнали, что он окончил столичный вуз, что его и кандидатская, и докторская диссертации, защищенные в МГУ, были посвящены этой проблеме. А докторская диссертация «Исторический опыт КПСС по укреплению содружества и дальнейшему сближению наций в период строительства коммунизма (по материалам Сибири)» легла в основу книги Б. С. Санжиева, которая была необычайно популярна среди партийных работников.

Исторический факультет ИГУ, как и во всех других вузах того времени, считался идеологическим факультетом. Но внутри факультета между кафедрами наблюдалась определенная ревность. Шел некий соревновательный процесс. Хотя подавляющее количество преподавателей всех кафедр были членами партии, тем не менее преподаватели кафедр истории СССР и особенно всеобщей истории представляли себя некими «вольнодумцами». По правде говоря, таковыми они не являлись, и являться не могли, ибо выросли все в «совковом» пространстве. Более того, значительная часть из них с увлечением подрабатывала лекторами и пропагандистами от обкома КПСС, разъезжая по городам и весям Иркутской области.

Этот соревновательный процесс отражался и на нас, студентах. Группы специальности «История КПСС» по 25 человек на каждом курсе были заполнены рабфаковцами, комсомольскими активистами, молодыми кандидатами и членами партии. Студенты, специализирующиеся на других направлениях, смотрели на них как на «карьеристов», не разбирающихся в действительных проблемах исторического процесса. Одной из ярких иллюстраций подобной ревности и соревновательности была деятельность на факультете «кружка международников». Посещавшие этот кружок студенты многозначительно намекали однокурсникам, что на своих заседаниях они касаются таких тем, о которых «громко говорить нельзя». Выглядело это довольно смешно, так как большая часть «закрытой» международной тематики бралась преподавателями этого кружка из материалов, рекомендуемых идеологическим отделом обкома партии для лекторов-международников. Дополнялся данный материал материалами из журналов, газет, «Международной панорамы» на ТВ, и при известной талантливой форме подачи «завеса таинственности» была обеспечена.

В этой связи не могу не вспомнить действительно непревзойденного мастера «международного рассказа» на факультете М. А. Бендера. Особенно Мирон Акимович любил рассказывать о лидерах далеких, экзотических в ту пору для нас стран Востока. Он так живо мог нарисовать картину «рекордного заплыва» Мао Цзэдуна или провести нас через все трудности «тропы Хо Ши Мина», что складывалось впечатление о его личном участии во всех этих таинственных событиях. В конце рассказа он выдерживал «мхатовскую» паузу и заканчивал лекцию обычно следующими словами: «Как это

он сделал, и кто это был – никто до сих пор не знает!». После занятий, уже в общезнании, мы с удовольствием пародировали манеру Мирона Акимовича рассказывать, придумывая при этом самые фантастические сюжеты из высокой международной политики.

Конечно, на лекциях и семинарах по истории партии и партийному строительству мы таких «театральных» приемов не наблюдали, но преподаватели партийной кафедры давали нам материал с особой скрупулезностью и основательностью, часто выдавая нам с опережением ту информацию, которую наши однокурсники осваивали потом в «элитном» кружке международников. В этом отношении безусловным лидером был заведующий кафедрой Б. С. Санжиев. Сказывался его колоссальный опыт практического партийного работника. Со временем мы узнали, что до преподавательской деятельности он прошел настоящую школу жизни. Работал в Бурят-Монгольском государственном научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, в партийных органах, заведывая отделом печати, затем отделом школ и науки. Занимал важнейшую в те времена должность ответственного редактора газеты «Бурят-Монголой унэн». Впоследствии, после краткосрочной службы в качестве инструктора-политрука Политуправления 17 Армии, в трудные военные годы работал секретарем по пропаганде Бурят-Монгольского обкома партии.

Уже с третьего курса, специализируясь, студент постепенно подходил к теме своей будущей дипломной работы. Что касается меня, то приходилось мучительно размышлять, как мое, в какой-то степени случайное, увлечение Монголией связать с партийной тематикой. Надо заметить, что мое знакомство с Монголией произошло во второй половине 1970-х гг. К этому времени уже несколько лет функционировала студенческая ознакомительная практика исторического факультета Иркутского государственного университета. Это были благословенные времена в том смысле, что студенческие обмены между Россией и Монголией осуществлялись на так называемой безвалютной основе. Весь механизм подобных обменов был отработан в недрах соответствующих министерств двух стран, а на практике регулировался договорными отношениями между российскими и монгольскими вузами. Подобный договор существовал между Иркутским государственным университетом и Монгольским государственным университетом. Энтузиастом ознакомительной практики иркутских студентов-историков в Монголии, безусловно, являлся известный археолог Владимир Вячеславович Свинин.

Эти «монгольские» сомнения и помог мне развеять Б. С. Санжиев. В начале моего четвертого курса он заинтересовался темой будущей дипломной работы и предложил в итоге заняться анализом деятельности КПСС и МНРП по подготовке кадров для Монголии на материалах Восточной Сибири. Более того, он стал моим научным руководителем. Надо сказать, что я был чрезвычайно горд этим. Однокурсники поглядывали на меня с завистью. Дело в том, что этот известный профессор, в силу большой занятости, весьма избирательно брался за руководство студенческими научными работами. Являясь в течение многих лет председателем специализирован-

ного Совета по защите докторских диссертаций по историческим наукам, он готовил к защитам будущих кандидатов и докторов наук. Б. С. Санжиев продолжил опеку надо мной и после окончания исторического факультета ИГУ, предложив мне остаться на возглавляемой им кафедре.

Так с легкой руки Буянто Сайнцаковича началась моя деятельность на историческом факультете Иркутского государственного университета. В те годы, прежде чем поступить в аспирантуру, полагалось не менее двух лет отработать ассистентом на кафедре. Это была настоящая школа профессора Санжиева. Он интересовался планами занятий, которые мы, молодые преподаватели, составляли, посещал наши занятия. В 1984 г. я поступил в аспирантуру, и вновь моим научным руководителем стал Б. С. Санжиев. В те годы в аспирантуре на историческом факультете обучалось много молодых людей из Бурятии, которые впоследствии стали моими добрыми друзьями: В. Ц. Ганжуров, Б. В. Базаров, В. Д. Дугаров, Л. Б. Жабаева, Ю. П. Шагдуров, О. Д. Базаров и другие. Среди нас, аспирантов, профессор Санжиев получил негласное прозвище «Железный Буянто».

Отметая в сторону все наши разговоры о том, что вот-вот мы закончим ту или иную часть будущей диссертации, он непреклонно и строго спрашивал: «Когда предоставите текст?». Именно так, с акцентом на «э», он произносил это слово. Такой подход заставлял собираться, прививал навыки самодисциплины. Кстати, не делал Б. С. Санжиев скидок и монгольским студентам, обучавшимся на факультете. Одного из них, О. Батсайхана, он взял также «под свое крыло», приобщал его к научным исследованиям. Помнится, даже взял его с собой на одну из конференций по востоковедению, проходившую в Казанском университете. Выбор профессора оказался безошибочным. Ныне О. Батсайхан, мой друг и коллега, является известным ученым не только у себя в стране, но и далеко за ее пределами, став в 2011 г. лауреатом Государственной премии Монголии за цикл трудов по истории Монголии периода Автономии.

Все труды Б. С. Санжиева отличаются глубиной проникновения в тему, скрупулезностью в использовании архивных материалов, основательностью в выводах. Будь то сугубо научные пятитомная «Истории Сибири», «История рабочего класса Сибири» или в какой-то мере научно-популярные работы «Ярослав Гашек – интернационалист» и «Ярослав Гашек в Восточной Сибири» – везде прослеживается «высший пилотаж» профессора Санжиева. А когда я уже профессионально начал заниматься монголоведческими проблемами, то настоящим открытием для меня явилась небольшая по объему работа моего научного руководителя «Доржи Банзаров».

Дело в том, что в большинстве работ, посвященных жизни и научному творчеству этого известного бурятского ученого, прослеживалась мысль о том, что в иркутский период Д. Банзаров отошел от научных занятий. Но именно у Б. С. Санжиева мы отмечаем девять весомых положений, которые он выделил в качестве опровержения данного представления.

1) Банзаров внес много исправлений на географических картах монгольских названий: жилых мест, гор, рек, озер, но не успел завершить начатое

дело; 2) отлично пояснил на карте пункты китайской границы, в соответствии с российскими и маньчжурскими данными; 3) совершил поездки в Тункинский край для исследования сойотов и их соседей урянхайцев (тувинцев); 4) занимался объяснением древних надписей Мангутской пещеры; 5) открыл место рождения Чингисхана в пределах России – недалеко от «Большого острова» (Ехеарал) по р. Онон: Делюн-Болдок, на правом берегу реки, в семи верстах выше ее течения и в трех верстах от Кочуевского караула; 6) готовил историю перехода различных монгольских племен через границы в сторону Байкала; 7) на полях некоторых книг сделал многочисленные исправления к монгольским текстам и переводам с них академика Шмидта, особенно такие исправления сделаны переводу летописи «Санан-Сэцэна»; 8) исследование «Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингисхана», начатое в Петербурге, закончил в Иркутске; 9) «Путешествие Зая-хамбы в Тибет» – перевел с монгольского [Санжиев Б. С. Доржи Банзаров. Иркутск, 1998, с. 34].

Таким образом, профессор Б. С. Санжиев предстал предо мною и как скрупулезный исследователь проблем, связанных с монголоведением. Приближалась защита моей докторской диссертации. В значительной степени научное направление, когда-то заданное мне Буянто Сайнцаковичем, было использовано и при подготовке этого труда. Тему я обозначил следующим образом – «Сибирь и Монголия в XX веке: региональный опыт взаимоотношений». По партийной специальности защиты уже не проводились, и я готовил диссертацию по специальности «Отечественная история». К тому времени Б. С. Санжиев уже вышел на пенсию и работал профессором-консультантом на кафедре отечественной истории и политологии ИГУ. Мне пришлось попросить выступить в качестве научного консультанта моего докторского труда д.и.н., профессора В. Т. Агалакова. В какой-то степени было неловко перед моим бывшим научным руководителем, и я с волнением ожидал его мнения. И вот на защите Б. С. Санжиев задал мне два-три очень серьезных вопроса, затем с улыбкой заметил о моем переходе к другому научному консультанту, в целом дав очень высокую оценку моей докторской диссертации. А я еще раз убедился в доброте и человечности Буянто Сайнцаковича.

Приходилось общаться с профессором Санжиевым и в неформальной обстановке. Он охотно принимал участие в наших кафедральных посиделках и праздничных вечерах, шутил, рассказывал удивительно интересные истории. Когда же у нас появлялся, по его оценке, перебор в количестве выставленного на стол, он озабоченно констатировал – «боюсь, не освоим». Но все благополучно «осваивалось», а сам шеф, выпив две-три рюмки коньяка, раскланивался и оставлял коллектив веселиться дальше. Таким большим ученым и большим человеком я и запомнил своего научного руководителя – профессора Б. С. Санжиева.

Источник: Вековой юбилей: 100 лет со дня рождения Б.С. Санжиева. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 128-135.

Ю. А. Петрушин

**Университеты в судьбе историка.
К 70-летию со дня рождения доцента
Н. К. Струка**

26 мая 2008 г. исполнилось 70 лет кандидату исторических наук, доценту кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета Николаю Кирилловичу Струку. Он родился на Украине в г. Киеве.

Черниговская земля, где он провел детство и юность, была и остается для него незабываемой притягательной силой и предметом волнительных воспоминаний об утренней перекличке соловьев, отчем доме, сочных головах деревенских красавиц, романтично напевающих полюбившиеся малороссийские песни, веселых плясках молодежи у родных хат с земляным полом, крытых соломой.

Его отец Кирилл Романович и мать Анна Игнатьевна хорошо познали рабочий и крестьянский труд, рано научили ему своих детей. Семье всегда жилось нелегко. Пришлось пережить немецкую оккупацию, голодные и холодные годы. 14-летним мальчишкой Н. Струк, едва окончив 7 классов, стал трудиться в родном колхозе «Авангард». Потом была горнопромышленная школа в Луганской области, работа кровельщиком и рабочим совхоза в далеком Казахстане, бетонщиком в г. Усолье-Сибирское. Он никогда не чурался тяжелого физического труда, научился быть выдержанным и уравновешенным с людьми, умеет слушать и понимать окружающих, сострадать людскому горю. Почти десятилетняя походная жизнь Н. Струка закалила его характер, приучила к неприхотливости во всем (он более 30 лет прожил в общежитиях), простоте в общении. Однако это не означает, что Николай Кириллович не обладает глубоким внутренним содержанием. К нему вполне подходит поговорка: по одежке встречают – по уму провожают! Знающие Н. К. Струка люди подтверждают это мнение.

Н. К. Струк

«Проварившись в пролетарском котле», Н. К. Струк остро почувствовал потребность в получении высшего гуманитарного образования. Окончив среднюю вечернюю школу, он в 25 лет, в сентябре 1963 г., становится студентом исторического факультета Иркутского университета. С этого времени до ухода на пенсию (2005 г.) судьба более чем на 40 лет связала Н. К. Струка с историческим факультетом нашего классического университета. История и педагогическая деятельность стали его главным призванием. Он с отличием окончил университет, аспирантуру по кафедре истории СССР, и в 1971 г. под руководством известного российского историка, профессора В. Г. Тюкавкина успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Восточная Сибирь в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.». Военная проблематика стала главной темой его научной и педагогической деятельности. По ней он опубликовал в отечественной и зарубежной печати два десятка научных статей.

С 1970 г. он работает преподавателем, а с 1977 г. доцентом исторического факультета. Н. К. Струк разработал и читал общий курс по истории СССР, источниковедению, спецкурсы по истории Вооруженных сил нашей страны, наградной системе и др. Ему было, у кого учиться педагогическому мастерству. Он работал под руководством известных сибирских историков, профессоров Ф. А. Кудрявцева, С. В. Шостаковича, В. Т. Агалакова, И. И. Кузнецова. Н. К. Струк также интересовался археологией, участвовал в экспедициях под руководством признанных исследователей Г. И. Медведева, М. П. Аксенова. На историческом факультете Н. К. Струк обрел близких и верных друзей Н. Н. Щербакова, В. В. Ярового, И. Г. Чинова. Эти молодые в ту пору кандидаты наук, доценты, впитавшие дух хрущевской оттепели, в 1970–1980-е гг. составляли активное творческое ядро нестандартного преподавания и изучения отечественной истории. Они запомнились студентам-историкам своей верной дружбой, фактурным внешним видом, проблемным чтением своих курсов, глубоким знанием предмета, широтой мышления. Им не чужды были веселые застолья и юмор, но главным всегда оставалась любовь к истории, ее глубокое познание и неустанная пропаганда среди студентов и аспирантов. Вместе с другими преподавателями они определяли новаторский дух нашего факультета. Здесь было интересно учиться и работать. Н. К. Струк привносил в педагогическую практику элементы здорового скептицизма, учил нас не принимать на веру исторические события, критично анализировать источники. В уголках его рта можно и сейчас увидеть едва заметную лукавую усмешку, адресованную тем, кто пытается «кавалерийским наскоком» познать историю.

Н. К. Струк – совсем не кабинетный ученый. Но он всегда учился. С большой пользой он использовал длительные командировки на ФПК г. Москвы и Ленинграда. Здесь он работал в библиотеках и архивах, слушал лекции видных ученых нашей страны. До недавнего времени его еще можно было увидеть в журнальном зале нашей фундаментальной библиотеки ИГУ. Он много читает и, обладая прекрасной памятью, держит в голове массу интересных исторических фактов, биографии людей, в частности военных,

характеристики вооружений и описание наград. За долгие годы Н. К. Струк собрал большую, со вкусом подобранную личную библиотеку. Он щедро раздает книги своим ученикам.

Студенты-историки – народ своеобразный и весьма притязательный. Но они всегда высказывали удовлетворение (в отличие от самих сельхозработ), что эти раздражавшие всех кампании долгие годы на факультете возглавлялись доцентом Н. К. Струком. Если подсчитать заготовленные Н. К. Струком на уборочных работах овощи, то их, наверное, хватит на год всему коллективу истфака. Он всегда добросовестно работал в поле, жил в бараках со студентами, ел из одного котла, засиживался с ними дотемна у костра. Его «руководство» состояло в доверии и уважении к студентам. Н. К. Струк с неподдельным вниманием интересовался спортивными новостями страны и факультета. За все это он удостоивался уважения среди студенческой братии.

Н. К. Струк, в силу своей природной притягательности, скромности и глубоких знаний, всегда был на виду в среде преподавателей и студентов исторического факультета. Неслучайно он был награжден Почетной грамотой Министерства образования. Его и сейчас добрым словом вспоминают студенты и коллеги по работе.

В последние годы его здоровье ухудшилось. Существенно сузился круг его общения. Он больше домоседствует с супругой Валентиной Петровной, возится с внуками. Его дело продолжает дочь Елена Николаевна, кандидат исторических наук. Но Николай Кириллович не жалуется на судьбу, стойко переносит невзгоды, с интересом вспоминает пережитые университеты своей жизни.

В день 70-летия со дня рождения коллектив исторического факультета от всей души поздравляет Николая Кирилловича Струка. Мы желаем нашему коллеге здоровья и долголетия!

Источник: Известия ИГУ. Серия «Политология. Религиоведение». 2008. Т. 1. С. 280-287.

Л. М. Дамешек

Слово об учителе (Мои встречи с Виктором Григорьевичем Тюкавкиным)

Среди выпускников исторического факультета Иркутского государственного университета одним из наиболее ярких является имя Виктора Григорьевича Тюкавкина. Выходец из далекого Забайкалья, сын репрессированного отца, в эпоху послевоенного сталинизма он не мог рассчитывать на успешную научную карьеру. Поэтому блестяще окончив университет, по причине «неясного прошлого» (как он сам мне говаривал в последствии) Виктор Григорьевич вынужден был пойти на работу лаборантом в Иркутский педагогический институт. И этот шаг оказался счастливым билетом в его последующей научной карьере. Именно в Иркутском пединституте он встретил В. И. Дулова – уже в то время маститого ученого, обладающего не только исключительно широкой эрудицией, но и смелым незаурядным мышлением. Не опасаясь за возможные последствия – как никак сын репрессированного – В. И. Дулов активно поддерживал молодого способного историка в его стремлении заниматься научными исследованиями. Так в научном «арсенале» В. Г. Тюкавкина появилась в то время почти неисследованная проблема переселений на окраины России, которая стала лейтмотивом всей его последующей творческой деятельности. Забегая вперед, замечу, что до конца своих дней Виктор Григорьевич сохранил светлую память о В. И. Дулове. Не случайно монографию «Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная политика» (М., 2001. 303 с.), явившуюся итогом его творческой деятельности и опубликованную незадолго до кончины, Виктор Григорьевич посвятил «светлой памяти» учителя. Добивших завидных высот в своей научной карьере, став доктором наук, профессором, заслуженным деятелем науки России, заведующим кафедрой одного из ведущих университетов страны, Виктор Григорьевич

В. Г. Тюкавкин

оставался столь же доступным, открытым для общения, как и во времена молодости. Я, зная его на протяжении более тридцати лет, после ухода Виктора Григорьевича из жизни и с позиций собственного уже немалого жизненного опыта могу утверждать, что встречи с ним были, бесспорно, одной из самых светлых сторон в моей жизни.

Впервые я увидел Виктора Григорьевича в сентябре 1966 г., когда стал студентом исторического факультета Иркутского пединститута. Однажды к нам, первокурсникам, в аудиторию вошел декан и объявил, что сегодня для студентов-историков состоится публичная лекция о старце Федоре Кузьмиче, читать которую будет заведующий кафедрой истории СССР (так тогда она называлась) Виктор Григорьевич Тюкавкин. Не знаю, как мои сокурсники, а я тогда почти ничего не знал об этой загадочной легенде, да и само слово «публичная» звучало как-то заманчиво, поэтому на лекцию пошел не задумываясь. Как сейчас помню, народу в аудитории собралось немало, были не только студенты, но и преподаватели. В аудиторию энергично вошел улыбающийся молодой мужчина, выше среднего роста, чуть полноватый, и как-то по-домашнему доверительно поздоровался и представился нам. На нем безукоризненно «сидели» темно-серый костюм, элегантный галстук, а в руках он держал портфель и толстенную папку с иллюстрациями. Я всегда считал, да и сейчас так думаю, что в Боханской средней школе, в которой я учился, были достойные учителя истории. Но тогда, в сентябре 1966 г., я впервые услышал, как можно очень ясно, доступно, и в то же время по-научному аргументированно рассуждать о весьма сложных и запутанных исторических проблемах. После лекции мы долго обсуждали услышанное и увиденное (Виктор Григорьевич показывал портреты, рисунки, читал документы и комментировал их – как тонко он умел это делать!), а буквально через несколько недель на выставке новых поступлений в библиотеке института я увидел автореферат его докторской диссертации и знаменитую впоследствии монографию «Сибирская деревня накануне Октября». В июне 1968 г. после окончания экзамена по истории СССР второй половины XIX в. Виктор Григорьевич подарил мне ее с удивительно теплой надписью «Леве Дамешек с пожеланием скоро выпустить свою книгу». До выхода моей первой монографии оставалось еще долгих пятнадцать лет! Однако я и моя дочь Ирина – сегодня профессор кафедры отечественной истории Иркутского педуниверситета, храним эту книгу с благоговейным трепетом. Думаю, что такое отношение к памяти учителей есть в значительной степени результат влияния Виктора Григорьевича, который сам с неизменной благодарностью на лекциях и в частных беседах частенько вспоминал своих иркутских учителей: В. И. Дулова, С. В. Шостаковича и Ф. А. Кудрявцева.

В 1968 г. Виктор Григорьевич в течение всего учебного года читал на нашем курсе лекции и сам вел практические занятия по истории СССР эпохи капитализма. Я до сих пор храню тетрадь с этими лекциями и, не побоюсь признаться, нередко «заглядываю» туда. Не берусь утверждать, что Виктор Григорьевич обладал большим литературным талантом в смысле преподнесения материала, но читал лекции очень хорошо и содержательно. Сегод-

ня я вполне понимаю, что это был настоящий авторский, в полном смысле этого слова профессорский курс, где каждая мысль и фраза были не просто продуманы, но буквально прочувствованы автором. Сильными чертами лекций Виктора Григорьевича были аргументация, логика рассуждений и доказательств. Он преподносил материал очень ясно и четко, но особенно любил рассказывать о дискуссиях по спорным историческим проблемам, (о путях развития капитализма в России, проблемах многоукладности и др.), о мемуарах, их авторах и своих встречах с известными в то время историками. Последнее для нас, студентов, было особенно интересно. В рассказах Виктора Григорьевича авторы известных монографий и учебников представлялись нам не какими-то мифическими, почти легендарными личностями, а конкретными живыми людьми. Так в рассказах профессора оживала отечественная история не только в образах ее творцов, но и сказителей, исследователей. Так от учителя к ученикам передавалась историческая память.

В 1974 г. я стал кандидатом наук, а вскоре Виктор Григорьевич вместе с семьей переехал в Москву. На какое-то время наши контакты прервались, но спустя три года мы вновь встретились, на этот раз уже в Ленинградском архиве, и с той поры постоянно поддерживали тесные доверительные отношения.

Меня как исследователя всегда поражала способность Виктора Григорьевича быстро улавливать суть обсуждаемой проблемы, говорить и писать о сложнейших вещах просто и ясно. Конечно, общая идеологическая атмосфера в стране 70–80-х годов не могла не сказаться на его творчестве, особенно на оценке некоторых исторических персоналий, но его научный язык, стиль изложения материала содержали элемент недосказанности, гораздо большего понимания того, что публично преподносилось аудитории или читателям. Не раз бывая вместе с Виктором Григорьевичем на симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы, других престижных конференциях, я видел, с каким вниманием и уважением воспринималось каждое его выступление даже маститыми учеными (буквально с тетрадкой и карандашом в руках), а молодежь зачастую шла «просто» посмотреть, послушать Тюкавкина. Сколько идей и тем диссертаций и монографий подарил он неизвестным ему слушателям во время таких выступлений!

Особенно тепло относился Виктор Григорьевич к нам, иркутянам. В 1984 г. я приехал к нему на длительную стажировку. Встретил он меня исключительно радушно. С комфортом разместил меня в общежитии, познакомил с рядом известных исследователей, представил членам своей кафедры, среди которых было немало незаурядных личностей – А. Г. Кузьмин, П. И. Павленко и др. Для молодого научного работника рекомендация признанного авторитетного ученого исключительно важна не только с точки зрения карьеры. Не меньшую значимость имеет и моральная поддержка, о которой всегда с благодарностью вспоминаю. Однажды, будучи в его московской квартире, сидя на кухне (он угощал меня пирогом собственного приготовления), я спросил Виктора Григорьевича, скучает ли он по Иркут-

ску. Виктор Григорьевич как-то погрустнел, потом ответил, что в первые годы после переезда в Москву приходилось многое делать заново, утверждать себя на новом месте, да и семья требовала забот, а вот теперь... и неожиданно попросил приглашать его как можно чаще в Иркутск. Сегодня я, будучи сам заслуженным деятелем науки России и имея в «загашнике» более 30 защищенных аспирантов и докторов наук, хорошо помню, что оппонентом у моих первых аспирантов был именно Виктор Григорьевич. Тогда, в начале 90-х, я сильно переживал, что он, мой учитель, скажет теперь уже о моих учениках. Но Виктор Григорьевич, выступая в качестве официального оппонента, был просто неподражаем. Он не только высокопрофессионально давал анализ рецензируемой диссертации, – а как он знал литературу и источниковую базу проблемы! – но и с удивительным тактом высказывал замечания. Виктор Григорьевич был оппонентом на защите кандидатской диссертации моей дочери Ирины в 1997 г. Тогда, после защиты, у меня дома собрались многие иркутские историки. Это был удивительный теплый вечер. Учитель был «в ударе», он много смеялся, шутил, пел любимые забайкальские, сибирские песни и романсы (особенно нравился ему романс из кинофильма «Дни Турбиных», он пел его исключительно душевно), как всегда добрым словом вспоминал своих учителей. Лично я никогда не забуду мощную поддержку Виктора Григорьевича во время защиты мной докторской диссертации в октябре 1987 г. Будучи официальным оппонентом, он из-за сильных московских туманов не смог на нее прилететь, пять дней подряд ездил в аэропорт, надеясь все же вылететь в Иркутск. Тогда в сутолоке столичного Домодедова он простудился, заболел воспалением легких. Тем не менее на протяжении этой памятной мне недели Виктор Григорьевич ежедневно звонил в Иркутск, давал советы, подбадривал как мог.

В последние годы моего учителя и друга особенно тянуло в Иркутск. Он любил приезжать сюда, бродить по тем местам, где прошла его молодость, вспоминать своих однокурсников, любоваться закатами над Ангарой. Каждый приезд превращался в событие для историков города, которые собирались вместе, обменивались новостями, разговаривали, шутили. Виктор Григорьевич всегда был душой компании. Невозможно представить, что этого человека больше никогда не будет с нами. ...Но память о нем живет. Не только в сердцах тех, кто знал или учился у Виктора Григорьевича. Студенты всех исторических факультетов университетов России учатся по учебникам, ответственным редактором и ведущим автором которых был Виктор Григорьевич, маститые и начинающие исследователи штудируют его многочисленными научными работами, посвященными истории отечества, во многих университетах и академических институтах Европейской и Азиатской России работают его ученики... А знание истории отечества есть не что иное, как преемственность поколений, связующий мост истории и будущего России.

Источник: Известия ИГУ. Серия «История». 2009. № 1. С. 268-271.

А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин

Болеслав Шостакович: субъективные наброски к портрету старейшего редактора «Сибирской ссылки»

* * *

Б. С. Шостакович

Болеслав Сергеевич Шостакович оставил в исторической науке заметный след. Он был известным полонистом, доктором исторических наук, профессором Иркутского государственного университета, одним из руководителей правления польского культурно-просветительного общества «Огниво» в Иркутске. О его научном творчестве уже сложилась своя историография. Однако многие страницы его судьбы и повседневной жизни остались вне поля зрения биографов. С этой точки зрения я (Юрий Петрушин. – *Ред.*) попытаюсь хотя бы в общих чертах осветить некоторые факты его биографии, органически вплетенные в творчество известного сибирского ученого.

Б. С. Шостакович – дитя войны. Он родился 3 февраля 1945 г. в семье известного историка, профессора Иркутского госуниверситета С. В. Шостаковича. Родственные корни предков Б. С. Шостаковича восходят к истокам российского и польского национально-освободительного движения. В более позднее время родство с семьей известного композитора Д. Шостаковича приобрело ореол мирового уровня, о котором Болеслав Сергеевич говорил со свойственной ему скромностью. Помнится, когда в Иркутск приехал В. Спиваков со своим оркестром «Виртуозы Москвы» и исполнил произведения раннего Д. Шостаковича, Болеслав Сергеевич, обладавший музыкальной грамотой, весьма деликатно говорил нам, своим коллегам, о некоторых неточностях исполнения оркестром музыкальных сюжетов из раннего творчества (1920-х гг.) Д. Шостаковича.

Однажды, лет 5 или 7 назад, во время одного из совместных пребываний с Болеславом Сергеевичем в Питере, он позвал меня на ужин с семейством Шостаковичей. По своей неразумности и какой-то провинциальной скромности я отказался. Болеслав Сергеевич обиделся и мягко выговорил мне, что он жалеет об этой упущенной возможности. Теперь я понимаю, какую нетактичность допустил тогда ваш покорный слуга. Вообще, он всегда старался познакомить нас с деятелями польской науки и культуры, приезжавшими в Иркутск, часто приглашал своих именитых коллег на исторический факультет.

Болеслав Сергеевич очень тепло относился к Питеру, его истории и жителям-«ленинградцам». Будучи в командировках, он всегда останавливался в этом городе у родственников. Видимо, его сознание тревожили трагические дни блокады города, где зимой 1942 г. от голода умер его дед Владимир Болеславович.

Не забывал Болеслав Сергеевич и свое послевоенное детство. Оно было, как и у многих его сверстников, и счастливым (война кончилась), и несчастливым. Иногда он упоминал о консервах, которые получали в его семье по продовольственной норме, оставшихся на складах еще по ленд-лизу. Может быть, поэтому он был непривередлив в пропитании, всегда был умерен в горячительных напитках. Однако любил хорошую и интересную компанию. Из своих поездок в Польшу он всегда привозил нам, своим друзьям, дубовую настойку. После рабочего дня, закрывшись в кабинете, мы накрывали скромный стол. Болеслав Сергеевич выставлял «Дубовую», и мы часа на два или три предавались разговорам о его поездке, о нашей любимой истории.

Не сказать, что Болеслав Сергеевич был занимательный рассказчик, но он умел поддержать разговор, демонстрировал энциклопедические знания обсуждаемого предмета, ценил и понимал юмор. В такие встречи он заметно раскрепощался и оживлялся, шутил, смеялся. В нем совсем не было той официозности и сухости преподавателя, которые наблюдали студенты.

В студенческую аудиторию и на факультет Болеслав Сергеевич всегда приходил в костюме и при галстуке. Он был по-европейски элегантен, вежлив и предупредителен. Никогда не повышал голоса, был носителем грамотного академического языка, который, к сожалению, сейчас не в моде. Когда возникала необходимость у его коллег, брался за переводы статей с польского на русский язык. Он читал нравственные принципы, заложенные католической верой, был в числе верной паствы местного костела. С другой стороны, Б. С. Шостакович органично впитал в себя и понимал сибирскую самобытность и ментальность местных жителей, их образ жизни. Все это делало его сибиряком в самом широком смысле слова.

Болеслав Сергеевич был не только интеллектуалом и интеллигентом в третьем поколении, но и следил за своей физической формой, хорошо разбирался в спортивной жизни страны. Иногда, когда проводились научные конференции на спортивных базах за городом, мы с удивлением наблюдали, как в свободные минуты Болеслав Сергеевич играл с молодежью в волейбол. Он технично применял приемы, показанные в детстве отцом Сер-

геем Владимировичем Шостаковичем, известным в нашем городе еще и как классный теннисист.

Подкупала в Болеславе Сергеевиче его честность и мягкость, искренняя непрактичность в житейских ситуациях. Когда у него случилась трагедия (из жизни ушла супруга), Болеслав Сергеевич как-то сник, растерялся, искал поддержки и сочувствия, которые мы по мере возможности старались ему оказать.

В редкие минуты откровенности он тепло отзывался о своей семье, дочери Ирене, супруге Елене Станиславовне. Особенно нежно любил внуков, размышлял об их будущем. Болеслав Сергеевич умел поддерживать близких друзей в трудную минуту, найти простые слова сочувствия, оказать посильную помощь. За это мы его уважали и почитали как старшего товарища.

Многие из этих качеств характера в той или иной мере проявлялись в научном творчестве Болеслава Сергеевича Шостаковича. Суета ему была противопоказана по природе. К изучению проблемы он подходил медленно, не спеша. Как скрупулезный ученый и основательный по характеру человек, огромное внимание уделял подготовительной работе. Это касалось сбора и обработки источников, историографических оценок, методологии научного исследования. Отсюда у исследователя всегда был цейтнот времени. Для выражения такого состояния дел у Болеслава Сергеевича в ходу были две сакраментальные фразы: «каким-то образом я ничего не успеваю» и «у меня нет секретаря». Да и немудрено, если ученый одновременно писал две или три работы, читал лекции, занимался общественной деятельностью. Он часто терялся и даже раздражался в современных условиях повышенной турбулентности, когда требовались многочисленные отчеты, выявление показателей и индексов цитируемости, своевременный учет «ваковских» публикаций.

В последнее время Болеслав Сергеевич Шостакович усиленно трудился над завершением монографии «Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.): Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы», которая вышла уже после его преждевременной кончины. Эта фундаментальная работа, третья по очередности, продолжила исследовательский раздел издательской серии «Польско-сибирская библиотека». Она была задумана Болеславом Сергеевичем как источниковедческая и открыта им первым томом в декабре 2009 г.

В данной монографии автором представлены комплексное осмысление польско-сибирской истории, реалии взаимного восприятия поляками и сибиряками исторических событий через призму их характеров и повседневной жизни. В итоге Болеслав Сергеевич Шостакович делает вывод, что географически удаленная и суровая по климату Сибирь развивалась не в некоем замкнутом региональном пространстве, изолированном от прочего мира. Она, по мнению ученого, выполняла роль особого межнационального и органически связующего геополитического и социокультурного международного компонента. С этой точки зрения данная тематика далеко не исчерпана и имеет свои перспективы дальнейшего изучения. И в этом мы отдаем

должное Болеславу Сергеевичу Шостаковичу, нашему коллеге и товарищу, авторитетному ученому с польскими корнями и сибирским менталитетом.

* * *

Болеслав Сергеевич Шостакович памятен мне (Александру Иванову. – *Ред.*) прежде всего как педагог, преподаватель учебного университетского курса истории южных и западных славян. У нас, студентов-историков 1976–1981 гг., он читал именно этот предмет. Делал это Болеслав Сергеевич всегда хорошо поставленным, несколько монотонным и ровным голосом, с небольшими модуляциями там, где хотел подчеркнуть важность какого-либо положения или вывода. При этом, приводя какие-то имена, даты и цифры, которыми изобиловала история славян, он не опускал глаза в заготовленный текст, а наоборот, неизменно и часто поднимал их вверх, словно там, на потолке, и располагались в нужном ему порядке сведения о королях, знаменитых сражениях, династических браках.

Эта, несколько комичная, манера чтения лекций и ведения семинарских занятий, да и любых его публичных выступлений, была поводом для постоянных шуток у студентов не только нашего курса, но и всех последующих поколений. Болеслав Сергеевич, думаю, прекрасно знал об этом, но, по всей видимости, никогда не стремился побороть свою привычку и сохранил ее в неизменном виде до конца своих дней.

Собственно, сама лекция воспринималась студенческой аудиторией не без труда. Во-первых, ее материал был перенасыщен фактическими сведениями, трудными для запоминания; во-вторых, подавался он уж слишком, как нам тогда казалось, сухо и академично. Вдобавок ко всему лектор и не пытался как-то оживить свою речь: он не прохаживался по аудитории, приближаясь или отдаляясь от слушателей, никогда не опирался слегка на краешек стола и не развлекал свой материал каким-нибудь легким историческим анекдотом, рассказанным в «нужное время и в нужном месте». Болеслав Сергеевич, никогда не опаздывая, едва отзвонит звонок, входил в аудиторию, занимал место за кафедрой и оставался в этом положении все лекционное время, несколько однообразно излагая материал. Вполне естественно, что студенческую аудиторию через 15–20 минут напряженного внимания начинало настойчиво кидать в сон (это свойство человеческого организма срабатывает всегда и при любом лекторе), понимать преподавателя и удерживать в голове нити его рассуждений становилось все труднее и труднее. Часть группы справлялась с этим состоянием и, поборов сон, все-таки дописывала лекцию до конца, другая, значительно меньшая, в основном галерка, надолго попадала в «объятия Морфея»...

Годы, время расставляют все по своим местам. Так произошло и с лекциями Болеслава Сергеевича. Когда мне, сравнительно недавно, уже в зрелом возрасте, понадобился материал по полякам – участникам Январского восстания 1863 г., и надо было уточнить имена руководителей, кто и когда из них попал к нам в Восточную Сибирь, я просто открыл одну из студен-

ческих тетрадей с выцветшей надписью на коленкоре «Славяне», и вот они, необходимые фактические сведения – имена, даты, события, обилие которых так сильно «утомляло» нас когда-то.

Что я хочу подчеркнуть: среди наших преподавателей было немало и таких, кто читал свой материал очень живо и блестяще, любил «козырнуть» словом или афоризмом, весьма эффектно и театрально подать свою и чужую мысль. Но эти лекции у меня (да и однокурсников) остались в памяти неким мутным пятном и на бумаге не сохранились. Их было невероятно трудно конспектировать, а записанное невозможно затем связать в единую стройную лекцию. Такие записи совершенно не помогали перед экзаменом, а главное – не учили учиться. Болеслав Сергеевич же был прекрасным методистом, умевшим уже тогда, в свои 30 с небольшим, совершенно грамотно, как мне сейчас видится, расставить в лекции главное и второстепенное, важное и «очень важное».

Болеслав Сергеевич Шостакович был не только обстоятельным лектором. Точно так же обстоятельно он оформлял результаты своих научных исследований. Его статьи – классический пример академической научной публикации, где мысль «не скачет», не витает и не теряется за многочисленными отступлениями, делаемыми от первого лица («помнится, как-то я»), а строго следует воле автора и правилам научного изложения. В его публикациях всегда имеется длинное, сформулированное строчки на три-четыре, не меньше, название, краткий историографический и источниковый обзор предмета изложения, четко обозначенные цель и задачи, логично выстроенная и интересно поданная основная часть, с неизменно большим количеством сносок, и совершенно обоснованные, завершающие всю конструкцию обстоятельные выводы.

При этом следует сказать, что Болеслав Сергеевич не умел и не хотел быть кратким, лапидарным, его самые маленькие статьи начинались от «авторского листа» и дальше, когда где-то в районе 30–35-й страницы автор только подходил к главному, а затем, под давлением внешних обстоятельств («Сколько же можно, существует ведь заданный объем, уже перекрытый Вами в два с лишним раза», – говорил ему кто-нибудь из выпускающих редакторов издательства «Иркутский университет»), был вынужден «наступить на горло собственной песне» и «быстро закончить», кратко повторив все сказанное еще на двух-трех страницах. Вот и получалась «монументальная» статья страниц на 40–45!

Болеслав Сергеевич был неизменным, активнейшим и постоянным участником сборника «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» и «Сибирская ссылка», единственным (!) автором, не пропустившим ни одного выпуска этого издания. При этом надо учитывать, что в очередном номере он размещал нередко сразу по две разноплановые статьи: одну – по конкретной теме, другую – по историографии или мемуарному наследию ссылных поляков. Есть у него и несколько рецензий на книги своих коллег и товарищей. А к первому выпуску «Сибирской ссылки» в 2000 г.

он по просьбе ответственного редактора профессора Николая Николаевича Щербакова написал весьма обширную (по-другому никак!) вводную статью.

Следует сказать, что это была далеко не простая, «дежурная» вводная, а разработанная им совместно с Н. Н. Щербаковым (при скромном участии автора этих строк) подлинная программа, определявшая работу редакции издания на перспективу, предполагавшая значительно расширить тематику сборника, приступив к изучению репрессий советской эпохи (в том числе и среди поляков периода Второй мировой войны), непременно начать планомерное освоение практически нетронутой и неизвестной планеты под названием «Сибирская уголовная ссылка» и пенитенциарной системы за Уральским камнем в целом. При этом Б. С. Шостакович преследовал и свои, сугубо «авторские» цели – к каждому выпуску сборника он предлагал делать приложения из документальных материалов, рассказывающих о судьбе «сибирских поляков», с обширными комментариями, обогащая и приумножая тем самым так называемую сибирско-польскую литературу.

При его непосредственном участии проходило и организационное становление как «старого», так и нового сборника. В четвертом выпуске обновленной «Сибирской ссылки» Б. С. Шостакович оставил воспоминания об этом времени, названные им, «как всегда коротенько»: «Щербаков и научный сборник по истории сибирской политической ссылки (Опыт мемуарно-аналитической реконструкции). К 35-летию начала выхода сборника и 70-летию его ответственного редактора», где подробно и талантливо описал историю зарождения самой идеи этого издания, когда его отец, профессор С. В. Шостакович, и профессор Ф. А. Кудрявцев в конце 1960-х гг. на одном из «Геродотов», несколько разочарованные объемом материала по проблемам политической ссылки, включенного в третий том «Истории Сибири», предложили тогда еще молодому кандидату исторических наук Н. Н. Щербакову начать выпуск собственного, независимого тематического сборника.

В этой же статье Б. С. Шостакович высказывает и свою обиду Н. Н. Щербакову: мол, далеко не всегда ответственный редактор принимал к публикации его статьи. Это не совсем справедливо: прежде всего, надо иметь в виду, что статей, как правило, предлагалось как минимум три, и Щербаков выбирал одну-две, а другие складывал в свой «редакторский портфель», говоря неизменно: «Болеслав, твои поляки всюду, имей же меру!», а во-вторых, сам Болеслав Сергеевич был автором, весьма и весьма вольно трактовавшим сроки предоставления своих материалов. Он, неизменно и многословно извиняясь, обещал непременно «докончить» статью в очередной срок, но никак не мог этого сделать, потому что собирался на симпозиум в Варшаву, на конференцию в Якутск или на чтения в Кяхту (называю реальные его поездки), а еще дома был «ремонт» или «переезд», а «компьютер не открывался». Сроки выхода сборника приходилось нередко откладывать.

Однажды, это было уже после кончины Н. Н. Щербакова, так и не дождавшись обещанной статьи от Болеслава Сергеевича в «Сибирскую ссылку», я запустил сборник в работу, сдав готовый макет в типографию. Книга

была спечатана и сложена в тетрадки, и вот, когда оставалось все это сшить и приклеить твердую крышку («корочку», как говорит большая часть авторов), на пороге издательства появился Б. С. Шостакович и как ни в чем не бывало протянул мне кассету со своей давным-давно обещанной статьей. «Все, Болеслав Сергеевич, поздно», – говорю. А он мне с совершенно обезоруживающей логикой восклицает: «Ну как же это может быть, уважаемый Алексансаныч, ведь мои статьи есть в каждом выпуске, а здесь их не будет?! Ну, давайте же быстрее что-нибудь придумаем!»

А что тут можно было придумать?! Пришлось переделывать едва ли не половину тиража уже отпечатанной книги. При этом такая ситуация повторилась с несколько другими вариациями еще раз, при издании следующего выпуска через два года: Болеслав Сергеевич опять не успевал, но по-прежнему обещал, что в будущий том он обязательно сдаст свой материал в срок.

Совершенно неожиданно для меня он сдержал свое обещание: в 2013 г., в седьмой, последний изданный при его участии выпуск он принес свою статью едва ли не первым, извинившись при этом, что не сможет активно помогать как соредактор. Свои действия он объяснил занятостью и подготовкой последней монографии, выпускаемой в Москве, а заодно пригласил меня, как и двух других авторов этих беглых воспоминаний, выступить ее рецензентом.

Впрочем, на Болеслава Сергеевича невозможно было сердиться или обижаться какое-то продолжительное время – приходилось принимать его «таким как есть», при этом следует подчеркнуть, что он был человеком, безусловно, добрым и отзывчивым, готовым всегда и всячески помочь дельным советом или поделиться своими обширными знаниями. Как-то я обмолвился, что не могу прочесть самостоятельно книгу Михала Янека о жизни поляков в Забайкальском крае, которую он мне, кстати, и дал для составления обзора польской историографии сибирской политической ссылки. Мною для перевода были приобретены польско-русский словарь и даже соответствующий разговорник, но дело не продвигалось. Тогда Болеслав Сергеевич попросил отметить нужные мне страницы и, к моему немалому удивлению, перевел их быстро, в несколько дней, и, конечно же, совершенно бескорыстно.

* * *

Обычно воспоминания о человеке начинают с момента первой встречи с ним. Я же (Сергей Кузнецов. – *Ред.*) начну со встречи последней – конец июня 2015 г., последнее в учебном году заседание кафедры мировой истории и международных отношений. Как всегда в последнее время, нервные разговоры об учебных программах, аннотациях и прочем. Уже после кафедры Болеслав Сергеевич заходит ко мне попрощаться на два месяца каникул, как всегда, сетует на нехватку времени, по поводу бюрократии, как всегда, роняет свое: «Я уже вообще ничего не понимаю!» Неоднократно возвращается к разговору о своей книге, которая готовится к изданию

в Москве и которая очень его беспокоит. Мне кажется, редакторы рыдали от него, он был крайне придирчив во всем, что касалось польских имен, фамилий, названий, всех этих крючочков и палочек польского письма. При этом как должна писаться та или иная польская фамилия, он втолковывал даже самим полякам – их носителям. Мы прощались, он уходил и вновь возвращался, досказать что-то крайне важное. Это тоже была его особенность – уходить постепенно, при этом жалуясь на нехватку времени. Когда спустя несколько недель его не стало, я долго не мог в это поверить, полагая это какой-то нелепой шуткой. Его присутствие на кафедре казалось мне обязательным, неизменным.

В 1976 г. мы, студенты четвертого курса истфака, впервые пришли на его лекции по истории славян. Уже знаем все анекдоты о преподавателе от старших курсов, его слабости и привычки. Ходили рассказы, что он принимает экзамен до позднего вечера, не терпит опозданий. Знали мы, разумеется, и о том, что он – сын знаменитого профессора С. В. Шостаковича. Лекции его были бескрайними и по объему в несколько раз превосходили учебник. Примерно в это же время произошла наша встреча в клубе «Висла», куда я был приглашен как член интерстройотряда ИГУ «Бабр», летом побывавшего в польских Катовицах. Болеслав Сергеевич был членом правления «Вислы», вел заседание и дотошно расспрашивал нас о поездке. Атмосфера была непринужденная, дружеская, и мы, помнится, расстались довольные друг другом.

Удивительно, что с тех пор Польша, поляки, польская тематика постоянно присутствовали в моей жизни. Благодаря Болеславу Сергеевичу мы считались научным центром темы «Поляки в Сибири», к нам постоянно приезжали из Польши преподаватели, аспиранты и студенты. Была даже ознакомительная практика студентов ИГУ в Гданьском университете, не без участия Шостаковича в ее организации, конечно. Со многими из тех, кто приезжал на истфак, мы поддерживали отношения долгие годы. Это проф. Ф. Новиньский, Я. Илюк, Анна Замек-Глициньска, З. Опацкий и др. А доцент из Краковской политехники Владислав Масярж даже прикреплялся к нашей кафедре, заканчивал и защищал здесь докторскую диссертацию. Болеслав Сергеевич легко общался с ними по-польски, что было им, без сомнения, приятно. Но в отношении исследования темы, работы в архивах, пожалуй, согласия у них особого не наблюдалось. Чувствовалось его слегка ревнивое отношение к этим людям, которые приехали на несколько месяцев в Иркутск и стремились максимально почерпнуть материалы в архивах. Он так работать не привык. Фонды архивов он, разумеется, отлично знал, но справедливо полагал, что работать над ними надо годами и даже десятилетиями.

Пару раз я оказывался с Болеславом Сергеевичем на конференциях в Польше. Было приятно ощущать внимание слушателей и руководителей конференций к его выступлениям, обязательно на польском языке, довольно пространным и академичным, как того и требовал этикет. Чувствовалось, что его здесь уважают, знают и ценят. Собственно, об этом свидетель-

ствовали и государственные награды Польши – Золотой Крест Заслуги, которым он был удостоен.

Нельзя сказать, чтобы его путь в науке был легким. Безусловно, он был прекрасно образован и подготовлен как исследователь-историк. Даже один год он проучился на истфаке МГУ, что постоянно подчеркивал (была раньше такая форма – отправлять наиболее успешных студентов на год в МГУ набраться ума-разума). Безусловно, его направлял и поддерживал отец – Сергей Владимирович. Но что-то, как мне кажется, Болеславу Сергеевичу мешало, сдерживало его. То ли особенности характера, то ли некая отстраненность от коллег (в молодости он держался немного в стороне). Его довольно жестко критиковал С. Ф. Коваль, а на кафедре всеобщей истории – В. В. Яровой. Суть этой критики мне не известна, знаю только, что Болеслав Сергеевич болезненно ее вспоминал до последних дней.

Довольно долго он шел к защите кандидатской диссертации, защитив ее только в 30-летнем возрасте. Впрочем, в то время защищаться быстро было не очень принято. Почти 23 года отделяют его кандидатскую от докторской, которую он защитил по докладу. А. А. Иванов заметил, что у Шостаковича не получались короткие статьи. Действительно, он основательно, с чувством подходил к проблеме, в течение длительного времени как бы разглядывая ее со всех сторон. Потом несколько месяцев обдумывал, прежде чем неторопливо приступить к сбору материалов. Вспоминается, что к 100-летию со дня рождения С. В. Шостаковича коллеги по кафедре подготовили сборник статей, посвященный этому событию. Был в нем, конечно, и материал Болеслава Сергеевича. Характерен его заголовок – «Мои наброски к будущему мемуарному портрету Сергея Владимировича Шостаковича». Полного «мемуарного портрета» нам увидеть уже не суждено.

Научное наследие Б. С. Шостаковича насчитывает сотни статей, очерков, биографических справок, изданных как в нашей стране, так и за рубежом. Его историография огромна. К сожалению, углубляясь в детали, докапываясь до мельчайших подробностей, он как бы забывал о времени. И об обязанности историка – не просто собрать и описать, но обобщить материал, создать на его основе фундаментальный труд. К этому он приступил, когда времени у него уже не осталось.

К сожалению, Болеславу Сергеевичу не удалось создать свою полонистскую школу, лишь единичные аспиранты защитили диссертации под его руководством. Одна из причин этого – в той слишком высокой планке, которую он ставил перед своими учениками. Далеко не каждый мог выдержать его требования, относя их на счет излишней придирчивости профессора. Иной раз он обижался, когда его не приглашали оппонентом на защиты диссертаций по близким ему темам. Нам-то это было понятно – кому нужен рецензент, досконально, до последнего мелкого факта знающий твою тему, не терпящий даже мелкой небрежности, а тем более научной недобросовестности.

Болеслав Сергеевич был большим знатоком Польши, с удовольствием посещал эту страну не один десяток раз. При этом его познания не огра-

ничивались лишь сферой его научных изысканий. Он прекрасно знал литературу и искусство Польши, особенности быта и повседневной жизни, польскую еду и напитки, политику и религию. Помнится, когда в августе-сентябре 1980 г. в Гданьске на судовой верфи им. Ленина возникло польское объединение профсоюзов «Солидарность», легализованное 10 ноября 1980 г. и запрещенное в январе 1982 г., он сделал прекрасный доклад на методсеминаре исторического факультета, в котором подробно разъяснил нам, что профсоюз объединял самые разные политические силы – от католических консерваторов и правых либералов до ультралевых социалистов и анархистов. Конечно, к профсоюзу он отнесся критически, а мысль о том, что деятельность профсоюза нацелена на демонтаж режима Польской объединенной рабочей партии, он высказал весьма осторожно и завуалированно (это вызвало довольно скептическое отношение со стороны старшего поколения преподавателей).

Наш близкий товарищ и коллега Б. С. Шостакович был своеобразным явлением иркутской школы историков. Он впитал в себя лучшие черты интеграции исторической науки и образования России и Польши. Обладая потенциалом российской гражданственности, он как бы символизировал собой встречу трех поколений поляков в Сибири. С этой точки зрения наши воспоминания выступают как попытка сохранить личную и коллективную память об ученом через богатство разговорного языка и повседневность. Будем надеяться, что подобный подход позволил нам выделить и сопоставить два уровня исторического знания – обыденного и научного, придать ценность подобному жанру самой случайностью набора фактов и подробностей и донести это до наших читателей.

Источник: Известия ИГУ. Серия «История». 2017. Т. 19. С. 114-124.

Б. С. Шостакович

Мои наброски к будущему мемуарному портрету Сергея Владимировича Шостаковича

С. В. Шостакович

Совершенно не случайно так озаглавлены эти заметки. Мною пока еще не написаны воспоминания об отце, хотя бы в сколько-нибудь адекватной мере воссоздающие сохранившуюся в памяти его многогранную личность, его широкую и разностороннюю деятельность, а также жизненные принципы, которыми он неизменно руководствовался, и уроки, преподанные им мне, наряду с другими его учениками. Такого рода мемуары пока еще остаются одним из моих планов на будущее. Считаю необходимым подчеркнуть, что они ни в коей мере не могут быть исчерпаны помещаемым ниже текстом, ибо ограниченные рамки данной публикации поставили пишущего перед неизбежностью определенного сужения самого масштаба освещаемой темы, упрощенного ее изложения

на отдельных фактических примерах.

Несмотря на вышесказанное, мне все-таки хотелось бы начать с выяснения, пусть пока еще и на уровне некоторого первичного обобщения и осмысления, – вопроса о том, что представляла собою личность С. В. Мне эта тема органично близка и как сыну, и как ученику С. В., ведь я был также одним из его студентов (в 1962–63 гг.). Я не знаю, как разделить эти две степени близости одну от другой, мне это сделать трудно. По вполне понятным причинам я ныне среди здравствующих коллег и немногочисленных родных С. В. остался в числе наиболее близко знавших его. Как студент, а потом и младший коллега по кафедре, – это один ракурс моего знания и моих воспоминаний, – но также и как сын я, естественно, общался с С. В. и чаще, и больше многих, и, очевидно, не всегда в тех самых традиционных рамках, о которых здесь уже шла речь. Вне всяких сомнений, для меня отец – никакой не миф, который часто создают мемуаристы, о чем говорилось еще несколько лет назад в ходе

состоявшейся тогда на нашей кафедре содержательной коллективной беседы о С. В., а вполне реальная, но при этом и уникальная во многом личность, являющая собою высокий авторитет и образец. Безусловно, настало время задуматься над тем, как нам сохранить память о С. В., как донести ее до идущих вслед за нами младших поколений, по мере возможности отделяя мифы от реальной целостности и объективности вопроса.

Когда в 1992 г. мы с Владимиром Павловичем Олтаржевским готовили очерк об отце к его 90-летию, как раз незадолго до этого, в конце 1980-х годов, вышла нашумевшая тогда повесть Даниила Гранина «Зубр», где шла речь о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском – выдающемся биологе-генетике, талантливом ученом, педагоге. Эта документальная повесть-размышление была очень актуальным по своему времени произведением, предлагавшим непривычный для советской эпохи идеологических шаблонов свободный взгляд на ученого, на человека. Размышления писателя Д. Гранина о Тимофееве-Ресовском показались мне созвучными той теме, о которой я пробовал писать, и уже тогда я сделал несколько выписок из этой повести. И вот когда теперь я вновь перечитал строки Д. Гранина о герое его произведения, известном среди близких ему людей под прозвищем «Зубр», то с изумлением обнаружил, что некоторые из них – как будто бы сказаны буквально об отце! Это, в частности, замечание об «искусстве общения» Зубра: «Слушать его было интересно. Все оживало с его появлением, попадало под напряжение. Его просили говорить, его хотелось слушать. Делать доклад он шел как на праздник, в этом было для него большое самовыражение, ...и люди тянулись к нему, чувствуя, что живое общение ему дороже всего остального. Сила влияния и обаяние его личности были таковы, что люди, сами того не замечая, перенимали его выражения, его манеры». Это и оценка неординарности мышления ученого: «У него был талант извлечения смысла, он умел соединить частные и, казалось бы, разрозненные вещи... Ему помогала замечательная память. Память – это не талант, но талант, обладая памятью, успевает во много раз больше». Наконец, это чрезвычайно меткое наблюдение Д. Гранина за окружением его героя, «Зубра»-Ресовского, – видные светила науки, биологи, – о котором он пишет следующим образом: «По ним мерили порядочность, их боялись, что они скажут. Настоящего, постоянно действующего общественного мнения не доставало, не было того, что называется обществом, научной средой, которая определяла бы нравственные критерии, осуждала бы тако-го-то за плагиат, за эксплуатацию учеников, за бесчестные поступки, хвалила бы за гражданскую смелость, за порядочность. Общественное мнение заменяли отдельные ученые, в которых счастливо соединялся нравственный и научный авторитет. Но, как говорится, дни их угасали, великаны отходили во тьму, никто их места не замещал, по крайней мере, так казалось... Их правила чести становились слишком трудными, поэтому их называли старомодными, они уходили в легенду, пророки, рыцари истины, хранители чести».

Очевидно, что все процитированные слова написаны и по другому поводу, и о другом человеке, специалисте в иной области знания. На первый взгляд, может показаться, что к отцу они не имеют отношения, тем более,

что с ним Д. Гранина вообще никогда не сводила судьба. Но убежден, не найдется ни одного знавшего С. В., кто в процитированных строках не узнает знакомую его натуру! Мне думается, что Д. Гранин в своих характеристиках личности «Зубра», возможно, и не вполне осознанно, уловил и сформулировал основные типологические черты незаурядных молодых деятелей российской научной интеллигенции советской эпохи, вышедших из еще предреволюционной эпохи, получивших добротную гимназическую выучку и воспитание, представляющих один культурный уровень, один, если угодно, нравственный кодекс. Далее уже можно было становиться биологом-генетиком, подобно Тимофееву-Ресовскому, либо гуманитарием – юристом, лингвистом, историком, как отец, но, в конце концов, все это было – делом прикладным, наживным. (Между прочим, отец в университете не получил никакого специального исторического образования). В те уже далекие, первые годы нашего университета не было там столь узкой профессиональной дифференциации, как ныне. Зато основополагающей была общая культурная основа с интегрирующими широкими подходами и принципами, универсальным (воистину университетским!) воззрением на окружающую действительность и еще проявлениями какого-то общего гуманистического отношения к жизни, к своему делу, к коллегам и к ученикам. Именно в этом-то, по моему убеждению, и коренится то типологическое сходство, которое роднит отца с «Зубром». Отсюда берут свое начало творческая самобытность и самоотверженность, глубокая эрудиция, высокое общественное самосознание каждого из них.

Безусловно, С. В. сам по себе был яркой индивидуальностью, во многих проявлениях неповторимой, уникальной. О его педагогическом даре, ярких способностях лектора, оратора говорит каждый, кто учился у него. И это особая тема для мемуарного очерка. Скажу прямо, что мною самим в юношескую пору этот наш иркутский «Зубр» внутренне (я, конечно, никогда об этом вслух не говорил) воспринимался немножко сродни энциклопедистам XVIII столетия или деятелям Ренессанса. Ведь чего ни коснись, он все знал и все умел, и не как-нибудь там абы как, а со вкусом и, я бы даже сказал, с подлинным артистизмом! Несомненно, это был особый талант, Дар Божий.

Приведу лишь пару примеров, врезавшихся в память еще с детских лет. Если не ошибаюсь, это было в 1955 г. Ряд лет подряд родители проводили вместе со мной летний отпуск на Рижском взморье, которое мы все очень полюбили. А возвращались мы домой через Москву. И вот как раз в Москве, в Музее изящных искусств, проходила выставка реставрированных художественных сокровищ Дрезденской галереи перед их окончательным возвращением Германии (ГДР). Ажиотаж был необыкновенный, толпы страждущих, но отец каким-то образом сумел договориться с музейным начальством, и нас пропустили в пору технического перерыва, когда в музее отсутствовало обязательное для группового посещения выставки обслуживание экскурсоводов. С. В. в полной мере проявил себя там. Со свойственной ему энергией он буквально на бегу сориентировался в экспозиции и тут же начал свои пояснения мне и маме, подводя нас к наиболее значимым, по его мнению,

полотнам и давая подробные пояснения о их авторах, художественных стилях, ими представленных, содержании сюжетов, их трактовках. «Смотри и запоминай на всю жизнь, – говорил он мне при этом. – Когда-нибудь будешь своим детям рассказывать, что видел все эти подлинные сокровища мирового искусства, «Сикстинскую Мадонну» и другие, у нас, в Москве».

Неожиданно с огромным удивлением мы обнаружили, что оказались окружены толпой одиночных посетителей, в поисках информации «примкнувших» к темпераментному экскурсоводу и явно заинтригованных его нестандартной лекцией. Отцу начали задавать разные вопросы по теме выставки, на которые он содержательно и емко отвечал. Закончилось все дело тем, чем нередко завершаются официально организованные музейные экскурсии. Признательная группа вознамерилась оставить в музейной книге посещений свою благодарность любезному и эрудированному сотруднику музея, который, невзирая на свою занятость, так превосходно провел для них «внеплановую» экскурсию. Тут-то и выяснилось, что никакой это не музейный служащий. Помнится, что появившийся под конец представитель музейной дирекции поблагодарил отца за помощь и даже пригласил приходить снова. «В следующий раз, – пообещал он, – мы Вам выдадим служебный пропуск, как специалисту». Но так сложилось, что больше с отцом в этом музее я уже никогда не оказывался, хотя позднее бывал там неоднократно. При этом при каждом новом посещении припоминалась мне эта история.

Другой эпизод каждый раз вспоминается мне в связи с посещением нашего иркутского рынка, где во времена моего детства было много торгующих овощами китайцев. Помнится, не было случая, когда бы они не приветствовали отца как своего доброго знакомого, всегда по-китайски. И он всегда заводил с ними беседу на китайском о разных житейских проблемах к общему удовлетворению всех собеседников, как я мог ребенком судить по их мимике и интонациям.... Ведь отец был китаистом по одному из своих образований, глубоко знал, я бы даже сказал, «чувствовал» специфику этой страны, любил ее, хотя, так уж сложилась судьба, что он не сумел там побывать ни разу. Как специалист в данном направлении он остался во многом невостребованным (конечно, за исключением преподавания курсов истории и культуры Китая и стран Востока в целом).

Я вообще считаю, что у него были незаурядные лингвистические способности, но он не стал в обычном понимании филологом или лингвистом, жизнь распорядилась по-другому. Однако всегда к проблемам языкознания С. В. испытывал живейший интерес (даже к русскому, хотя специально и не занимался им, естественно), поскольку у него была большая языковая база: знание по крайней мере трех основных европейских языков (французского, английского и немецкого) и двух классических (латинского и греческого) плюс китайский и японский. Безусловно, это являлось серьезной основой для него, чтобы дальше плодотворно работать в науке, образовании и культуре.

Конечно же, С. В. был многогранен и талантлив во многих направлениях деятельности, которыми занимался. Юрист-международник, специалист по административному и хозяйственному праву, востоковед, историк-антич-

ник, исследователь в области истории международных отношений в эпоху нового и новейшего времени, не чуждый проблематике российско-польских отношений, истории Сибири, практических вопросов охраны памятников истории. Многолетний организатор и руководитель кафедры всеобщей истории на историческом факультете Иркутского университета, он параллельно энергично работал и над воссозданием юридического факультета ИГУ. Также вел он преподавательскую работу по меньшей мере еще в пяти других высших учебных заведениях Иркутска. Многие из этих страниц его биографии ныне во многом забыты, и сведения о них еще предстоит отыскать, в том числе и воссоздать по мемуарным свидетельствам.

Особый раздел биографии С. В. – его научно-исследовательская деятельность. Здесь следовало бы сказать о возвращении из небытия многих его рукописей, так и не увидевших света по многим причинам тогдашней конъюнктуры, от С. В. абсолютно не зависевшим. Достаточно привести лишь один пример. Свою последнюю монографию – оригинальную работу по истории патриархальной семьи в Древней Греции, «Сказание о Пелопилах», – отец опубликовал на собственные деньги, ибо университетская администрация не нашла на ее издание средств. Все это происходило в середине 1970-х гг., в разгар эпохи «застоя», и было для того времени совершенно уникальным явлением. Сумма вылилась для С. В. примерно в стоимость автомашины. При этом работу ему все равно пришлось существенно сокращать, и С. В. переживал, конечно, насчет каждой урезанной строки, страницы. Это к вопросу об эпохе, как все это делалось. Мы говорим, что сейчас нет денег на издание научных работ. Тогда они у государственных учреждений как бы были, по крайней мере закладывались в какие-то там планы, но в реальности находились для одних, конъюнктурно поощряемых авторов и их трудов, для других же – нет.

Многолетняя работа С. В. председателем Совета по присуждению ученых степеней по исторической специальности также могла бы получить отражение в памяти тех, с кем и для кого она осуществлялась С. В.

С. В. всегда был по натуре своей общественником, патриотом, гражданином в лучшем смысле этого слова своего коллектива, города, края. Данная тема поистине неисчерпаема и также нуждается в мемуарной фиксации. Здесь особенно ярко проявлялись качества гражданской смелости и независимости отца. Он вечно вступался за разного рода «правые», в его понимании, проблемы, хотя они часто и не были вовсе делами его компетенции, если походить к ним с формальной, бюрократической позиции.

Здесь надо напомнить, что отец был в Иркутске едва ли не единственным такого ранга беспартийным ученым и педагогом. Зачастую только его моральный авторитет в сочетании с дипломатической гибкостью и тактом, а также замечательными качествами блистательного полемиста и безукоризненного логика способствовали решению дела. Все это, конечно же, происходило на фоне того, что определенная ортодоксальная среда партократии отнюдь не одаривала его симпатиями, рассматривая всего лишь как рафинированного, «лояльного» интеллигента «без партпринадлежности», как, впрочем, и он платил ей той же монетой.

У меня в памяти хранятся многочисленные примеры гражданской позиции С. В. Моральная борьба за «правое дело» была вечным кредо отца, ориентиром, которому я сам, даже в чем-то подсознательно, неизменно следую в меру своих возможностей. При этом мне всегда вспоминается та поговорка, которую отец любил повторять: «Вода точит камень, не силой, но частотою падения». Он считал, что если какая-то цель поставлена, то надо ее добиваться, а не складывать руки. Хорошо помню, какую бурю негодования неизменно вызывали у С. В. проявления трусливо-равнодушного филистерства, оглядки на мнение «сверху», с которыми ему сплошь и рядом приходилось сталкиваться в повседневной реальности, в том числе и в среде коллег по Альма-матер. Отец, возмущаясь этим, в сердцах часто повторял ставшую для него нарицательной фразу человека, занимавшего высокие посты в ректорате и по старому дружескому обыкновению обращавшегося к нему по имени: «Сережа, ну зачем это делать, ведь нам все равно откажут». Отец говорил: «Это вечная позиция тех, кто не хочет ничего делать. А надо все равно пробивать, несмотря ни на что. Потому что откажут раз, откажут два, а на третий раз, возможно, и не откажут».

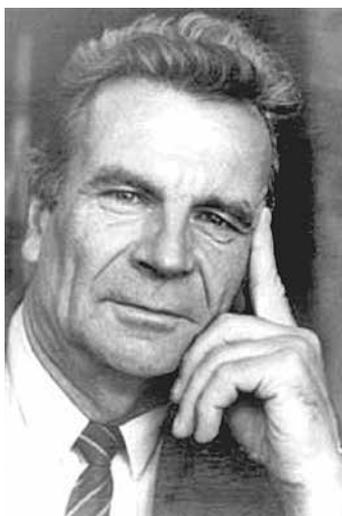
Как я полагаю, данная тема – верности своим принципам, настойчивости и терпения в отстаивании их – в современных наших условиях оказывается весьма актуальной, требует особенно тщательной мемуарной и аналитической проработки. Вероятно, она могла бы стать проблемой специального научного исследования, послужить серьезным «уроком жизни» для молодого поколения.

В заключение не могу не сказать еще об одной, на мой взгляд, важной и давно уже назревшей проблеме. Вскоре после кончины С. В. Шостаковича наша кафедра приняла решение проводить «Чтения», ему посвященные. С той поры, однако, этот замысел так и остался на бумаге. Полагаю, что такие «Чтения памяти С. В. Шостаковича» нам во всех отношениях необходимы. Отнюдь не для каких-то парадных речей, но для собственного саморазвития, для воспитания идущей за нами студенческой молодежи. Она ведь действительно многого из прошлого нашей Альма-матер и об учителях наших не знает, и это совсем не ее вина, а наша. «Чтения» могли бы сделать хорошо узнаваемой личность С. В. Шостаковича для молодых историков, знакомить их с историей в целом кафедры мировой истории и исторического факультета, у истоков которых также стоял С. В., и, таким образом, приблизить наши традиции к современному студенчеству, сделать их по-настоящему живыми. Можно также было бы обмениваться информацией, проводить дискуссии по традиционным научным направлениям, заложенным С. В., привлекать к ним внимание представителей общественности, прессы, администрации и так далее. Вот для чего необходимы нам эти «Чтения»! Я страшно не люблю красивых слов, но как здесь не сказать, что нашим моральным и профессиональным долгом является сохранение и развитие того, что оставили нам наши учителя и один из первых среди них – С. В. Шостакович.

Источник: Известия ИГУ. Серия «История». 2009. № 1. С. 261-267.

А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин

Рядом с учителем и другом. К 80-летию со дня рождения Н. Н. Щербакова

Н. Н. Щербаков

Мы живем в постоянно изменяющемся мире. Повседневные явления окружают нас. Они малозаметны в своей привычности, но играют огромную роль в познании мира и человека. Повседневность первична, безусловна для всех людей, везде и всегда. Но она неоднородна, неодинакова по содержанию и назначению. В представленном очерке авторы через повседневную жизнь своего учителя и друга попытались раскрыть некоторые стороны личности профессора Н. Н. Щербакова и по-новому осмыслить недалекое прошлое.

Мои (С. И. Кузнецов) сугубо субъективные воспоминания о Николае Николаевиче Щербакове касаются нескольких периодов – конец 60-х годов, когда он впервые появился у нас дома, 70-е годы, когда я встречал его в университете, будучи уже студентом истфака, и, наконец, 90-е – начало 2000-х годов, когда мы уже были коллегами. Иногда мы не виделись месяцами и даже годами, иногда наши встречи были ежедневными.

В доме моего отца И. И. Кузнецова – тогда доцента кафедры истории СССР Иркутского университета – Н. Н. Щербаков стал появляться в конце 60-х годов. Как я теперь понимаю, он завершал кандидатскую диссертацию и активно обсуждал все, что с этим было связано, с историками старшего поколения. Было тогда моему отцу и неизменному участнику их деловых и застольных бесед В. Т. Агалакову чуть за сорок, 30-летний Щербаков был для них, умудренных опытом доцентов, «молодежью». К слову сказать, звание доцента в те годы «стоило» гораздо больше, нежели сейчас, и давалось совсем нелегко. Профессоров были единицы, и они казались настоящими небожителями. Разумеется, мне все их тогдашние разговоры, в силу возраста, были малоинтересны, но что-то в память запало – детская память

цепкая. Что-то я домыслил гораздо позднее, сопоставив воспоминания с более поздними разговорами с самим Щербаковым.

Архивы, знание фондов, вот что они ценили превыше всего. И действительно, настоящий историк в те времена искал ответы на вопросы исключительно в архиве. Доскональное знание историографии подразумевалось само собой, это была азбука. Не было интернета с его готовыми ответами на любой вопрос, только архив! А тех, кто за главный источник почитал «КПСС в резолюциях», и в те времена не особо уважали. Особо ценились, разумеется, сведения, извлеченные из фондов, недоступных для широкой публики. Мой отец имел прочные связи в Министерстве обороны – с архивами ему помогал сам начальник Главного управления кадров Министерства обороны, а позже командующий Московским военным округом генерал А. П. Белобородов. В. Т. Агалаков нашел путь к немногим уцелевшим деятелям революционного движения в Сибири и их родственникам. Н. Н. Щербаков полагался на собственные силы, природное обаяние, коммуникабельность. Он прекрасно находил общий язык с любым. Это меня удивляло и впоследствии – в одной компании с ним можно было встретить кого угодно: и военных, и сотрудников правоохранительных органов, и простых работяг. Никто не чувствовал себя инородным телом, со всеми он находил общие темы и разговаривал всегда на равных.

Во время одного из таких «заседаний» у нас дома отец подарил Н. Н. Щербакову изрядно потрепанное 30-томное третье издание собрания сочинений В. И. Ленина. То самое, в красном тряпичном переплете, с черным профилем Ильича на обложке и римскими цифрами на корешке издание 1925–1932 гг. У специалистов оно очень ценилось не только тем, что его редактировал и написал предисловие «враг народа» Л. Каменев. Считалось, что в нем еще не было тех купюр, что появились в последующих изданиях, к тому же имелись замечательные, исчезнувшие впоследствии комментарии. Современному читателю стоит пояснить, что для цитирования классиков – неперемного условия работы любого историка и обществоведа того времени – это издание было уже непригодно. Цитировать полагалось по четвертому, а позднее – по пятому изданию сочинений вождя. Николай Николаевич сложил все эти тридцать книжек в огромную авоську и унес, взвалив на плечо. Собеседники его иронично напутствовали, намекая, что «мужик не Блюхера и не милорда глупого с базара уносил». Надо сказать, что все трое – И. И. Кузнецов, В. Т. Агалаков и Н. Н. Щербаков – обладали отменным чувством юмора, прекрасно понимали шутку и розыгрыш. Часто их разговоры прерывались богатырским хохотом.

В 1973 г. я поступил на истфак Иркутского университета и в 1976 г. на четвертом курсе встретился с Николаем Николаевичем, который читал у нас курс русской историографии. Лектор он был прекрасный – особый, мужественный тембр голоса, прекрасная образная, литературная речь. В те не очень, надо сказать, частые случаи, когда я оказывался на его лекции, слушал его всегда с удовольствием. Настало время экзамена. Лекции я особо не писал и спросил отца, что бы такое почитать по этому «хитрому» предмету.

Он мне кивнул на книгу Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» 1941 г. издания. Прочитал ее легко, можно сказать, с удовольствием. Когда на экзамене я сказал Николаю Николаевичу, что готовился по Рубинштейну, он без долгих разговоров вывел в зачетке «отлично». Правда, не преминул сказать, что сдавал этот же предмет И. И. Кузнецову два или три раза. На что я нахально заявил – «Так готовиться лучше надо было, Николай Николаевич!» Он только крякнул в ответ.

С 1982 г. я работаю на историческом факультете. В те годы мы с Николаем Николаевичем тесно не общались – у меня был свой круг молодых аспирантов и преподавателей. Виделись с ним только летом в ходе приемной кампании. Он часто выполнял обязанности председателя предметной комиссии по истории и привлекал меня в качестве экзаменатора. Иногда доводилось принимать экзамены в паре с ним. И это тоже была для меня хорошая школа.

Он сам, да и его окружение, были старше нас на 20, а то и больше лет, и общего у нас, конечно, в то время было, прямо скажем, мало. Его друзья, с которыми мы неизменно встречали Николая Николаевича в те годы, – Н. К. Струк, В. В. Яровой, С. Ф. Хроленок. Иногда в их кампании оказывался Б. Д. Пак, но, по ряду причин, регулярного общения у них не получалось. С В. В. Яровым у Щербакова нередко случались довольно жесткие споры, порой выходящие за рамки академических дискуссий, собеседники горячились, иногда даже чересчур. Но проходило несколько дней, и их опять можно было видеть вместе. Несколько подчиненное положение в этой компании занимал Н. К. Струк. В его адрес Щербаков отпускал иногда довольно грубоватые шутки. Тот же отвечал искренней и неизменной привязанностью к «шефу», как он почему-то называл Николая Николаевича.

Наши контакты с Николаем Николаевичем стали регулярными в 90-е годы. После моей защиты докторской диссертации я был включен и в состав диссертационного совета Иркутского госуниверситета, председателем которого после Б. С. Санжиева стал Николай Николаевич. Я также был включен в состав диссертационного совета Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ СО РАН) в Улан-Удэ, где мы оба представляли Иркутск. Иркутским советом Щербаков управлял решительно, был у него талант руководителя, может быть, от военного прошлого? Был авторитет и, как сейчас говорят, особая харизма. Его почти ежедневно можно было встретить на кафедре, куда после обеда обыкновенно собирался круг его близких друзей и коллег, приходили защитившиеся в совете историки или жаждущие получить ученую степень. Разговоры обо всем на свете тянулись бесконечно, люди приходили и уходили, неизменен был лишь Николай Николаевич, и его слово здесь всегда было авторитетным и решающим. Диссертационный совет был своеобразным стержнем исторического сообщества не только Иркутска, но и Бурятии. В него традиционно входили профессора из Улан-Удэ – Б. Б. Батуев, Ш. Б. Чимитдоржиев, Е. Е. Тармаханов, М. Н. Халбаев. В иркутском Совете защитились будущий академик

Б. В. Базаров, профессор Л. В. Курас, которые позднее открыли и возглавили диссертационный Совет в ИМБТ.

Творческое сотрудничество и дружеские связи с историками Бурятии были очень важны для Н. Н. Щербакова. Наши поездки в Улан-Удэ на очередное заседание Совета были целыми эпопеями бесконечных встреч и дружеского общения, которые стойко выдерживал только Николай Николаевич. Вечером после защит в его комнате в гостинице (мы иронично называли ее «штабной номер») яблоку негде было упасть. Слушателей здесь не было, одни ораторы. При этом все безбожно курили. Это не были праздные разговоры, но иногда и глубокие исторические дискуссии, обсуждались и координировались темы и защиты будущих диссертаций, определялись оппоненты и ведущие организации. Иногда казалось, что Николай Николаевич все это делает в ущерб себе, не зря же древние говорили *Amici fuges temporis* – «Друзья – похитители времени». Как бы то ни было, свою школу он вырастил, а сколько соискателей должны быть благодарны ему за совет и поддержку, и не сосчитать. Одна из наших с ним последних встреч была как раз в Улан-Удэ поздней осенью 2004 г. Он был уже болен, с трудом выдерживал многочасовые защиты. Но даже мысли не возникало, что корни его могучего организма уже подрублены. Давно уже нет на свете Н. Н. Щербакова, а лет-то ему исполнилось бы сейчас всего лишь 80.

Десять лет прошло, как по горячим следам, после безвременной кончины Николая Николаевича Щербакова (1937–2005), вышла наша книга воспоминаний (Н. Н. Щербаков: ученый и педагог / под ред. Ю. А. Петрушина. Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2007. 179 с. Соавт.: Б. В. Базаров, Ю. А. Зуляр, Л. В. Курас и др.). Сегодня многое (А. А. Иванов), описанное в той работе, кажется не таким – не столь важным, недостаточно характерным для нашего героя, может быть, где-то и несколько надуманным. Многие события, связанные с именем Н. Н., оцениваются сегодня иначе, и это вполне нормально, ведь и то время, и мы, авторы, были другими. А главное, у нас за этот срок выработались другие критерии ценности, оценки тех, кто рядом. Постепенно, на мой взгляд, к нам пришло понимание того, что не только своими трудами славен историк, но, в не меньшей степени, и своими человеческими чертами. И не статьи вспоминаются, когда в очередной раз провожаешь кого-то в последний путь, а его отношение к простым и непреходящим вещам – дружбе, порядочности, честности, взаимопомощи.

Со временем глянец воспоминаний о Н. Н. Щербакове потускнел, зато сам образ стал понятнее и ближе (ведь и мы стали старше), стали объяснимы многие его поступки, отдельные слова, черты характера. Стало понятным, что этот человек не укладывается в дилемму «плохой – хороший», что есть в нем (как и в любом из нас) свои «темные и светлые стороны», которые неизменно уживаются и чередуются друг с другом в зависимости от многих, как хорошо видимых, так и неизвестных обстоятельств. Попробую здесь рассказать о некоторых чертах характера Н. Н. с позиций прошедших лет, изменивших, прежде всего, нас и наши суждения.

Летние «маевки». Н. Н. был, безусловно, притягательной личностью. Видя его открытость, доступность, жизнерадостность, к нему тянулись люди самых различных профессий и социальных слоев. При нем на кафедре в постоянной практике были «маевки» по случаю окончания учебного года. Обычно их проводили где-то в окрестностях Иркутска – на берегу залива или у кого-либо на даче. «Профсоюз» собирал со всех участников какие-то деньги, однако Н. Н. помимо этого неизменно приносил с собой чуть ли не полный рюкзак всевозможных домашних заготовок и с гордостью рассказывал тонкости своего фирменного приготовления. Это был своеобразный ритуал, который приносил ему видимое удовольствие. Он и наукой занимался с удовольствием, а не было соответствующего настроения, так находил себе другие дела.

Как правило, к коллективу кафедры присоединялось еще два-три близких друга Николая Николаевича, и в их числе неизменно Николай Кириллович Струк. На маевки эти выезжала добрая половина состава кафедры, в большей степени – молодежь. Те, кто был на таких выездах впервые, с удивлением могли заметить, насколько быстро преобразался Николай Николаевич. Казалось, он становился выше, шире в плечах, движения приобретали легкость и размах. Он всегда был в центре нашей кафедральной компании, много и тонко шутил, интересно рассказывал анекдоты из жизни коллег-историков – такие небольшие «баечки» с поучительным концом, первым разительно и открыто смеялся.

На таких «маевках» старшие коллеги неизменно переходили на «ты», называя друг друга исключительно по имени. Общий разговор всегда вращался вокруг истории как профессии, а также «житейских» тем – рыбалка на леща (обычно лещ, пойманный и завяленный лично Н. Н., находился в центре стола), грибная охота, заготовка орехов, урожай на приусадебном участке, поездки на отдых. Говорить о лекциях и семинарах было здесь не принято, и если кто-то из молодых «сворачивал» в эту сторону, начиная «о наболевшем», на него смотрели осуждающе. Алкоголя выпивалось не много и не мало, в основном молодым поколением, при этом я никогда не видел Н. Н., что называется, «в подпитии». Вообще, рюмка для «стариков» была всегда лишь сопутствующим началом, приглашением к длинному, оживленному и интересному разговору.

Во второй половине застолья Н. Н., после непродолжительных уговоров, начинал петь. У него был сильный, красивый голос, насколько понимаю, тенор, а репертуар состоял из русских и украинских песен. Особенно хорошо ему удавалась песня о рушнике (так и не поворачивается рука написать «о полотенце»). Замечательные слова этой песни Н. Н. всегда исполнял проникновенно, видно было, как он буквально «погружался» в этот образ. Впечатление – незабываемое до сих пор, у многих, особенно женщин, всегда в глазах стояли слезы:

*«Рідна мати моя, ти ночей недоспала,
І водила мене у поля край села,
І в дорогу далеку, ти мене на зорі провозжала,*

*І рушник вишиваний на щастя дала.
І в дорогу далеку, ти мене на зорі провожала,
І рушник вишиваний на щастя, на долю дала...»*

И опять же здесь, на этих «маевках», нередко проявлялся сложный и непростой характер Н. Н. Щербакова: когда ему было нужно, застольные шутки переставали быть безобидными и перерастали в этакую проверку – «свой» ли человек сидит за столом или чужой, случайный. В этом случае, рассказав очередную историю, Н. Н. внимательно поглядывал из-под кустистых бровей, насколько искренне и непринужденно реагирует испытуемый, от души или нет смеется его «баечке». Он мог начать подшучивать над человеком, которого за что-то не уважал – сначала незлобиво, а затем все жестче. Попасть ему «на язык» в такие минуты было попросту страшно.

Однажды такую «проверку» (в весьма легкой форме) Н. Н. между делом устроил и мне. Придя как-то на кафедру и застав компанию нескольких его друзей, я не сразу проявил интерес к общему оживленному разговору, откровенно сел в стороне, занятый своими мыслями. Неожиданно Н. Н. встал из-за стола, подошел ко мне и возбужденно, со смехом, громко произнес: «Мы как раз говорим обо мне, мол, я, как бедный узбек, имею в этой жизни только трех жен – и больше ничего». И засмеялся, пристально глядя на меня. Шутка, действительно, была с подтекстом: Н. Н. был трижды женат, всякий раз оставляя супруге все, что у него было. Я улыбнулся, сказал, что все еще впереди, и как знать, насколько он может еще увеличить этот счет и стать богаче. Ответ понравился, Н. Н. искренне рассмеялся.

Я не был «своим» в кругу друзей Николая Николаевича, однако неоднократно испытывал его крепкую товарищескую поддержку. К примеру, в конце 1990-х ректорат, выполняя чьи-то мудрые указания, обязал кафедры общественных наук сократить численность преподавателей. В качестве кандидата «под нож» была названа и моя фамилия с просто железным обоснованием – для Иванова, мол, сокращение пройдет наименее болезненно, ведь у него есть свое дело... Я точно знаю, что Н. Н. ходил на второй этаж и крепко ругался там, не сдерживая голоса и слов: «закрывают тогда вообще кафедру, если так относитесь ко мне и молодежи...».

Вокруг совета и не только. Не будет большим преувеличением сказать, что наш диссертационный совет был любимым детищем Н. Н. Щербакова. Вокруг него, а не кафедральных забот, разворачивались главные события последних лет жизни этого человека. В эту орбиту был вовлечен и я. На этих страницах приведу лишь один случай, характеризующий Н. Н. как руководителя совета и тонкого психолога. У него был действительно педагогический дар, однако проявлялся он весьма специфически, во всяком случае, со мной.

В 1995 г. ученый секретарь нашего диссертационного совета профессор Е. В. Алтунин попросил освободить его от этой тяжелой ноши, и, с подачи и рекомендации Н. Н., высшей аттестационной комиссией в этой должности был утвержден я, тогда кандидат наук. Время быстро бежит, и в течение

1995–2000-х годов несколько раз Н. Н. спрашивал меня, когда я допишу свою научную работу и представлю докторскую диссертацию, но я как-то отделялся туманными обещаниями, ссылаясь на большую нагрузку на кафедре и в диссовете. Н. Н. неизменно урезонивал, мол, надо все успевать, пока молодой, давай, догоняй. Неизвестно, сколь долго продолжалась бы эта ситуация, если бы однажды, на очередном заседании совета, когда уже прошло представление квалификационных работ на следующую сессию, Н. Н. встал и сказал: «Наш совет на хорошем счету в ВАКе, за много лет мы не получали ни одной рекламации... Вы, конечно же, знаете, что в совете 17 человек, докторов – 16, кандидатов наук – один, и это, безусловно, большой минус нашему совету, это тянет нас назад». Н. Н. даже не глянул в мою сторону, но всем, и мне в первую очередь, было понятно, о ком идет речь.

У меня внутри что-то замерло и перевернулось, сердце сдавила жестокая обида. Ведь работа ученого секретаря была и остается сугубо общественной, отнимающей массу времени, сил, труда. Она неблагодарна и незаметна, постоянно связана с большим количеством бумаг, которые должны быть правильно и своевременно оформлены. К тому же это большая ответственность. При этом малейшие недочеты в отправке и оформлении документов не ускользали от всевидящего ока нашего ваковского куратора – М. И. – дамы по-московски заносчивой и ядовитой, несколько раз устраивавшей мне по телефону разносы в худшем духе партийных и советских времен. Одним словом, ничего кроме проблем должность ученого секретаря мне не приносила.

А тут еще такие слова, сказанные публично, при всех. Пришел домой, полночи не спал, все не мог успокоиться, а утром написал на имя председателя диссовета заявление с просьбой освободить меня от этой работы. Положил бумажный лист в «дипломат» и поехал во второй корпус. Застал Н. Н. в несколько приподнятом (конечно, не без помощи рюмочки) состоянии человека, совершившего накануне большое дело и наконец-то скинувшего с себя тяжелую ношу. Он благодушно восседал за рабочим столом, в своем темно-бордовом, изрядно потертом кресле, хорошо известном каждому члену кафедры. «А-а, Саша, проходи, садись», – сказал он одобрительно-поощрительно, протягивая руку и по обыкновению салютуя бровями.

Щербаков был наблюдательным человеком и по моему решительному и, наверное, несколько запальчивому виду, понял, что я не в своей тарелке. Безошибочно догадавшись, о чем и о ком сейчас пойдет разговор, Н. Н. быстро и искусно перехватил у меня инициативу и стал рассказывать о трудностях в руководстве советом, об отсутствии взаимопонимания среди его членов и имеющихся «подводных течениях», а под конец речи весьма доверительно поведал о своих планах на омоложение состава совета, при этом совершенно серьезно несколько раз спросил мое мнение о том или ином нашем коллеге-историке.

Стена моей решимости быстро дала глубокую трещину, обида уходила все дальше и дальше, соответственно делаясь все меньше и незаметнее, превращаясь в едва различимую песчинку. Принимая все за чистую монету,

я с умным и важным видом слушал, значительно поддакивал, осторожно выражал и высказывал свое мнение. В завершение разговора Н. Н. заговорил об обновленном сборнике «Сибирская ссылка», своих редакторских планах, сказав, что рассчитывает, в общем-то, «только на меня» – и на мое активное участие как автора-исследователя, и на поддержку как издателя, могущего позволить себе прокредитовать хорошее и нужное дело очередного выпуска.

Через час я спустился по лестнице второго корпуса совершенно другим человеком. Заявление было забыто, захваченный планами Н. Н., окрыленный его доверием и расположением, я здесь же решил завершить работу над диссертацией, даже наметил себе рубежи – первая глава тогда-то, затем вторая... Удивительно, но этого запала действительно хватило: в 2002 г. в Улан-Удэ я защитился, оформил необходимые документы, вернулся в Иркутск, зашел на кафедру и тут услышал от Н. В. Кукош, нашего бессменного лаборанта и помощника Н. Н.: «Вот видишь, не разозли тебя тогда Николай Николаевич прямо на заседании диссовета, глядишь, и не сдвинулось бы дело с мертвой точки». – «Так это что, специально он значит?» – застрял в горле вопрос. – «А ты как думал, конечно!»

Последний раз я видел Н. Н. 19 апреля 2005 года, за два дня до смерти. В этот день мы с В. З. Аршинским и Н. В. Кукош пришли к нему домой, чтобы обсудить предстоящее 21 апреля заседание диссертационного совета. Н. Н. был измучен своей болезнью, но старался не подавать виду, сам накрыл на стол, выставил омуль собственного посола, пытался шутить по поводу своей немощи и невозможности выпить с нами «под рыбку» рюмку-другую. Разговор часто прерывался, Н. Н. выходил в другую комнату, болезненно там откашливался, потом вовсе прилег на диван. Он чувствовал себя все хуже, но как за спасительную соломинку держался за проблемы, которые мы с собой принесли. Под конец разговора наши взгляды встретились, в глазах Н.Н. стояли слезы, как некогда во время пения о любимых рушниках.

*Слыть другом – ничего нет легче,
Быть другом – ничего нет реже.*

Лафонтен

Наша первая встреча, студентов первого курса исторического факультета, с Н. Н. Щербаковым (Ю. А. Петрушин) состоялась в начале сентября 1971 г. Он тогда пребывал в возрасте Иисуса Христа. Высокий, статный, одетый по-молодежной моде того времени, доцент, с прекрасной дикцией, он сразу покорила сердца и души студенческой аудитории оригинальным началом лекции, произнеся фразу: «Начнем со стиха...» Признаюсь, что сам иногда пользуюсь этим методическим приемом в студенческой аудитории.

К слову, Николай Николаевич обладал хорошей памятью, знал немало стихов, любил в узком кругу подолгу декламировать стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Щапова. Лирические строки из литературной классики

он нередко вставлял в свои научные исследования, придавая им образность и особый шарм. Сейчас это называют «научная поэтика». Неслучайно главной темой его научных изысканий по докторской диссертации стала проблема влияния ссыльных революционеров на культурную жизнь Сибири. Свою монографию Н. Н. посвятил героям первой русской революции, связавшим свою судьбу с сибирским краем.

Вполне закономерно, что Н. Н. Щербаков «открыл» для широкого круга научной общественности один из излюбленных жанров литературы политических ссыльных – поэзию. По его подсчетам, политические ссыльные оставили общественности более 300 лирических и сатирических произведений, сонетов, эпиграмм и различного рода посвящений. Они, по словам Н. Н. Щербакова, отражают внутренний мир политических каторжан: душевные переживания, стремление к свободе и борьбе, неумную жажду жизни. В фундаментальной монографии (1984 г.) Николай Николаевич приводит высказывание Е. А. Трифонова (Бражнева), который создал поэтический образ узника, не согнувшегося под тяжестью репрессий: «Если б счастье, да удачу, если б волю мне! Я сыскал бы, что мне нужно, в дальней стороне!». Вдумчивый исследователь нащупал, пожалуй, самую болевую и в то же время оптимистическую точку художественного творчества политических ссыльных – жажду свободы.

Жажда жизни, оптимизм, свобода, радость творчества были присущи личности Н. Н. Не потому ли не сложилась его военная карьера?! Николая Николаевича «теснили рамки» военных уставов и корабельного кубрика, хотя военные команды иногда шутливо звучали в его голосе. Бывая с ним в командировках, рано утром в купе поезда приходилось слышать, как он вдруг подавал нам четким голосом команду: «Вставать! Койки вязать! За-втракать!»

Свободолюбие и жизненный оптимизм он унаследовал от своих родителей, пронес через всю свою жизнь и научное творчество, найдя «соратников» в среде политических ссыльных.

Будучи атеистом по натуре, всегда веря в силу науки, он чтит библейские заповеди. Прежде всего, он чтит родителей, заботился о матери, регулярно посещал могилу отца в Краснодарском крае, помогал ближним и страждущим в научном творчестве, умел разделить печаль и горе с близкими, не впадал в уныние до последних дней жизни.

Городской быт, как узкие улицы для большого транспорта, стеснял его широкую натуру. Было заметно, что Николай Николаевич с нетерпением ждал весны, как новой любви.

С апреля по октябрь его жизненный уклад менялся. Во-первых, открывался дачный сезон. Дача в жизни Николая Николаевича играла особую роль. Здесь, на земле, он проводил много свободного времени, постоянно занимался строительством, «огородничал», встречался с друзьями по историческому цеху. Как всегда, с размахом на его большом участке силами друзей был возведен основательный дом с печью, который он по русскому обычаю называл «хатой». Но основное время с друзьями проводил «на

воздусях», под большим навесом. Здесь был оборудован большой верстачный стол с самодельными лавками, за который усаживались человек 5-7, заезжавших на «огонек к Щербакову». Николай Николаевич всегда готовил обед лично на костре в большом 12-литровом котле и огромном чайнике, называя себя «костровым». Обед и чай имели удивительный, с дымком, вкус. Но особенно «посиделки» запомнились интересными размышлениями об истории. Николай Николаевич был внимательным и терпеливым слушателем и прекрасным рассказчиком. Он следил за основными новинками в мире истории (выписывал толстые журналы), был в курсе всех общественно-политических событий в стране и мире. Он любил точными выводами «алаверды» завершать обсуждаемые темы. Нередко опирался на мнения своих учителей С. В. Шостаковича, Ф. А. Кудрявцева, Б. С. Санжиева, В. Т. Агалакова, И. И. Кузнецова, труды которых он высоко ценил. Пожалуй, особенно ценным был в рассказах Николая Николаевича профессиональный анализ творчества ученых-историков университета, на который мы опираемся и сегодня. Мы узнавали много нового из истории факультета (он бывал в археологических экспедициях, владел закрытой информацией из архивов, лично знал многих преподавателей довоенной поры).

Во-вторых, в сентябре Н. Н. устремлялся в тайгу. Охота и собирательство были его стихией. Он облачался в военную защитную форму, подвешивал охотничий нож и убывал «на дальний кордон». Здесь сценарий его бытия походил на события из фильмов про особенности национальной охоты или рыбалки. На «кордоне» он набирался сил и энергии для нового учебного года, делал основательные заготовки для дружеского застолья. Когда зимой мы приходили к нему в гости, на кухне всегда что-то варилось, томилось, «шкварчало» для стола многочисленных гостей. Он был на удивление хлебосольным хозяином.

Каждый из дней, проведенных с Н. Н. Щербаковым, сегодня предстает для нас не случайностью, а неотъемлемой частичкой внутреннего содержания этого человека. Эти воспоминания помогают нам по-иному оценить и свой настоящий день, его мимолетность, малость, и в то же время связанность с другими днями, своими и чужими. В этом мы видим продолжение познания истории.

Вспоминая нашего учителя и друга, невольно сравниваешь себя, сегодняшнего, с ним, тогдашним. Подравнявшись возрастом, перецеголяв Щербакова количеством «научных публикаций» (сегодня это гораздо легче, чем тогда, в 1980-х), нам все-таки не достает его житейских знаний и качеств – широты души, жизнелюбия, умения дружить – всего того, что так высоко ценил этот так рано ушедший из мира человек.

Источник: Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 1. С. 225-235.

Т. П. Кальянова

Слово об учителе

В. В. Яровой

Профессор Владимир Владимирович Яровой был ярким, талантливым человеком и очень много значил для исторического факультета Иркутского государственного университета. Мы хотим вспомнить Владимира Владимировича, выразить нашу признательность за его кропотливый труд по обучению и воспитанию многих поколений историков.

Владимир Владимирович Яровой родился 22 сентября 1936 г. в городе Константиновке Донецкой области (Украина). В 1937 г. из-за голода на Украине был переправлен в Иркутск к деду, спецпереселенцу, бывшему офицеру лейб-гвардии казачьего полка. С 1941 г. он проживал в городе Черемхово, где в 1954 г. окончил среднюю школу. В 1954 г. работал разметчиком на заводе тяжелого машиностроения в г. Иркутске. В 1955–1960 гг. уважаемый юбиляр – студент историко-филологического факультета Иркутского педагогического института, затем – университета.

Сейчас почти невозможно восстановить, как появился тот интерес к истории, который привел выпускника Черемховской школы на исторический факультет иркутских вузов. В запомнившихся разговорах были упоминания о том, что его когда-то увлекли рассказываемые на уроках истории мифы Древней Греции. Как бы то ни было, но к моменту окончания школы этот смутный детский интерес превратился в осознанный выбор.

По воспоминаниям людей, хорошо знавших Владимира Владимировича, в его жизни были два очень важных дела, в которых он достиг значительных успехов: конькобежный спорт и история.

В конькобежном спорте В. В. Яровой достиг выдающихся результатов. Он стал мастером спорта, был членом сборной Российской Федерации, участвовал в дружеской встрече конькобежных сборных команд РСФСР и Швеции, оказался в десятке лучших бегунов на зимней Спартакиаде народов СССР.

В 1960 г. Владимир Владимирович был в числе выпускников историко-филологического факультета Иркутского государственного университета. В его научной судьбе большую роль сыграл заведующий кафедрой всеобщей истории профессор Сергей Владимирович Шостакович.

На кафедре всеобщей истории в те времена создавался тот преподавательский состав, который в следующие десятилетия сделал ее одной из наиболее динамичных и интересных кафедр на историческом факультете и в университете. Сформированная в годы войны, она испытывала острую нехватку квалифицированных кадров, способных не только профессионально читать учебные курсы по истории зарубежных стран, но и заниматься научной деятельностью.

По замыслу заведующего кафедрой, совмещение педагогической лекторской деятельности с научными изысканиями было необходимым условием, обеспечивавшим высокий уровень подготовки выпускников. С. В. Шостакович сумел в спортивном молодом человеке, каким в ту пору был Владимир Владимирович, увидеть задатки, необходимые для научно-педагогической деятельности.

В 1961–1963 гг. В. В. Яровой, будучи аспирантом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, окончательно увлекся американистикой, которая стала сферой его научных интересов. Его учителями были крупные ученые И. С. Галкин, Г. Н. Севостьянов. По окончании аспирантуры он вернулся на кафедру всеобщей истории Иркутского университета, стал читать лекции и вести семинарские занятия по новой истории стран Европы и Америки. В 1970 г. в Томском университете Владимир Владимирович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Политика США в Китае в 1913–1917 гг.».

Американские исследования в советском провинциальном университете могут стать отдельной темой, требующей особого изучения. Немногие кафедры в Советском Союзе в то время имели специалистов по этому научному направлению. Еще меньше было таких, чей уровень американских исследований признавался столичной наукой. Именно таким признанным американистом был В. В. Яровой.

В то время кафедра всеобщей истории на историческом факультете Иркутского государственного университета была во многом уникальной структурой. Все периоды мировой истории, начиная с первобытности и до современности, студенты узнавали от преподавателей этой кафедры. Идея единства всего человечества, соразмерность универсального и особенного в судьбе народов и стран находила зримое воплощение в таких лекциях.

В составе кафедры была лаборатория археологии, занимавшаяся исследованием сибирского региона. Более распространенной в те времена оказывалась практика включения археологов в состав кафедр истории СССР. Археологи по роду своей деятельности оказывались динамичными людьми, в меньшей степени связанными с обязательной идеологией. По сравнению с некоторыми сферами знания, представленными на исторических факультетах, археология воспринималась как точная наука, имеющая обязательные

исследовательские методы, занимающаяся типологизацией материальных, земных, а не эфемерных артефактов. Исследовательская атмосфера, складывавшаяся на кафедре всеобщей истории, формировалась такими разными подходами, располагала к обсуждению неоднозначных исторических фактов.

В. В. Яровой был одним из тех, кто создавал профессиональную среду и задавал уровень исследовательского мастерства на кафедре. Научность понималась как точность, достоверность, критическое восприятие источника, стремление обнаружить закономерности, скрытые за тем или иным событием и фактом истории. В отличие от других разделов исторической науки всеобщая история позволяла обнаруживать вопросы и проблемы, выходящие за рамки предлагавшихся ортодоксальных ответов. В курсе истории нового времени Европы и Америки даже произведения классиков марксизма присутствовали по-иному. Здесь работы К. Маркса и Ф. Энгельса были одним из видов исторических источников, сохранивших сведения о том времени, когда они были написаны. Из неприкосновенных идеологических текстов они поневоле могли превратиться в один из человеческих документов своей эпохи.

Характерными чертами научной атмосферы на кафедре были универсализм и широта мышления, происходящие из всемирности ее предметов. Включенность сибирского региона напоминала о том, что Сибирь была частью мира, и такой же частью был Советский Союз. Это отличало тот взгляд на всемирную историю, который был естественным на кафедре всеобщей истории, от представлений об универсальности и уникальности, существовавших на других кафедрах факультета.

Своеобразием кафедры всеобщей истории была также неспешная основательность карьерного роста, что обеспечивало своеобразный «естественный отбор» на основе подлинного интереса к познанию. Научная работа предполагала использование иностранных источников и работ зарубежных авторов, а они не всегда существовали на русском языке. Изучение иностранного языка оказывалось одним из препятствий, останавливавших тех, кто был ориентирован на быстрое продвижение к ученым званиям и степеням. Только живой интерес, некая самоотверженность и строгая самодисциплина могли постепенно привести к ним.

Именно такими качествами обладал В. В. Яровой. Спортивное прошлое очень пригодились ему в этом.

Трудно предполагать, что в средней школе или в неязыковом вузе в военные и послевоенные годы можно было так выучить иностранный язык, чтобы потом свободно читать большое количество англоязычной литературы. Только большая сила воли, жесткая самоорганизация могли помочь самостоятельно изучать английский язык и читать на нем нужные книги.

Получение необходимых книг по американистике в Иркутске тоже представляло немалую проблему. По межбиблиотечному абонементу московские библиотеки присылали микрофильмы. Чтобы читать эти пленки, нужно было особое приспособление. Владимир Владимирович однажды

рассказывал, что он использовал детский диапроектор, через который на стену выводил изображение и так читал английский текст.

В. В. Яровой всегда большое значение придавал изучению и знанию иностранных языков. Работа с иноязычной литературой рассматривалась как необходимое условие научных исследований на кафедре всеобщей истории. Такое знакомство с иной научной традицией, с другими взглядами могло создать новое видение и научной проблемы, и надвое разделенного тогда мира.

Одним из внутренних вопросов, который в 70–80-е гг. мог появиться у человека, занимающегося историей, была проблема отношения к истории КПСС. Возможность преодоления идеологической и методологической ограниченности он видел в методологическом семинаре, которым он руководил более 30 лет. Владимир Владимирович придавал большое значение этому семинару еще и потому, что так возникала возможность научных дискуссий, обсуждения проблем, не имеющих окончательного решения, существующих на стыках разных сфер знания. Научный поиск мог осуществляться только в соответствующей профессиональной среде, которая задает стандарты профессионального качества для индивидуальных исследований.

Наука, научность были для В. В. Ярового своеобразными символами веры, той высшей мерой, которой он измерял разные сферы истории. Многолетние исследования американской истории начала XIX в. проводились Владимиром Владимировичем в библиотеках и архивах Москвы, Ленинграда, Одессы. 14 ноября 1990 г. на Ученом Совете Института всеобщей истории АН СССР он защитил докторскую диссертацию на тему «Происхождение англо-американской войны 1812–1815 гг.».

На протяжении многих лет В. В. Яровой редактировал сборники трудов кафедры всеобщей истории. Он считал публикацию неизменным итогом научного исследования. Последний сборник, который Владимир Владимирович успел подготовить к печати, вышел в 2002 г. Он был посвящен памяти его учителя и основателя кафедры всеобщей истории профессора С. В. Шостаковича.

Своеобразие личности В. В. Ярового в полной мере проявлялось в его лекциях. Он умел говорить немногословно, но очень емко и весомо. Несколькими штрихами мог создать образ времени, дать яркую характеристику политическим деятелям, выделить скрытые причины исторических событий. Он учил анализировать предлагавшийся исторический материал, замечать специфику отдельных периодов и стран, находить общие тенденции хода истории. Увлеченность своим предметом, интерес к мельчайшим деталям, существовавшим в прошедшие времена, уважительное отношение к людям, попавшим в поле зрения историка, – эти качества воспитывал В. В. Яровой в своих студентах.

Очень много значила для В. В. Ярового кафедра всеобщей истории. Для него было характерно сильно выраженное чувство долга перед кафедрой. Порой казалось, что свою деятельность он понимал как служение ей. Ин-

тересы кафедры, перспективы ее развития были приоритетными для него. Исходя из этого, он готовил своих учеников, очень строго отбирая самых талантливых и достойных.

Одним из его учеников был Александр Дмитриевич Агеев, изучавший экспедицию Льюиса и Кларка. Умение увидеть перспективы было одним из важных качеств В. В. Ярового.

В. В. Яровой умел не только разглядеть в студенте еще не проявившийся талант, он старался помочь развиться замеченному дарованию. Будучи руководителем дипломной работы, Владимир Владимирович увидел большие возможности еще одного своего ученика, Геннадия Никифоровича Новикова. Он помог реализоваться его талантам, гордился его успехами и постоянно поддерживал, когда Геннадий Никифорович стал заведующим кафедрой новой и новейшей истории и международных отношений. В учениках он видел продолжение своего дела и будущее кафедры всеобщей истории.

На протяжении многих лет Владимир Владимирович был членом ученого совета Иркутского государственного университета, был членом совета и руководил учебно-методической комиссией исторического факультета.

Источник: История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 208-213.

ПРОФЕССОРА-ИСТОРИКИ ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Агалаков Виктор Трофимович

(15.04.1925 – 28.08.1999)

Доктор исторических наук, профессор. Род. в г. Иркутске. В 1946 г. окончил историко-филологический факультет, в 1949 г. – аспирантуру при кафедре истории СССР ИГУ. С 1949 г. – старший преподаватель и доцент кафедры истории СССР. В 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию «Формирование органов советской власти в Восточной Сибири (1918–1921 гг.)». С 1969 г. – зав. кафедрой истории СССР. В 1986 г. защитил докторскую диссертацию «Советы Сибири в 1917–1918 гг.». В 1987 г. присвоено звание профессора. В 1992–1995 гг. – зав. кафедрой историографии и источниковедения отечественной истории. С 1995 г. – профессор кафедры.

Автор более 150 научных работ в области истории государственного строительства на востоке России после 1917 г., социально-экономической и политической истории Сибири 20–60-х гг. Один из ведущих специалистов в области истории революционного движения и становления государственной

власти в Сибири в начале XX в. Один из авторов 5-томной «Истории Сибири» (Л.: Наука, 1968–1969). Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1997 г.). Подготовил свыше 20 кандидатов наук. Награжден медалями.

Соч.: *Емельян Ярославский в Сибири.* – Иркутск, 1964; *Подвиг Центросибири.* – Иркутск, 1968; *Советы Сибири (1917–1918 гг.).* – Новосибирск : Наука, 1978; *История крестьянства Сибири.* – Новосибирск : Наука, 1983 (в соавт.); *Киренский уезд Иркутской губернии в 1917–1920 гг. Изучение истории провинциальной России.* – Иркутск, 1994.

Лит.: Агалаков Виктор Трофимович: К 70-летию со дня рождения / Сост. М. П. Труфанов, Н. Л. Калеп. – Иркутск, 1995.

Агалаков Виктор Трофимович // *История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / сост. : С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин.* – Иркутск, 2008.

Аксенов Михаил Петрович

(24.11.1934 – 7.03.2002)

Доктор исторических наук, профессор. Род. В 1934 г. в Иркутске. Окончил исторический факультет ИГУ в 1962 г. С 1962 по 1965 гг. аспирантура ИГУ (науч. рук. М. М. Герасимов). С 1958 г. участвовал в археологических экспедициях под руководством М. М. Герасимова на р. Белой (Усть-Белая, Черемушник), с 1962 г. начал самостоятельные исследования – разведку по маршруту будущего ложа Усть-Илимской ГЭС, в которой было выявлено более 70 местонахождений. В 1965–1970 гг. – замдиректора по научной части Иркутского областного краеведческого музея. В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Верхоленская гора – памятник каменного века Сибири». С 1970 г. – доцент кафедры всеобщей истории ИГУ. В 1989 г. защитил докторскую диссертацию «Палеолит и мезолит верхней Лены». С 1997 г. – профессор кафедры археологии и этнографии ИГУ. Читал курсы по истории первобытного общества, основы этнографии, спецкурс по археологии. Под его руководством проводились ежегодные полевые археологические практики. Вел научно-исследовательскую тему «Палеолит и мезолит Верхней Лены». Участвовал в подготовке многотомной «Археологии Сибири», руководил группой молодых археологов, проводивших исследования по разделу «Палеоэкология человека юга Средней Сибири». Принимал активное участие в научно-практических конференциях, полевых семинарах международного уровня. Автор более 100 статей и разделов в коллективных монографиях по разным аспектам археологии Сибири.

Соч.: *Мезолит Верхнего Приангарья (коллективная монография).* – Иркутск, 1980. – Вып. 2: *Памятники Иркутского района.* – 140 с.; *Палеолит и мезолит Верхней Лены.* – Иркутск, 2009. – 370 с.; *Стоянка Черемушник: (К вопросу о месте бадайской культуры в каменном веке Приангарья) // Древняя Сибирь.* – Новосибирск: Наука, 1966. – Вып. 2: *Сибирский археологический сборник.* – С. 23–37; *Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене // Древняя Сибирь.* – Новосибирск, 1970. – Вып. 3: *Сибирь и ее соседи в древности.* – С. 43–52; *Многослойный археологический памятник Макарово II // Древняя история народов юга Восточной Сибири.* – Иркутск, 1974. – Вып. 1. – С. 91–126; *Погребение «хиньского» типа на верхней Лене (Рытвинка I) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири.* – Иркутск, 1982. – С. 6–14; *Исследования в районе Шишкинско-Макаровского археолого-стратотипического комплекса // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока.* – Новосибирск, 1987. – С. 133–134; *Accelerator radiocarbon dating of the initial Upper Paleolithic in Southeast Siberia // Antiquity.* – 1995. – June. – Vol. 69. – № 263; *Донеолитические местонахождения Качугско-Верхоленского участка Верхней Лены // Археологическое наследие Байкальской Сибири.* – № 1. – Иркутск, 1996. – С. 12–22; *Итоги и перспективы археологических исследований в бассейне Верхней Лены // Байкальская Сибирь в древности.* – Иркутск: Изд-во Иркут. пед. ун-та, 2000. – Вып. 2, ч. 1. – 2000. – С. 36–48.

Лит.: *Медведев Г. И. Аксенов Михаил Петрович – археолог, учитель, человек (путь от студента до доктора наук) // Список научных трудов Михаила Петровича Аксенова.* – Иркутск, 2006. – С. 8–12; *Медведев Г. И. Аксенов Михаил Петрович // История и историки. 90 лет исторической школе ИГУ.* – Иркутск, 2008. – С. 54–64; *Он живет в своих учениках (к 80-летию со дня рождения Михаила Петровича Аксенова) // Известия лаборатории древних технологий.* – № 4 (13). – 2014. – С. 96–118.

Алтунин Евгений Васильевич

(1926–2003)

Доктор исторических наук, профессор. Род. В 1926 г. в с. Ржава Солнцевского р-на Курской обл. Участник Великой Отечественной войны на Северо-Кавказском, 1-м Украинском фронтах, войны против Японии на Забайкальском фронте, сержант.

В 1955–1970 гг. – работал в Магаданском управлении гражданской авиации, окончил Криворожское авиационное училище. Работал в Восточно-Сибирском управлении гражданской авиации. В 1962 г. окончил экономический факультет Всесоюзного заочного института советской торговли. В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию «Развитие авиации на Северо-Востоке СССР (1926–1965 гг.)». С 1980 г. – член Восточно-Сибирского Совета по координации научно-исследовательских работ при ИГУ, доцент. В 1984–1990 гг. – доцент кафедры истории КПСС ИГУ, в 1990 г. в ИГУ защитил докторскую диссертацию «Очерки истории гражданской авиации Восточной Сибири и Дальнего Востока (1923–1945 гг.)». В 1991 г. избран профессором

кафедры истории России ИГУ. В 1980–1993 гг. – ученый секретарь спецсовета по защите докторских диссертаций по историческим наукам в ИГУ.

Награжден орденом Отечественной войны II ст., орденом Трудового Красного Знамени, 16 медалями, в том числе медалью «За отвагу».

Соч.: *История Отечественной гражданской авиации.* – М., 1996 (в соавт.); *Очерки истории Чукотки.* – Новосибирск : Наука, 1974 (в соавт.); *Очерки истории гражданской авиации Восточной Сибири и Дальнего Востока (1923–1945 гг.).* – Иркутск, 1990 (в соавт.).

Лит.: *Твои люди, Иркутск // Вост.-Сиб. правда.* – 1997. – 17 июня; *По ступеням памяти к истокам // Воздушный транспорт.* – 1990. – 28 июня.

Генералов Анатолий Георгиевич

(25.10.1950 – 02.11.2004)

Доктор исторических наук, профессор. Род. в 1950 г. в деревне Нюра Тулунского района Иркутской области. Окончил исторический факультет ИГУ в 1973 г. В 1975 г. поступил в аспирантуру Ленинградского государственного университета, а уже в 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Канской лесостепи». С 1983 г. – старший научный сотрудник научно-исследовательской части ИГУ, заместитель по научно-исследовательской части. В 1989 г. утвержден на должности проректора по научно-исследовательской части ИГУ. С 1994 г. – доцент кафедры археологии, этнографии и древнего мира. В 2001 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Ени-

сейского района», стал профессором кафедры археологии и этнографии. Внес большой вклад в развитие науки и Иркутского государственного университета. Занимая пост проректора по научной части, Анатолий Георгиевич в то же время возглавлял одно из подразделений по обследованию района, попадавшего в зону Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. С археологическими исследованиями, научной работой и административными функциями А. Г. Генералов успешно совмещал активную преподавательскую деятельность: читал курс лекций по древнему миру, культурологии, преподавал большое количество спецкурсов, под его руководством защищались десятки курсовых и дипломных работ. Также во время работы в университете Анатолий Георгиевич участвовал в международных стажировках в Японии, Канаде, Китае, Бельгии. Результаты научной деятельности Анатолия Георгиевича отражены в 100 научных работах – докладах, статьях, монографиях, опубликованных в России, Японии, Китае, Корее.

Соч.: *Геоархеологический объект Стрижовая гора: (стратиграфия, хронология, типология, технология).* – Иркутск, 2000. – 153 с.; *Проблема хронологии и периодизации неолита Красноярско-Канской лесостепи // Археология и этнография Восточной Сибири.* – Иркутск, 1978. – С. 32–34; *Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // Краткие сообщения института археологии.* – 1979. – Вып. 157: *Памятники первобытной культуры.* – С. 43–47; *Новые памятники эпохи неолита и бронзы Канской котловины // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири.* – Иркутск, 1982. – С. 25–36; *Технические приемы расщепления камня в палеолит-мезолитических комплексах Южной Сибири // Природные ресурсы, экология и социальная среда Прибайкалья.* – Иркутск, 1995. – Т. 3. – С. 85–88; *Древние культуры Иркутской области // Введение и общую и региональную культурологию.* – Иркутск, 1997. – С. 5–23; *К вопросу о происхождении и эволюции пластинчатых технологий верхнего палеолита Байкальской Сибири // Байкальская Сибирь в древности.* – Иркутск, 2000. – Вып. 2, ч. 1. – С. 203–206; *Опыт выделения геоархеологических объектов Канско-Енисейского региона // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей.* – Иркутск, 2000. – С. 37–49; *Технология расщепления и обработки камня в комплексах Соснового Бора (горизонт VI) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения.* – Новосибирск, 2001. – С. 71–82; *Происхождение и эволюция пластинчатых и микропластинчатых технологий верхнего палеолита Байкальской Сибири // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий.* – Благовещенск, 2003. – С. 14–23.

Гудошников Моисей Андреевич

(1894–1956)

Кандидат исторических наук, профессор. Род. в с. Пушкино Саранского уезда Пензенской губернии. Учился в начальной сельской школе, затем в церковноприходской 2-классной школе. В 1911 г. поехал в Москву и поступил на красильную фабрику рабочим, потом конторщиком. Посещал народный университет им. А. Л. Шанявского. В 1915 г. призван в армию, после Октябрьской революции – красноармеец, инструктор связи, командир роты связи, комиссар. С 1921 г. – член РКП(б), после демобилизации в 1924 г. работал в Карельском обкоме партии зам. зав. агитпропом. В сентябре 1926 г. поступил в Институт красной профессуры (ИКП) на историческое отделение. Его вступительная работа «О роли монастырей в развитии русского Севера» была высоко оценена М. Н. Покровским и в дальнейшем опубликована. Занимался в семинарах М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова, Н. М. Лукина и других видных историков. После окончания ИКП в 1930 г. по путевке ЦК ВКП(б) приехал в Иркутск в качестве ректора местного Коммунистического университета. Ректором работал недолго, стал преподавать и возглавил кафедру истории СССР в Иркутском

пединституте. В 1940 г. получил приглашение и стал заведующим кафедрой истории СССР историко-филологического факультета Иркутского университета, продолжая работать в пединституте. В 1941 г. защитил в Московском университете кандидатскую диссертацию «Общественно-политические взгляды Н. М. Ядринцева». Подготовил докторскую диссертацию «История как предмет преподавания в средней школе», но защитить ее не успел.

Научные интересы М. А. Гудошниковца отличались многообразием. Попав в Сибирь, вскоре подготовил пособие «Сибирь: Историческая хрестоматия». Занимался сибирским областничеством, писал о А. П. Шапове. Известны его издания о революционном движении и гражданской войне в Сибири. В 1932 г. вышли из печати его брошюры «Ленский расстрел» и «Декабрьские бои 1917 г. в Иркутске». Подготовил книгу «Очерки по истории гражданской войны в Сибири», изданную после его смерти, в 1959 г. написал учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы и представил его на всесоюзный конкурс. Из 46 представленных учебников учебник Гудошниковца в августе 1937 г. получил поощрительную премию 5 тыс. руб. Особое направление в творчестве М. А. Гудошниковца составили статьи историко-литературного характера: о литературных интересах К. Маркса, о творчестве Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, В. Шишкова, И. Гольдберга, Н. И. Наумова и др. Публиковался в местных и центральных журналах, в Большой советской энциклопедии, являлся одним из редакторов и авторов Сибирской советской энциклопедии. В 1938 г. был арестован и сидел в Иркутской тюрьме, в 1939 г. его выпустили «без предъявления обвинений».

Лит.: Агалаков В. Т. Родоначальник иркутской школы историков // *Вост.-Сиб. правда.* – 1994. – 1 сент.; *Байкальская историческая школа: Проблемы региональной истории.* Ч. 1. – Иркутск, 1994.

Дамешек Лев Михайлович

Доктор исторических наук, профессор. Род. 2 апреля 1948 г. в с. Мишелевка Усольского р-на Иркутской обл. В 1970 г. окончил исторический факультет ИГПИ, в 1973 г. – аспирантуру по кафедре истории СССР ИГУ. В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию «Царизм и народы Восточной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в.» Был ассистентом, старшим преподавателем, доцентом кафедры истории СССР ИГУ (1970–1989 гг.). В 1987 г. в ИГУ защитил докторскую диссертацию «Политика самодержавия в отношении народов Сибири (1861–1917 гг.)» С 1989 г. – профессор и зав. кафедрой истории России ИГУ. В 1993–1997 гг. – председатель комитета по связям с общественными организациями, партиями и средствами массовой информации администрации Иркутской обл. С 1997 г. и по настоящее время – зав. кафедрой истории России ИГУ. В 2004–2013 гг. – ректор Иркутского института повышения квалификации работников образования. Член специализированных советов по защите докторских диссертаций.

ций при Иркутском и Бурятском государственных университетах, редактор серии «История» «Известий Иркутского государственного университета», член редакций ряда научных журналов из перечня ВАК, главный редактор серийного издания «Азиатская Россия». Председатель экспертного совета Иркутской области по делам конфессий, член попечительского совета ВСОРГО. Внес значительный вклад в изучение окраинной политики самодержавия в XIX – начале XX вв., имперского регионализма, истории права, реформ, органов власти и управления, истории народов Сибири. Выступал с лекциями и докладами в университетах и научных организациях Канады, Франции, Польши, Израиля, Украины, Грузии, Монголии, Китая. На историческом факультете ИГУ читает курсы истории России с древнейших времен до конца XIX в., социальной истории империи, истории власти и реформ в императорской России, историографии истории Сибири, административного устройства и управления Сибири. Под его руководством осуществлены крупные исследовательские проекты, получившие широкое научное и общественное признание.

Автор 26 монографий, опубликованных в Москве, Новосибирске, Томске, Иркутске, Улан-Удэ, Чите, Германии, учебников для высшей и средней школы, опубликовал около 400 научных статей, в т. ч. в энциклопедических изданиях. Научный руководитель 41 докторской и кандидатской диссертации.

Награды: Лауреат премии Губернатора Иркутской области (2005, 2010, 2014 г.), лауреат Государственной премии республики Бурятия (2014). Почетный работник общего образования (2007). Заслуженный деятель науки РФ (2008), заслуженный деятель науки Республики Бурятия (1998) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (2007). Награжден грамотами губернатора и Законодательного собрания Иркутской области, юбилейной медалью «В память 350-летия Иркутска», памятным знаком «Иркутск-350», юбилейной медалью «90 лет республики Бурятия» и «100 лет профсоюзам России».

Соч.: *История Усть-Ордынского бурятского автономного округа.* – М., 1995. – 543 с.; М. М. Сперанский: *сибирский вариант имперского регионализма.* – Иркутск, 2003. – 262 с.; *Сибирь в составе Российской империи.* – М., 2007. – 362 с.; *Сибирские инородцы в имперской стратегии власти.* – Иркутск, 2007. – 320 с.; *Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.).* – Palmarium Akademik Publishing is a trademark of: LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH 8 Co. KGHeinrich – Bochkinh – Str. 8, 66121 Saarbruchkn, Germani. – 2012. – 441 с.; *История органов местного управления у бурят в XIX – начале XX в.* Иркутск, 2013. – 503 с.; *Ясак в Сибири в XVIII – начале XX веков.* Иркутск, 2014. – 302 с.; *Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона.* – Иркутск, 2017. – 340 с.; *Иркутск накануне и в 1917 г. Очерки политической истории губернского центра.* – Иркутск, 2017. – 543 с.; *Избранное. Серия «Азиатская Россия Т. I. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.).* – Иркутск, 2018. – 455 с.; т. II. *Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.).* – Иркутск, 2018. – 415 с.; т. III. *Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.).* – Иркутск, 2018. – 255 с.

Лит.: Петрушин Ю. А. *Опыт теоретико-методологического анализа научного творчества профессора Л. М. Дамешека // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении.* – Иркутск, 2008. – С. 5–28; Курас Л. В. *Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России (историография проблемы в трудах профессора Л. М. Дамешека) // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX вв.* – Иркутск, 2013. – С. 14–30; Иванов А. А. *Иркутский исследователь истории Сибири // Там же.* – С. 31–43 / Жалсанова Б. Ц. Л. М. Дамешек – исследователь истории сибирской каторги и ссылки // *Сибирская ссылка. Вып. 7 (19).* – Иркутск, 2013. – С. 547–556; Базаров Б. В., Курас Л. В. *Сибирский регионализм как фактор устойчивости Российской империи в трудах профессора Л. М. Дамешек //*

Известия ИГУ. Серия История. – 2018. – № 24. – С. 93–108; Курас Л. В. Часовой имперского регионализма и украинной политики Российской империи // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2018. – С. 589–593.

Дулов Александр Всеволодович

Доктор исторических наук, профессор. Род. 28 ноября 1938 г. в Иркутске. В 1961 г. с отличием окончил историческое отделение историко-филологического факультета ИГУ. В 1961–1964 гг. аспирант кафедры истории СССР ИГУ. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири». С ноября 1964 г. – преподаватель кафедры истории СССР ИГУ, с 1966 г. – старший преподаватель, с 1969 г. – доцент. В 1978–1980 гг. – старший научный сотрудник. В 1986 г. в Иркутском университете защитил докторскую диссертацию «Народное хозяйство в России середины XVIII – середины XIX вв.: взаимодействие природы и общества». В 1989 г. – профессор кафедры истории СССР (в 1992 г. переименована в кафедру истории России) ИГУ. В 1989–1991 гг. член Научного совета АН СССР по исторической демографии и исторической географии. Член-корреспондент Российской академии естествознания (1996), действительный член РАЕ (2014). С 1993 г. – член спецсовета по защите докторских диссертаций в ИГУ, с 2005 г. – заместитель председателя.

Член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, избран председателем Иркутского городского совета ВООПИК (1971), заместителем председателя Президиума Иркутского областного отделения (1983), возглавив также его историческую секцию. Председатель Президиума Иркутского областного отделения (2002–2007).

Член Иркутского горисполкома (1990), член консультативного комитета при мэре г. Иркутска (1992). В 1999–2004 член общественного Совета по наградам при администрации Иркутской области.

Автор и соавтор более 295 научных и научно-публицистических работ, в числе которых 9 монографий. Разрабатывал вопросы исторической географии, краеведения, истории русской церкви, проблемы истории Иркутска. Внес вклад в доработку Устава Иркутской области и Устава г. Иркутска. Председатель Комиссии по городской топонимике и увековечению известных иркутян при администрации г. Иркутска. Принимал участие в работе над проектами гербов области и города, по его предложению был принят в качестве герба старый губернский символ, который и был утвержден депутатами Законодательного собрания области.

Награды: Почетная грамота губернатора Иркутской области (1998), золотая медаль Российского союза исторических городов и регионов «За вклад в наследие народов России» (2002). Лауреат премии губернатора Иркутской области (2001, 2003), Почетный член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (2006). Медаль «За заслуги в сохранении наследия Отечества» (2011), юбилейная медаль «В память 350-летия Иркутска» (2012), памятный знак «Иркутск-350», орден «Трудом и знаниями» (2013). Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2012).

Соч.: Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в. – М., 1983; Петрашевцы в Сибири. – Иркутск, 1996; Восточно-Сибирская железнодорож-

ная магистраль. *Путь в сто лет (1898–1998)*. – Иркутск, 1998 (в соавт.); *История железных дорог в Восточной Сибири: к 100-летию ВСЖД*. – Иркутск, 1998 (в соавт.); *Русское православие: очерк истории*. – Улан-Удэ, 2000 (в соавт.); *Железнодорожный транспорт Восточной Сибири: из XIX в XXI век: к 100-летию Транссиб. магистрали. В 2 т. Т. 1. 1837–1941 гг.* – Иркутск, 2001 (в соавт.); *Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков: в 2 ч.* – Иркутск, 2006 (в соавт.).

Лит.: Александр Всеволодович Дулов: 65 лет со дня рождения // Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменат. и памят. дат Иркут. обл. на 2003 год. – Иркутск, 2003. – С. 107–110; Дулов Александр Всеволодович // Ученые России / Рос. акад. естествознания. – М., 2005; Дулов Александр Всеволодович // Иркутск: энцикл. слов. – Иркутск, 2006; Зуляр Ю. А. Жизнь в науке и общественном служении: (К 70-летию со дня рождения А. В. Дулова) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – № 1 (4). – Иркутск, 2010. – С. 193–199; Историк и общественный деятель: к 75-летию со дня рождения Александра Всеволодовича Дулова. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013.

Дятлов Виктор Иннокентьевич

Доктор исторических наук, профессор. Род. 20 января 1949 г. в с. Голуметь Черемховского р-на Иркутской обл. Окончил исторический факультет ИГУ в 1972 г. В 1976 г. окончил аспирантуру в Институте стран Азии и Африки МГУ и в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Национальная и инонациональная буржуазия в Египте накануне революции 1952 г.». С 1976 г. – преподаватель, старший преподаватель и доцент кафедры всеобщей истории, а после ее разделения – кафедры новой, новейшей истории и международных отношений ИГУ. В 1995 г. в ИСАА при МГУ защитил докторскую диссертацию «Торговые меньшинства в странах Арабского Востока и Тропической Африки». С 1996 г. и по настоящее время – профессор кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ. Ученое звание профессора утверждено в 1999 г. Соучредитель и заместитель главного редактора независимого научного журнала «Диаспоры» (Москва). Член редколлегии ряда российских и зарубежных научных журналов. Эксперт ВАК РФ по историческим наукам.

Внес значительный вклад в сравнительное изучение диаспор и «торговых меньшинств» в Сибири. В настоящее время основной объект исследования – формирование китайской диаспоры в России, а также положение выходцев с Кавказа и из Средней Азии в российской провинции. Изучает роль этномиграционных процессов в развитии переселенческого общества Востока России.

Опубликовал около 250 работ (в т. ч. несколько индивидуальных и коллективных монографий) на русском, английском, арабском и японском языках. Основатель иркутской научной школы миграционных и диаспоральных исследований, руководитель серии международных междисциплинарных научных проектов (2000–2015 гг.).

Соч.: *Крупная буржуазия Египта накануне революции 1952 года*. – Иркутск, 1983; *Предпринимательские меньшинства: торгошши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки*. – М., 1996; *Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или*

конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). – М., 2000; *Anti-Immigrant Attitudes in the Socio-Political Life of a Siberian City: The Example of Irkutsk // Inner Asia*. – Cambridge, 2000. – Vol. 2, No. 1. – P. 13–24; *The Chinese Migration to Siberia and the Beginning of the Formation of a New Diaspora // Current Research on Past and Present Asian and African Societies: Russian Oriental Studies*. – Leiden-Boston, 2004. – P. 123–161; Chapter 14: Виктор Дятлов. Стереотипы и мигрантофобия в Сибири и на Дальнем Востоке // *Gendai Chuuo-Ajia Rosia Imin Ron (Contemporary Migration Issues in Central Asia and Russia)*. – Tokio, 2010. – P. 285–307 (на яп. яз.); *Chinese Migrants and Anti-Chinese Sentiments in Russian Society // Frontier Encounters. Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. – Cambridge, 2012. – P. 71–88; *The Blagoveshchensk Drowning – Story of How Phobias Become a Reality // Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne*. – 2012. – Vol. 8, No 3. – P. 71–90; Дятлов В. Китайские мигранты на Востоке России: фактор и инструмент нациестроительства? // *Трансграничные вызовы национальному государству*. – СПб., 2015. – С. 191–209.

Лит.: Кальянова Т. П. Столица и провинция в судьбе профессора Дятлова // *Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение*. – Иркутск, 2010. – № 1 (4). – С. 51–60.

Зуляр Юрий Анатольевич

Доктор ист. наук, проф. родился 13 сент. 1952 г. в г. Бийске Алтайского края. В 1979 г. закончил исторический факультет ИГУ по специальности «Историк, преподаватель истории и обществоведения». Проходил обучение в аспирантуре ИГУ в 1982–1984 гг. В январе 1985 г. в диссертационном совете по историческим наукам при ИГУ защитил кандидатскую диссертацию «Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по охране природы в период зрелого социализма (1971–1981)». В июне 2003 г. защитил докторскую диссертацию «История аграрного природопользования в советский период в Байкальском регионе».

Педагогическую деятельность в ИГУ начал в 1979 г., работая по совместительству. В сентябре 1980 г. принят преподавателем на кафедру истории КПСС. Вел учебные курсы по данной дисциплине на математическом, физическом, биолого-почвенном, химическом, геологическом, юридическом факультетах. В 1985 г. году избран по конкурсу на должность старшего преподавателя, а в 1988 г. – доцента кафедры истории КПСС. В декабре 2004 г. избран профессором по кафедре отечественной истории и политологии ИГУ. С февраля 2006 г. – заведующий кафедрой отечественной истории и политологии (ныне политологии, истории и регионоведения). С сентября 2009 г. – заведующий отделением политологии, с октября 2010 г. – декан исторического факультета ИГУ.

Основные направления научной деятельности: аграрная история Сибири, социальная экология, теория и практика рекламы, менеджмент СМИ. Специалист в области отечественной истории, политологии, исторической географии и коммуникативистики. Автор и соавтор 10 монографий, 15 справочных изданий, 267 научных и научно-публицистических статей, 33 учебников, пособий и рекомендаций для учащихся, студентов и преподавателей и 194 материалов в СМИ и публицистической периодической печати. Главный, научный редактор и член редколлегий 158 изданий и выпусков сборников документов, пособий, монографий, журналов.

Организатор и участник 171 международных, всесоюзных, всероссийских, республиканских, зональных, региональных, межвузовских и вузовских научных конференций, чтений, семинаров и круглых столов

С 2013 г. эксперт РГО. С 2014 г. эксперт интернет-проекта «Национальный эксперт» – федеральной площадки, на которой консолидированы мнения федеральных и региональных экспертов, и интернет-портала «Региональные комментарии». Эксперт Национального Исследовательского Университета «Высшая Школа Экономики» и eLIBRARY.RU с 2015 г.

Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2008), ветеран труда (2012). Лауреат премии губернатора Иркутской области в области культуры и искусства (2014).

Соч.: *Россия в революции 1917–1928 гг.: Опыт политической истории* / Л. В. Курас. – Улан-Удэ: ОНЦ «Сибирь», 1992. – 46 с.; *И так идет за веком век: История города Черемхово* / В. Т. Агалаков, В. Н. Казарин, С. И. Кузнецов и др. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд., 1999. – 256 с.; *Советская история Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества: время и люди.* – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. – 75 с.; *Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке.* Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. – 496 с.; *Юридический институт Иркутского государственного университета: история юридического образования в ИГУ (1918–2004)* / Казарин В. П., Логунова Г. В. и др. Иркутск: ОАО Иркутская областная типография № 1, 2004. – 160 с.; *История сельскохозяйственного освоения и страхования агропромышленного производства Байкальской Сибири в XX столетии* / Д. Б. Худаков. – Иркутск: Оттиск, 2005. – 766 с.; *Н. Н. Щербаков: ученый и педагог* / Базаров Б. В., Иванов А. А., Курас Л. В. и др. – Иркутск: Оттиск, 2007. – 179 с.; *Виталий Чеславович Дорогостайский.* – Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2009. – 79 с.; *Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв.* / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин, В. П. Шахеров и др. – Иркутск: Востсибкнига, 2012. – 800 с.; *Историческая география. Т. 1.* / И. А. Арзуманов, А. Р. Батуев, В. И. Блануца и др. *География Сибири в начале XXI века: в 6 т.* – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2014. – 318 с.

Лит.: Иванов А. А. Зуляр Юрий Анатольевич. *Кафедра отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет: люди, судьбы, книги: Биобиблиографический словарь.* – Иркутск: Оттиск, 2008. – 304 с. С. 34–37, 153–157; *Иркутск: Зуляр Юрий Анатольевич // Историко-краеведческий словарь.* – Иркутск: Сиб. книга, 2011. – 559 с. С. 181–182; *Зуляр Юрий Анатольевич // Сибиряки. Современная летопись. Вып. 4.* – Иркутск: Издательский дом «АКМА», 2014. – 116 с. С. 100–101.; *Корытный Л. М. Зуляр Юрий Анатольевич // Географическая энциклопедия Иркутской области. Иркутск: Изд-во института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2017. – 336 с. С. 300.*

Зыков Аполлон Николаевич

(1921–1997)

Родился в 1921 г. в с. Амонаш Канского района Красноярского края. В 1937 г. окончил неполную среднюю школу, а в 1941 г. экстерном среднюю школу с. Винницы Ленинградской области.

Служил в системе МВД, где окончил офицерские курсы, а затем – Всесоюзный заочный юридический институт с отличием.

В 1956 г., уволившись из системы МВД в звании майора, стал аспирантом кафедры истории КПСС ИГУ. Одновременно преподавал в Иркутской партийной школе. В 1961 г. перешел на кафедру истории КПСС ИГУ.

В 1960 г. в Иркутском обществе «Знание» публикует свою первую научную работу «Иркутские коммунисты в борьбе за развитие социалистических отношений в деревне

после разгрома колчаковщины (1920 год)». Кандидатскую диссертацию на тему: «Иркутские коммунисты в борьбе за осуществление ленинского кооперативного плана в восстановительный период (1921–1925 гг.)» защитил в совете при ИГУ в 1961 г., научный руководитель канд. ист. наук, доцент И. С. Степичев.

С 1961 г. работает преподавателем на кафедре истории КПСС университета. С 1962 г. – старший преподаватель, а с 1965 г. – доцент этой кафедры.

Активно занимается научно-исследовательской работой по проблеме электрификации Сибири. Пишет ряд статей и редактирует научные сборники, издаваемые кафедрой по историко-партийной тематике, работает в архивах и библиотеках Сибири. В 1969 г. выпускает в Восточно-Сибирском книжном издательстве фундаментальную монографию «КПСС – организатор строительства гидроэлектростанций Восточной Сибири (1950–1967 гг.)». Она послужила основой для

докторской диссертации, которую защитил в 1969 г. в МГУ, а в 1971 г. получил ученое звание профессора. Заведует кафедрой истории КПСС, руководит аспирантами.

В 1979 г. уехал в Москву, работал профессором кафедры истории КПСС МГУ, а затем возглавлял кафедру истории КПСС Московского авиационного института.

Поддерживал связь с кафедрой истории КПСС ИГУ, бывал здесь в качестве лектора, выступал оппонентом на защите диссертаций сибиряков. Был основательным ученым-историком, авторитетным организатором науки, интересным пропагандистом исторических знаний. Много лет возглавлял президиум Иркутского областного общества «Знание».

Награжден медалями «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «XXX лет РККА», «За боевые заслуги».

Лит.: Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / сост. С. И. Кузнецов. – Иркутск : Агентство «КП-Байкал» ; изд-во Иркут. ун-та, 1998. – С. 180; Историко-публицистические очерки, посвященные 85-летию Иркутского госуниверситета. – Иркутск, 2003. – С. 278–280; Петрушин Ю. А. Зыков Аполлон Николаевич / Ю. А. Петрушин // Кафедра отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет: люди, судьбы, книги : библиографический словарь. – Иркутск : Оттиск, 2008. – С. 37–39, 157–160.

Иванов Александр Александрович

Доктор ист. наук., проф. Родился 15 июня 1958 г. в г. Иркутске в семье рабочих. В 1975 г. окончил иркутскую среднюю школу № 75. Непродолжительное время работал монтажником сцены в Иркутском театре юного зрителя. В 1976–1981 гг. учился на историческом факультете Иркутского госуниверситета. Годы учебы совмещал с общественной работой, выезжал в ССО. После окончания пятого курса был избран заместителем, а затем секретарем комитета ВЛКСМ ИГУ. В 1983 г. стал инструктором отдела студенческой молодежи Иркутского обкома комсомола, через год возглавил этот отдел, проработав до октября 1987 г.

В марте 1982 г. был принят на кафедру истории КПСС ИГУ естественных факультетов на условиях почасовой оплаты. В ноябре 1986 г. поступил в заочную аспирантуру при кафедре истории КПСС, а с октября 1987 г. стал ассистентом преподавателя этой кафедры. В 1988 г. переведен в очную аспирантуру, после окончания которой в декабре 1989 г. в диссовете при ИГУ защитил кандидатскую диссертацию

на тему «Влияние ссыльных социал-демократов на рабочее движение в Восточной Сибири (1910 – февраль 1917 гг.)», выполненную под руководством д-ра ист. наук, профессора Н. Н. Щербакова. Работал преподавателем, затем доцентом. С 1998 по 2001 г. обучался в докторантуре при кафедре отечественной истории и политологии. В апреле 2002 г. в диссоте при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) защитил докторскую диссертацию «Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в.», научный консультант профессор Н. Н. Щербаков. Круг научных интересов – история ссылки, пенитенциарной политики Российской империи, политическая история России, историография Сибири. Ученое звание профессора присвоено в декабре 2009 г. Автор более 15 книг, опубликованных отдельно и в соавторстве, и более 250 научных статей.

С 2000 г. – издатель сборника научных статей «Сибирская ссылка». Под его руководством выполнено пять защищенных диссертаций на соискание ученой степени кандидата ист. наук. В 1996–2005 гг. – ученый секретарь диссовета при ИГУ, с 2015 г. – заместитель председателя этого совета. С 2005 г. – член диссовета при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Научную и преподавательскую деятельность совмещает с предпринимательской. В 1987–1993 гг. работал заместителем директора Института рекламы и информации, в 1993–1998 гг. – возглавлял центр полиграфии при Сибирско-Американском факультете ИГУ, с 1998 г. – учредитель и генеральный директор издательства «Оттиск». Награжден юбилейными наградами ЦК ВЛКСМ и областного совета ветеранов комсомола; Почетной грамотой Минвуза России (2008); Почетной грамотой губернатора Иркутской области (2008), Благодарственным письмом Законодательного собрания Иркутской области (2012). Лауреат премии губернатора Иркутской области в области культуры и искусства (2015).

Соч.: Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в. : монография. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2001; Н. Н. Щербаков: ученый и педагог : кол. монография / под ред. Ю. А. Петрушина. – Иркутск : Оттиск, 2007; История Бурятии. В 3-х т. Т. 2: XVII – начало XX в. : кол. монография. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011; Забайкальская периферия на переломе эпох : кол. монография. – Иркутск : Оттиск, 2012; Политическая ссылка во второй половине XIX в. // Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. : кол. монография / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, [и др.]. – Иркутск : Востсибкнига, 2012; География сибирской уголовной ссылки // География Сибири в начале XXI века : кол. монография. В 6 т. Т. 1. Историческая география / гл. ред. В. М. Плюснин. – Новосибирск : «ГЕО», 2014.

Лит.: Зуляр Ю. А., Петрушин Ю. А. Историограф политической ссылки в Сибирь // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2008. – № 1. – С. 277–280; Иванов Александр Александрович // Иркутск: Историко-краеведческий словарь. – Иркутск, 2011. – Стб. 183; С историей и книгой: К 60-летию со дня рождения профессора А. А. Иванова. Мат-лы к биографии, библиографический указатель науч. трудов / сост. Н. Ф. Васильева / науч. ред. С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин. – Иркутск : Оттиск, 2018.

Казарин Виктор Николаевич

Доктор исторических наук, профессор. Род. 5 марта 1958 г. в г. Улан-Удэ. В 1980 г. окончил с отличием исторический факультет ИГУ. С 1980 г. работает в ИГУ: ассистент, секретарь комитета комсомола, преподаватель, старший преподаватель, доцент (с 1991 г.) кафедры отечественной истории и политологии. В 1983–1986 гг. – аспирант ИГУ. В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию «Партийное руководство комсомолом на Всесоюзных ударных стройках Восточной Сибири в 1970-е гг.». В 1994–1997 гг. – докторант ИГУ. В 2012 г. окончил с отличием Байкальский государственный университет экономики и права с присуждением степени магистра юриспруденции по направлению «Юриспруденция». В 1998 г. защитил докторскую диссертацию «Педагогическая и научная интеллигенция Восточной Сибири : формирование, облик, деятельность. Вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.». С 1999 г. в Юридическом институте ИГУ: профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор . Ученое звание профессора по кафедре теории и истории государства и права с 2003 г. С 2015 г. по настоящее время – профессор кафедры конституционного права и теории права ЮИ ИГУ.

Основные направления научно-исследовательской деятельности: история становления и развития образования и науки в Сибири в XIX – начале XXI в., история административно-территориального устройства, история судебно-прокурорской системы.

С 2001 г. член диссертационного совета Д 212.074.05 в ИГУ по защите кандидатских и докторских диссертаций. Член ученого совета ИГУ. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2008). Награжден медалью «80 лет Иркутской области» (2017). Автор более 200 публикаций.

Соч.: *Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х–середина 60-х гг. XX в.) : монография. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1998; Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.) : монография / В. Н. Казарин, Ю. П. Лякутина. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2012.*

Судебная система Иркутской области в советский период (1917–1991 годы) // Судебная система Иркутской области : история и современность. – Иркутск, 2012. – С. 15–50.

Лит.: *Ученый-исследователь // Нам выпала эпоха перемен. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. – С. 142–153.*

Доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета Казарин Виктор Николаевич : 60 лет со дня рождения : биобиблиогр. указ. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018.

Капустин Михаил Иванович

(1912–1983)

Родился 15 ноября 1912 г. в с. Юрсово Земетчинского района Пензенской области. В 1929–1932 гг. учился в педагогическом техникуме в г. Маршанске Тамбовской области. Получил удостоверение учителя обществоведения неполной средней школы. Дополнительно окончил курсы обществоведов и в 1932 г. приступил к пре-

подавательской деятельности в качестве учителя начальной школы в родном селе.

В 1932–1933 гг. прошел обучение в Московском коммунистическом университете преподавателей общественных наук на философском отделении. Получил удостоверение преподавателя диалектического материализма для учащихся техникумов. После возвращения на свою малую Родину работал в 1933–1934 гг. преподавателем обществоведения неполной средней школы.

В 1934–1939 гг. учился в Первом Московском государственном университете (ныне МГУ) на историческом факультете. В июле 1939 г. получил квалификацию научного работника в области исторических наук, преподавателя вуза, втуза и звание учителя средней школы.

В марте 1938 г. был принят в ряды ВКП(б).

По окончании университета поступил в аспирантуру при кафедре марксизма-ленинизма Московского государственного историко-архивного института.

В 1939 г. был призван в Вооруженные Силы, окончил курсы политсостава, получил звание старшего политрука и приступил к несению воинской службы в рядах Красной Армии. Участник войны с июня 1941 г., командир батальона. Войну закончил в звании подполковника.

После демобилизации из рядов Советской Армии в январе 1952 г. восстановился в заочной аспирантуре и в апреле 1952 г. защитил диссертацию на тему «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции» с присвоением ученой степени кандидата исторических наук.

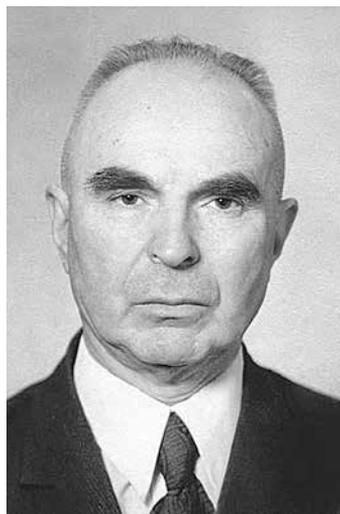
С 1953 г. начинается деятельность в качестве преподавателя высшей школы. В 1953–1957 гг. работал старшим преподавателем Ленинградской командной артиллерийской академии. С ноября 1956-го по январь 1958 г. находился в Венгрии в составе войск Советской Армии.

С января 1959 г. связал свою судьбу с г. Иркутском, где с апреля 1960 г. по направлению Главного управления общественных наук был зачислен старшим преподавателем кафедры истории КПСС Иркутского государственного университета. В апреле 1961 г. присвоено ученое звание доцента.

Активно занимаясь научной работой, много публиковался, в том числе в центральной научной прессе, издавал монографии. В 1960-х гг. работал в архивах и библиотеках Хабаровска, Читы, Иркутска, Красноярска, Кемерово, Новокузнецка, Караганды, Москвы и Ленинграда. В 1972–1974 гг. проходил обучение в докторантуре ИГУ. Защитил докторскую диссертацию «Деятельность КПСС по созданию третьей металлургической базы страны. Руководство партии развитием черной металлургии Сибири и Дальнего Востока в период между XX и XXIII съездами КПСС» по специальности «История КПСС» в ноябре 1974 г. в специализированном совете при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

В марте 1975 г. избран по конкурсу и утвержден в должности профессора кафедры истории КПСС. В 1976 г. стал заместителем заведующего кафедрой, а с 1979 г. возглавлял коллектив до своей трагической гибели.

Много внимания уделял подготовке научных кадров высшей квалификации. Являлся членом диссертационного совета по историческим наукам. Подготовил 20 кандидатов исторических наук. Опубликовал более 10 научно-методических работ, автор четырех монографий и более 50 научных работ.

Принимал активное участие в общественной жизни университета и Иркутской области. В течение 23 лет руководил методической секцией кафедры истории КПСС ИГУ. Трижды избирался членом партбюро факультета, старшим агитатором университета, два года был зампредела секции «Истории КПСС» областного общества «Знание». В 1970-е гг. возглавлял комиссию контроля за качеством учебы при ректорате ИГУ. Исполнял обязанности заместителя начальника по гражданской обороне университета. В 1974 г. работал в составе оргкомитета по подготовке и проведению празднования 30-летия Победы советского народа над фашистской Германией. Являлся членом методсовета при Доме политического просвещения Иркутского ОК КПСС. Читал лекции в вечернем университете Дома офицеров в сети партийного просвещения. Награжден 15 правительственными наградами, в том числе двумя орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, а также медалями «За оборону Кавказа», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др. Неоднократно награждался почетными грамотами Иркутского госуниверситета. Награжден почетной грамотой Кировского РК КПСС г. Иркутска за большую организаторскую, научно-педагогическую и общественную деятельность и в связи с 70-летием.

Соч.: *Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова: Краткий ист. очерк.* – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1978. – С. 128, 163; *Педагог, ученый, солдат // Иркут. ун-т.* – 1982. – 22 дек.; *Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / сост. С. И. Кузнецов.* – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – С. 180; *Иркутск: Энциклопедический словарь / под ред. А. В. Дулова.* – Иркутск, 2006. – С. 166; Зуляр Ю. А. *Капустин Михаил Иванович / Ю. А. Зуляр // Кафедра отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет: люди, судьбы, книги : биобиблиографический словарь.* – Иркутск : Оттиск, 2008. – С. 49–52; Зуляр Ю. А. *Солдат, ученый, педагог (Вехи жизни профессора М. И. Капустина) // Силловые структуры России: история и современность: сб. науч. стат.* – Иркутск : ФГОУ ВПО ВСИ МВД России, 2009. – С. 228–232; Зуляр Ю. А. *Столетний юбилей известного исследователя и педагога: профессор Капустин Михаил Иванович с сегодняшних позиций // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение.* – 2012. – № 2 (9). – Ч. 1. – С. 255–260.

Козьмин Николай Николаевич

(1872–1938)

Родился 16 марта 1872 г. в г. Красноярске в семье учителя. Двенадцати лет лишился отца и воспитывался на казенный счет в Иркутской гимназии, которую окончил в 1891 г. с серебряной медалью. В том же году поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. Окончив в 1896 г. университет, возвращается в Сибирь, однако не находит работы по специальности и устраивается сотрудником Иркутского, позднее – Енисейского землеустроительных учреждений. Опубликовал серию работ по истории Сибири и этнографии хакасов, бурят, тувинцев. Активный деятель сибирского областничества, правитель ВСОРГО в 1903–1906 гг., член Сибирского правительства в 1918–1919 гг. В 1920–1922 гг. занимается журналистской деятельностью

в Харбине. В 1922 г. был приглашен на работу в Бурят-Монгольскую автономную область Дальне-Восточной Республики (г. Чита).

С образованием Бурят-Монгольской АССР переезжает в Верхнеудинск (Улан-Удэ) и работает до 1928 г. в бурятском правительстве, занимаясь проблемами хозяйства и науки. Заместитель Председателя госплана Бурятии. Редактор журнала «Жизнь Бурятии», зам. пред. научного общества имени Доржи Банзарова.

В 1923 г. был избран профессором Иркутского университета по кафедре истории Сибири, однако смог приступить к занятиям только в феврале 1925 г. Н. Н. Козьмин читает в университете, а затем в пединституте курсы русской истории, истории Сибири, организует бурят-монгольское и якутское отделение, кафедру и кабинет монголоведения, принимает участие в разработке проектов педагогических институтов в Бурятии и Якутии, организации китайского цикла в ИГУ, подготовительных курсов для монголов, организации и проведении Краевого научно-исследовательского съезда в Иркутске в 1931 г. Занимался проблемами регионального экономического развития Байкальского региона.

В 30-е гг. выходит цикл работ Н. Н. Козьмина, посвященных социальному строю, экономике и политической истории древних и средневековых обществ Центральной Азии.

Вместе с Б. Э. Петри он организует Иркутское отделение Всесоюзной ассоциации востоковедов. В 1927–1928 гг. – директор Иркутского гос. музея. Опубликовано более 200 работ.

23 августа 1937 г. арестован НКВД как «японский шпион и участник контрреволюционной белогвардейской организации РОВС». 21 августа 1938 г. скончался в тюремной больнице.

Прокуратура Забайкальского военного округа тщательно проверила по имеющимся документам причастие Н. Н. Козьмина к шпионажу в пользу Японии. На обороте требования на проверку обвинения Н. Н. Козьмина проштампована лаконичная надпись: «Не значится» (японским шпионом). В связи с этим 11 марта 1994 г. ректором ИГУ в областную прокуратуру был направлен запрос о реабилитации профессора Н. Н. Козьмина. 18 мая 1994 г. Козьмин Николай Николаевич реабилитирован.

Соч. А. П. Щапов: (По поводу 25-летия со дня смерти). – Иркутск, 1902; Очерки прошлого и настоящего Сибири. – Спб., 1910; Хакасы. Историко-этнографический очерк Минусинского края. – Иркутск, 1925; К вопросу о времени водворения бурят около Байкала. – Иркутск, 1925; Бурятия в географическом и экономическом отношении. – Верхнеудинск, 1924; Основы капитального строительства Бурятии. – Верхнеудинск, 1926; К вопросу о турецко-монгольском феодализме. – М.; Иркутск, 1934.

Лит.: Иркутский университет. – 1996. – 25 сент.; Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1931. – Т. 2. – Спб. 796.; Первые востоковедные чтения. К 130-летию со дня рождения Н. Н. Козьмина. Мат. межд. конф. – Иркутск, 2002; Кузьмин Ю. В. Профессор Н. Н. Козьмин: историк и экономист. – Иркутск, 2006.

Костров Александр Валерьевич

Док. исторических наук, проф. кафедры мировой истории и международных отношений. Закончил исторический факультет ИГУ по специальности «История» в 2000 г., РАНХиГС при Президенте РФ по специальности «Государственное и муниципальное управление» в 2009 г.

В 2000–2003 гг. – аспирантура ИГУ, защитил кандидатскую диссертацию в диссоте Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в 2004 г. по теме: «Развитие концепции старообрядчества в официально-церковном и старообрядческом направлениях отечественной историографии во второй половине XIX –

начале XX вв.». Защитил докторскую диссертацию в диссоте ИГУ в 2011 г. по теме «Эволюция старообрядчества Байкальской Сибири в 1905–1941 гг.».

В 2003–2005 гг. – старший преподаватель, 2005–2013 гг. – доцент, 2013–2015 гг. – кафедры современной отечественной истории исторического факультета ИГУ, с 2015 г. по н. в. профессор кафедры мировой истории и международных отношений. 2007 – получено звание доцента.

Член Совета по защите докторских диссертаций при ИГУ, член разных комиссий администрации Иркутской области и г. Иркутска, эксперт общественной палаты Иркутской области.

Научные интересы: История и историография старообрядчества, отечественная история, конфессиональная история, антропология, визуальная антропология, геополитика. Участник комплексных экспедиций в Бурятии, Туве, Южной Корее, Эфиопии.

Учебные курсы: «Геополитика», «Россия в глобальной политике», «Процесс принятия внешнеполитических решений в РФ», «История отечественного востоковедения», «Источниковедение, Архивоведение», «История России XX в.», «Старообрядчество в истории России XVII–XX вв.» и др.

Автор более 150 научных публикаций на русском и английском языках в 10 странах мира, в т. ч. 7 статей в системе Scopus и Web of Science

Соч.: *Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.).* – Иркутск, 2010. – 444 с.; *Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX – начале XX вв.* – Иркутск, 2006. – 160 с.; *Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири: традиционалистское сообщество под воздействием модернизационной политики (1918–1930-е годы)* // *Исторические записки.* – Вып. 15. – М., 2014. – С. 292–322; *Фотоматериалы как источник по истории семейских старообрядцев Забайкалья.* // *Вестник Тамбовского университета.* – 2010. № 3 (83). – С. 327–333; *Конфессиональная реформа начала XX в. и старообрядчество Байкальской Сибири* // *Вестник ДВО РАН.* – 2009. – № 1. – С. 33–39; *Старообрядчество как оппозиция имперскости и проводник русской традиционной культуры на восточных территориях России* // *Reoscahag. Journal of Institute for Russian and Atlantic studies. Chungbuk National University.* – 2016. – № 2 (12). – С. 251–265; *Изменения в образе жизни старообрядцев Забайкалья в 30-е годы XX в.* // *Материалы III международной конференции «Заволокинские чтения».* – Рига, 2014. – С. 347–356; *Образы внешнего и внутреннего врагов советского государства в предвоенном фильме Александра Довженко «Аэроград»* // *Новый исторический вестник.* – 2015. – № 1 (43). – С. 60–67; *Геополитический фактор в истории Кавказского региона* // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – 2012. – № 7 (21). – Ч. III. – С. 84–86; *Геополитика: Учебно-методическое пособие.* – Иркутск, 2016. – 140 с.

Кудрявцев Федор Александрович

(1899–1976)

Доктор исторических наук, профессор. Род. 5.11.1899 в с. Олонки Балаганск. у-да Ирк. губ., в купеческой семье. В 1918 г. окончил Иркутскую гимназию. В тот же год был мобилизован в армию Колчака. Находясь в прифронтовой полосе, перешел в Красную Армию, служил писарем и учителем ликвидации неграмотности. В 1920 г. откомандирован на учебу в ИГУ. После окончания исторического отделения гуманитарного факультета с 1924 г. работал в школах Верхнеудинска, в архивном управлении Бурятии, был секретарем Бурятского научного общества им. Д. Банзарова. С 1931 г. – научный сотрудник Восточно-Сибирского краевого архивного управления. В 1938–1943 гг. – директор Исторического архива Иркутской области. В 1937 г. арестован органами НКВД, обвинен по ст. 58, непродолжительное время провел в следственном изоляторе.

С 1940 г. – на кафедре истории СССР историко-филологического факультета. В 1942 г. защитил кандидатскую диссертацию «История бурят-монгольского народа: Очерки» (по монографии). С 1956 г. – зав. кафедрой истории СССР ИГУ. В 1961 г. присвоено звание профессора. В 1970 г. в СО АН СССР защитил докторскую диссертацию (по докладу) на тему «Вопросы экономического развития и социальных отношений в Сибири в XVIII–XIX вв.». Исследовал историю бурятского народа и русского населения края, историю сибирской промышленности, революционное движение в Сибири, военно-патриотическую тематику. Как директор архива, много сделал для сохранения, систематизации и публикации документальных фондов Иркутской области. Опубликовал более 350 научных работ. Один из инициаторов создания и авторов многотомной «Истории Сибири» (Л., 1964–1969). Подготовил более 15 кандидатов наук.

Был награжден орденом Трудового Красного Знамени (1957 г.), медалями. Заслуженный деятель науки и техники Бурятской АССР. Умер 26.04.1976.

Соч.: *На баррикадах Иркутска.* – М.; Иркутск, 1935; *Александровский централ.* – Иркутск, 1936; *Восстание крестьян, посадских и казаков восточной Сибири в конце XVII века.* – Иркутск, 1939; *От казачьего зимовья до советского Иркутска.* – Иркутск, 1940; *История бурят-монгольского народа: Очерки.* – М.; Л., 1940; *Буриятто Моко миндзоку си (История бурят-монгольского народа).* – Токио, 1943 (на яп. яз.).

Лит.: Кузнецов И. И. *Крупный ученый и талантливый педагог // Сибирский исторический сборник.* – Иркутск, 1975. – Вып. 3; *Байкальская историческая школа: Проблемы региональной истории.* – Иркутск, 1994. – Ч. 1.; Бильдуева С. В. *Профессор Федор Александрович Кудрявцев – исследователь истории Сибири: автореф. дис. канд. ист. наук.* – Улан-Удэ, 2005; Кузнецов С. И. *Документы о Ф. А. Кудрявцеве в архиве регионального управления ФСБ Российской Федерации по Иркутской области // Сибирь: вехи истории: Тезисы докл. и сообщений научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Ф. А. Кудрявцева.* – Иркутск: Оттиск, 1999. – С. 14–16; Дамешек Л. М., Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. *Признанный авторитет в сибирской историографии (К 110-летию со дня рождения профессора Ф. А. Кудрявцева) // «Патриарх» исторической науки Сибири. К 110-летию со дня рождения Федора Александровича Кудрявцева (1899–1976).* – Иркутск: Оттиск, 2009. – С. 6–10.

Кудряшов Константин Васильевич

(1885–1962)

Доктор исторических наук, профессор. Родился 22 февраля 1885 г. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1911). Доцент, затем профессор русской истории Иркутского университета. В 1920 г. возглавил Восточное отделение внешних сношений ИГУ. После его закрытия уехал из Иркутска. Являясь одним из крупных специалистов по исторической географии СССР, в 1920–1930-е гг. преподавал эту дисциплину на историческом факультете Ленинградского университета и в Ленинградском историко-лингвистическом институте. Глубокое знание источников и исторической географии помогло ему разрешить ряд спорных вопросов древней истории нашей страны. Он уточнил местонахождение древнейшего хазарского города Саркела, путь князя Игоря в Половецкую степь и место воспетого в «Слове о полку Игореве» знаменитого сражения с половцами. С 1948 по 1955 г. К. В. Кудряшов являлся профессором и одновременно заведовал кафедрой истории в Московском государственном библиотечном институте.

Его научные интересы были разнообразны, особенно активно он работал в области древнерусской истории и истории России XIX в. Его перу принадлежат работы и статьи по истории России конца XVIII – первой половины XIX века. В годы Великой Отечественной войны, будучи в эвакуации, он опубликовал ряд брошюр и статей о героическом прошлом народов нашей страны.

Много и плодотворно работал он как ученый-историк в последние годы жизни, уже находясь на пенсии. В 1959 г. вышла в свет его книга «Про Игоря Северского, про землю русскую», которая подводит итоги его многолетним исследованиям в области истории Киевской Руси. Затем была издана книга «Москва в далеком прошлом. Очерки городской жизни, быта и нравов Москвы XVI–XVII вв.», написанная в соавторстве с А. Л. Яновским. Незадолго до своей кончины он опубликовал к 150-летию Отечественной войны 1812 г. блестящую по форме изложения научно-популярную книгу «Москва в 1812 году». Всего за период 35-летней научной деятельности он написал свыше 100 работ по истории нашей Родины. Основные работы Кудряшова посвящены проблемам древнерусской истории и истории России XIX в., а также исторической географии.

За труд «Русский исторический атлас», изданный в 1928 г., ему была присуждена специальная премия.

Умер 20 октября 1962 г. в Москве.

Основные труды: *Историко-географические сведения о половецкой земле по летописным известиям о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г.* // Изв. Гос. Геогр. Об-ва. – Л.; М., 1937. – Т. 69, вып. 1. – С. 52–66; «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении // Слово. Сб. – 1947. – С. 43–94; *Половецкая степь: Очерки исторической географии.* – М., 1948. – С. 42–90; *Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь* // ТОДРЛ. – 1958. – Т. 14. – С. 49–60; *Про Игоря Северского, про землю Русскую: Историко-географический очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г.* – М., 1959.

Лит.: Константин Васильевич Кудряшов (некролог) // *Вопросы истории.* – 1963. – № 3. – С. 217.

Кузнецов Илья Иннокентьевич

(1925–2003)

Доктор истор. наук, профессор. Родился 19 января 1925 г. в с. Малая Елань Иркутской области. В 1942 г. после школы поступил на подготовительные курсы, а затем на историческое отделение историко-филологического факультета ИГУ, который окончил с отличием в 1946 г.

Годы учебы в университете совпали с периодом Великой Отечественной войны, поэтому естественным был и выбор проблематики научных исследований: изучение героического прошлого нашей страны, истории Гражданской и Великой Отечественной войн. Окончив аспирантуру при кафедре истории СССР ИГУ, в 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию «30-я Иркутская дивизия в годы Гражданской войны (Из истории Советской Армии)», руководитель М. А. Гудошников, а в 1973 г. – докторскую диссертацию «Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны (Вопросы социально-экономического развития и помощи фронту)». Обе диссертации защищены в совете при ИГУ. С 1976 г. – профессор кафедры истории СССР исторического факультета. В 1973–1978 гг. – заведующий этой кафедрой. С 1990 по 1995 гг. – профессор общеуниверситетской кафедры отечественной истории.

За годы научного творчества опубликовано более 300 работ (монографии, брошюры, статьи, рецензии, доклады). Статьи печатались в таких центральных журналах, как «Вопросы истории», «История СССР», «Военно-исторический журнал», «Наука и жизнь» и др.

За почти 50-летнюю работу в университете подготовил сотни высококвалифицированных специалистов по историческим наукам, которые ныне трудятся в Иркутской области, Бурятии и Якутии, Забайкальском крае и других регионах страны. Являлся членом диссертационного совета при ИГУ, а в 1976–1996 гг. – заместителем председателя совета, подготовил 20 кандидатов и докторов исторических наук.

В последние пять лет трудовой деятельности продолжал разрабатывать традиционные темы. Это касается книги «Память», посвященной иркутянам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В 1990–1997 гг. принял активное участие в издании девяти частей этого уникального исторического справочника. Другая важная проблема – роль командных кадров высшего звена в годы Великой Отечественной войны. В 1994–1995 гг. статьи на эту тему печатаются в американском журнале «Славянские военные исследования», публикует статьи «Советский генеральский корпус в 1941–1942 гг. Потери в личном составе» и «Советский офицерский корпус в 1943 г. Потери в командном составе». Продолжением плодотворного сотрудничества с журналом в 1999 г. становится статья о сталинском министре В. С. Абакумове, статья о советских военных советниках в Монголии (1921–1939 гг.).

После смерти часть его уникальной военно-исторической библиотеки передана в дар Иркутскому краеведческому музею. Там же хранится полная картотека Героев Советского Союза, маршалов, генералов, адмиралов СССР – результат труда многих десятилетий. Его личный архив находится в фондах ОГУ ГАНИИО.

Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «30 лет победы в Великой Отечественной войне», двумя медалями Монгольской Народной Республики.

Соч.: *Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945.* – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. – 510 с.; *Герои Халхин-Гола.* – Улан-Батор : Госиздат, 1981. – 125 с.; *Золотые звезды иркутян.* – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. – 352 с.; *Золотые звезды Алтая.* – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1982. – 280 с.; *Первые Герои Советского Союза.* – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1983. – 221 с.; *Герои Советского Союза: краткий биографический словарь.* – М.: Воениздат, 1987. – Т. 1. – 911 с. – 1988. – Т. 2. – 863 с. (в соавторстве); *Судьбы генеральские. Высшие командные кадры Красной Армии в 1940–1953 гг.* – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2000. – 466 с.; *Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года.* – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2000. – 400 с.

Лит.: *Библиографический указатель трудов Кузнецова Ильи Иннокентьевича. К 60-летию со дня рождения.* – Иркутск : Иркутский университет, 1984; *Кузнецов И. И. К 70-летию со дня рождения: материалы к библиографии / сост. М. П. Труфанов, Н. Л. Кален, С. И. Кузнецов; вступ. ст. Н. Н. Щербакова.* – Иркутск : Центр оперативной полиграфии САФ ИГУ, 1995. – 13 с.; *Кузнецов И. И. К 75-летию со дня рождения: материалы к библиографии.* – Иркутск, 2000.

Кузнецов Сергей Ильич

Доктор исторических наук, профессор. Род. 4 марта 1956 г. в Иркутске. Окончил исторический факультет ИГУ в 1978 г. В 1978–1982 гг. – стажер-исследователь Ленинградского университета и аспирант кафедры всеобщей истории ИГУ. С 1982 г. – ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры всеобщей истории ИГУ. В 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию «Англия и Япония (1945–1962 гг.)» в Томском университете, в 1994 г. – докторскую диссертацию «Японские военнопленные в СССР (1945–1956 гг.)» в Иркутском университете. С 1995 г. – профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений. Ученое звание профессора присвоено в 1996 г. С 1996 по 2001 гг. – зав. кафедрой современной отечественной истории ИГУ, в 2000–2005 гг. – декан исторического факультета ИГУ, с 2008 г. – зав. кафедрой мировой истории и международных отношений ИГУ.

Автор более 250 научных работ по истории Японии и российско-японских отношений. Исследовал международные отношения и внешнюю политику Японии после Второй мировой войны, одним из первых обратился к проблеме военнопленных в истории советско-японских отношений. Монографии и статьи опубликованы в Японии, США, Англии, Франции, Корее, Монголии, Польше. Приглашенный исследователь японских университетов Цукуба (1997–1998 гг.), Симанэ (2003–2004 гг.), приглашенный профессор университета Хоккайдо (2007–2008, 2017–2018 гг., Япония). Председатель докторского диссертационного совета по историческим наукам в ИГУ с 2015 г., член диссертационного совета в ИМБТ СО РАН. Под его руководством защищено 14 докторских и кандидатских диссертаций. Зам. главного редактора журнала «Известия Иркутского государственного университета. Серия История». Член редколлегии журналов «Известия лаборатории древних технологий», «Вестник БНЦ СО РАН», «The Journal of Slavic Military Studies», член редсовета журнала «Japan Studies», издания «Япония. Ежегодник».

Награды: лауреат премии Губернатора Иркутской области в области культуры и искусства (2015), юбилейная медаль в честь 350-летия г. Иркутска (2012). Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2012).

Соч.: Япония в дальневосточной политике Великобритании (1945–1962 гг.). – Иркутск, 1988; *Иркуцуку-но сю нихондзин боти* (Японские военнопленные в Иркутской области). – Канадзава, 1993 (на яп. яз.); *Исполнительная власть в Японии: Личность и история (1885–1945 гг.)*. – Иркутск, 1996; *Страны-соседи, города-побратимы*. – Иркутск, 1996 (в соавт.); *Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.)*. – Иркутск, 1997; *The Ideological Indoctrination of Japanese Prisoners of War in the stalinist Camps of the Soviet Union (1945–1956) // The Journ. of Slavic Military Studies*. – 1997. – Vol. 10. – № 4; *Сибэриа-но нихондзин хорё* (Японские военнопленные в Сибири). – Токио, 1999; *Memory and Identity: Japanese POWs in the Soviet Union. Japan and Russia. Three Centures of Mutual Images*. – Folkestone, Kent, 2008 (в соавт.); *Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века*. – М., 2015 (в соавт.).

Лит.: Кузнецов Сергей Ильич: к 60-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016; *Взойдя на вершину горы... : К 60-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора С. И. Кузнецова / Сост. А. А. Иванов, Л. В. Курас*. – Иркутск : Оттиск, 2016.

Лиштованный Евгений Иванович

Доктор исторических наук, профессор. Род. 12 августа 1956 г. в г. Слюдянка Иркутской области. В 1973–1975 гг. В 1982 г. с отличием окончил исторический факультет ИГУ. Окончил аспирантуру в Иркутском университете. В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию «Сотрудничество КПСС и МНРП в руководстве подготовкой кадров народной интеллигенции МНР: 1920-е – 1980-е годы (на материалах Восточной Сибири)». После защиты диссертации – преподаватель и доцент исторического факультета ИГУ.

В 1990–1991 гг. проходил стажировку в Монгольском государственном университете. В 1998 г. защитил докторскую диссертацию «Россия и Монголия в XX веке: региональный опыт взаимоотношений». С 2000 г. – профессор кафедры мировой истории и международных отношений. В 2005–2010 гг. – декан исторического факультета. В 2008–2015 гг. – председатель диссертационного совета по историческим наукам в ИГУ.

Автор более 50 научных публикаций. С 2011 г. – представитель Иркутской области в Монголии, затем секретарь Посольства РФ в Монголии.

Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Награжден монгольскими государственными наградами, в том числе знаком «Передовой работник монгольской науки», медалью «Найрамдал» («Дружба»).

Соч.: *Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири: (1920–1980-е годы): Учеб. пособие*. – Иркутск : ИГУ, 1992; *Лиштованный Е. И. Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.)*. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1998; *От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии*. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2007; *Движение Японии на континент как геополитическая неизбежность // Халхын Голын дайны туухийн судалгаа: баримт ба газар орон. (Историческое исследование войны на Халхин-Голе:*

документы и местность»). – Улаанбаатар, 2013. – С. 124–129; *Сибирь и Монголия в период деятельности И. Я. Коростовца // Материалы международной конференции «Монголо-российский договор 1912 г. и И. Я. Коростовец»*. – Улан-Батор, 2013. – С. 74–81; *Роль Восточной Сибири в становлении и развитии российско-монгольских отношений первой четверти XX века // Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века*. – Иркутск, 2013. – С. 40–45.

Лит.: Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. Профессор Евгений Иванович Лиштованный. К 50-летию со дня рождения // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007*. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – С. 430–432; Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. *Монголия в судьбе сибирского историка // Проблемы социально-экономического развития Сибири*. – Изд. БрГУ, 2017. – № 1 (27). – С. 177–179.

Лурье Соломон Яковлевич

(1891–1964)

Доктор исторических и филологических наук, профессор, родился 8 января 1891 (27 декабря ст. ст. 1890) года в Могилеве. В 1908 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где стал специализироваться по классической древности – по греко-римской филологии и истории. Сильное влияние на Лурье оказали С. А. Жебелев, И. И. Толстой, Ф. Ф. Зелинский. Выпускное сочинение, посвященное истории Беотийского союза, было удостоено Большой золотой медали, а вскоре было опубликовано. Молодой ученый был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, однако начавшаяся Первая мировая война, а затем и революционные события помешали этому.

В 1923 г. начал работать в Петроградском университете, вскоре завоевав научный авторитет и превратившись в видную фигуру в советском антиковедении, профессор с 1927 г. В 1941–1942 гг. декан историко-филологического факультета ИГУ. Доктор исторических (1934) и филологических (1943) наук. В январе 1943 г. восстановлен в ЛОИИ, в 1944 г. – в ЛГУ. 25 декабря 1945 г. перешел с исторического факультета ЛГУ на кафедру классической филологии филологического факультета.

Был одним из крупнейших исследователей общественных отношений античности и древнегреческой науки, особенно Демокрита. Как лингвист, еще в 1940-е гг. поддержал гипотезу о греческом языке надписей критского линейного письма. Позднее выступил активным сторонником дешифровки данного письма, предложенной М. Вентрисом и Дж. Чедвиком. Во многом благодаря его работам советские историки внесли значительный вклад в изучение древнейшего (микенского) периода Греции.

Ему принадлежат работы по древнегреческой истории, литературе, языкознанию, эпиграфике, фольклору, философии, истории математики. Научное наследие ученого насчитывает свыше 200 научных работ, в том числе более 20 отдельно изданных книг, многие из которых переиздаются до сих пор. Ему принадлежат также комментированные переводы сочинений Ксенофонта (1935), Плутарха (1940) и других античных авторов. В годы «борьбы с космополитизмом» в 1949 г. был уволен из ЛГУ, а в 1950 году в поисках работы по специальности ему пришлось покинуть

Ленинград. Он работал в Одесском институте иностранных языков (1950–1952 гг.), затем переехал во Львов, где до самой смерти – 30 октября 1964 года – оставался профессором кафедры классической филологии Львовского университета.

Соч.: *Антисемитизм в Древнем Мире*, 1922; *Антифонт. Творец древнейшей анархической системы*. М., 1925. – 160 с. (*Анархизм в Древней Греции*; вып. II); *История античной общественной мысли*. М., 1929; *Механика Демокрита*. *Архив истории науки и техники*. – Сер. I, вып. 7, 1935. – С. 129–180; *Теория бесконечно-малых у древних атомистов*. – М.; Л., 1935; *История Греции. С древнейших времен до образования Афинского морского союза*. – Л., 1940. – Ч. 1; *Архимед*. – М.; Л., 1945; *Геродот*. – М.; Л., 1947; *Очерки по истории античной науки*. – М.; Л., 1947; *Язык и культура Микенской Греции*. – М.; Л., 1957; *Демокрит и индуктивная логика // Вестник древней истории*. – 1961. – № 4. – С. 58–67; *Демокрит: Тексты, перевод, исследования*. – Л., 1970.

Лит.: Лурье Соломон Яковлевич // *Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / под ред. А. М. Прохорова*. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969; Гаврилов А. К. С. Я. Лурье и У. фон Виламовиц-Меллендорф: *История заочного сотрудничества // Всеобщая история и история культуры: Петербургский историографич. сб.* – СПб., 2008. – С. 45–67; Боровский Я. М. Соломон Яковлевич Лурье: *К семидесятилетию со дня рождения // Боровский Я. М. Opera philologica*. – СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; «Дмитрий Буланин», 2009. – С. 398–402. ISBN 978-5-86007-618-1; *Конржива-Лурье Б. Я. История одной жизни*. – Париж: Atheneum, 1987. – 268 с.

Маджаров Александр Станиславович

Доктор исторических наук, профессор, родился 9 августа 1949 г. в г. Целинограде. Закончил исторический факультет ИГУ (1972), по специальности «Историк, преподаватель истории и обществоведения». В 1972–1976 гг. был на стажировке и учился в аспирантуре Ленинградского университета. 24 ноября 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию «Мемуары большевиков как исторический источник (1907–1917 гг.)» в Ленинградском госуниверситете. 3 декабря 1993 г. защитил в Московском госуниверситете докторскую диссертацию «Эволюция демократического направления в отечественной историографии 50–70-х гг. XIX в.» (утверждена ВАК 21 января 1994 г.) С 1 декабря 1976 г. работал на кафедре истории СССР, позднее историографии, источниковедения отечественной истории, истории России преподавателем, старшим преподавателем, доцентом, профессором. Ученое

звание профессора по кафедре историографии и источниковедения отечественной истории по решению ВАК получил 24 июля 1996 г. Награжден юбилейной медалью «В память 350-летия Иркутска» 10 февраля 2012 г., звание «Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации» присвоено 12 декабря 2009 г., 2 октября 2009 г. награжден грамотой мэра г. Иркутска. Специализируется по историографии и источниковедению отечественной истории, методологии истории, истории культуры. Организатор Всероссийской конференции «Щаповские чтения», посвященной проблемам историографии, источниковедения, истории России. Состоялось одиннадцать конференций (1996–2018), ответственный редактор сборника материалов.

Член Союза журналистов, член Союза писателей России, автор и ведущий передач на областном и городском радио, в том числе передачи «Мелодии моей души», признан «Лучшим журналистом Иркутской области» в номинации «Радиопрограмма года» (2011). Автор инсталляций (выставки 1999, 2007, 2009).

Соч.: *Афанасий Шапов (1992), «Эволюция демократического направления в русской историографии 50–70-х гг. XIX в.» (1994), «Афанасий Прокопьевич Шапов: история жизни и жизнь «Истории» (2005), «Понедельники как воскресенья» (2009), «Мелодии моей души. История России XX в биографиях певцов и композиторов (2012), «История России в теории цивилизаций» (2014), автор около 200 статей.*

Лит.: *Маджаров Александр Станиславович / Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998). – Иркутск, 1998. – С. 60–61; Маджаров Александр Станиславович / История интеллигенции в России в биографиях ее исследователей: опыт энцикл. слов. – Екатеринбург, 2002. – С. 114.; Маджаров Александр Станиславович / Иркутск: энциклоп. слов. – Иркутск, 2006. – С. 212.; Маджаров Александр Станиславович / Приангарье : годы, события люди: календ. знамен. и пам. дат. – Иркутск, 2008. – Вып. 42. – С. 99–102; Александр Станиславович Маджаров (Биобиблиография ученых ИГУ). – Иркутск, 2009. – 160 с.; Казарин В. Н. Александр Станиславович Маджаров: к 65-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора ИГУ // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. – Т. 12, 2015. – С. 119–138.*

Медведев Герман Иванович

(07.01.1936 – 21.02.2015)

Доктор исторических наук, профессор. Род. в г. Наро-Фоминске Московской обл. в семье кадрового военного. В 1957 г. впервые принял участие в научной археологической экспедиции. В 1959 г. окончил исторический факультет ИГУ. Работал в Иркутском краеведческом музее. В 1963 г. закончил аспирантуру в ИГУ (научный руководитель М. М. Герасимов). С 1963 г. – ассистент кафедры всеобщей истории исторического факультета ИГУ. Создал лабораторию археологии в ИГУ. В 1968 г. в Институте археологии АН СССР (Москва) защитил кандидатскую диссертацию «Мезолит Верхнего Приангарья». Работал старшим преподавателем, доцентом кафедры всеобщей истории. В 1976–1988 гг. – зав. кафедрой всеобщей истории. В 1983 г. защитил докторскую диссертацию «Палеолит Южного Приангарья» в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (Новосибирск). Организатор и зав. кафедрой археологии и этнографии на историческом факультете ИГУ (1988–2015 гг.). Директор Центра международных гуманитарных программ (позднее – ИГУ) (1993–2015 гг.), директор, главный научный сотрудник Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета (1993–2015 гг.). Действительный член Академии гуманитарных наук РФ (1996 г.). Глава Комплексной археологической экспедиции ИГУ (1960–2015 гг.).

С именем Германа Ивановича Медведева связано возрождение и развитие всемирно известной иркутской школы археологии, реализованное в работе кафедры археологии, этнологии и истории древнего мира и Научно-исследовательского цен-

тра «Байкальский регион». Неоценим его вклад в исследование палеолита Сибири: он первым открыл нижнепалеолитические комплексы Сибири. С его именем связано продолжение исследования уникальнейшей Мальтинской палеолитической стоянки, он предложил оригинальные разработки подходов и методов изучения древних технологий.

Автор более 250 научных публикаций, опубликованных в России и за рубежом. Под его руководством защищено более 25 кандидатских и докторских диссертаций. Руководил научными направлениями во всероссийских программах «Проблемы Байкала и Байкальского региона», «Университеты России», «Интеграция академической и вузовской науки», российско-бельгийским проектом «Проблемы эволюции археологических культур верхнего плейстоцена и происхождение современного человека *Homo sapiens sapiens*». Неоднократно направлялся в научные командировки в Японию, Китай, Республику Корея, Германию, Бельгию. Член докторских Советов институтов РАН в Новосибирске и Владивостоке. Член международного научного совета по проблемам Берингийской суши. Действительный член национального Географического общества США.

Награды: Почетная грамота Министерства высшего образования (1996); Медаль за вклад в наследие народов России (2002); Золотая медаль Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (2005); Диплом лауреата областного конкурса в сфере науки и техники 2011 г. (2012). Заслуженный деятель науки РФ (1999).

Соч.: *Мезолит Верхнего Приангарья (коллективная монография)*. – Иркутск, 1971. – Ч. 1: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов. – 242 с.; *Мезолит Верхнего Приангарья (коллективная монография) / Отв. ред. М. П. Аксенов*. – Иркутск, 1980. – Ч. 2: Памятники Иркутского района. – 140 с.; *Le Paleolithique de la Rive occidentale du Lac Baïkal*. – Bruxelles, 1997 (в соавт.); *Место культуры Верхоленской горы в археологической периодизации Прибайкалья // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока*. – Новосибирск, 1961. – С. 235–244; *К итогам исследования мезолита на многослойном поселении Усть-Белая (1957–1964) // Изв. ВСОГО СССР*. – 1967. – Т. 65. – С. 133–152; *Новые палеолитические местонахождения в долине реки Ангары // Антропологическая реконструкция и проблемы палеогеографии: Сб. памяти М. М. Герасимова*. – М., 1973. – С. 148–152; *Исследование палеолитического местонахождения Игетейский Лог I // Палеолит и мезолит юга Сибири*. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 6–34; *Плейстоцен-голоценовые отложения и почвы археологических памятников юга Средней Сибири*. – Иркутск : Иркут-ун-т, 1984. – В двух частях (в соавт.); *Геоархеология // Антропоген, палеоантропология, геоархеология, этнология Азии*. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2008. – С. 133–155.

Лит.: Г. И. Медведев: *Биобиблиография*. – Иркутск, 2011; *Сибиряки. Современная летопись*. – Иркутск, 2009; *Институт Археологии и Этнографии : Поиски и открытия*. – Новосибирск, 2006.

Мухин Алексей Александрович

(1917–1999 гг.)

Доктор исторических наук, профессор, родился 23 февраля 1917 г. в д. Серавинская Архангельской области. Окончил рабфак Вологодского госпединститута и исторический факультет Кировского пединститута в 1940 г. Участник Великой Отечественной войны, воевал на Прибалтийском, Западном, 1-м Белорусском фронтах, был ранен в битве за Берлин. После войны работал на кафедре истории СССР Кировского пединститута. В 1951 г. окончил аспирантуру в Ленинградском университете и защитил кандидатскую диссертацию по истории рабочего движения и формированию пролетариата в России после отмены крепостного права. С

1957 г. – доцент кафедры истории СССР Иркутского университета. В 1966 г. в Пермском университете защитил докторскую диссертацию «Рабочие Сибири в эпоху капитализма (Очерки истории промышленного пролетариата, 1861–1917 гг.)». С 1962 г. – профессор. На историческом факультете ИГУ читал курс истории СССР, спецкурсы «Рабочие Сибири в эпоху капитализма». Зав. кафедрой истории СССР, декан исторического факультета с 1968 г. до отъезда из Иркутска в начале 70-х годов. Последние годы жизни работал в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена. Награжден орденами Славы, Отечественной войны, Красной Звезды, медалью «За отвагу». Умер в Санкт-Петербурге в 1999 г.

Соч.: *Очерки по истории Иркутской организации КПСС. – Ч. 1 (1901–1920 гг.). – Иркутск, 1966 (в соавт.); Большевики – руководители рабочего движения в Иркутской губернии накануне февральской революции 1917 года // Записки Иркутского областного краеведческого музея: сб. статей и материалов. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965.*

Лит.: Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. Мухин Алексей Александрович // *История и историки. 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета. – Иркутск, 2008.*

Новиков Геннадий Никифорович

(8.02.1949 – 24.03.2008 гг.)

Доктор исторических наук, профессор, родился 8 февраля 1949 г. в г. Ачинске Красноярского края. В 1966 г. окончил школу № 41 в г. Алма-Ате. В 1966 г. поступил на исторический факультет ИГУ, который окончил с отличием в 1971 г. После окончания университета избран преподавателем кафедры всеобщей истории ИГУ. В 1972 г. поступил в аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории МГУ им. М. В. Ломоносова. В декабре 1975 г. в МГУ защитил кандидатскую диссертацию на тему «Программа «нового общества» и борьба партий во Франции (1969–1972 гг.)». Вернувшись в Иркутск, работал старшим преподавателем кафедры всеобщей истории ИГУ, читает основные курсы новейшей истории Европы и Америки.

В 1978 г. в рамках советско-французского межгосударственного соглашения об обмене студентами, аспирантами и научными работниками направлен в Институт политических наук (Сорбонна) в Париже. Материалы, собранные во Франции, вскоре были опубликованы в серии статей в самом авторитетном отечественном франковедческом издании – «Французском ежегоднике». В 1984 г. в московском издательстве «Наука» вышла монография «Голлизм после де Голля», ставшая основой докторской диссертации. Глубокие исследования, проводившиеся Г. Н. Новиковым

в 1980-е гг., поставили его в ряд ведущих отечественных франковедов, одного из немногих специалистов по истории голлизма во Франции.

В апреле 1985 г. защитил в МГУ докторскую диссертацию на тему «Идейная и социально-политическая эволюция голлизма после де Голля (конец 60-х – начало 80-х гг.)».

В 1984 г. по межгосударственному соглашению был направлен в г. Бамако (Республика Мали) для чтения лекций в Национальной Административной школе (ENA). Четыре года читал лекции в ENA по истории политических учений и международным отношениям. В 1986–1988 гг. был руководителем группы преподавателей Минвуза СССР в Республике Мали. В 1989 г. прошел стажировку в Дипломатической академии МИД СССР. В 1990-е годы читал лекции и за рубежом – в университетах Франции, Польши, Китая, США и Канады.

Вернувшись на Родину, возглавил созданную на базе кафедры всеобщей истории кафедру новой, новейшей истории и международных отношений Иркутского университета, которой руководил до марта 2008 г. Он являлся создателем и бессменным руководителем учебного направления по специальности «Международные отношения» на историческом факультете ИГУ, одновременно работал научным директором Межрегионального института общественных наук при ИГУ.

Являлся заместителем, а затем и председателем совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по историческим наукам при ИГУ. Под его руководством подготовлено 3 кандидата и 2 доктора наук.

С 1990 г. возглавлял Иркутскую областную ассоциацию друзей Франции, внося существенный вклад в развитие дружеских связей между Иркутской областью и Францией. В октябре 1998 г. избран вице-президентом Международного фонда «Байкальский дом Европы».

Награжден Почетными грамотами Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Мали, Временного Поверенного в делах, занесен на Доску Почета Посольства. Кавалер французского ордена Академических Пальм (1999) и национального французского ордена «За заслуги» (2003). На родине отмечался почетными грамотами.

Соч.: *Институт промышленного развития во Франции (1969–1972 гг.) // Проблемы всеобщей истории.* – М., 1974; *Дискуссия о «новом обществе» во Франции // Французский ежегодник.* – 1977. – М., 1979; *General de Gaulle et la France Libre vus par des auteurs francais a Teroque de la Resistance et de la Liberation // La Revue de la France Libre.* – 2 trimestre 1979. – n. 227. – 1980; *Recherches sur le general de Gaulle et le gaullisme en URSS // La revue de l'Institut Charles de Gaulle "Espoir".* – 1980. – n. 30. – 1981; *Кризис голлизма и образование партии «Объединение в поддержку Республики» (РПР) // Французский ежегодник.* – М., 1982; *Роль государственно-монополистического регулирования экономики в доктринах партий правящего большинства во Франции (конец 60-х – начало 70-х гг.) // Развитие государственно-монополистического капитализма и идеологическая борьба во Франции.* – Алма-Ата, 1982; *Голлизм после де Голля. Идейная и социально-политическая эволюция. 1969–1981 гг.* – М.: Наука, 1984; *L'Introduction a la Theorie des Relations Internationales.* – Ватако, 1988; *Де Голль и голлизм во французской историографии, публицистике и политологии (40–80-е гг.) // Французский ежегодник.* – 1988. – М., 1990; *L'Effondrement du Federalisme Sovetique // L'Aquarium.* – 1996. – № 13–15; *Теории международных отношений.* – Иркутск, 1996; *Рукопись Керенского из Техаса / А. Ф. Керенский. История России.* – Иркутск, 1996.

Лит.: Профессор Новиков Геннадий Никифорович: Библиографический указатель (К 50-летию со дня рождения) / Под ред. С. И. Кузнецова. – Иркутск: Изд.-во ИГУ, 1999. – 16 с.; С. И. Кузнецов. *Историограф голлизма (К 60-летию со дня рождения профессора Г. Н. Новикова) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009.* – Иркутск: Изд.-во БГУЭП. – 2009. – С. 395–399; Новиков Геннадий Никифорович // *Историки России. Кто есть кто в изучении зарубежной истории: Библиографический словарь.* Изд. 2-е, испр., доп. – М., 2008. – С. 180–181; *Памяти Геннадия Никифоровича*

Огородников Владимир Иванович

(1886–1938)

Профессор истории. Родился 28 мая 1886 г. в с. Пустополье Уржумского уезда Вятской губернии. Среднее образование получил в Вятской духовной семинарии.

После окончания в 1910 г. с дипломом 1-й степени историко-филологического факультета Казанского университета оставлен в 1911 г. на кафедре русской истории, а через год избран преподавателем русской истории на Казанских высших женских курсах. В 1914 г. после сдачи магистерского экзамена и присвоения звания приват-доцента продолжил преподавательскую деятельность в университете: читал лекции, вел практические занятия и занимался научными изысканиями. В сентябре 1917 г. избран доцентом кафедры русской истории, в 1918 г. был утвержден в этом звании. Подготовил ряд научных работ, изданных в трудах Московского и Казанского университетов в 1912–1917 гг.

22 октября 1918 г. избран деканом историко-филологического факультета новооткрытого Иркутского университета. Одновременно, в звании и. д. экстраординарного профессора, занял кафедру русской истории. В 1918–1919 гг. читал курсы русской истории и истории Сибири, уделяя при этом большое внимание преобразованию факультета, он содействовал открытию трех отделений: славяно-русского, исторического и восточного.

В связи с закрытием ИГУ 6 декабря 1919 г. Огородников отказался от должности декана. В апреле 1920 г., при возобновлении работы реорганизованного ИГУ, историко-филологический и юридический факультеты были слиты в один – гуманитарный, он был избран председателем исторического отделения факультета, а в августе – председателем Восточного отделения того же факультета. В мае-июне 1920 г. исполнял обязанности декана гуманитарного факультета.

7 марта 1920 г., назначен ученым руководителем архивной секции, затем управляющим Иркутским губернским архивом. 15 марта 1920 г. под его руководством образован Центральный архив Восточной Сибири (ЦАВС). Работал до июня 1921 г., обеспечив создание государственной архивной службы региона.

В июне 1921 г. откомандирован в Читу для организации Государственного института народного образования, в сентябре 1921 г. избран его ректором. С переводом института во Владивосток, в начале 1923 г., назначен ректором Дальневосточного государственного университета, который возглавлял до 1928 г. В 1930 г. назначен заместителем директора Камчатского отделения Арктического института. 5 мая 1933 г. в Петропавловске-Камчатском был арестован по сфабрикованному делу об организации антисоветской организации, умер 22 сентября 1938 г. в «Севжелдорлаге» Архангельской области. В 1956 г. его дело было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления.

Соч.: Донесение о Московии второй половины XVI в. Перевод с итальянского с предисловием, примечаниями и приложениями. – М., 1913; Иван III и зарубежные евреи (Хозяин Кокос и Захария Гуиль-Гурис) // Сб. ст. в честь Д. А. Корсакова. – Казань, 1913;

Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 1. Введение: История дорусской Сибири. – Иркутск, 1920; Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. – Иркутск, 1920; Из истории покорения Сибири: Покорение Юкагирской земли. – Чита, 1922; История дорусской Сибири. – Владивосток, 1924. – Ч. 2, вып. 1; Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII веке. – Владивосток, 1927.

Лит.: *Иркутский государственный университет, 1918–1921 : сб. ко дню трехлетия существования университета. – Иркутск, 1921; Отчет о деятельности ГИНО в Чите за 1921/22 акад. год. – Чита, 1922; Иркутский государственный университет: крупнейший учебно-методический и научный центр Восточной Сибири : (крат. ист. очерк). – Иркутск, 1978; Намжилова Г. Б. О чем рассказали экслибрисы, маргиналии, штампы / Г. Б. Намжилова // Библиотека. – 1995. – № 12; Душкина Т. М. К истории образования государственного архива Иркутской области (1920–1941 гг.) / Т. М. Душкина // Архивы – источник истины : материалы науч.-практ. конф... – Иркутск, 1998; Дальневосточный гос. ун-т. История и современность. 1899–1999. – Владивосток, 1999; История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. – Владивосток, 1999; Бедулина И. П. В. И. Огородников – основатель государственной архивной службы Иркутской области / И. П. Бедулина // Научные сообщества историков и архивистов: интеллектуальные диалоги со временем и миром : материалы региональной науч.-практ. конф., 5 июня 2006 г. – Омск, 2006; Малявина Л. С. Из истории научных учреждений Востока России: Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт (1923–1931 гг.) / Л. С. Малявина. – Хабаровск, 2007; Казарин В. Н. Гуманитарное сообщество Иркутского университета в годы гражданской войны в Сибири / В. Н. Казарин // Христианское начало в культуре России XIX–XXI вв. 7-е Шапов. чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 8 окт. 2008 г. – Иркутск, 2008. – С. 317–345; Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2011; Бедулина И. П., Моисеев В. В. Владимир Огородников и Борис Кубалов: Сибирские страсти жизни и сотрудничества двух историков-архивистов // Новый исторический вестник. – 2011. – № 29 (3); Зуляр Ю. А. Огородников Владимир Иванович // ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь. – Иркутск, 2016. – С. 55–59.*

Олтаржевский Владимир Павлович

Доктор исторических наук, профессор. Родился 24.09.1935 г. в г. Каменск-Уральский в семье инженера-геолога. В 1957 г. окончил историко-филологический факультет Иркутского госуниверситета по специальности «История» (дипломная работа «Бандунгская конференция 1955 г.», под рук. проф. С. В. Шостаковича). В 1957–59 гг. работал научным сотрудником и заместителем директора по науке Иркутского областного краеведческого музея. В XI.1959 – IX.1961 гг. учился в аспирантуре при кафедре всеобщей истории ИГУ. С сентября 1961 г. – преподаватель, с 1964 г. – ст. преподаватель, с 1973 г. – доцент кафедры всеобщей истории; с 1997 г. профессор кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ (аттестат профессора ПРН№000118 от 20.X.1999). Декан исторического факультета в 1973–76 гг.

Вел лекционные и семинарские занятия по истории средних веков Европы и стран Востока, новейшей истории Европы и Америки, ряд спецкурсов и спецсеминаров по зарубежной истории; с 90-х годов – курсы

лекций, практических и семинарских занятий по истории международных отношений, основам дипломатии, введению в специальность «Международные отношения». Разработал спецкурсы по международным отношениям в Восточной Азии, по истории Новой Зеландии.

Повышение квалификации: ФПК и стажировки (от 2-х до 4-х м-цев) в МГУ, ЛГУ, ИМЭМО РАН, ИВИ РАН, ИВ РАН (60–80-е гг.), МИД СССР (1991 г.), Университет Уаикато, Новая Зеландия (1993 г.), МГИМО (2002 г.).

В 1972 г. в Томском госуниверситете защитил кандидатскую диссертацию на тему «Английская Ост-Индская компания в период буржуазной революции (1641–1660 гг.)», выполненную под руководством проф. С. В. Шостаковича. В 1996 г. в Иркутском госуниверситете защитил докторскую диссертацию на тему «Советско-новозеландские отношения 1944–1991 гг.».

Сфера научных интересов связана с историей международных отношений, в последнее время, в частности, с изучением развития международных отношений в АТР, места Новой Зеландии в региональной и глобальной системах международных отношений, внешней политики Новой Зеландии, российско-новозеландских отношений, истории российской консульской службы в Австралии и Новой Зеландии. Финансовая поддержка исследовательской теме «Российско-новозеландские отношения: эволюция, состояние, перспективы» в 1993–1994 гг. была оказана грантом РФФИ (93-06-10526). Под его руководством подготовлено и защищено 13 кандидатских диссертаций.

С 1978 г. возглавляет Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований при кафедре мировой истории и международных отношений ИГУ (до 1990 г. – лаборатория востоковедения), который в течение 1980–2017 гг. стал организатором 23 региональных, всероссийских и международных научно-практических конференций.

Награды, почетные звания: медали «Ветеран труда» (1985 г.), «В память 350-летия Иркутска» (2012 г.). Почетный работник высшего профессионального образования РФ (1995 г.). Заслуженный профессор ИГУ (2015 г.).

Соч.: *Английская Ост-Индская компания в XVII в. – Иркутск, 1988 (в соавт.); История международных отношений. Часть 1. От древности до конца XVII века: Уч. пособие. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2004; Международные отношения и внешняя политика государств Восточной Азии: Уч. пособие – изд. 2-е, испр. и доп. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013 (в соавт.); Начало деятельности российского консульства в Мельбурне (Австралия) // Проблемы истории Австралии и Океании / сб. науч. трудов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. – С. 26–45; Новая Зеландия в международных отношениях 1939–1945 гг. – Иркутск, 1993 (в соавт.); Россия – Новая Зеландия: 50 лет дипломатических отношений: Сборник документов (сост., автор вступ. ст. и комм.). – Иркутск, 1995; Советский Союз и Новая Зеландия в системе международных отношений 40–80-х гг. XX века. – Иркутск, 1999; Создание консульских представительств России в Новой Зеландии // Страны и народы Востока: история, экономика, международные отношения. – Иркутск, 1990. – С. 151–154.*

Лит.: *Олтаржевский Владимир Павлович. К 60-летию со дня рождения (материалы к библиографии) / сост. Л. П. Савельева, Л. С. Петрова. – Иркутск, 1995; Олтаржевский Владимир Павлович // Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / сост. С. И. Кузнецов [и др.]. – Иркутск, 1999; Историк «Земли морей». К 75-летию профессора В. П. Олтаржевского: очерки, библиография / сост. С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин. – Иркутск, 2010; Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. Юбилей ученого: доктор исторических наук, профессор В. П. Олтаржевский // Известия Иркутского госуниверситета. Сер. Политология. Религиоведение. – № 1 (6). – Иркутск, 2011; Кузнецов С. И., Олейников И. В. К 80-летию доктора исторических наук, профессора В. П. Олтаржевского // Известия Иркутского госуниверситета. Сер. История. Т. 14. – Иркутск, 2015.*

Пашков Борис Климентьевич

(1891–1970)

Доктор филологических наук, профессор, родился 21 июля 1891 г. в Пензенской губернии. Блестяще окончив Пензенскую духовную семинарию, поступил в 1913 г. в Восточный институт во Владивостоке. В 1917 г. окончил его по двум отделениям – маньчжурско-китайскому и японско-китайскому, затем прошел полный курс монгольско-калмыцко-китайского отделения и слушал лекции по корейскому языку.

В 1919 г. приглашен в ИГУ, где в 1923 г. ему было присвоено звание профессора. Заведовал кафедрами китайского и японского языков, организовал кафедру монгольских языков, на базе которых впоследствии был создан Бурят-Монгольский педагогический институт. В Дальневосточном университете он руководил кафедрой китайского языка. В 1922 и 1925 гг. был в Китае, где изучал постановку преподавания родного языка в китайских школах и овладение живым разговорным языком байхуа.

В конце 1926 г. переехал в Москву, где работал профессором китайского языка в Московском институте востоковедения и одновременно являлся научным сотрудником Института этнических и национальных культур народов Востока. Был активным членом Всероссийской научной ассоциации востоковедения и ВАР НИТССО.

С 1930 г. участвовал в латинизации восточных письменностей, а позже в разработке алфавитов на основе русской графики. Заведовал калмыцким отделением в Саратовском университете, которое в дальнейшем под его руководством было преобразовано в Калмыцкий педагогический институт. Во время войны работал в отделе нерусских школ Наркомпроса, с 1943 г. в Институте языка и письменности АН СССР, позднее (1951 г.) – в Институте востоковедения старшим научным сотрудником, которым он был до последних дней. В разные годы работал по совместительству в Институте внешней торговли при МВТ СССР, Институте методов обучения АПН РСФСР, директором Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Элиста) и т. д.

В круге научных интересов есть и глубокие теоретические исследования, отличающиеся новизной постановки проблем и свежестью материала, и работы, связанные с насущными практическими вопросами. Среди его трудов (а их около 50) к числу первых следует отнести «Основные этапы в развитии китайского языка» (1926), «Синтаксис маньчжурского простого предложения» (докт. дисс., 1950), «Древнейшие диалекты китайского языка и историческая давность пекинского наречия» (1960) и др. Им написаны статьи по прикладному языкознанию на материале калмыцкого, бурятского, китайского и корейского языков, составлены учебники и учебные пособия по китайскому и калмыцкому языкам. Ряд работ Б. К. Пашкова посвящен китайской литературе («Ляо-чжай-чжи-и. Опыт критико-библиографического обозрения» 1921; «Линь Цинь-нань и его школа. К характеристике литературных движений в Китае» 1926 и др.).

В последние годы занимался маньчжуристикой, дал описание маньчжурского фонда Цицикарского архива. Увидели свет его работы: «Маньчжурский язык» (1963), «Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности» (1956) и др. Закончен в рукописи комментированный перевод двух частей (из трех) ценнейшего маньчжурского источника конца XVII в. «Цинвэнь цимэн» («Основы изучения маньч-

журского языка»); почти завершена монография, посвященная синтаксису маньчжурского языка.

Особенно много сил Б. К. Пашков отдавал созданию научных и практических кадров. Великолепный и чуткий педагог, он подготовил сотни специалистов высокой квалификации, ныне плодотворно работающих в самых различных областях китайведения, корееведения, калмыковедения, монголоведения и др. Многие из них стали кандидатами и докторами наук.

Им были созданы многие языковые кафедры и курсы востоковедных учебных заведений. Он был одним из наиболее деятельных членов ученых советов научно-исследовательских и педагогических институтов. Принимал непосредственное участие в работе многих научных съездов, конференций, симпозиумов, дискуссий

В 1959 г. присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Умер 1 сентября 1970 г. в Москве.

Соч.: *Основные этапы в развитии китайского языка.* – Владивосток : ДВГУ, 1926. – 16 с. (Труды ДВГУ. – Серия VI. – Вып. 1); *Маньчжурский язык.* – М. : Изд. вост. лит., 1963; *Старокалмыцкая письменность – выдающееся культурное наследие калмыцкого народа // 320 лет старокалмыцкой письменности.* – Элиста, 1970. – С. 13–21.

Лит.: Концевич Л. К. 70-летию Б. К. Пашкова // *Народы Азии и Африки.* – 1962. – № 1. – С. 213–217; Борис Климентьевич Пашков (1891–1970) // *Народы Азии и Африки.* – 1970. – № 6. – С. 228–229; *Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда.* – Л., 1928. – С. 303; *Иркутский государственный университет. Ректоры, деканы, профессора (1918–1998).* – Иркутск, 1998. – С. 64; *Институт востоковедения АН СССР, Калмыцкий НИИ языка, литературы и истории, Институт Дальнего Востока АН СССР, Институт восточных языков при МГУ, НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР, Институт преподавания русского языка в национальной школе АПН СССР. Пашков Борис Климентьевич. Некролог // Народы Азии и Африки.* – 1970. – № 6. – С. 228–229.

Петри Бернгард Эдуардович

(17.09.1884 – 25.11.1937)

Профессор. Этнограф, археолог, антрополог. Род. в 1884 г. в г. Берне в Швейцарии, в семье известного антрополога. Детство провел в Италии, где учился в начальной школе. Среднее образование получил в петроградской гимназии. В 1910 г. окончил естественный факультет Петербургского университета с дипломом I степени. До 1918 г. работал в Музее антропологии и этнографии РАН зав. археологическим отделом, участвовал в работе Русского географического общества, в составлении этнографической карты России. В 1912, 1913 и 1916 гг. был командирован в Прибайкалье, где в 1912 г. открыл первое в России многослойное поселение Улан-Хада и провел широкие этнографические сборы по семейно-родовым отношениям и духовной культуре западных бурят. В годы Гражданской войны оказался в Иркутске и деятельно включился в работу по организации университета. Является одним из соучредителей Иргосуна. С августа 1918 г. он – доцент, с 1920 г. – профессор, организатор и руководитель кафедры археологии и этнографии, секретарь совета факультета. Он также принимал участие в организации и был сотрудником Биолого-географического научно-исследо-

вательского института. Б. Э. Петри сумел наладить и скоординировать работу ВСОР-ГО, университета, Дома работников просвещения, БГНИИ при ИГУ, Комитета народов Севера при крайисполкоме по изучению древней и современной истории и этнологии Сибири. Б. Э. Петри создал кружок «Народоведение» (1919), который еще в 20-е гг. получил признание и был назван «Иркутской археологической школой». Арестован НКВД и 14 ноября 1937 г. осужден «к высшей мере социальной защиты», а 25 ноября приговор был приведен в исполнение.

Соч.: *Далекое прошлое бурятского края.* – Иркутск, 1922. – 43 с.; *Сибирский неолит.* – Иркутск, 1926. – 40 с.; *Сибирский палеолит: Атлас.* – Иркутск, 1927. – 20 л.; *Далекое прошлое Прибайкалья.* – Иркутск, 1928. – 73 с.; *Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада* // Сб. / МАЭ АН. – 1916. – Т. 3. – С. 113–132; *Орнамент кудинских бурят* // Сб. / МАЭ. – Пг., 1918. – Т. V. – С. 215–252; *Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале* // Сборник трудов профессоров и преподавателей / Иркут. ун-т, 1921. – Вып. 2. – С. 56–65; *Первые следы доисторического человека в Сибири* // Вестник просвещения. – 1922. – № 2. – С. 1–13; *Доисторические кузнецы в Прибайкалье: (К вопросу о доисторическом прошлом якутов)* // Наука и школа. – 1923. – № 1. – С. 21–39; *Элементы родовой связи у северных бурят* // Сиб. жив. старина. 1924. – Вып. 2. – С. 98–126.

Лит.: Константинов М. В. *Бернгард Петри: Счастье открытий и трагедия жизни* // Исследователи Древнего Забайкалья. – Чита, 1992; Пархоменко С. Н. *Архивно-следственное дело Б. Э. Петри* // Петр Алексеевич Кропоткин – гуманист, ученый, революционер. – Чита, 1992; Савельев Н. А. *Вклад Б. Э. Петри в изучение сибирского неолита* // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск, 1991; Свинин В. В. *Археологические памятники Байкала и их исследователи* // Древности Байкала. – Иркутск, 1992; Семенов А. И. *Открыватель древних тайн [Б. Э. Петри]* // Вост.-Сиб. правда. – 1993. – 29 мая; Сирина А. А. Б. Э. Петри: *К вопросу о становлении Иркутской школы советской археологии и этнографии* // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири. – Иркутск, 1986; Медведев Г. И., Савельев Н. А., Бердников И. М., Липнина Е. А., Зимина Л. П. *Что в имени твоём, Бернгард?* // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2014. – Т. 8. – С. 110–126.

Петров Лев Александрович

(1908–1975)

Доктор философских наук, профессор, родился 17 апреля 1908 г. в г. Архангельске. В 1917 г. окончил двухклассное училище, затем окончил школу в Москве в 1924 г. Поступил в МГУ на факультет общественных наук (ФОН), преобразованный в дальнейшем в юридический факультет, который и окончил в 1928 г. с защитой квалификационной работы «Смешанные акционерные общества в СССР».

В 1928–1929 гг. – выдвигенец на научную работу при МГУ, затем – аспирант Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) (Москва), преобразованной в 1930 г. в аспирантуру Коммунистической академии ЦИК СССР. Здесь учился до лета 1931 г. (окончил теоретический курс). По окончании аспирантуры – доцент кафедры диалектического материализма Мо-

сковского технологического института им. Д. И. Менделеева (1930–1931). В ноябре 1931 г. был принят в члены ВКП(б),

В августе 1931 г. был командирован ЦК ВКП(б) в г. Иркутск на научно-педагогическую работу и по апрель 1932 г. работал преподавателем диалектического материализма в Восточно-Сибирском коммунистическом университете (партийное отделение). С апреля по июнь 1932 г. – доцент кафедры диалектического и исторического материализма в Сибирском горно-металлургическом институте.

В июне 1932 г. был направлен в Восточно-Сибирский университет. С июля 1932-го по июль 1938 г. – заведующий кафедрой диалектического и исторического материализма. В 1938 г. присвоено ученое звание доцента по кафедре диалектического и исторического материализма. В июле 1938 г. был арестован на основании клеветнических материалов. В мае 1939 г. освобожден с полным восстановлением в партии и на работе. В 1941 г. защитил в Институте философии АН СССР кандидатскую диссертацию на тему: «Философские взгляды первого бурятского ученого Доржи Банзарова», опубликованную Бурмонгизом (1943) отдельным изданием.

В 1941–1946 гг. – лектор политуправления Забайкальского фронта, начальник цикла офицерских курсов (Чита, Хабаровск). После демобилизации из рядов Советской Армии (майор запаса; март 1946 г.) был направлен на работу в ИГУ и утвержден заведующим кафедрой марксизма-ленинизма.

Вел курсы истории философии и диалектического материализма в вечернем университете марксизма-ленинизма при ГК КПСС. В 1954–1956 гг. пребывал в докторантуре ИФ АН СССР. После возвращения из докторантуры (1956–1958) заведовал только что созданной в ИГУ кафедрой истории КПСС; затем (1958–1975) руководил кафедрой марксистско-ленинской философии, позже опять ставшей кафедрой диалектического и исторического материализма. В 1964 г. присвоено звание профессора.

Читал курсы истории КПСС, истории философии, истории русской философии, диалектического и исторического материализма, ленинизма, диалектики природы, основ марксизма-ленинизма.

Десять лет (1965–1975) участвовал в работе объединенного совета по присуждению ученых степеней кандидата наук по философии при ИГУ, был заместителем председателя. Руководил более чем 20 аспирантами и соискателями. В 1973 г. защитил докторскую диссертацию по философии «Развитие прогрессивной общественно-политической, философской и социологической мысли России первой половины XVIII века (Ф. Прокопович, В. Татищев, А. Кантемир, И. Посошков)» на заседании объединенного ученого совета по историческим, философским и филологическим наукам при президиуме СО АН СССР (г. Новосибирск).

Несколько лет (с января 1962 г.) являлся председателем Восточно-Сибирского совета по координации и планированию гуманитарных наук.

Опубликовал более 70 научных работ по философии, истории КПСС и более 200 разноплановых газетных статей. Редактор и участник издания свыше 20 сборников, журналов, трудов и учебно-методических пособий.

Награжден орденом Красной Звезды (1945), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», «За победу над Японией» (МНР), орденом Трудового Красного Знамени (1949), медалью «За трудовую доблесть» (1961).

Умер в 1975 г. в Иркутске.

Соч.: Доржи Банзаров. *Первый бурят-монгольский ученый.* – Улан-Удэ : Бургиз, 1943. – 76 с.; *Социологические взгляды Прокоповича, Татищевой и Кантемира* // *Тр. Иркут. гос. ун-та.* – Иркутск, 1957. – Т. 20, вып. 1. – 88 с.; *Антирелигиозные тенденции в философской мысли России первой половины XVIII века* // *Материализм и религия : сб. статей.* – М., 1958. – С. 202–220; *Общественно-политические взгляды Прокоповича, Татищевой и Кантемира* // *Тр. Иркут. гос. ун-та им. А. А. Жданова.* –

Иркутск, 1959. – Т. 20, вып. 3. – 58 с.; М. В. Ломоносов – великий русский ученый-материалист: к 250-летию со дня рождения // *Философские науки*. – 1961. – № 4. – С. 119–126; Первые аристотелики и вольфинианцы в России // *Тр. ИГУ. Сер. Филос.* – 1967. – Т. 46, вып. 5. – С. 47–53; Когда и как был написан роман М. Булгакова «Белая гвардия» // *Тр. Иркут. гос. ун-та. Сер. Литературоведение и критика*. – 1969. – Т. 7, вып. 7. – С. 57–78; Мировоззрение И. Т. Посошкова // *Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии*. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1971. – С. 131–134; XXIV съезд КПСС о социалистическом государстве и демократии. – Иркутск, 1972. – 44 с.; В. И. Ленин о решающей и возрастающей роли народных масс в коммунистическом строительстве // *В. И. Ленин о решающей и возрастающей роли народных масс в коммунистическом строительстве*. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1973. – С. 7–22 (соавт.); В. Н. Поляков, В. Д. Намсараев; Общественно-политическая и философская мысль России первой половины XVIII века : лекции по спецкурсу «История русской философии». – Иркутск : ИГУ им. А. А. Жданова, 1974. – 276 с.

Лит.: Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998). – Иркутск, 1998. – С. 65–66, 187; Коноплев Н. С. Репортаж с «места события» // *ALMA MATER. Иркутский классический...* – Иркутск, 2003. – С. 271–277; Труфанова В. В. К истории кафедры отечественной истории и политологии ИГУ: постановка проблемы // *Материалы социально-гуманитарных чтений Иркутского государственного университета: март-апрель 2007*. – Иркутск, 2007. – С. 149–151; Коноплев Н. С. Петров Лев Александрович // *Кафедра отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет: люди, судьбы, книги : библиографический словарь*. – Иркутск, 2008. – С. 72–75, 200–204.

Петрушин Юрий Александрович

Доктор исторических наук, профессор, родился 21 мая 1951 г. в участке Кундуй Куйтунского района Иркутской области. В 1969–1971 гг. проходил службу в рядах Советской Армии. После демобилизации в 1971 г. поступил на исторический факультет Иркутского госуниверситета, который окончил в 1976 г. с отличием. Получил специальность «Историк, преподаватель истории и обществоведения». В 1976–1979 гг. учился в очной аспирантуре у профессора Б. С. Санжиева. В 1980 г. в диссертационном совете ИГУ защитил кандидатскую диссертацию по истории КПСС. С 1979 г. на преподавательской работе на историческом факультете ИГУ, с 1988 г. доцент.

В 1991–1993 гг. докторант, затем работал на кафедре истории России, читал курс феодализма, теории и методологии истории. В 2001 г. в диссодвете Института монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН (Улан-Удэ) защитил докторскую диссертацию на тему «Общественно-политическая жизнь Сибири в отечественной историографии 1956–1985 гг.». С 2008 г. профессор. С 2002 по 2015 гг. возглавлял кафедру современной отечественной истории на историческом факультете ИГУ. Подготовил и защитил 11 кандидатов и 1 доктора исторических наук. С 2003 по 2007 г. руководил грантом «Восточная Сибирь в репрессивной политике советского государства 1920–1980 гг.» при институте социологии РАН (Москва). Участник проектов по написанию истории г. Иркутска и губернии. Член ученых советов по защите докторских диссертаций при Иркутском и Кемеровском университетах.

Автор 210 статей и 10 монографий, в том числе коллективных.

Почетный работник высшего профессионального образования РФ, трижды лауреат премии Губернатора Иркутской области в области культуры и искусства (2003, 2014, 2015 гг.).

Соч.: *Историография общественно-политической жизни Сибири сер. 1950-х – сер. 1990-х гг. (Методологический аспект).* – Иркутск, 1995. – 152 с.; *Земля кундуйская. Исторический очерк.* – Иркутск, 2006. – 256 с.; *Политические партии России: страницы истории. Учебн. пос.* – Иркутск, 2006; *История и историки.* – Иркутск, 2009 (в соавт.). – 224 с.; *История молодежного движения в России.* – Иркутск, 2012. – 103 с.; *Сибирская Кубань.* – Иркутск, 2017. – 360 с.

Лит.: Профессор Ю. А. Петрушин: к 60-летию со дня рождения // 40 лет служения *alma mater*: к юбилею Ю. А. Петрушина: Сб. статей, материалов. – Иркутск: Оттиск, 2011. – С. 3–7; Кузнецов С. И. Юрию Александровичу Петрушину – 60 лет // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук.* – 2011. – № 2. – С. 180–182.

Рязановский Валентин Александрович

(1884–1968)

Профессор, родился 1 января 1884 г. в Костромской губернии. Окончил Костромскую гимназию и юридический факультет Московского университета (1908). Учился в Германии, изучая историю, философию и право. В 1914–1915 учебном году – приват-доцент Демидовского юридического лицея в Ярославле по кафедре гражданского права. В 1917 г. защитил диссертацию на степень магистра гражданского права в Донском (бывшем Варшавском) университете. В 1918–1922 гг. – профессор в университетах Томска, Иркутска, Владивостока. В 1920–1921 – декан гуманитарного факультета ИГУ. В 1922 г. эмигрировал в Китай. В 1922–1934 гг. – профессор гражданского права на юридическом факультете в Харбине и в Тяньцзине, декан юридического факультета (1924–1929). В качестве декана способствовал открытию при факультете в 1925 г. экономического отделения, а в 1926 г. – восточного отдела. Кроме большой работы – лекций по гражданскому праву (участник в 5 выпусках, около 500 стр., изд. 1922–1924), ряда очерков и статей по гражданскому праву и процессу, напечатал ряд больших и малых работ по монгольскому и китайскому праву. В 1938 г. переехал в США. Профессор ряда американских университетов. Автор книг по монгольскому праву, двухтомника о законах кочевых племен Сибири, монографий по истории культуры и научной мысли в России. Почетный и действительный член многих научных обществ, в том числе Royal Asiatic Society.

Умер в Сан-Франциско 19 февраля 1968 г., похоронен на сербском православном кладбище.

Соч.: *Лекции по гражданскому праву: В 5 вып.* – Харбин, 1923–1924; *Современное гражданское право Китая: Вып. 1.* – Харбин, 1926. – 197 с.; *The Modern Civil Law of China. Part 1, 2.* – Harbin, 1927–1928; *Customary Law of the Mongol Tribes.* – Harbin, 1929; *К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право.* – Харбин, 1931. – 31 с.; *Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк.* – Харбин, 1931. – 306 с.; *Customary Law of the Nomadic Tribes of Siberia.* – Tientsin, 1938. – 151 p.; *Обзор русской культуры: В 2 томах: Т. 1.* – 638 с.; Т. 2. Ч. 1. – 557 с.; Т. 2. Ч. 2. – 222 с. – Нью-Йорк, 1947–1948; *Fundamental Principles of Mongol Law.* – Tientsin, 1937 (2-е издание – Indiana University, 1965. – 343 p.).

Лит.: Александров Е. А. *Русские в Северной Америке: Биографический словарь.* – Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. – С. 442; *Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921–1972 / составитель Н. М. Зер-*

нов. – Boston : G. K. Hall & Co., 1973; *Русский Харбин / сост. и коммент. Е. П. Таскиной.* – М., 1998. – С. 249; *Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее.* – М., 2002. – С. 143–144.

Санжиев Буянто Сайнцакович

(1912–2000)

Доктор исторических наук, профессор, род. 12 ноября 1912 г. в Ноехонском сомоне Бурятии. С отличием окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (1938), заочно Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) (1948), годичную аспирантуру МГУ (1953). Кандидатская диссертация «В. И. Ленин и И. В. Сталин о ведущей роли русского рабочего класса в создании советского многонационального государства» (1953, МГУ). Докторская диссертация «Исторический опыт КПСС по укреплению содружества и дальнейшему сближению наций в период строительства коммунизма (по материалам Сибири)» (1968 г., МГУ).

Работал зав. отделом печати, зав. отделом школ и науки Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), преподавателем Бурят-Монгольского государственного педагогического института, зам. директора Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института языка, литературы и истории, отв. редактором «Буряад-Монголой унэн» (1938–41); инструктором Политуправления 17-й армии (1941, Монголия); секретарем по пропаганде и агитации Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) (1941–46); и. о. зав. кафедрой марксизма-ленинизма Иркутского стоматологического института, преподавателем (1946–1953), зав. кафедрой марксизма-ленинизма / истории КПСС Иркутского института народного хозяйства (1953–1970), зав. кафедрой истории КПСС и партийного строительства / истории КПСС гуманитарных факультетов исторического факультета ИГУ (1971–91), профессором-консультантом общеуниверситетской кафедры отечественной истории (1991–1996).

Автор более 150 научных работ. Внес вклад в изучение истории межнациональных отношений, в монголоведные исследования, в деятельность писателя Я. Гашека в Восточной Сибири. Один из авторов 5-томной «Истории Сибири» (Л.: Наука, 1969). Ряд трудов опубликован в Монголии, Чехословакии и Японии. Председатель докторского диссертационного совета ИГУ по историческим наукам (1976–91). Подготовил 47 кандидатов исторических наук и консультировал 12 соискателей, ставших докторами. Председатель Восточно-Сибирского совета по координации и планированию гуманитарных наук.

С 1976 г. был председателем специализированного совета по защите докторских диссертаций по историческим наукам в ИГУ. Возглавлял Восточно-Сибирский совет по координации и планированию гуманитарных наук, экспертную комиссию по истории КПСС региона. Член Советского комитета солидарности со странами Азии и Африки, член правления Иркутского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы.

Действительный член Академии гуманитарных наук (1997 г.). Заслуженный деятель науки Бурятии. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Награды: орден Трудового Красного Знамени; медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовое отличие» и др.; звание «Ветеран труда»; знак «50 лет пребывания в КПСС».

Умер 12 декабря 2000 г. в Иркутске.

Соч.: *Сближение наций в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма (по материалам Сибири).* – Улан-Удэ, 1966; *Глава девятая. Национальные районы Сибири // История Сибири.* – Ленинград, 1969 (в соавт.); *Ярослав Гаишек в Сибири.* – Иркутск, 1993; *Гэсэр – Илиада народов Центральной Азии // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Дальнего Востока.* – Иркутск, 1995. – С. 26–31; *Ноехон в далеком и близком прошлом (исторический очерк).* – Иркутск – Улан-Удэ, 1995; *Доржи Банзаров. Изучение научного наследия.* – Изд. 2-е дополненное. – Иркутск – Улан-Удэ, 1998.

Лит.: *Буянто Сайнцакович Санжиев. Библиографический указатель.* – Иркутск, 1987; *Санжиев Буянто Сайнцакович / Ю. А. Петрушин, Л. Б. Санжиева // Кафедра отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет: люди, судьбы, книги: библиографический словарь.* – Иркутск, 2008. – С. 82–84, 208–214; *Санжиев Буянто Сайнцакович (1912–2000) // История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / авт.-сост. С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин.* – Иркутск, 2008. – С. 165–168; *Вековой юбилей: 100 лет со дня рождения Б. С. Санжиева / науч. ред. Б. В. Базаров, сост. Л. Б. Санжиева.* – Иркутск, 2013.

Суворов Иван Федорович

Родился 5 декабря 1920 г. в с. Кошелево Нижегородской губернии. Был призван в ряды Красной Армии, в которой прослужил до марта 1943 г. Из армии был демобилизован по болезни. После этого вновь стал работать учителем в средней школе в с. Филинское Горьковской области.

Осенью 1944 г. поступил на историко-филологический факультет Муромского учительского института во Владимирской области. Получив специальность учителя семилетней школы, стал работать преподавателем политзанятий ремесленного училища № 25 г. Горького. Одновременно обучался на историческом факультете Горьковского педагогического института, который окончил в 1950 г.

Еще в период обучения в педагогическом институте был выдвинут на партийную работу, стал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Автозаводского райкома ВКП(б)/КПСС г. Горького. Проработав в этой должности до июня 1953 г., перешел на работу в Горьковский обком партии, став штатным лектором.

В том же году приехал в г. Улан-Удэ, где преподавал историю КПСС и историю СССР в городском медицинском училище. С апреля 1957 г. стал заместителем директора училища по учебной части.

В декабре 1960 г. перешел на работу в Бурятский сельскохозяйственный институт на должность ассистента, а затем старшего преподавателя кафедры марксизма-ленинизма. Читал лекции и проводил семинарские занятия по истории КПСС. Одновременно состоял внештатным лектором Улан-Удэнского горкома партии и выступал с лекциями на предприятиях и в учреждениях города. В правлении Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР по Бурятской АССР был заместителем председателя бюро секции международных отношений,

проводил организационную работу, оказывал методическую помощь молодым лекторам.

В марте 1963 г. приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР был направлен в годичную аспирантуру Иркутского государственного университета. В 1964 г. в совете при ИГУ защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Деятельность Бурятской партийной организации за коммунистический труд (1958–1962 гг.)». Научным руководителем был канд. ист. наук, доцент М. И. Капустин. В дальнейшем продолжил работу на кафедре истории КПСС ИГУ. В начале 1970-х гг. защитил докторскую диссертацию, посвященную исследованию роли инженерно-технических кадров в борьбе за научно-технический прогресс в 1960-е гг. Был заместителем секретаря парткома ИГУ по идеологической работе.

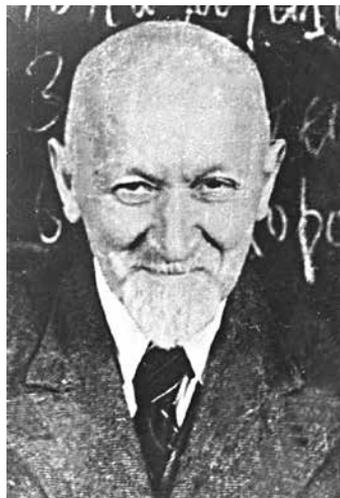
В середине 1970-х гг. переехал в г. Иваново.

Лит.: Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова – крупнейший учебно-методический и научный центр Восточной Сибири (краткий исторический очерк). – Иркутск, 1978. – С. 129; Казарин В. Н. Суворов Иван Федорович / В. Н. Казарин // Кафедра отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет: люди, судьбы, книги : библиографический словарь. – Иркутск : Оттиск, 2008. – С. 97–99, 230–231.

Франк-Каменецкий Израиль Григорьевич

(1880–1937)

Доктор филологических наук, профессор, родился 31 января 1880 г. в Вильно. По окончании Виленского реального училища продолжил образование в Германии – в Лейпцигском и Берлинском университетах (до 1906 г.), в Гёттингенском и Кёнигсбергском университетах (1909–1911). В 1911 г. защитил в Кёнигсбергском университете диссертацию на звание доктора философии по отделу востоковедения. Продолжал свои научные исследования в Кёнигсберге по истории древнеегипетских религиозных воззрений до начала Первой мировой войны. С марта 1915 по февраль 1918 г. находился на военной службе по мобилизации. С августа 1918 г. – приват-доцент по кафедре истории Востока ИГУ. Преподавал дисциплины по истории древнего Востока и вел практические занятия по египтологии. В ноябре 1918 г. декретом Наркомпроса был переведен в состав профессоров ИГУ. В первом сборнике трудов Иркутского университета по гуманитарным наукам (Иркутск, 1921) опубликована его работа «Религия Амона и Ветхий завет», отражавшая результаты продолженных его же исследований еще довоенной поры по теме египетской религии бога Амона. Весной 1920 г. он выехал из Иркутска. В дальнейшем работал в Ленинградском университете, а также в Институте языка и мышления АН СССР и в ряде иных научно-исследовательских учреждений АН и высших учебных заведений Ленинграда и Москвы. Вел активную исследовательскую работу в области истории и культуры Древнего Египта и в междисциплинарной сфере на стыке языкознания и лингвистики семитических и древнеегипетских языков и литературоведения – генезиса и взаимосвязи древних литературных сюжетов, мифологии, библейского фольклора и мировоззрения первобытного общества. В 1934 г. защитил докторскую диссертацию.

Всего опубликовано свыше 40 его работ.
Трагически погиб в Ленинграде 4 июня 1937 г.

Основные труды

Памятники египетской религии в фиванский период. – Ч. 1. – М., 1917. – 71 с.; Ч. 2. – М., 1918. – 90 с.; *Религия Амона и Ветхий Завет // Сб. трудов профессоров и преподавателей ИГУ. Отд. 1. – Науки гуманитарные.* – Вып. 1. – Иркутск, 1921. – С. 114–140; *Пророки-чудотворцы о местном происхождении мифа о Христе.* – Л., 1925. – 103 с.; *Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии (язык и литература).* – Л., 1929. – Т. 3. – С. 70–155.

Лит.: Дьяконов И. М. *Книга воспоминаний.* – СПб, 1995; Франк-Каменецкий Израиль Григорьевич // *Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998).* – 1998. – С. 68; Дебакер Л., Шилков Ю. М. *Язык, миф и метафора (О палеосемантической концепции И. Г. Франк-Каменецкого) // Вече: Альманах русской философии и культуры.* – Вып. 13. СПб., 2002. – С. 164–176; Шахнович М. М. *О сборнике трудов И. Г. Франк-Каменецкого // М. М. Шахнович. Очерки по истории религиоведения.* – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 212–225.

Харинский Артур Викторович

Доктор исторических наук, профессор, родился 6 января 1963, в г. Ангарске. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета в 1988 г. по специальности «Преподаватель истории, обществоведения»). 1989–2003 гг. очная аспирантура при Иркутском государственном университете по специальности 07.00.06 – Археология. В 1994 защитил кандидатскую диссертацию «Городища побережья озера Байкал в железном веке». В 2001 г. во Владивостоке защитил докторскую диссертацию по теме «Прибайкалье в конце I тыс. до н. э. – середине II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация».

С 1997 г. работает на кафедре истории Иркутского государственного технического университета. Область научных интересов – археология и история населения Байкальской Сибири в I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э., культурная антропология бурятского и эвенкийского населения Прибайкалья. 2004–2009 гг. – декан факультета права, социологии и СМИ Иркутского государственного технического университета.

В настоящее время научный руководитель научно-исследовательской лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии.

Автор 220 научных и учебно-методических трудов. Количество защищенных аспирантов – 5

Читаемые дисциплины: «История», «Культурология», «Политология».

Научные интересы: археология, древняя история и этнография Северной и Центральной Азии.

Эксперт Министерства культуры Российской Федерации по проведению государственной историко-культурной экспертизы (с 2012 г.)

Соч.: Харинский А. В. *Баргуджин-Токум – северный форпост державы Чингис-хана // Чингис хаан судлалын тулгамдсан асуудлуд.* – Улаанбаатар, 2012. – Боть 15, дэвтэр 1–23. – С. 120–129; Lunkov A. V., Kharinskii A. V., Kradin N. N., Kovychев E. V. *The Frontier*

Fortification of the Liao Empire. The Silk Road 9 (2011). – Saratoga. – 112–129; Харинский А. В., Коростелев А. М. Западное побережье оз. Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун-II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 173–202; Харинский А. В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. – Иркутск, 2001. – 238 с.; Харинский А. В., Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. – 198 с.; Харинский А. В. Северное пограничье империи Ляо // Вестник ИрГТУ. – № 10 (105). – 2015. – С. 323–331; Харинский А. В. Городища-святилища в структуре сакральных представлений древнего населения Предбайкалья // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2015. – Т. 13. – С. 6–17; Харинский А. В. Южное Прибайкалье накануне образования монгольской империи // Археология Евразийских степей. – № 4. – 2018. – С. 187–192.

Шахеров Вадим Петрович

Доктор исторических наук (2013), профессор (2014). Род. 16.12.1951, Хабаровск. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета (1974), защитил кандидатскую диссертацию «Торгово-промышленное освоение Юго-Восточной Сибири в конце XVIII – первой трети XIX веков» (1981), докторант ИГУ (2009–2012). В 2013 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Формирование городского пространства Байкальской Сибири в XVIII – первой половине XIX вв.» Работал ст. лаборантом, зав. лабораторией, ассистентом, доцентом, профессором кафедры истории СССР / истории России исторического факультета ИГУ (1974 – наст. время). Директор музея истории г. Иркутска (1996–2005). Возглавлял службу по охране объектов культурного наследия администрации Иркутской области (2005–2009).

Автор более 250 научных работ, в том числе 7 монографий. Кроме того, принимал участие в подготовке 17 коллективных монографий. В том числе обобщающих работ по истории Иркутска («Иркутск в панораме веков»), Иркутской области («Иркутский край. Четыре века»), исторической географии Сибири («География Сибири в начале XXI века в 6 т. Т. 1. Историческая география»), энциклопедического словаря по истории купечества и коммерции Сибири (Новосибирск). Принимал участие в нескольких десятках международных и всероссийских конференций в стране и за рубежом (Германия, США). Внес вклад в изучение истории социально-экономического развития городов Восточной Сибири в дореволюционный период, становления и развития сибирского предпринимательства и купечества. Среди других тем: история Русской Америки, декабристы в Сибири, охрана памятников истории и культуры Иркутской области. Под его научным руководством защищено 7 кандидатских диссертаций. Член редакционных коллегий серии «Полярная звезда», «Известий Иркутского государственного университета», серия «История», научно-популярных краеведческих журналов «Земля Иркутская» и «Краевед Приангарья», член президиума иркутской областной организации ВООПиК, член научного совета и руководитель комиссии по Русской Америке Иркутского областного отделения Русского географического общества. Учредитель и руководитель детско-юношеской организации «Краеведческий клуб «Иркутск – Форт Росс».

Награды: Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2015), лауреат премии Губернатора Иркутской области в области культуры и искусства (2002, 2003, 2014), юбилейная медаль в честь 350-летия г. Иркутска (2012), знак общественного поощрения «75 лет Иркутской области» (2013).

Соч.: *Иркутск купеческий. История города в лицах и судьбах.* – Хабаровск, 2006; *Предприниматели Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в.: Формирование и основные сферы деятельности.* – Saarbrücken, Germany: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012; *Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири).* – Иркутск, 2011; *Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в.* – Иркутск, 2013; *Сибирь в составе Российской империи.* – М., 2007; *Города Сибири в дореформенный период: Учебное пособие.* – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013.

Лит.: *Шахеров Вадим Петрович // Иркутск: Историко-краеведческий словарь.* – Иркутск: Сибирская книга, 2011. – С. 559–560; *Гаврилова Н. И., Дамешек И. Л., Курас С. Л. Честь служить Истории (к 60-летию Вадима Петровича Шахерова) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История.* – № 1. – Иркутск, 2012; *Гаврилова Н. И. История сибирского города в трудах В. П. Шахерова: к 60-летию юбилею иркутского историка // К 60-летию юбилею В. П. Шахерова: Библиография.* – Иркутск : Оттиск, 2011.

Шостакович Болеслав Сергеевич

(03.02.1945 – 17.07.2015)

Док. ист. наук, проф. кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ. Родился 3 февраля 1945 г. в г. Иркутске. В 1962 г. по окончании школы с золотой медалью поступил на историческое отделение историко-филологического факультета ИГУ, которое окончил с отличием в 1966 г. Учился в аспирантуре университета, в 1973 г. в совете при ИГУ защитил кандидатскую диссертацию – «Поляки в Сибири в 1870–1890-е гг. (Из истории русско-польских отношений в XIX веке)». В 1997 г. в совете при ИГУ защитил докторскую диссертацию, в 1998 г. избран на должность профессора.

В сфере научных интересов и преподавательской деятельности выделено 12 направлений. Среди них: история российско-польских отношений в XVII–XX вв.; польско-сибирская история; история Сибири; история политической ссылки в Сибири; история Иркутска; история мировых интеграционных процессов. На эти и другие темы читал курсы и спецкурсы не только на истфаке ИГУ, но и на историческом факультете Университета А. Мицкевича в Познани, в Университете Марии Кюри-Склодовской в Люблине и во Вроцлавском Университете (Польша). На отделении политологии и религиоведения ИГУ читал курс «Мировая политика и международные отношения».

Занимался подготовкой научно-педагогических кадров высшей квалификации – руководил аспирантами и соискателями, являлся членом диссертационных советов по присуждению ученой степени кандидата и доктора исторических наук при ИГУ и в Институте гуманитарных исследований АН Республики Саха (Якутия).

Написал десятки биографических очерков для «Исторической энциклопедии Сибири». Опубликовал свыше 270 научных публикаций – монографий, учебных пособий, статей на русском и польском языках.

Многие годы работал в Иркутском отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, руководил исторической секцией ВООПИК. Был председателем клуба друзей Польши в г. Иркутске «Висла», членом президиума Союза советских обществ дружбы, зампредела правлений Иркутского отделения общества «Россия – Польша» и Польского культурно-просветительного общества «Огниво» в Иркутске, председателем научной комиссии Конгресса поляков в России. Являлся активным членом ВСОРО и инициатором ряда важных культурных и научных мероприятий.

Имеет государственные и общественные награды России и Польши: нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», польский орден «Золотой Крест Заслуги» (высшая государственная награда, которую могут получить от польского государства иностранные подданные), медаль имени Виктора Годлевского (первый иностранный гражданин, награжденный этой медалью за исследования и популяризацию знаний о польских естествоиспытателях в Сибири); звание «Заслуженный деятель польской культуры».

Соч. Поляки в Сибири: страницы истории. – Улан-Удэ: Обществ.-науч. центр «Сибирь», 1995. – 75 с.; История поляков в Сибири (XVIII–XIX вв.): учеб. пособие. – Иркутск, 1995. – 164 с.; Бенедикт Дыбовский. – Новосибирск, 2000. – 296 с. – Соавт.: О. М. Кожова; Иркутский художественный музей и его место в истории города и региона: новый взгляд на традиционную интерпретацию темы // Иркутский художественный музей: альбом-каталог. – Иркутск, 2005. – С. 3–18; Численность ссыльных в Сибирь участников Январского польского восстания как исследовательская проблема // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. – Иркутск, 2006. – Вып. 3 (15). – С. 254–272; Источники по сибирско-польской истории до 1917 г. в региональных архивах Сибири: итоги и перспективы их научного освоения // Zesłańcy postytczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane Profesor Wiktorii Śliwowskiej. – Wyd-wo KUL.Instytut Historii PAN. – Lublin; Warszawa, 2008. – S. 337–34; Зачинатель сибирской художественной галереи В. П. Сукачев и его эпоха // Завещано потомкам: художеств. коллекция В. П. Сукачева в Иркутске. – Иркутск, 2009. – С. 8–31; Ученый и педагог, общественник и гражданин на культурном перекрестке Востока и Запада: к портрету профессора С. В. Шостаковича в 110-летие со дня его рождения // Человек на Востоке и Западе: взгляд из Сибири: материалы Междунар. научн. конф., Иркутск, 18 мая 2012 г. – Иркутск, 2012. – С. 4–28; СМИ Приангарья в начале XXI в. и тенденция ревизии исторического процесса формирования и развития польского этнического компонента региона: актуальные задачи научного анализа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 1 (10). – С. 93–106; Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.): Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. Т. 3. – М.: Изд-во МИК, 2015. – 816 с.

Лит.: Шостакович Болеслав Сергеевич // Историки-слависты СССР: биобиблиогр. словарь-справочник. – М., 1981; Шостакович Болеслав Сергеевич // Иркутский государственный университет: Ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / сост. С. И. Кузнецов. – Иркутск, 1998. – С. 68–69; Кузнецов С. И. К 60-летию Б. С. Шостаковича / С. И. Кузнецов, Е. И. Лиштованный // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2005. – Иркутск, 2005. – С. 235–237; Болеслав Сергеевич Шостакович: к 60-летию со дня рождения и 35-летию научно-педагогической деятельности / сост. В. К. Пешикова; науч. ред. и авт. предисл. С. И. Кузнецов. – Иркутск, 2005; Кузнецов С. И. Историограф польской ссылки в Сибирь: к 65-летию со дня рождения профессора Б. С. Шостаковича / С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2 (5). – С. 175–283; Кузнецов С. И. Сибирский полонист (о Б. С. Шостаковиче) / С. И. Кузнецов,

Ю. А. Петрушин // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. – 2010. – Иркутск, 2010. – С. 590–598; Шостакович Болеслав Сергеевич // *Энциклопедия – Известные ученые – Famous Scientists : сайт*. – URL: <http://www.famousscientists>; Шостакович Болеслав Сергеевич // *Иркутск: Историко-краеведческий словарь*. – Иркутск : Сибирская книга. – 2011. – С. 570–571; Шостакович Болеслав Сергеевич // *Энциклопедия-хрестоматия Иркутской области и Байкала : сайт*: http://irkipedia.ru/content/shostakovich_boleslav_sergeevich (дата обращения: 30.01.2015); Болеслав Сергеевич Шостакович : к 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности : биобиблиограф. указ. Иркутск, 2015; Шостакович Болеслав Сергеевич // *Иркутский репортер*: 21 июля 2015. – URL : <http://www.vsp.ru/nekropol/2015/07/21/555962>; Иванов А. А., Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. Сибирско-польская история Б. С. Шостаковича: К 70-летию ученого // *Иркутский историко-экономический ежегодник*: 2015. – Иркутск, 2015. – С. 630–638; Иванов А. А., Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. Профессор Б. С. Шостакович: итрихи к портрету историка // *Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Иркутск*. – Вып. 8 (20). С. 536–548; Шостакович Болеслав Сергеевич // *ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь*. Вып. 5. – Иркутск, 2016. – С. 96–100. – Соавт.: Ю. А. Зуляр.

Шостакович Сергей Владимирович

(4.07.1902 – 23.08.1981)

Профессор, кандидат юр. наук и доктор ист. наук. Род. в Иркутске. В 1919 г. окончил с золотой медалью Иркутскую гимназию. Выпускник ИГУ по китайскому разряду Дальневосточного отделения внешних сношений факультета общественных наук в 1925 г. по специальности востоковеда-китаиста. В 1926 г. – по правовому и экономическому уклонам факультета права и хозяйства ИГУ – специализацию юриста по международному и хозяйственному праву. В 1927 г. на факультете права и хозяйства ИГУ С. В. Шостакович начал свою педагогическую работу. После реорганизации университета в институты в 1931 г. – вел преподавание и занимал учебно-административные должности в институтах: советского строительства, советского права, советской торговли, финансово-экономическом, заочном юридическом. В 1937 г. перешел на работу в Иркутский государственный педагогический институт, преподавал

там ряд дисциплин всеобщей истории и возглавлял одноименную кафедру. С 1940 г. активно участвовал в восстановлении исторической специальности в Иркутском госуниверситете, преподавал историю древнего мира, стран зарубежного Востока, разделы истории нового и новейшего времени. С 1944 г. до конца 1970-х гг. заведовал кафедрой всеобщей истории. Вел исследования в области истории международного права и международных отношений, востоковедения, античности. В 1944 г. защитил кандидатскую диссертацию «Исторические корни отрицания германским фашизмом общепринятых законов и обычаев войны». В 1962 г. им защищена докторская диссертация «Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова». Занимался изучением вопросов русско-иранских отношений в XIX в., истории сопредельных с Россией стран Дальнего Востока (Монголия и Китай), проблем античной истории. Способствовал развитию в Иркутске спорта, являлся судьей республиканской категории по теннису и волейболу. Активный просветитель общества «Знание», бессменный председатель в библиотечном совете при Научной библиотеке Иркутского университета, член

Советской ассоциации международного права и Географического общества СССР. Избирался на Учредительный съезд Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в его российское руководство и был одним из первых его активистов в Иркутской области. Много лет работал в Иркутском отделении общества советско-китайской дружбы. Являлся председателем Иркутского отделения общества советско-польской дружбы с момента его возникновения. Награжден орденом Ленина, медалями и почетными знаками СССР, Монголии и Польши.

Соч.: *Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова*. – М., 1960; *Сказания о Пелопидах (К истории становления семьи в Древней Греции)*. – Иркутск, 1975.

Лит.: *Олтаржевский В. П. Сергей Владимирович Шостакович / Восток в прошлом и настоящем : Тез. докл. к регион. конференции*. – Иркутск, 1992; *Памяти Сергея Владимировича Шостаковича. Воспоминания и научные статьи. К 100-летию со дня рождения*. – Иркутск, 2002; *Кузнецов С. И., Медведев Г. И. Русско-иранские отношения XIX в. в трудах профессора С. В. Шостаковича // Вестник Иркутского государственного технического университета*. – 2012. – № 2 (61). – С. 236–239.

Щербаков Николай Николаевич

(1937–2005)

Родился 29 апреля 1937 г. в ст. Крымской Краснодарского края в семье кубанских казаков. Отец был профессиональным военным, участвовал в Великой Отечественной войне. В 1944 г. после окончания восьмилетней школы в станице Спокойной Щербаков поступил учеником слесаря на станкостроительный завод в г. Краснодаре. В 1954 г. закончил десятый класс школы рабочей молодежи и в июле этого же года был зачислен курсантом Ленинградского военно-морского училища, которое не закончил по состоянию здоровья. С апреля 1956 г. служил старшим матросом в г. Севастополе. В феврале 1958 г. попал под общее «хрущевское» сокращение, был демобилизован и уехал к месту службы отца на о. Сахалин, где в г. Углегорске работал на целлюлозно-бумажном комбинате.

Летом 1958 г. поступил в Иркутский госуниверситет на историко-филологический факультет. В 1963 г. закончил университет с отличием и был рекомендован для обучения в аспирантуре при кафедре истории СССР. В июне 1967 г. в совете при ИГУ защитил кандидатскую диссертацию «Большевики в Восточносибирской ссылке (1907–1917 гг.)», выполненную под руководством д-ра ист. наук, профессора С. В. Шостаковича, а в октябре 1987 г., в том же совете – докторскую диссертацию «Влияние ссыльных большевиков на классовую борьбу, общественно-политическую и культурную жизнь в Сибири (1907–1917 гг.)». В апреле 1988 г. была присвоена ученая степень доктора исторических наук.

Педагогическую деятельность начал в декабре 1963 г. в университете качестве преподавателя подготовительных курсов для абитуриентов. С октября 1966 г. работал старшим преподавателем кафедры истории КПСС университета, а с марта 1968 г. – доцентом этой кафедры. В 1969 г. работал доцентом кафедры истории КПСС и партийного строительства исторического факультета, а с 1970 г. был переведен на кафедру истории СССР. В 1970–1971 гг. – избирался заместителем декана исторического факультета. С февраля 1985 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой

истории КПСС естественных факультетов. В сентябре 1985 г. был избран по конкурсу на должность заведующего кафедрой. Возглавлял кафедру до апреля 2005 г.

С февраля 1989 г. – профессор, с ноября 1998 г. – заслуженный деятель науки Республики Бурятия, с июня 1999 г. – заслуженный работник высшей школы РФ, с ноября 1995 г. – академик Российской академии гуманитарных наук. Сыграл видную роль как организатор региональной исторической науки. С 1991 по 2005 гг. был председателем спецсовета по защите диссертаций по историческим наукам при ИГУ. С 1998 по 2005 г. член диссовета по историческим наукам при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

Автор около 80 научно-исследовательских статей, восьми монографий (семи – в соавторстве). Крупнейший специалист в области изучения истории политической ссылки в Сибирь XIX – начала XX в. В 1973 г. вместе с проф. С. В. Шостаковичем и проф. Ф. А. Кудрявцевым стал организатором научного издания «Ссылочные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)», преобразованного с 2000 г. в сборник «Сибирская ссылка». Более 30 лет оставался ответственным редактором сборника, проявив талант организатора и руководителя редакционного коллектива. Был научным консультантом 11 соискателей ученой степени доктора исторических наук, руководителем 27 защищенных кандидатских диссертаций. Создал иркутскую научную школу изучения сибирской политической ссылки.

Соч.: *Большевики в Восточносибирской ссылке (1907 – февраль 1917 г.).* – Иркутск : Знание, 1967. – 34 с.; *В. И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (конец XIX в. – 1917 год).* – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. – 176 с. – Соавт.: А. П. Мещерский; *Влияние ссылочных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.).* – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 244 с.

Лит.: Чернобаев А. А. *Историки России XX века : Биобиблиографический словарь: В 2 т. Т. 2 : М–Я. Щербаков Николай Николаевич.* – Саратов, 2005. – С. 565–566; Н. Н. Щербаков: *ученый и педагог / под ред. Ю. А. Петрушина.* – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2007. – 179 с.

Яровой Владимир Владимирович

(1936–2005)

Доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений, родился 22 сентября 1936 г. в г. Константиновка Донецкой обл. С 1941 г. жил в городе Черемхово, где в 1954 г. окончил среднюю школу. Работал разметчиком на заводе тяжелого машиностроения в г. Иркутске. В 1955 г. поступил на историко-филологический факультет Иркутского пединститута, позже перевелся в ИГУ, который окончил в 1960 г. Аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1961–1963 гг.). Защитил кандидатскую диссертацию «Политика США в Китае в 1913–1917 гг.» в 1970 г. в Томском университете. В 1990 г. защитил докторскую диссертацию «Происхождение англо-американской войны 1812–1815 гг.» в Институте всеобщей истории АН СССР. На историческом факультете ИГУ читал курс новой истории стран Европы и Америки и спецкурсы.

Подготовил одного кандидата наук. Был членом диссертационного совета по историческим наукам в ИГУ.

На протяжении многих лет редактировал сборники трудов кафедры всеобщей истории.

Был членом ученого совета Иркутского государственного университета, членом совета и руководил учебно-методической комиссией исторического факультета. Мастер спорта СССР по конькобежному спорту.

Умер 20 апреля 2005 г. в Иркутске.

Соч.: *К вопросу об американо-японских отношениях в 1916 г.* // Тр. ИГУ. – 1968. – Т. 55. – Сер. История. – Вып. 1. – С. 234–258; *Политика США в Китае в годы Первой мировой войны // Основные проблемы истории США в американской историографии 1861–1918 гг.* – М., 1974; *Борьба за республику в Китае и политика США (июль 1915–1916 гг.) // Вопросы истории международных отношений и колониальной политики.* – Иркутск, 1974; *Американская политика эмбарго в начале XIX века : учеб. пособие.* – Иркутск, 1980; *Англо-американское соперничество в сфере торгового мореплавания в 1803–1807 гг. // Экспансионистская политика США в первой половине XIX века.* – Иркутск, 1981; *Англо-американские отношения в канун войны 1812–1815 гг. // Американский ежегодник.* – М., 1982; *Происхождение англо-американской войны 1812–1815 гг.* – Иркутск, 1987; *Англо-американская война 1812–1815 гг.: Причины, характер, этапы : учеб. пособие.* – Иркутск, 1993.

Лит.: Профессор Яровой Владимир Владимирович. *К 60-летию со дня рождения.* – Иркутск, 1996. – 7 с.; Кальянова Т. П. *Слово об учителе // История и историки; Яровой Владимир Владимирович. Некролог // Восточно-Сибирская правда.* – 2005. – 26 апреля.

Историки о себе и не только

Исторический факультет

*Иркутского государственного университета
в воспоминаниях преподавателей и выпускников*

Составитель: В. П. Шахеров

Корректор: М.В. Ильина

Верстка: И.В. Кравцов

Издательство «Оттиск».

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 1.11.2018 г.

Формат 72x104 1/16.

Отпечатано в типографии «Оттиск»

Гарнитура Тип Таймс.

Печать офсетная. Бумага мелованная.

Усл. печ. л. 25,85. Уч.-изд. л. 24,20.

Тираж 500 экз. Заказ № 0069.

664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.

Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru

www.ottisk-irk.ru